Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

1921 (no. 2)

ПЕЧАТЬ
Pechat' i Revoliutsiia
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

КНИГА ВТОРАЯ
АВГУСТ-ОКТЯБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1921

Редакция книги закончена 15 сентября.

Гиз. № 2376. (Р. В. Ц. Москва). Напеч. 10.000 экз.

1-я Образцовая типография М. С. Н. Х. Пятницкая, 71.

Александр Блок
(1880 — 1921).

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

АЛЕКСАНДР БЛОК и РЕВОЛЮЦИЯ.

ПАМЯТИ ПОЭТА.

П. С. Коган.

I.

Давно сказано, что революция есть искусство. Истинный поэт не может не чувствовать своего родства с ней. И поэт-романтик больше других.

Душа романтического поэта всегда томится от великой потребности выйти за пределы своего земного существования, расшириться до слияния с космосом. Чем радикальнее революция, чем более необъятен ее захват, тем больше говорит она сердцу романтического поэта. И русская революция, и Блок как-то причудливо встретились в безграничной отваге, она действия, он мечты, в неудержимом стремлении к вселенской гармонии, столь созвучной романтическому универсализму. Он видел в ней грозовой вихрь, снежный буран, он любил ее за то, что она «всегда несет новое и неожиданное» и что «гул ее всегда о великом». Он гордился тем, что продолжал традицию наших величайших художников, неизменных печальников угнетенного человечества. Ведь и они знали, что «только о прекрасном стоит думать». Для них, как и для народа, их вспоившего, движущим стимулом было: все или ничего. Он писал: «Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни, все или ничего; ждать нежданного, верить не в «то, чего нет на свете», а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет».

Неудивительно, что его влекли к революции как раз те ее признаки, которые отталкивают от нее мещанский ум: невероятная, фантастическая безграничность ее замыслов, беспредельность ее притязаний, заманчивая, кажущаяся неосуществимость ее целей.

Русская революция иногда шла на уступки, но он не мирился ни на каких компромиссах. Он был радикальнее ее. И даже в самые грозные дни, когда она иной раз содрогалась перед гекатомбами жертв,

вздымающимися на пути к великой цели, он не боялся потоков крови и разрушаемых ценностей. Он принял революцию целиком, без оговорок и звал других принять все и жертвы, и ужасы во имя очищающей силы ее пламени. «Мало мы любим, если трусим за любимое. Совершенная любовь изгоняет страх. Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Беречь их для народа надо, но, потеряв их, народ не все потеряет. Дворец разрушаемый—не дворец. Кремль, стираемый с лица земли, —не кремль. Царь, сам свалившийся с престола, —не царь. Кремли у нас в сердце, цари в голове. Вечные формы, нам открывшиеся, отнимаются только вместе с сердцем и с головой».

Он знал, что революция не идиллия, что творчество не может не быть разрушительным на своем пути. Если поэта-романтика принято упрекать в равнодушии к скорбной драме нашего временного бытия, к страданиям повседневности, если он повинен в том, что холодно и жестоко взирает на преходящее перед лицом манящей вечности, то революция—великий романтик. Она так же холодна и жестока к частному, она так же стихийно несется к целому и далекому. Беспредельный восторг мира дан певучему сердцу поэта, шумный океан зовет его в роковой и бесцельный путь, и не может не слышать он в своей душе тех звуков, от которых содрогается сейчас воздух всего мира.

И про революцию можно сказать, как сказал он о себе:

Душа молчит. В холодном небе
Все те же звезды ей горят.
Кругом о злате и о хлебе
Народы шумные кричат.
Она молчит,—и внемлет крикам
И зрит далекие миры.

II.

В этом благоговейном, почти религиозном провидении конечных целей революции таится ключ к разгадке таинственного смысла его волнующей поэмы «Двенадцать». Только поэты, умеющие видеть первое сияние грядущей красоты в отталкивающих картинах современности, пользовались образом Христа, как символом ведущей нас правды. Некогда другому поэту виделась его благословляющая рука над нищими селениями и скудной природой России. И впервые Блок, поэт города, увидал его с кровавым флагом впереди двенадцати красногвардейцев, которых мещанский суд клеймит именем «ярыг» и убийц. Они разрушители золотых иконостасов, святотатцы и грабители, они возведены поэтом в сан апостолов, потому что бессознательно для себя идут за тем, с чьим именем вековая традиция угнетенного человечества связала свою заветную мечту о вечной правде. Они идут «державным шагом», позади них остался старый мир, «голодный пес», а

Впереди—с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим

Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз—
Впереди—Исус Христос.

Романтический универсализм—не единственное, в чем явлено сходство двух сущностей Блока и революции. Их роднила и великая неудовлетворенность, которая породила бури и на земле русской, и в душе поэта. Здесь бушевала ненависть миллионов крестьян и рабочих, озлобленных угнетателями и эксплоататорами. Там возмущалась душа аристократа-художника, оскорбленная презрением к человеческой личности, судорожно бьющаяся в болотной грязи затопляющего мир позолоченное мещанство. Ненависть к буржуазии—чувство, свойственное ему не меньше, чем революции. Он презирал ее «порядок», ее «гражданский долг», заключавшийся в обереганни «добра и шкуры», ее отвратительную мораль и повседневный быт. «У буржуа почва под ногами определенная, как у свиньи навоз: семья, капитал, служебное положение, орден, чин, бог на иконе, царь на троне. Вытащи это—и все полетит вверх тормашками».

Революция «вытащила». Когда говорят о поэте и революции, запомним, что в революции есть две стороны. Ею движет не только план и расчет, не только разум. В ней есть душа. Это—все, что от стихии, от интуиции, вдохновения, от исконной жажды свободного бытия, томящей человека. Независимо от реальных задач, поставленных революцией, в ее раскатах все закованное в цепи повседневности слышит ликующую музыку своей собственной души, несущейся к простору и радости бытия.

Именно душу революции любил Блок, а не расчет и не разум ее. Ему чудилось, что поток, ушедший в землю в темные годы революции, «протекавшей бесшумно в глубине и тьме, опять шумит и в шуме его новая музыка. Мы любили эти диссонансы, эти ревы, эти звоны, эти неожиданные переходы в оркестре... Мы должны слышать и любить те же звуки теперь, когда они вылетают из мирового оркестра и, слушая, понимать, что это о том же, все о том же». Он считал себя законным преемником художников русских в этой ненависти к расчету; они, как и народная душа, их вспоившая, никогда не отличались расчетливостью, умеренностью, аккуратностью.

III.

Революции—поэмы на историческом пути человечества, ликующие праздники и скорбные тризны. Эволюция—будни и проза.

Революция вступила во вторую стадию развития. Разрушительная стихия уступает место инстинктам архитектоническим. И разум, расчет восходит на последние вершины, а душа революции уходит в свои глубинные источники и скрывается там. Тяжело становится романтическому поэту с его беспредельным порывом. Не в обывательских жалобах, не в ущемлении мещанского комфорта, не в муках материальных лишений, как думают иные привычные плакальщики, таятся причины «разрыва»

Блока с революцией. Да и был ли в действительности этот «разрыв»? Он отверг разум революции, но никогда не изменял подлинной душе ее. И не была ли его вражда к ней—любовью поэта? Он отвернулся от внешнего облика созревшего образа, но чутко, болезненно прислушивался к усмиренной стихии, еще бушевавшей где-то в сокрытых глубинах. «Не дело художника смотреть за тем, как исполняется задуманное, печься о том, исполнится ли оно или нет. Дело художника, обязанность художника—видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит разорванный ветром воздух». Революция—это, когда «переделывается все». «Меньшее, более умеренное, более низменное—мятеж, бунт, переворот—но это не революция».

И вот наступило это умеренное.

Революции не уйти от судьбы своей, не избежать рокового для поэта перехода от поэзии к прозе. Когда революция начинает строить, она вынуждена подбирать осколки разбитых ею цепей старого мира и связать их, потому что своих орудий насилия она не имеет и не изобретает, ибо кует только дело свободы. Уничтожив эволюционные методы, она сама становится эволюционной. Ее идея крепнет, ее царство ширится, но они теряют свой феерический свет. Пафос души ее становится иным. Мученики против воли своей стали господами, разрушители—государственными людьми. Их горение становится медленным и ровным, вдохновение—урегулированным, энтузиазм—скрытым. Новый героизм самоограничения труднее и ценнее для дела революции. Но поэт-романтик не разглядел его. Он принял потоки крови и голод во имя универсального романтического идеала, но не мог принять практики и делечества, не мог оценить высоты этого добровольного погружения в «заботы суетного света». Разрушение—средство. Строительство—цель. А строительство нового мира приходится начинать с тем кирпичом и цементом, которые остались от прошлого. Вечная драма революции—при помощи власти созидать безвластие, посредством насилия—свободу, путем войны—братство.

Черной и скучной работы не принял поэт, вдохновленный мечтой о гармонии, отвернувшийся от тернистых путей, к ней ведущих. Его нетерпеливое воображение витало «на бездонных глубинах духа, где человек перестает быть человеком, на глубинах, недоступных для государства и общества, созданных цивилизацией»,—там, где «катятся звуковые волны эфира, объемлющие вселенную», где «идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы, ветры, морские течения, растительный и животный мир». Три дела считал он делами поэта: освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; привести эти звуки в гармонию, дать им форму и внести эту гармонию во внешний мир. И чудилось ему, что на этом третьем деле врагом стала перед ним революция, что не выдержала она «испытания сердец гармонией». Увидал в ее новой фазе ненавистный ему «порядок внешнего мира», несовместный с делом поэта. И чудилось ему, что как некогда на Пушкина обрушилась чернь, так покусилась революция на «покой и волю» поэта, не на внешний покой и не на ребяческую волю, не на сво-

боду либеральничать, а на творческую волю, на ту «тайную свободу», о которой говорил Пушкин.

Это трагическое недоразумение не должно скрыть от нас, что и в самой революции он отверг то, что было в ней нереволюционного. Когда братский порыв становится законом, религиозное устремление— обрядом, умирает красота динамики, остаются застывшие формы, статика. Он ошибся. Не пришел еще даже краткий момент становления для русской революции. Ее «передышки» еще не убили героического пафоса. В ее буднях, в ее самоограничении нет уныния и жажды мещанского покоя. В последней статье его «О назначении поэта», безнадежной усталостью звучат эти слова: «Поэт умирает потому, что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл». Он умер революционером, и умер не потому, что разлюбил революцию, а потому, что слишком сильно любил ее.

ИЗ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

I. „БЕЗ ДОРОГИ“ — Н. Мещерякова. II. „ИСКАТЕЛИ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ“ — Вяч. Полонского. III. „СТАРЧЕСКОЕ СЛАБОУМИЕ“ — А. Воронского.

I. БЕЗ ДОРОГИ [1]).

«Я люблю все сладкое и ненавижу все жестокое».

(Л. Андреев, «Проклятие зверя»).

Sie glauben zu schieben und werden geschoben.

В. Б. Станкевич, бывший во времена Керенского членом петербургского исполкома и комиссаром на фронте, играл в первый период революции довольно крупную роль. Ему пришлось быть свидетелем и участником февральской революции; он несколько раз бывал на разных фронтах и там мог наблюдать настроение солдатской массы. Видел Корнилова, пытался бороться с октябрьской революцией. Поэтому «Воспоминания» Станкевича будут, конечно, иметь свою ценность для истории революции, когда придет время писать эту историю. Книга В. Б. Станкевича при этом будет важна и интересна не только как собрание некоторых материалов, картин, фактов и т. п. В этом отношении «Воспоминания» дают не много. Значение их для историка будет состоять, главным образом, в том, что они дают интересную картину душевных переживаний типичного интеллигента в эпоху пролетарской революции, картину пережива-

[1]) (В. Б. Станкевич. „Воспоминания“. 1914—1919 г.г. Берлин 1920. Издательство И. П. Ладыжникова. 356 стр.).

ний искреннего, честного, чистого душой человека, который, начав с обожания революции, на манер наивной институтки, дошел до того, что в компании с самыми доподлинными белогвардейцами пытался душить эту революцию на манер того студента-героя рассказа Л. Андреева «Бездна», который вместе с шайкой хулиганов насилует девушку, которой он незадолго перед этим горячо и нежно объяснялся в любви.

Для нас—участников и работников пролетарской революции—время истории еще не пришло. Но психология интеллигента для нас очень интересна. Нам нужно хорошо ее знать, ибо с этими интеллигентами нам постоянно приходится иметь дело в нашей борьбе, в нашей работе. Поэтому, оставляя в стороне всю историческую часть книги, мы остановимся на ней только постольку, поскольку она дает материал для выяснения психологии современного интеллигента. Ограниченные тесными рамками небольшой статьи, мы используем для этого, конечно, не весь материал, который дают «Воспоминания», а только небольшую часть его.

Русская интеллигенция не любила самодержавие. До революции 1905 г. она даже ненавидела его и геройски, не жалея жертв, боролась с ним. В этой борьбе она сближалась с пролетариатом. Интеллигенция воспринимала при этом некоторые черты социалистического миросозерцания. Слово социализм она писала на своем знамени. Но в громадном большинстве случаев она воспринимала социализм чисто по-интеллигентски. Она мечтала о социализме, как о чем-то очень далеком и в своей дали красивом, ослепительном белом, чистом, как издали девственно чистыми кажутся снеговые альпийские вершины. Путь к этому социализму представлялся ей медленным, приятным восхождением в гору, тем более легким, приятным и безболезненным, что проводником при этом выступит она—мудрая, гуманная интеллигенция, которая сумеет стереть все крайности и шероховатости, сумеет примирить и буржуазный либерализм и пролетарский социализм.

«Мне казалось, — пишет В. Б. Станкевич, — что новое общество создается совсем иными путями, чем предвидели основоположники социалистической догмы, что каждый день приносит колоссальные завоевания социалистической солидарности, что классовая борьба значительно смягчается, что мелкими изменениями и повседневной будничной работой создается новый строй, более волшебный и чудесный, чем строй, о котором говорили Фурье и Бебель. Мне казалось, что самое противоположение социализма и либерализма в значительной степени потеряло свой смысл. И во всяком случае в России, где политические условия нуждались еще в самых примитивных усовершенствованиях, не стоило спорить из-за таких вопросов, которые практически могли стать на очередь еще в очень далеком будущем (9—10).

Так, русская интеллигенция «в надежде славы и добра вперед глядела без боязни». Из своей Маниловки она не видела, не хотела видеть обострения классовых противоречий, усиления милитаризма, роста

финансового капитала, готовящегося превратить весь мир в арену своего насилия.

Наступила весна 1914 года. «Тень войны надвинулась на всю Европу. Мы,—пишет В. Б. Станкевич,—в нашем журнале «Современник» отписались от этого моей статьей, где я вышучивал милитаризм и утверждал, что интересы народов настолько переплелись между собой, что война стала физическим самоубийством для всякой нации. Я высказывал надежду, что новые международные отношения сложатся под знаком братской солидарности народов, а не звериных выкриков шовинистов и милитаристов» (10). Весной 1914 г., «когда тень войны уже надвинулась на всю Европу», русская прекраснодушная интеллигенция еще искренне думала, что она, сильная своими знаниями, своей гуманностью, глубоко ненавидящая все жестокое, сумеет отвратить мир от жестокого пути насилия и направить его по сладкому пути маниловских мечтаний.

Но события неумолимо развивались в сторону войны, и интеллигенция, которая мечтала руководить ими, теперь жалко плелась в хвосте их, превращаясь в подголоска воинствующего империализма. Вот, например, одна сценка, описанная Станкевичем:

«Помню весной, в момент военной шумихи, я был на заседании у лидера одной из оппозиционных партий Думы. Присутствовало много парламентариев с председателем одной из важнейших постоянных комиссий. За ужином и после ужина в непринужденной беседе мы обменивались впечатлениями на злобу дня, и председатель комиссии заявил, что действительно пахнет войной, но для России война не страшна, так как армия уже приведена в порядок, финансы в блестящем положении, всегда имеется большой запас свободной наличности, а на последних маневрах неопровержимо сказалось, что французские пушки Крезо во всех отношениях превосходят немецкие пушки Круппа».

Эти «оптимистические цифры и факты невольно будили—откровенно признается далее Станкевич—какие-то гордые ощущения силы коллектива, невольно рождали мысль: а что, если эту силу опустить на голову зазнавшемуся пруссачеству?» (11). Так империалистическая буржуазия ловко превращала мирного интеллигента в «истерического шовиниста». «Немцы,—писал в то время в одной из своих статей Станкевич,—воинственная нация, использовавшая все завоевания науки для военных целей, напала на мирные народы, не умеющие воевать. Для того, чтобы предотвратить искажение всего культурного развития, необходимо и мирным народам научиться воевать» (14). Когда Станкевич писал эти строки, он, очевидно, забыл, что французские пушки Крезо казались им более совершенными, чем немецкие пушки Круппа, что Россия казалась им вполне готовой к войне и им хотелось «опустить эту силу на голову пруссачества».

С такой безнадежной путаницей в голове и в настроениях, русская интеллигенция вступила в войну. Немудрено, что над столом Станкевича в то время висели портреты: Асквита и Ллойд-Джорджа... Правда, висел и портрет Бебеля (16). Немудрено, что член редакции

журнала «Современник», имевшего социалистическую окраску, г. Станкевич думал, что мы должны, скрепя зубы, поддерживать свое правительство, царское правительство! (16)

Мы потому так сравнительно подробно остановились на этом периоде, что он типичен для всей русской интеллигенции. Вполне справедливо говорит г. Станкевич: «Мне кажется, что мой ход мысли и отношение к войне не представляли чего-либо принципиально отличного от хода мыслей большинства русского общества, во всяком случае—левой части его» (17—18). Г. Станкевич смело и откровенно приводит различные мотивы, которые склоняли интеллигентов к войне, не останавливаясь даже перед такими мотивами, которые приводили некоторые интеллигенты:

«Тогда (после удачной войны) откроются самые широчайшие перспективы для службы на разных поприщах; подумать, например, только о взятии Константинополя. И среди представлений о самой войне, о боях, переходах, преследованиях и пр. не малую роль играло представление о возможности легкой наживы, чему не мало в конце концов способствовали как рассказы о поведении наших войск в Восточной Пруссии, так и непрекращающиеся сведения о поведении войск противника в оккупированных областях России и Франции» (22).

С такими настроениями вступила интеллигенция в войну. Перейдем теперь к истории ее шатаний в эпоху революции.

С начала войны г. Станкевич решил, «скрепя зубы, поддерживать правительство» и добросовестно его поддерживал, уклоняясь от всякой политики. Когда Суханов показал ему однажды кинтальские резолюции, то Станкевич «возвратил их с ироническими замечаниями относительно интернационалистических чудаков» (63).

Ну, а как же относились другие интеллигенты и «люди из общества» к приближающейся революции? На это Станкевич отвечает следующим образом:

«К возможностям народного выступления все относились определенно отрицательно, боясь, что раз вызванное народное массовое движение может попасть в крайне левое русло, и это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны. Даже вопрос о переходе к конституционному режиму вызывал серьезные опасения и убеждение, что новой власти нельзя будет обойтись без суровых мер для поддержания порядка и недопущения пораженческой пропаганды» (65).

В буржуазных кругах долго и старательно культивировали легенду, что февральская революция была произведена под руководством Думы. Но «Воспоминания» Станкевича решительно опровергают эту легенду.

Лишь 26 февраля вечером Станкевич узнал, что в городе происходят «какие-то демонстрации». 27-го он пытался связаться с Государственной Думой по телефону, но не получил ниоткуда ответа. Вечером отправился в Таврический дворец. Там нашел только Керенского и Чхеидзе. «Оба они были в волнении». Станкевич спросил кого-то из окру-

жающих, где остальные члены Думы. Ответили, что разбежались, так как почувствовали, что дело плохо. Станкевич говорит, что это была ошибка, так как, например, Родзянко был в то время в штабе и говорил по проводу с фронтами. Но, во-первых, это делал один Родзянко, а где же были все другие? Кроме того, из штаба вести переговоры с фронтом не значит руководить революцией. По словам Станкевича, «дело было не плохо, но только оно не сосредоточивалось в Таврическом дворце, который только сам себя считал руководителем восстания. На самом же деле восстание совершалось стихийно, на улицах» (68).

Но революция победила. Буржуазная интеллигенция поспешила признать ее и объявила «своей революцией». Официально торжествовали, славословили революцию, кричали «ура» борцам за свободу, украшали себя красными бантами и ходили под красными знаменами... Все говорили «мы», «наша» революция, «наша» победа и «наша» свобода. Но в душе, в разговорах наедине—ужасались, содрогались, чувствовали себя плененными враждебной стихией, идущей каким-то неведомым путем... Никогда не забудется фигура Родзянко, этого грузного барина и знатной персоны, когда, сохраняя величавое достоинство, но с застывшим на бледном лице выражением глубокого страдания и отчаяния, он проходил через ряды распоясанных солдат по коридорам Таврического дворца... То же выражение было на лицах всех членов Временного Комитета Думы и тех кругов, которые стояли около них. Говорят, представители прогрессивного блока плакали по домам в истерике от бессильного отчаяния»... (71)

То же суровое осуждение и роли офицерства во время революции. «После факта победы оно присоединилось к подвигу. Но искренно ли и надолго ли? Ведь в первые минуты оно растерялось, попряталось, переодевалось»... (72)

Страх перед революцией, а не перед контр-революцией, стремление взять революционную стихию в свои руки, чтобы направить ее по желательному для себя руслу буржуазной революции, война «до победного конца»—вот, что характеризует настроение интеллигентских вождей во время начала революции. Для достижения этой цели были хороши и дозволены все средства: цензура, аресты большевиков, карательные экспедиции. Вот, например, характеристика известного меньшевика Войтинского:

«К опасности справа относится он, как к детским бредням. Но с тревогой посматривал налево, особенно в тылу, и в последние дни своего комиссарства носился с идеей какой-то карательной экспедиции с фронта в тыл. Ни разу ни одна мера, ни одно слово не были направлены против командного состава, но не один десяток большевиков был арестован по его почину и при его участии» (174—175). А вот какой-то поэт А. Х. «Он вдруг превратился в цензора, храбро вооружился красным карандашом и с гневными выкриками, «Что эти м... м... пишут?» отмечал наиболее резкие выпады большевиков и писал доклады о закрытии тех или иных газет» (176).

Но пролетарская революция надвигалась быстро, верно, стихийно, неумолимо. Буржуазная интеллигенция мечется в поисках защиты от нее. Войтинский замышлял карательную экспедицию с фронта в тыл. А Станкевичу казалось необходимым поставить на очередь создание специальных надежных *отрядов из социально высших классов*. «Мне казалось, необходимо было создать возможно более военных училищ, так как под этим видом легче всего было осуществить меру. Я представлял себе, что в каждом значительном городе или около каждой значительной станции должна быть одна школа прапорщиков, которая должна была служить опорой порядка» (257).

Другими словами, замышлялось образование самой настоящей белой гвардии из буржуазии, помещиков и интеллигенции для борьбы с народом, с развивающейся революцией.

Начинается октябрьская революция. Как и вся интеллигенция, Станкевич на стороне Временного Правительства. С пафосом он рисует вождей буржуазии: «Кишкин и Коновалов памятны своим подъемом и непрерывным благородным жестом». Глаза Малянтовича «скорбно сияют». Станкевич пытается принять участие в борьбе против революции, едет к Керенскому и т. д. Только окончательная победа революции делает для него «ясным, что путь демократизма, большинства голосов, формально выраженной воли нации лежит крайне близко около большевиков. Это уж не десятая часть нации, как было в начале революции, а самая многочисленная и влиятельная в массах партия. Было явной нелепостью бороться против нее вооруженным путем» (291).

И тем не менее, хотя, очевидно, не веря в победу, Станкевич сближается в Киеве с группой «радикальных офицеров, опиравшейся на политическую поддержку левых организаций». Замышлялось свержение Скоропадского и передача власти кругам, группирующимся около Союза возрождения России, который должен был бороться с большевизмом в России. Но фактически деятельность этой группы свелась к тому, что она решила отправить послов в Яссы, где находились дипломатические представители союзников. Мякотиным была составлена убедительная докладная записка о положении дел на Украйне, о необходимости на первое время после ухода немцев защитить Украйну перед организованными силами большевизма (326). Другими словами, это была просьба об интервенции. «Делегация в составе Титова, Бунакова и других отправилась к союзникам, а оставшиеся в Киеве уже не знали, что делать: ниспровергать Скоропадского или защищать его» (326).

Станкевич едет в Москву. Здесь он в среде интеллигенции находит, с одной стороны, только нелепые слухи о неизбежном близком падении Советской власти. «И все это на фоне бессильной, фанатической ненависти к большевикам» (344).

«А в более левых кругах не было даже этой определенности настроения: ни с большевиками, ни против большевиков... Ни с Антантой, ни против нее... Ни с Деникиным, ни против Деникина... Ни участвовать в гражданской войне, ни возражать против нее... Полная пассивность,

даже без выжидания, без надежды: психология безысходно заблудившегося человека, которому все тропинки знакомы, так как все приводят неизменно в глубь той же самой безысходной чащи» (344—345).

И новые мысли приходят в голову этого противника большевиков, который так любил сладкие маниловские мечты о слиянии социализма с либерализмом, который так ненавидел все жестокое, который так мечтал руководить народом в его великой революционной борьбе.

По дороге из Москвы в Петербург Станкевич размышляет: «Это верно, что большевики теперь все разрушают. Но ведь начали разрушение или, во всяком случае, приняли его прежде мы сами.

«Большевики убивают? Ну, а мы разве не убивали? Ведь сколько восторгались мы перед казаком Крючковым, заколовшим лихо нескольких австрийцев?.. Разве мы не произносили слова ненависти, разрушения и смерти?..

«Выбора не дано: смертная казнь тому, кто не хочет сражаться «за землю и волю», — так, кажется, говорили мы. И гнали людей убивать и даже заставляли их при этом улыбаться. Вот они и сражаются теперь по-своему за землю и волю с тем противником, который более понятен и ненавистен и близок им...

«Мы защищались... Но и наш противник защищался тоже, и исторически казалось, что ему угрожала большая опасность. Но ведь и большевики тоже защищаются. И террор и массовые казни появились лишь после того, как мы им объявили войну.

«Большевики разогнали Учредительное Собрание. Но старое правительство разогнало первую Думу, и мы все же не пошли на вооруженную борьбу с ним. А Учредительное Собрание мы сами «доразогнали» если не физически, то морально.

«Большевики «предали» нацию в Бресте. Но не оправдает ли их история? Выяснено ли уже с достоверностью, кто больше разбил немцев: танки западных союзников или впечатление большевизма на солдатские массы противника?

«Культура, нация, право... Но тут в ярких словах и лозунгах мы должны дать дорогу большевикам: тут за ними нам заведомо не угнаться. Первые слова всегда останутся за ними» (348).

Но ошибается тот, кто подумает, что, размышляя так, Станкевич переходит в лагерь большевизма. Для колеблющегося, развинченного интеллигента этот процесс страшно труден. «Слабость, усталость и больше ничего»,—говорит Станкевич по поводу только что приведенных рассуждений.

Но веры в старое, в свои силы, в способность интеллигенции прокладывать для народа пути в великой революционной борьбе у нашего интеллигента уже нет. «Слабость, усталость» стали его постоянным состоянием. Постоянные колебания, полное незнание, к какому лагерю примкнуть.

«Куда же мне пойти?—спрашивает Станкевич в конце книги.— К Деникину, представителю военно-национальной идеи, с которым

ила работа в течение всей войны и вместе с большинством моих друзей бороться с большевиками за то, что они исказили идеи революции? Или к литовцам, так как я по происхождению литовец, и вместе с друзьями детства отстаивать независимость Литвы? Или пойти к украинцам, на чьей гостеприимной территории я находился, и которые тоже бились с большевиками? Или к донцам, по знакомству с Красновым, который примет прежнего комиссара гостеприимнее, чем непреклонный Деникин? Или к грузинам, которые отстаивают близкие мне идеи самоопределения народов, и где работают бывшие соратники—Церетели и Войтинский? Или к Колчаку и Дидерихсу, торжественно продвигающимся к Волге? Или к их противникам в Сибири, которые не могут ему простить разгон Директории, изгнание из России моих друзей? Или к полякам, ведь мой родной язык польский? Или в Одессу, где были французы, военным гением которых я всегда восхищался? Или в Архангельск, к англичанам, первенство культуры которых я всегда признавал и гегемонию в мире всегда предчувствовал и ожидал? Или к немцам: ведь я в начале войны собирался защищать их, если война закончится разгромом не их милитаристического правительства, а самого народа? Или, наконец, к большевикам: ведь они остатки русской свободы и революции, у них мне был бы предоставлен наибольший простор, и даже в военной среде я нашел бы людей, к которым отношусь с полным уважением» (351—352).

В начале войны Станкевич повесил над своим столом портрет, с одной стороны, вождей английского империализма Ллойд-Джорджа и Асквита и, с другой стороны, вождя германского революционного социализма—Бебеля. А после шести лет войны, после трех лет революции, в которой он пытался играть одну из руководящих ролей, он не знает, куда ему пойти: к немцам или к французам, к Деникину или к большевикам. *Это ли не полное банкротство не лично Станкевича, конечно, а Станкевича, как общественного типа, т.-е. всей русской интеллигенции?* Эти интеллигенты считали себя все время солью земли, рычагом прогресса, двигателями революции, а на деле оказались игрушкой, орудием могучих сил классовой борьбы и—что хуже всего—игрушкой контрреволюционных сил...

Sie glauben zu schieben und werden geschoben.

Станкевич чувствует ту жалкую роль, которую ему и его товарищам пришлось играть во время затеянной империалистами мировой войны и во время Великой Российской революции. «Пять лет,—пишет он в конце своей книги,—прошли в напряженной разнообразной работе, при чем я добросовестно отдавал все свои силы государству. И теперь, выбравшись из-под развалин этого государства, я спрашиваю себя: что было сделано мной за это время действительно полезного? И, к моему изумлению, несмотря на искреннее старание, я не припоминаю ничего. Говорят, правда, что крестьяне деревни Веретья устроили баню в одном из убежищ, построенном мною на склонах горы. Но ведь я знаю, что из этого же материала и теми же силами можно было построить несколь-

ко бань и при том более удобных. Между тем больше ничего припомнить не могу. Остальные дни и месяцы напряженной работы энергия моих мозговых клеток, средства и силы, бывшие в моем распоряжении, превратились в уродливые, уже, конечно, развалившиеся окопы, в разрытые и испорченные поля, в бесполезно зарытый лес... Потом в груды бумаги, воззваний, в проповедь вражды и убийства на фронте»... (354)

За пять лет ничего, кроме одной бани, которую все-таки построили не сам Станкевич и его единомышленники, а крестьяне. И это в эпоху величайшей революции, величайшей перестройки всей жизни, всех общественных отношений! Трудно представить более полное банкротство.

Банкротство во всем. Все силы своей души отдали Станкевичи на проповедь войны против Германии «до победного конца». Они боролись против Брестского мира, видя в нем «предательство большевиков». А теперь ему кажется, что «русский конец войны вполне лучше мира, заключенного союзниками» (355). Теперь он думает, что «русский нелепый и безобразный мир даже выгоднее, чем Версальский». Он думает, что толпы русских солдат «бессознательно шли по исторически правильному пути, ибо они действительно хотели закончить войну. И, если они не сделают этого, то только потому, что мы, интеллигенция, не хотим или не умеем помочь им»... (356)

Этими словами Станкевич заканчивает свою исповедь честного человека, искренне признающегося в своей слабости, в своих ошибках и в своем полном банкротстве.

II. ИСКАТЕЛИ „ОБЪЕКТИВНОЙ“ ИСТИНЫ [1]).

I.

Мы стоим у истока реки, которая обещает быть многоводной,—реки воспоминаний. Бывшие генералы, оставшиеся без армий; бывшие депутаты, волею народа лишенные полномочий; бывшие профессора, покинувшие свои кафедры, бывшие редакторы умерших газет, и, наконец, литературные и нелитературные дамы,—все они спешат излить на бумагу повести своих надежд и разочарований. Уже в настоящее время мемуарная литература о Великой Русской революции может быть исчислена десятками книг и брошюр.

---

[1]) «Архив русской революции», издаваемый И. В. Гессеном, том I, Берлин. Содержание: Задачи Архива — Временное Правительство — Влад. Набокова. На внутреннем фронте— П. Краснова.—От Москвы до Берлина в 1920 г.— Р. Донского.—Петроград—Вятка в 1919—1920 г.г.—С. Воронова.—Предсказание русской революции—Н. Неклюдова.—Документы и письма.—Основы конституции российского государства—К. Крамаржа.—Доклад начальнику операционного отделения германского восточного фронта о положении дел на Украйне в марте 1918 г.—Образование северо-зап. правительства.—Из частной переписки.—Последние дни Л. Андреева.—Описание польского отступления в августе 1920 г.

К числу изданий, которым нельзя отказать в интересе, принадлежит лежащая перед нами толстая книга «Архив русской революции», издаваемый И. В. Гессеном. Как и следовало ожидать, приступая к изданию «Архива», издатель сознает всю важность возлагаемой им на себя исторической миссии. Ведь он еще не расстался с мыслью спасти Россию. Если этого ему сделать еще не удалось с помощью пушек Антанты, быть может, удастся совершить с помощью воинственных и невоинственных перьев лишних людей современности. Большой веры в удачу у него, по всей видимости, нет. Это заметно по предисловию, подернутому густым налетом грусти. Его опечаленным глазам русская действительность представляется «закружившейся в каком-то бесовском хаосе» (ну, конечно, «бесовском»!), и этот хаос, разумеется, тяжело «удручает» его и «колеблет веру в будущее России».

Но предисловие написано в 1921 году, когда под безжалостным дыханием истории смирилась высокопарная ненависть к пролетарской революции, т.-е. ненависть осталась, и партийная предвзятость продолжает оставаться на своем месте, но старые, добрые традиции «объективности» заставляют редактора «совершенно исключать» из своего издания «всякую предвзятость и партийность». Исчерпывающая цель издания,—говорит он,—«дать правдивую картину, содействовать выяснению исторической истины». В этом видит он свой «высокий долг»; к исполнению его обещает приложить «все усилия», ибо для него сделалась ясной истина, что «нет, пожалуй, более вредного и праздного занятия, чем искать теперь правых и виноватых. Никакой натяжки нет в том, если сказать, что виноватых нет, или, еще вернее, что мы все виноваты и вина еще более увеличится, если мы станем искать, на кого нам свою вину переложить».

Таково вступление, предпосылаемое редактором своему «Архиву». Взглянем теперь, как ищут «объективную» истину наши невольные историки, что говорят они о «великом перевороте» и, между прочим, о самих себе.

II.

Рассказывать мы будем по порядку. Перейдем поэтому к воспоминаниям известного В. Д. Набокова, открывающим «Архив».

Скажем прямо: менее удачных мемуаров, с точки зрения провозглашенной в предисловии «объективной истины», редактор для «Архива» не мог найти. Для В. Д. Набокова уже за год до того момента, когда взялся он за перо (писаны воспоминания в апреле 1918 г.), было совершенно ясно, что 20—22 апреля 1917 г., после торжества революции в Петербурге, открылось «уродливо-свирепое лицо анархии», и весь дальнейший ход революции—по его высоко-объективному мнению—был лишь «разложением» бескровной революции, в котором первенствующую роль играли «партийная интрига и демагогические вожделения», «предательский политический расчет», приведшее в конце концов Россию к «падению и позору».

Нас, впрочем, мало интересует бо̀льшая или меньшая степень «объективности», до которой может подняться озлобленный аристократ, изгнанный революционным народом. Приводим это лишь для того, чтобы показать, что на объективности «Архива русской революции», издаваемом И. В. Гессеном, бывшим редактором газеты «Речь» и сподвижником развенчанного гения русской революции П. Н. Милюкова, лежит черная печать самой узкой и злостной, мы бы сказали, слепой субъективности.

Хотя В. Д. Набоков с начала войны до революции был оторван от политической жизни (как офицер, служивший в главном штабе, — он считал для себя невозможным работать ни в газете «Речь», ни в Ц. К. кадетской партии), но близость к кадетской партии и ее вождям делает его выразителем настроений именно этой группы российской буржуазии, знавшим ее планы и намерения. И он, конечно, не свое личное мнение высказывает, когда задним числом сожалеет по поводу уступчивости, проявленной в вопросе о передаче престола Михаилу. Правда, из всех возможных «монархических» решений» это решение казалось В. Д. Набокову «самым неудачным». Правда, с помощью тонкого и столь же смехотворного анализа «юридической» ситуации он считал переход власти в руки Михаила «с самого начала порочным». Но, несмотря на все эти «но», «если бы принятие Михаилом престола было возможно, оно оказалось бы благодетельным или, по крайней мере, дающим надежду на благополучный исход». В. Д. Набоков не закрывает глаз на цену, которою можно было купить Михаила, или, выражаясь иначе, *продать февральскую революцию*. «Для укрепления Михаила, — пишет он, — потребовались бы очень решительные действия, не останавливающиеся перед кровопролитием, перед арестом Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, перед провозглашением, в случае попыток сопротивления, осадного положения». Вероятно, те же самые возможности грезились и П. Н. Милюкову, когда он настойчиво поддерживал Михаила. Возможности эти (здесь не может быть никаких сомнений) еще более приятны были М. В. Родзянко, А. И. Гучкову и всем вообще фракциям российской крупной буржуазии и чиновничества. Но... печально вздыхает В. Д. Набоков, «к несчастью, вся совокупность условий была такова, что принятие престола было невозможно»... Эта самая «совокупность условий» принудила кадетов сделавшихся контр-революционерами на второй день февральской революции, три недели спустя «выкинуть республиканский флаг». Но изменились ли монархические стремления этой партии с переменой флага? Разумеется, они остались теми же самыми.

Будущему историку великой революции придется, конечно, осветить вопрос, насколько ясно сознавали положение дел вожди российской буржуазии. Понимали ли они подлинный характер событий, развертывавшихся перед их глазами, или были слепцами, жалко пытавшимися повернуть вспять ход истории? Воспоминания В. Д. Набокова проливают некоторый свет на эти настроения. По ним можно заключить

что самые зрячие из них оказывались совершенно неспособными охватить всю глубь происходившего. Для них самая революция была лишь «военным бунтом, вспыхнувшим стихийно вследствие условий, созданных тремя годами войны». Им все время продолжало казаться, что стоит лишь изловчиться и разрешить «предварительно ряд *преюдициальных* вопросов»,—дела их могут исправиться. Поэтому-то курьезными кажутся нам тончайшие юридические рассуждения, которым предавались члены Временного Правительства над выработкой формы отречения Михаила. И даже в 1918 г. В. Д. Набоков таит надежду, что значение этого «исторического» акта, «*может быть, еще скажется в будущем*». По той же причине этим деятелям, в феврале 1917 года пытавшимся взнуздать революцию, казалось, что «не было никаких оснований—ни формальных, ни по существу—объявлять Николая II лишенным свободы. Отречение его не было формально вынужденным. Подвергать его ответственности за те или иные поступки его в качестве императора было бы бессмысленно и противоречило бы аксиомам государственного права». *Противоречие аксиомам государственного права*—только этого аргумента не доставало! Само собой разумеется, что В. Д. Набокову наиболее желательным разрешением вопроса («и для самого Николая») был бы отъезд свергнутого царя в Англию. «Как бы то ни было,—замечает дальше В. Д. Набоков,—после прибытия Николая II в Царское Село, всякий дальнейший путь оказался фактически отрезанным, увезти бывшего императора за границу в ближайшие же дни стало совершенно невозможным». Добавим здесь кстати, что В. Д. Набоков был управляющим делами Временного Правительства.

Впрочем, непонимание серьезности и мощности сил, приведенных в движение революцией, сопровождалось в представителях буржуазии сознанием своего бессилия. Не понимая совершенно разрушительной силы урагана, как-то сразу перезабыв все, что знали они из истории революций, беспомощно цепляясь за юридические формулы, они чувствовали все же, что обречены на полный разгром... Уже 2 марта, встретив в Таврическом дворце П. Б. Струве, Набоков заметил, что настроение его было очень «скептическое». А. И. Гучков еще до 22 апреля пришел к убеждению, что «работа Временного Правительства безнадежна и бесполезна и что нужно уходить». Эта безнадежность не оставляла их, повидимому, и в те минуты, когда в контр-революционной офицерской среде назревали попытки переворота. Той же безнадежностью проникнуты и те строки воспоминаний В. Д. Набокова, которые он посвящает корниловской попытке. «Инициаторы переворота очень плохо разбирались в людях и действовали крайне легкомысленно»,—меланхолически замечает он по поводу того, что «ответственные поручения» были даны такому человеку, как В. Н. Львов. Приведем здесь кое-какие сведения, сообщаемые Набоковым.

В двадцатых числах августа, за несколько дней до выступления Корнилова, Набоков получил от Львова такую записку: «Тот генерал, который был вашим визави за столом, просит вас предупредить мини-

стров к.-д., чтобы они такого-то августа подали в отставку в целях создания правительству новых затруднений и в интересах собственной безопасности». На дальнейшие расспросы Набокова Львов сообщил ему: «От вас я еду к Керенскому и везу ему ультиматум: готовится переворот, выработана программа для новой власти с диктаторскими полномочиями. Керенскому будет предложено принять эту программу. Если он откажется, то с ним произойдет окончательный разрыв, и тогда мне, как человеку, близкому к Керенскому и расположенному к нему, останется только позаботиться о его жизни». Это все, что сообщает Набоков о корниловской попытке. Очень немного. Вряд ли знания его ограничиваются только этим. Он очень осторожно замечает, что «Милюков впоследствии выражал предположение, что Львов «жестоко напутал» во всей этой истории», но завесу, прикрывающую участие его друзей и единомышленников в этой попытке нападения на народ,—не приоткрывает. Для «объективной исторической истины» время еще, очевидно, не настало, несмотря на заверения редактора «Архива».

В одном месте В. Д. Набоков довольно метко подчеркнул трагическое бессилие Временного Правительства. Говоря о «безответственных агитаторах», сеявших в армии ядовитые семена большевизма, о «бешеной» и «разрушительной» пропаганде «Правды», «Окопной Правды» и других «анархических» листков, он замечает о пассивности правительства. «Если перенестись мысленно в ту эпоху и вызвать в себе вновь то настроение, которое тогда станет преобладающим, то станет ясным, что иначе правительство не могло действовать, не рискуя остаться в полном одиночестве. Кто бы его поддержал? Петербургский гарнизон не был в его руках. «Буржуазные» классы, неорганизованные, небоевые, были бы, конечно, на его стороне, но ограничились бы платоническим сочувствием. А между тем здесь недостаточно было такого сочувствия, хотя бы и со стороны очень многочисленных групп населения. А в этом именно и было все дело!»

Набоков говорил на эту тему с Милюковым. Они коснулись вопроса: «была ли возможность предотвратить катастрофу, если бы в самом начале Временное Правительство поставило вопрос о власти ребром, оперлось на Государственную Думу, не допустило бы политической роли Совета и Исполнительного Комитета, и в случае сопротивления арестовало бы главарей.

... Милюков утверждал, что в первые дни переворота гарнизон был в руках Государственной Думы, и если бы этот первый момент не был упущен, положение могло быть спасено. «Очевидно, — добавляет В. Д. Набоков,—с этим связан и вопрос о Михаиле». Сообщение значительное. Но оно еще резче оттеняет ту роль, которую играли эти господа в русской революции. Достигнув власти и официально провозглашая слова «высокие и прекрасные» о всяческих свободах, у них была одна лишь главная мысль: разгромить революцию, реставрировать вчерашний день во что бы то ни стало—с некоторыми поправками, конечно. Этого не видели, или не хотели видеть друзья «слева» — социалисты типа

Чхеидзе, Дана, Церетели. И лишь революционная энергия, развитая на крайнем левом фланге, оказалась той силой, которая сделала безнадежными их намерения.

Изложенным выше ограничивается основной материал воспоминаний Набокова. Мы не намеревались здесь дать полное изложение их. Нами опущено очень много деталей и эпизодов, крайне любопытных и характерных, но имеющих второстепенное значение. Мы хотели лишь подчеркнуть общий характер этих воспоминаний, рисующих извнутри полную растерянность, внутреннюю неустойчивость и глубокую контр-революционность нашей крупной буржуазии в первые дни революции. Этими условиями и объяснялась столь возмущавшая В. Д. Набокова «изумительная пассивность» Временного Правительства. Последняя глава воспоминаний, посвященная октябрьскому перевороту, лишь подчеркивает некоторые точки в области отношений буржуазии с «социалистическими» партиями. Набоков правильно определяет последний фазис существования Временного Правительства, как борьбу с большевизмом. Но *так как за большевиками была вся страна*, или по крайней мере ее подавляющее народное большинство, то этот фазис может быть иными словами определен, *как попытка вооруженной борьбы Временного Правительства, выдвинутого революцией, с революционным народом.* Набоков откровенно рассказывает, как члены Ц. К. кадетской партии «сговорились с Гоцом, Даном и Скобелевым и условились встретиться (на квартире Аджемова), чтобы выяснить дальнейший план действий и установить тактический план». Но из этих сговоров ничего не вышло: «Дан вилял, мямлил, вел какую-то талмудическую политику», обещая доверие постольку, поскольку. И вся картина восстания, как она отразилась в сознании Набокова, говорит все о той же слабости, растерянности, беспочвенности. Временное Правительство умерло еще до октябрьского переворота. Когда на заседании сеньорен-конвента Совета республики появился революционный офицер и предложил всем покинуть Мариинский дворец, «впечатление получилось ошеломляющее. Никто, повидимому, не соблазнялся перспективой лечь костьми во славу Совета Российской республики, и не было никакого повода вспоминать знаменитые исторические прецеденты»... Ну, конечно, не было повода! Остальное все ясно. И В. Д. Набокову остается только отводить душу в характеристиках «солдат и матросов». «Обычные, бессмысленные, тупые, злобные физиономии». Хотели бы мы знать, какие физиономии были у г. Набокова и его друзей, когда они столь неторжественно покидали зал заседания.

Дальнейшее существование свергнутого правительства и попытки его вернуть власть (организация Комитета спасения родины и революции, юнкерские выступления, чиновничья забастовка) производят жалкое впечатление. «Полное бессилие»,—характеризует Набоков господствовавшее настроение. Российская буржуазия, влачившая недостойное существование, не сумела даже сойти со сцены с достоинством. И можно думать, что ее представителям не удастся сохранить достоинства и в своих

мемуарах. Такого достоинства В. Д. Набоков по крайней мере сохранить не сумел. «Отвратительная фигура плюгавого человечка, с шляпой на голове, с наглой еврейской физиономией», так характеризует он Урицкого. Впрочем, на эту живопись следует смотреть снисходительно: надо же, по человечеству, оставить великолепным, бравым, рослым молодцам, вроде г. Набокова, это последнее утешение.

III.

Наибольший интерес в «Архиве» И. Гессена представляют, однако, мемуары казачьего генерала П. Н. Краснова «На внутреннем фронте». Фронтовик, командир 2-й сводной казачьей дивизии, 1-й кубанской, а затем 3-го конного корпуса, сподвижник корниловского мятежа и, наконец, руководивший, вместе с Керенским, походом на Петербург, генерал Краснов очень толково, с беллетристической, впрочем, развязностью, нарисовал картину состояния армии с первых дней революции. Воспоминания его очень пригодятся будущему историку нашей революции. Этот солдат, весьма далекий от политики, дал довольно верную и сравнительно объективную картину того процесса разложения царской армии, развитие которого штатские буржуа, потерявшие от страха голову, всецело приписывали «безответственной и демагогической» агитации большевиков.

Здесь я считаю уместным поделиться с одним личным воспоминанием. В апреле 1917 года мне довелось быть в качестве делегата Исполнит. Ком. Петерб. Совета на румынско-венгерском фронте. К этому времени лишь тыловые армейские части были осведомлены о революции. На передовые позиции сведения о происшедшем доходили случайно, большевистские газеты были гостем крайне редким, зато в изобилии читались «Русское Слово», «Речь», «Русские Ведомости». Слово «ленинец» было поэтому синонимом слова «предатель». Солдаты с добродушной угрозой заявляли, что «ленинцы» пусть к ним и не показываются: им будет плохо. Но когда эти же самые солдаты начинали развивать свои взгляды на будущее и на то, что им делать надо, они начинали высказывать в сжатой и убедительной форме те самые взгляды, которые в столицах развивали большевистские газеты. *Армия была большевистски настроенной еще до встречи с большевиками.* Такое убеждение вынес я из своего полуторамесячного общения с солдатами. Этим обстоятельством и можно объяснить стремительный и потрясающий успех, которые получили на фронте «Правды» и «Окопные Правды». В этих газетах солдаты нашли все то, до чего дошли сами, своим солдатским умом. Идеи «Циммервальда», детально разработанные в эмигрантских верхах крайних политических группировок, стихийно, бессознательно, без воздействия извне, зарождались в глубинах народных масс и могучими гейзерами выбрасывались наружу. Победа большевизма была обеспечена этими подземными, стихийными процессами. И когда эмигрантские верхи, вооруженные превосходными и ясными формулировками этих народных

настроений, пришли в соприкосновение с массами, массы нашли в них все те чаяния, что неясно, бессловесно, туманами носились в их сознании. Мне лично приходилось сталкиваться с курьезными фактами, когда оратор-солдат, угрожая страшным ленинцам, потрясал номером «Правды», говоря: «Вот, братцы, солдатская газета, всю настоящую правду говорит» [1]). Воспоминания генерала Краснова всецело подтверждают это мое тогдашнее наблюдение. Нет надобности, конечно, подчеркивать, что процесс революционизации в солдатской массе генерал Краснов называет «разложением».

«Как только казаки дивизии (наблюдения Краснова ограничиваются, главным образом, казачеством,—это еще характерней) соприкоснулись с тылом, они начали быстро разлагаться... Казаки украсились алыми бантами, вырядились в красные ленты и ни о каком уважении к офицерам не хотели и слышать. «Мы сами такие же, как офицеры,—говорили они,—не хуже их». Потребовать и восстановить дисциплину было невозможно».

4 мая на глазах двух эшелонов донских казаков ген. Краснова арестовали солдаты. Его обвинили в том, что он принадлежал к числу тех генералов, «которые ради помещиков и иностранных капиталистов настаивают на продолжении войны». Одним из обвинителей был казак 17-го Донского полка Воронков».

«Ясно было, что армии нет, что она пропала, что надо, как можно скорее, заключить мир и уводить и распределять по своим деревням эту сошедшую с ума массу»,—замечает генерал Краснов. В 1-й кубанской дивизии, стоявшей в 20 верстах от позиции, он наткнулся «на отрицание войны». «Революция так сильно потрясла души казаков, что в них уже не укладывалась с понятием о гражданской свободе необходимость сражаться и умирать за родину». А когда был издан, по требованию Корнилова, приказ о возвращении офицерам и урядникам прежней дисциплинарной власти,—офицеры радовались, а солдаты и казаки повесили головы».

«Это значит опять к старому режиму,—печально говорили казаки.—Значит, прощай, свобода! Не отдал чести, али коня не почистил, как следует, и становись в боевую».

Солдаты встревожились еще решительней.

— Этому не бывать. Корнилов того хочет, а мы не хотим. Довольно!

И по мере того,—рассказывает Краснов,—как имя Корнилова становилось популярным в офицерской среде, оно становилось ненавистным в среде солдатской. «Корнилов хочет войны,—говорили они,—а мы желаем мира».

Таковы были солдатские и казачьи настроения, которые удалось подметить генералу Краснову. Это было неизбежное, объективное след-

---

[1]) Эти мои наблюдения подтвердят, вероятно, т.т. Мостовенко, Жуков и др. которые в одно время со мной были на том же фронте.

ствие революции. Широкая масса лишь только почувствовала возможность проявить свою волю, властно и требовательно заявила о нежелании воевать. И чутьем, нутром ей становилось ясным, что отношение к войне делит армию на две части: офицеры, Корнилов и прочие—за войну,—*это враги*; солдаты, казаки и прочие—против войны, за свободу,—*это друзья*. Война, навязанная народу за чуждые ему интересы, становилась ненавистной день ото дня.

При таких настроениях низов понятно паническое чувство безнадежности, которое охватило генерала Краснова. Чувство это окрашивает все страницы его воспоминаний. Оно в общем сходно с чувством, которое испытывали Набоков и его друзья. Единственная опора, на которую могла рассчитывать буржуазия, единственная сила, которую могла бы использовать в своих интересах контр-революция,—*армия,—сама уходила из ее рук*. Это было неизбежно, фатально. Весь вопрос был лишь во времени, а также в том искусстве, той энергии, с какой партии революции сумеют возможно быстрее привлечь армию на свою сторону. В конце концов период революционной борьбы до октября можно было бы определить *борьбой за армию*. Борьба за власть должна была закончиться победой той партии, за которой пойдет армия. Останься армия в руках буржуазии—революция была бы раздавлена. А в этой борьбе победить могла лишь та партия, которая правильно и в интересах народа сумеет разрешить вопросы о мире и земле. Буржуазия хотела их разрешить против интересов народа. Социалисты разных толков колебались между крайними решениями их. Решительно и правильно осмелились сделать это только большевики —и власть сама шла им в руки. Потому-то перетасовки во Временном Правительстве, Демократическое совещание, Предпарламент и пр. кажутся нынче жалкими комедиями, которые разыгрывали отчаявшиеся слепцы в то время, когда земля выскользала из-под их ног. И когда из борьбы за армию победителями вышли большевики,—вопрос о власти был решен бесповоротно. Потому-то попытки Корнилова, поход на Петербург Керенского и Краснова были столь же обреченными на неуспех попытками, как и попытка кадетов вооруженным восстанием юнкеров изменить железное соотношение сил.

Краснов довольно много страниц уделяет мятежу Корнилова и второму походу на Петербург. В первом походе он был командиром 3-го конного корпуса, во втором—командовал всем походом. Само собой разумеется, что Краснов был в восторге, когда узнал в штабе верховного главнокомандующего, что последний «взял на себя свергнуть Керенского и самому стать во главе России до Учредительного Собрания».

«Нашей задачей,—вспоминает Краснов,—являлся арест членов Временного Правительства и арест Совета солдатских и рабочих депутатов, иными словами—захват Зимнего дворца, Смольного института и Таврического дворца».

Но господа генералы рассчитали без хозяина. «Приверженцы Керенского пустили по железным дорогам тысячи агитаторов и ни одного не было от Корнилова»,—жалостливо сообщает Краснов. Из дальнейших

строк его становится ясным, в чем было дело. «После революции, даже и помимо приказа № 1, между офицерами и солдатами появилась пропасть. Революция для солдата — это была свобода, а свобода — отрицание войны». И дело было не в Керенском, как в личности, а в том, — это Краснов понимал,— что в то время Керенский противостоял Корнилову, «как идея мира», как защитник солдат «перед офицерами и генералами». И те же самые солдаты, которые отступились от Корнилова и стали на сторону Керенского, отступились от этого последнего, лишь только он вновь потащил их в войну, которую солдаты называли «капиталистическо-империалистской».

В результате корниловская армия стала распадаться еще до подхода к Петербургу. И вместо того, чтобы беспрекословно слушаться своих командиров, как того требовал Корнилов, солдаты и казаки арестовывают их и посылают делегации в Петербург с запросом, «что делать».

«Ясно было, что все предприятие Корнилова рухнуло, еще не начавшись».

Ту же почти картину раскрывает генерал Краснов, описывая поход на Петербург вместе с Керенским, после октябрьского переворота. Здесь стрелка революционного компаса сделала еще оборот и от имени Керенского отклонилась к имени Ленина. Краснов описывает митинг, устроенный ночью в Острове, тотчас по приезде Керенского. Керенского прерывали, и когда он ушел в дом, в густой толпе, собравшейся у дома, настроение было далеко не дружелюбное.

«— Большевики за дело стоят, — говорили в толпе. — Солдату что нужно? —Мир, а он опять о войне завел шарманку, — говорили солдаты.

«— Схватить его и предоставить Ленину, вот и все.

«— А казаки?

«— Казаки ничего не сделают».

С такими настроениями солдатской массы на победу над большевиками вряд ли можно было рассчитывать. Тем более, что противник не спал. «Большевистские вожди распоряжаются с подавляющей энергией, — записывает Краснов,—и организуют все новые и новые полки при полном бездействии правительства и власти»... (Речь идет, конечно, о свергнутом правительстве). Популярность Керенского в армии, которую он вел на Петербург, пала так низко, что офицеры и казаки говорили: «Пойдем с кем угодно, только не с Керенским». В это время зашел к Краснову Савинков и предложил ему «убрать Керенского, арестовать его и самому стать во главе движения». У Краснова на это не хватило духу. «Я мог усмирить солдатское море,—пишет он,—не из Петербурга, а из ставки, ставши верховным главнокомандующим *и отдавши приказ о перемирии с немцами на каких угодно условиях* (курсив Краснова). Только такая постановка дела могла привлечь на мою сторону солдатские массы». Но этого сделать он не мог. Оставалось итти на Петербург. И весь поход, подробно описанный Красновым, говорит о том, что последняя ставка контр-революции должна быть бита.

Мы не станем более подробно излагать содержание воспоминаний Краснова. Написаны они, сверх ожидания, языком красочным и живым, с большим уклоном в сторону беллетристики. Чувствуется, что столь бесславно закончив свою военную карьеру, генерал Краснов пробует силы на ином, не военном поприще. Жалко, что этого не догадался он сделать значительно раньше. Очень метко и удачно обрисован им Керенский. Хорошо запечатлена сцена убийства комиссара Линде. Недурно набросаны портреты отдельных лиц. В изобилии имеются, конечно, и густые контр-революционные пейзажи. Но ведь генеральская литература без этого обойтись не может. Этого требует та самая «объективность» белогвардейских мемуаристов, которую с достоинством, как знамя, воздвигнул над своим «Архивом» объективнейший И. В. Гессен.

IV.

Мемуарами Набокова и Краснова ограничивается существенное содержание «Архива». В нем помещены еще воспоминания московского профессора под псевдонимом Р. Донской, бежавшего из России, воспоминания некоего С. Воронова и некоторые документы, частью уже известные (напр., образование северо-зап. правительства). Воспоминания названных выше авторов будут использованы будущим историком не для характеристики эпохи революции, а для характеристики тех общественных групп, к которым эти авторы принадлежат. Впрочем, мемуары С. Воронова и в последнем смысле безнадежны. Автор их - владелец «коммерческого предприятия», разоренный революцией. Чтоб подправить свои дела, он собрал кое-какие «товары» и решил проехать из Петербурга в Вятку с целью товарообмена. «У меня имелось некоторое количество табаку, соли и кое-какая мануфактура», скромно сообщает он. Перед нами явный тип спекулянта-мешечника, весьма жестоко преследовавшийся советскими законами. Когда этот спекулянт попал за границу, он решил поделиться с Европой своими мемуарами, и «объективнейший» гр. Гессен в поисках нелицеприятной истины с жадностью принял драгоценный материал. Еще бы: ведь тут «очевидец» сообщал такие потрясающие факты, будто в некоторых красноармейских частях вши от сыпнотифозных больных продавались по 1000 р. за баночку! Дело в том, что красноармейцы, видите ли, рвались уйти из Красной армии. Но насильники-большевики их удерживали против их воли. Так вот, чтобы получить месячный отпуск, красноармейцы покупали тифозную вошь, страстно желая заразиться сыпняком. Мешечник порет дичь, а доверчивый гр. Гессен, в тоске по объективной истине, вранье его охотно печатает.

Как это ни покажется странным, мемуары ученого профессора, не пожелавшего поведать миру свое имя, носят в общем тот же «вороновский» характер. Ученый профессор красок, что называется, не пожалел и дал такую картину «советского» быта, что даже на голове гр. Гессена, вероятно, дыбом встали волосы. Было бы утомительным и скучным делом

приводить наблюдения этого представителя «интеллигентного» класса. Я приведу лишь одно чуть ли не центральное место в его воспоминаниях.

«По дороге в госпиталь я обычно отдыхал в трамвайных будочках на наружных скамейках, ибо зайти внутрь было невозможно по очень простой причине, с которой я ознакомился с первого же рейса в госпиталь. Когда я вошел в будку на Театральной площади, я наткнулся в углу на огромную кучу испражнений. Отскочил в другой, но и там было то же. Решив присесть на наружной скамейке, я повернулся к выходу и увидел сидящего на корточках солдата, приветливо смотревшего на меня.

«— Не стесняйтесь, товарищ, присаживайтесь,—пригласил он меня.

«— Я не стесняюсь, но ведь это только трамвайная будка.

«— Да ведь мы их давно в нужники обратили,—самодовольно похвалился он.

«Это происходило в двух шагах от общественной ретирады. Вообще я должен сказать, что правящий класс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (эр эс эф эс эр) имел в то время весьма смутное представление о назначении ватер-клозетов. Один из артистов Большого театра, которому много приходилось петь в различных пролеткультах, занявших лучшие московские особняки, поведал мне, что в большинстве из них он находил чашки-унитасов идеально чистыми, но зато кругом на полу лежали громадные кучи испражнений. Такие же кучи находил он и в роскошных ваннах этих особняков, при чем передко зловонная жидкость вытекала и в коридор».

Очень извиняюсь перед читателем за эту выписку. Она, как видите, не лишена густого аромата. И не моя в том вина, если этим ароматом веет от мемуаров почтенного профессора. Всякий на свой манер обогащает «реку воспоминаний».

Однажды его родственнице «посчастливилось» попасть в Кремль. Возвратившись, она поделилась впечатлениями о виденном и слышанном. Заключались они в следующим: «В Зимнем саду развешаны батистовые dessous народной комиссарши».

Ученый профессор почувствовал однажды, что с его мемуарами творится что-то неладное (написаны они в форме записок внуку). И его взяло сомнение. «Выростет Лодочка,—пишет он,—и дед перестанет быть его идеалом. Он начнет даже критиковать деда и, прочтя то, что написал, скажет: «Сгустил дед краски. Рассердился, что жизнь выбила его из колеи на старости лет, и брюзжит. Взглянул с эгоистической точки зрения на мировое явление и показывает мне только одну сторону медали—оборотную. А лицевой не заметил».

И в качестве оправданія против такого обвинения автор замечает, что, кроме «расстрела у Серебряного Бора и ареста Балтрушайтиса, *все остальное я сам видел*». Нам кажутся тщетными попытки ученого профессора оправдать себя в глазах внука, который, впрочем, и здесь сможет уличить во лжи своего правдивого деда: пролеткультские нужники и батистовые dessous народной комиссарши *он «сам» не видел*. Но сила не в этом. Внук прочтет «записки», задумается и скажет:

«Странное дело, дед. Я верю, что ты все это сам видел. Но не жалко ли, что в великом перевороте, грандиозной революции, потрясшей весь мир, ты сумел увидеть лишь нужники, нечистоты, да дамские панталоны! Как это печально, дед! Как это плохо говорит о тебе».

И внук будет прав. Потому что, по отношению ко всем этим многочисленным мемуаристам, мешающим быль с небылицей, с полной потерей стыда торгующим на европейских перекрестках сумбурной и злостной ложью, можно было бы заметить, перефразируя известное изречение:

«Скажи мне, что увидел ты в Великой Русской революции, и я скажу тебе, кто ты».

Мемуары Р. Донского весьма живописными красками рисуют нам облик бежавшего профессора, жалкого, озлобленного, ничтожного. Революция потревожила его теплое гнездо, лишила его на время котлет и пары лишних пиджаков, и этого оказалось достаточным, чтобы навеки сделать его отчаянным врагом революции. *Политических*, социальных, каких-нибудь принципиальных возражений против революции мы не найдем в его мемуарах. Это его не касается. Но вот— в квартире не топлено, мясо дорого, хлеба нет, надо потерпеть, ограничить потребности желудка,—и отчаянию профессора нет пределов. «Пусть все на свете пропадет, но чтобы мне котлеты есть!»—таков лейт-мотив его мемуаров, которые обличают в авторе душу столь же злобную, сколь и ничтожную. Мы решительно не советуем ему раскрывать своего псевдонима.

III. СТАРЧЕСКОЕ СЛАБОУМИЕ.

(«О судьбах русского либерализма»[1]).

«Русская Мысль» приобрела своеобразную известность после революции 1905 года. Именно тогда, в годы мрачнейшей реакции, вокруг журнала сгруппировались либеральные круги российской интеллигенции: изгои и ренегаты марксизма, поумневшие и остепенившиеся публицисты, убоявшиеся «грядущего хама» и «коня бледного», эстеты, беллетристы и бывшие революционеры. Они объявили войну социализму, безбожию, «беспочвенному революционизму», и под руководством опытнейшего из ренегатов—Струве—начали искать путей к триединой формуле «православие, самодержавие, народность», понимая под народностью остепенившихся либералов. Словом, «ошибки молодости» были признаны ошибками, и русский либерализм вступил в период зрелости. В те годы отечественные либералы были полны надежд, бодрости и с упованием взирали на будущее: революция была разбита, «народ безмолвствовал», а в мечтаниях носились упоительные картины торжества «русского на-

[1]) «Русская Мысль». Ежемесячное литературно-политическое издание, под редакцией Петра Струве. Книга I и II. София 1921 г. Стр. 240.

ционального самосознания» на берегах Босфора и Дарданелл: «Твой щит на вратах Цареграда». С другой стороны, «переоценка ценностей» в ту пору была далеко не завершена. По разным причинам русский либерализм стеснялся еще подать руку Гамзей Гамзеичу и Меньшикову.

В возобновленной ныне «Русской Мысли» круг завершен, переоценка дошла до мыслимого предела. Гамзей Гамзеич признан и восстановлен во всех своих «полных» правах, а Меньшиков превзойден.

Но... тут случились «жестокие и скорбные дни падения русской государственности» по признанию П. Струве (стр. 3).

«Национальное самосознание» было ущемлено до последней степени. Правда, российские либералы вместе со Струве достигли, наконец-то, берегов Босфора и Дарданелл и с некоторым правом могли бы сказать: «Твой щит на вратах Цареграда», но правом этим они не пользуются, ибо оно ироническое до последней степени, и предпочитают туманные выражения «о скорбных и жестоких» днях простой и ясной прозе действительности.

«Как мало прожито, как много пережито!» Российский либерализм так много пережил за эти годы, что из рассудительного зрелого возраста мужчины средних лет превратился в слабоумного старца. И посему завершение «переоценки» сопровождается всеми признаками дряхлости, впавшей в детство. И получается не переоценка, а так... какое-то лирическое старческое реакционное неприличие, либо беззубое злобное шамканье с полатей, куда волею исторических судеб вынужден был забраться наш отечественный либерализм.

Журнал открывается «Размышлениями о русской революции» Струве.

П. Струве убежден, что вся русская революция совершена на немецкие деньги. Это ему совершенно ясно. Он даже не пытается это доказать, а просто постулирует. «Когда русская революция, подстроенная и задуманная Германией, удалась, Россия — по существу — вышла из войны» (стр. 7).

Так же «категорически» убежден Струве в необходимости для России монархизма. «Поскольку крушение монархии для русских означало крушение и самой России, многие образованные русские, не бывшие монархистами, стали монархистами из русского патриотизма. И, конечно, с точки зрения русского патриотизма, это было единственно-правильное рассуждение» (стр. 10).

Чтобы дать более точное представление об эволюции П. Струве, приведем еще следующее место из «Размышлений»:

«Для русских либеральных элементов, скажем прямо, для выдвинувшейся тогда (в 1904—1907 г.г.) на первый план партии народной свободы или кадетской, с 17 октября 1905 года и, в особенности, со времени созыва первой Думы, опасность была уже не справа, а слева. Это, однако, партия народной свободы не поняла...» (стр. 33).

Еще одну существенную «ошибку» узрел П. Струве. Рассуждения П. Струве об этой «ошибке» столь любопытны, что остановиться на них прямо необходимо:

«Может быть, Германия смогла бы победить западные державы, если бы она сумела найти компромисс с государственными силами России, а не поставила бы себе задачей во что бы то ни стало при помощи большевизма расчленить Россию».

Это признание, это сожаление тем более ценно, что исходит от «верного» друга союзников. Русский либерализм теперешнего толка во всякую минуту готов на любую «ориентацию». Это мы всегда говорили и это вполне подтверждает П. Струве, равно как и то, что «демократизм» Врангеля — известно какую роль в этой авантюре играл П. Струве — ничем не отличался от «демократизма» Гамзей Гамзеича.

«Размышления» ренегата о русской революции и большевизме сбивчивы и туманны.

«Русская революция, — говорю я, — загадка. Государственное самоубийство государственного народа» (стр. 22).

Такая «доктрина», конечно, ничего не выясняет, и только туманит голову. «Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации» (стр. 20).

Разумеется, нашим либералам далеко было до немецкой буржуазии, но нужно во имя справедливости указать, что в свое время криков о «щите на вратах Цареграда» и пр. было более, чем достаточно. Кричали об этом не только либералы, но и великое множество социалистов, с позволения сказать.

Нужно ли говорить об отношении П. Струве к большевизму? Однако, следует отметить, что в одном П. Струве не отказывает большевикам в логичности... «Вообще подлинный лик революции оказался совсем не тем, о каком мечтала русская интеллигенция, даже социалистическая. Логичен в революции, верен ее существу был только большевизм, и потому в революции победил он» (стр. 71).

«О ближайших перспективах» П. Струве хранит молчание, но общая точка зрения его в этом вопросе ясна. «Мы отвергаем чьи-либо программные притязания, предъявляемые к России, и иностранную помощь, оказываемую нам в борьбе с мировым злом большевизма, мы понимаем и принимаем, как вмешательство иностранцев в наши внутренние дела...» (стр. 12).

«Размышления» П. Струве превосходно дополняются размышлениями других участников журнала. Впечатление получается цельное и яркое.

Вот дневник Гиппиус. Сколько в ней тупой мещанской злобы, бессилия, старушечьего шамкания.

Отрывки из дневника...

«Передался большевикам А. Ф. Кони. Известный всему Петербургу сенатор Кони, писатель и лектор, хромой 75-летний старец. За пролетку и крупу решил служить пролетариату...

«Блок и А. Белый — это просто потерянные дети...

«Бедный И. П., когда-то *буквально спасший Горького от смерти*. За это ему теперь позволяется смотреть, как Горький обедает. И только

потому, что на просьбу относительно брата Горький ответил: «Вы мне надоели. Ну, и пусть вашего брата расстреляют»... Горький пролаял». О Зиновьеве: «Когда едет в своем автомобиле открытом, то возвышается на коленях у двух красноармейцев...

«Жена Горького... уже сколотила себе деньжат...

«Литературно-партийный хлыщ Луначарский...

«Троцкий-Бронштейн...

«Лупорожего А—ва с нашего двора, рыжего детину из шофферов, который для жены купил мой парижский мех,—сцапали. Спекульнул со спиртом на $2^1/_2$ миллиона. Ловко...

«Зверей Зоологического сада, еще не подохших, кормят свежими трупами расстрелянных... Воистину «торгово-продажная» республика, защищаемая одуревшими солдатами»...

«Коммунисты вдруг точно взбесились: полезли на Зиновьева с криками: «Долой войну, долой комиссаров». И даже не странно ли: «Долой жидов»...

Такова русская зарубежная литература: потеря стыда, всякой меры, злоба, брюзжание, бессильная ненависть и—ничего ценного, нового, мало-мальски сильного и честного.

Петр Струве размышляет. Гиппиус брызжет слюной, другие не размышляют и не брызжут, а созерцают настоящее без надежды на будущее. Таков К. Зайцев в «Сумерках культуры». «Холодно и жутко на душе; сгущаются сумерки, озаряемые заревом разгорающегося пожарища нашей культуры... И не наступит ли день, когда перекликнется, наконец, русский мужик с европейским пролетариатом, наполняя ужасом буржуазный мир... Страшный дух разрушения заключен в недрах русской жизни, но не таится ли в нем великая интуиция грядущего созидающего духа и не в том ли мессианский удел России, чтобы возвестить миру эту новую жизнь?»...

Странные мысли лезут порой в головы наших вчерашних либералов. Парадные слова о хамах, о ворах, о сатанинском большевизме,— но остается иногда сам с собою человек и наедине лезет в голову нечто несуразное: а вдруг там, «у них» «великая интуиция грядущего созидающего духа»? Червоточинка—и еще какая... И не свидетельствует ли лучше всего именно это о последних днях и всей буржуазной культуры, и нашего отечественного либерализма?..

«Странные» мысли приходят в голову не одному К. Зайцеву. Погреться «у пожарища», раздуваемого большевиками, хотят и другие. Вот, например, Шульгин; он убежден, что большевизм это... победа белой мысли... «Белая мысль победила и, победив, создала Красную армию... Допустим, что им, красным, только *кажется*, что они сражаются во славу Интернационала... На самом же деле, хотя и бессознательно, они льют кровь только для того, чтобы восстановить «богохранимую державу российскую»... («Белые Мысли», стр. 41). Тут пикантно еще одно обстоятельство: красные совсем недавно сражались... с Шульгиным, служив-

ним у Врангеля. Они защищали богохранимую... От кого?.. Мимо этого странного обстоятельства проходит молча Шульгин... Ну, это уж его дело.

Некий Петр Савицкий в статье «Европа и Евразия» находит, что в большевизме «заложены элементы протеста некоторого не-романо-германского мира против романо-германского культурного и иного «ига». Из дальнейшего видно, что этот протест Савицкий считает одной из главных исторических миссий России.

Наконец, в «Русской Мысли» помещена статейка Петроника: «Идея родины в советской поэзии». Автор находит, что современная советская поэзия «носит проникновенную идею отечества». По силе сказанного, Петроник пропитывается бодростью и упованием: идея великой единой и неделимой торжествует даже в большевистских головах. «И крепнет, как драгоценное вино,—хмельной любовный напиток патриотизма».

В дополнение к литературным изысканиям Петроника и к вящшему его ободрению мы можем сказать, что любой агитатор коммунистической партии уже свыше трех лет на любом митинге непременно говорит о любви к родине,—правда, советской. «Географическое чувство» тоже довольно сильно дает о себе знать в этих речах, особливо, когда господам Шульгиным и Струве удается временно покорить «под свои нози» то Баку, то Сибирь, то Донбас, то Крым... Не нужно было для этого старательно штудировать Есенина. С 25 октября 1917 года мы, большевики, все—оборонцы... Придется ли по вкусу в конце концов Савицким *наш* хмельной напиток—сомневаемся...

Картина, нам кажется, ясная.

Русский либерализм докатился до открытого черносотенства. Он уже безнадежно одряхлел и отупел. Он—живой труп.

Об этом говорит книжка «Русской Мысли». Не нам жалеть об этом.

МЫСЛИ О КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ДРАМАТУРГИИ.

(По поводу пьесы Ламшуса «Фома Мюнцер»).

А. Луначарский.

Тов. В. Ламшус, член III Интернационала, прислал мне свою пьесу «Фома Мюнцер»—трагедия пророчества. Это первая ласточка настоящей коммунистической драматургии. Те строгие критики, которые встретили мои произведения заявлениями, что они не коммунистические, осудили бы, конечно, и произведение Ламшуса. Но да не смутит никого то, что пишут товарищи Ангарский, Керженцев и т. п. Они, как нельзя более, далеки от понимания задачи форм коммунистической драматургии. Им, конечно, хотелось бы, чтобы мы лучше познакомились с каким-то мифическим петухом, который великолепно кукурекает согласно «Азбуке коммунизма» т. Бухарина. Я очень жалею, что на часть этой критики

вообще отвечал, хотя по поводу моего ответа получил несколько замечательных писем от различных товарищей из разных углов России, писем действительно бодрящих и обнадеживающих. Разобраться же хотя бы вкратце в самых вопросах коммунистической драматургии очень важно.

Сейчас я хочу посвятить эту статью только вопросам исторической коммунистической драматургии. Значение ее чрезвычайно велико. Мы имеем в нашей коммунистической литературе несколько отдельных этюдов и чудесных книг по истории социализма, составленных коллективно, но, главным образом, Каутским. Там, конечно, еще не окончен пересмотр наших предшественников, пересмотр истории прошлого под углом зрения социализма, ибо всю историю до сих пор создавала буржуазная или полубуржуазная наука. Но если в области науки пересмотр далеко не окончен, то в области искусства *его пока попросту - нет.*

Характерно, что самого Лассаля потянуло к исторической драме и он написал в некоторых отношениях замечательного «Франца фон-Зиккингена». Характерно также, что в Москве возник и стремится расшириться вовлекший в себя очень интересные артистические и частью коммунистические силы театр «революционной истории». Ведь театр оживляет прошлое, и нигде пролетариат не может изучить своих предшественников, т.-е. самого себя, в своем прошлом, в своем эмбриональном развитии, как именно через посредство театра. К этому толкает не только историческое чутье великого исторического класса, который совсем не по-анархически голый человек, но связан, с одной стороны, со всей мировой культурой, хотя бы и буржуазной, ибо стоит на ее плечах, и использует ее, а с другой имеет свою собственную культуру, своих собственных предков, именно величайших революционных мыслителей, героев и утопистов, и ряд бурных восстаний масс своих прадедов. Но не только это зовет нас туда, в историю, а еще и другое обстоятельство. Драматург-коммунист хочет изобразить действительность, но изображать действительность текущую трудно и странно. Действительность наша так ярка, что каждое сценическое изображение кажется по сравнению с нею бледным. Легко впасть в героический пафос и тем самым в художественную ложь. Легко, стараясь быть правдивым, впасть во вредную для нашего времени самокритику, граничащую с самопасквилем. Легко написать одно белым, а другое черным и тем художественно совершенно загубить пьесу. Конечно, Ангарский и Керженцев такой пьесе порадовались бы, но ведь это никакой цены не имеет, массы за нехудожественностью не почувствовали бы ее никак.

Поэтому революционная драма, растущая из самых недр революции, как это было во времена Великой Французской революции, вынуждена прибегать или к символической форме, или к истории, и истории, разумеется, трактуемой вольно, трактуемой не столько, как документ, сколько, как материал. Говоря о прошлом, мы говорим в этих случаях о настоящем. В одних драмах преобладает чисто исторический, так сказать, автобиографический по отношению к пролетариату элемент, а в других— иносказательный, дающий драме характер притчи в действии.

С грубым приближением говоря, все исторические пьесы коммунистической драматургии делятся и будут делиться на две группы. Одни из них будут, по меткому выражению Лампуса, трагедиями пророков, а другие—трагедиями реализаторов. Почему именно трагедиями? Да потому, что в прошлом у пролетариата нет побед. Он всегда, во всякой фазе истории был разбит,—он или его предшественники. И так как мы знаем, что из всех этих поражений он, великий Титан, подлинный Прометей человечества, встает снова для новых битв и для окончательных побед, то мы имеем здесь на-лицо—в величайшем напряжении притом—все элементы трагедии. Мы имеем здесь искупляющее страдание, мы имеем здесь плодотворную гибель. Только коммунистическая концепция истории, только коммунизм есть подлинно трагическое миросозерцание во всем, что касается прошлого и настоящего, и как раз потому, что в будущем он предвидит великий свет.

Трагедия пророков. Что это такое? Конечно, пророк, за которым массы вовсе не пошли, у которого нет учеников, который не создал школы,—такой и пророком не был, а скорее был чудаком, хотя, может быть, и симпатичным. Великие предшественники социализма всегда были пророками. Кабинетными ли они были людьми, изобретавшими громадные системы, или выходили из этих кабинетов и бросались в сечу,—все равно. В последнем случае ярче, чем в первом, сказывалось, что они были не сами по себе, что они являлись служителями и проводниками переживаний масс. Эти массы созревали в такой великой тоске по освобождению в тех рамках, в которые загоняли их господствующие классы, что образовывалась благоприятная почва в худшем случае для прорастания великой мечты, поэтической или квази-научной, в лучшем—для героического мятежа. Но если бы массы были вполне зрелыми, то была бы победа. А если бы вожди не опережали масс, то какие бы это были вожди? Стало быть, во всех этих случаях между вождем и массой есть глубокая пропасть, и благодаря этому коммунистическая трагедия прошлого почти всегда кажется индивидуалистической. Тут товарищи Ангарский и Керженцев будут, пожалуй, протестовать, но этот протест покажет лишь непонимание дела. Только эсэровская, народническая драма может смешивать массу и толпу и считать, что героем революционной пьесы может быть только *толпа*. Это величайший вздор. Толпа отнюдь не герой нашей революции. А вот Ленин—герой и представляет собою *массы*. И от пролетарской массы бесконечно больше в Ленине, чем в какой хотите толпе, даже в какой-нибудь героической бригаде красноармейцев. В том-то и дело, что мы, коммунисты, оцениваем массу не по массивности, а по степени ее сознательности, и в такие времена, когда сознательность ее заключена в одном мозгу или почти в одном (вот как во времена Маркса, когда он носил в своей голове научный социализм), мы прекрасно понимаем, *где* настоящий пролетариат. Где был тогда настоящий пролетариат: в голове Маркса, который предвидел, куда он будет развиваться, который сформулировал то, что глухо бродило в пролетариате, или в самой массе? Глупый вопрос. Без этой массы мысли Маркса были бы бессильны,

да и возникнуть не могли бы. Без мысли Маркса пролетариат оставался бы глух и слеп. Конечно, если бы не было Маркса, то был бы Энгельс, ибо ведь известно, что когда массы созрели до известного уровня,— вождь появляется непременно, как весной непременно со всех сторон появляются цветы, но дело не в этом, а в том, что в этом вожде концентрируется сознание, совесть масс. Вот почему в такое время, когда сознание и совесть лучших среди лучших целой пропастью отделены от остальной массы, создается коммунистическая трагедия пророчества и вместе с тем трагедия одиночества, трагедия одиночества человека, которому нужно было бы жить в 1921-м году, а который живет в 1700! И эта трагедия подчеркивается мучительно страстной любовью к массе. Даже когда эта масса изменяет, даже когда она выдает своего пророка врагам, сам пророк и затем драматург-коммунист могут только простить от всего сердца, как Гус старушку, принесшую вязанку хвороста на его костер. Что же, это есть благостный, интеллигентский гуманизм? Нет, это есть самое подлинное, настоящее марксистское понимание истории, только выраженное не в терминах экономического анализа явлений, а подошедшее к живой, конкретной исторической действительности художественно.

А классовое начало?

Плох был бы тот коммунист, который забыл бы об этом. Но как же вы вдвинете классы на сцену? Опять выводить толпу? Их можно выводить, если это нужно, хотя сцену они обычно загромождают и являются только поводом для различных эффектов режиссера. Массы, толпу лучше оставить для массовых действий на площади,—вот где их настоящее место и вот где коммунист-драматург должен будет поработать иной кистью. Для театральной сцены массы являются некоторой обузой, из чего я не хочу сделать вывода, что их нужно избегать; но мы великолепно можем представить классовое расслоение опять-таки через типичных представителей классов, через носителей отдельных классовых идеалов. И все это индивидуальное выражение массового не может смутить настоящего коммуниста. Тот или другой Керженцев или Ангарский могут заявить, что вместо массы являются-де лица и что это—минус, но коммунист, который вынужден считаться с реальной личностью и за этой реальной личностью, каким-нибудь Мартовым или каким-нибудь Савинковым, разгадать ту общественную формацию, которая превращает его в фигуру, с которой все-таки необходимо считаться,—вот для такого коммуниста совершенно ясно, с какой легкостью поэт может сложнейшие общественные формации классового и межклассового характера представлять в отдельных фигурах. Все это Ламшус и делает, как по нотам делает, так что моего Фому Кампанеллу и его Фому Мюнцера можно поставить в полном смысле слова рядом. Если бы мы начали издавать (а как бы это хорошо было) серию драм из истории социализма, то в эту серию могли бы войти и Фома Кампанелла, и Фома Мюнцер. Я не касаюсь здесь, конечно, соответствующих художественных достоинств. Пьеса «Народ» выдержала известное испытание даже при несовсем благоприят-

ных условиях, и плохой ее считать как будто нельзя. Пьеса Ламшуса доставила мне, по крайней мере, большое художественное наслаждение.

Несколько слов о другой стороне дела, о трагедии реализаторов. Что, если бы тот или другой революционер, великий по своему темпераменту, великий по своему уму, оказался бы победителем? Что это значит? Это значит, что он либо принадлежит к классу революционному для той эпохи, но совершенно далекому от нашего идеала, либо что он по происхождению своему или по гению хотя и был шире своей эпохи и сознательно или бессознательно тянулся к единой, подлинной революции, последней, окончательной, коммунистической, но променял ее на оппортунистическую реализацию великих для *своего* времени задач.

Первый герой нас не интересует. Он, в сущности говоря, даже и не герой. Поскольку он уместился в рамки реализации идеала одного из промежуточных классов, постольку ничего героического в нем нет. Но трудно допустить, чтобы настоящие великаны революции могли ввести себя в такие рамки. Поскольку они в них не вмещаются, постольку перед нами два случая: либо человек с глубокой внутренней волей примиряется с необходимостью сделать только половину своего дела, только один ничтожный шаг вперед, и тогда это—трагедия, крушение, даже моральное крушение (я старался изобразить нечто подобное во второй, еще не напечатанной и не игранной, но в некоторых местах прочитанной пьесе из цикла «Фома Кампанелла»—«Герцог»), либо сама по себе реализация представляется сложным, важным, настоящим, всемирно-историческим этапом. И в таком случае в душе героя будут бороться два чувства: гордость за то, что им все-таки осуществлено, и страх за то, что осуществленное им морально не оправдается, что оно половинчато и, быть может, не окупает тех страшных жертв внутренних и особенно внешних и особенно чужих жизней, которые он для этого приносил в жертву. Вот эту вторую трагедию я изобразил в «Оливере Кромвеле». Мне скажут: «Оливер Кромвель» был типичным представителем средней буржуазии, ничего коммунистического в нем нет. А я на это могу ответить: какое мне дело до этого? Во-первых, уверены ли вы в этом, товарищ, убеждены ли вы в том, что перед Кромвелем не носились величественные образы настоящей сознанной правды? Быть может, только его гениальный оппортунизм, поддержанный, конечно, его классовым происхождением, принудил его (и хорошо, что принудил) сделаться не просто Исаией социалистической революции, который в книгах или речах прорицает о ней, будучи несвоевременным для своего времени, а человеком, заложившим чрезвычайно прочную базу для всего дальнейшего развития капитализма в Англии, а вместе с тем и для всего мирового прогресса. Право историка, конечно, доказывать, что такой Кромвель не историчен, но ведь Мария Стюарт Шиллера не тускнеет от того, что любому историку нетрудно доказать, что она не исторична. Я этим не отрицаю, конечно, исторической правды. Известная правда, историческая и бытовая, необходима и в таких драмах-притчах, и еще в 10 раз больше в драмах-хрониках.

Мы теперь, по выражению тов. Ленина, приспособляем наш передовой коммунизм индустриальных рабочих к мелко-буржуазной стихии и тем самым к некоторой стихии капитализма. Мы хотя и твердо верим в наступление революции на Западе, но говорим тем не менее об условиях существования нашей республики в «капиталистическом окружении». И вот наша партия, прежде всего в лице ее гениального вождя, устанавливает известную оппортунистическую политику. Прочтите хотя бы письмо тов. Ленина к грузинским коммунистам. Ведь мог бы найтись человек из левых коммунистов или из других каких-нибудь левых, который стал бы кричать о том, что это поворот назад, что это поворот направо, что это приостановка революции. Разве он был бы совсем неправ? Нет, он не был бы совсем неправ. Действительно, с точки зрения максималистской, революционерам надо итти напролом, но мы не максималисты, хотя мы люди напряженнейшей революционной энергии. Мы даем всегда всю нашу силу для самых отважных прыжков вперед, но всегда считаемся с условиями времени и никогда не перестаем быть людьми, учитывающими действительность. И вот, изучая действительность, коммунист перед лицом необходимости в наше время попадает почти в такую же позицию, как мой Кромвель в свое время по отношению к левеллерам. Кто этого не понимает, тот о марксистском понимании истории должен помолчать. Говорить, что во всякое время все симпатии коммуниста должны быть на стороне несвоевременных мечтателей-утопистов, более близких к нашему идеалу, но зато в корне по духу не марксистских, потому что, уже по инстинкту своему, они не способны чувствовать окружающей действительности, говорить, что у нас не должно быть никакой симпатии к людям, которые заранее учитывали потребности и возможности своего времени и революционно потрясали весь мир, двигали его вперед до возможного для их времени этапа,—значит впадать в утопическую фразеологию, в утопическую романтику.

Вот те несколько замечаний, которые я могу сделать по поводу исторической коммунистической драматургии. Вопрос этот так свеж, так сложен, так захватывающе интересен, что я вернусь к нему еще неоднократно.

ИСКУССТВО КНИГИ.

Проф. А. А. Сидорова.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ [1]).

Внешний вид книги.

I.

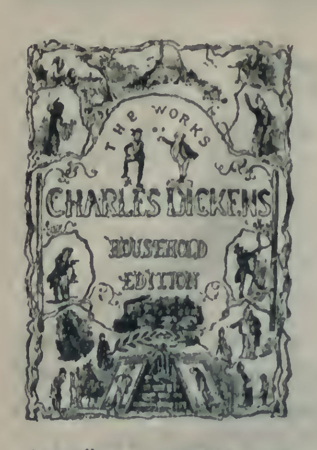
Известно старое латинское изречение, что «имеют свою судьбу книги». В нем без сомнения имелось в виду указание на странные порою изменения и колебания, которым подвержена популярность содержания, в книгу вложенного. И еще одно есть в изречении этом: фаталистическая ссылка на небо, на неизбежные решения заранее все определивших судеб. И если наше современное, прежде всего творческое, миросознание всегда укажет, что сами мы создаем свою судьбу и книга, любая, сама в значительной степени виновна в том, какой ее встретит рок, то все же думается не лишним начать рассмотрение нашей темы именно с этого положения. Ибо в утверждении, что «имеют судьбу свою книги» есть и другая сторона, о которой мы уже писали в первой нашей статье: раз не убежит от сужденного ей рока книга,—то не все ли равно какая будет она по своей форме? А против этого молчаливо-косного взгляда и зовем мы ополчиться всех друзей новой культуры.

Книга, как продукт человеческого — и изысканного — мастерства, встречает судьбу свою, выйдя из рук ее первого творца, художника-печатника, попадая в руки публики, переживая стадии, аналогичные тем, которые встают и перед любым произведением искусства. Старая о нем наука, история искусств в широком смысле, не интересовалась этим моментом. Исследуя только условия создания художественного произведения, она кончала свою работу на том моменте, когда картина, статуя или книга начинали жить собственной своею жизнью в условиях, данных им общественным строем. Так и прежняя беллетристика успокоивалась на моменте, когда благополучно с героиней повенчан был герой. Лев Толстой давно уже заметил, что истинный роман начинается только после брака. Так и в нашей области. Современное искусствоведение необходимо должно обратить весьма значительное внимание на момент воздействия и восприятия произведения художественного творчества зрителем и читателем: скажем «*потребителем*» данной отрасли творческого производства.

Именно здесь нам и придется определить наше отношение к двум основным проблемам всякого мастерства, к проблеме конструктивной и декоративной. Первая является истинно художественной. Вторая — украшающая—откликается как раз на запросы потребителя. В пер-

---

[1]) См. книгу первую журнала «Печать и Революция».

Английская обложка сочинений Диккенса. (1870-е годы).—Грав. на дер. Появление иллюстрированного начала (герои повестей). Фигуры слишком мелки и разбросаны, нет органической связи.

О. Бердслей —Рисунок для обложки (1890 годы). Пустое место для набора указывает, что знаменитого рисовальщика интересовало только изображение, а не связь рисунка с заглавием.

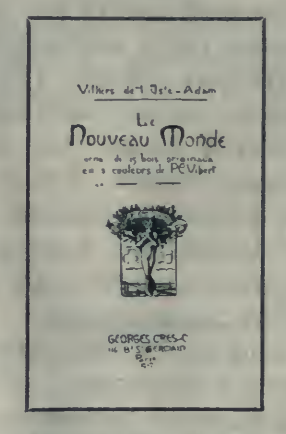

Американская обложка. (1890-ые годы). Немотивирован сдвиг фигуры налево, крылья птицы нарушают раму. Неизвестно, где стоит охотник.

вой нашей статье мы устанавливали органические задачи книжной конструкции. Но, утверждая самым решительным образом ее приоритет, мы, тем не менее, должны счесть наше исследование книжного искусства далеко еще не оконченным. Мы говорим о том, какой *обязана* быть книга: сделанной мастерски. Но ни слова не говорили мы об ее красоте. Может быть, она и не обязана быть непременно красивой в той же мере, как правильно набранной, аккуратно построенной. Может быть, и даже наверное, книга, безукоризненно «сделанная», не будет нуждаться ни в каких внешних украшениях. Но вопрос все-таки более

Чешская обложка (1907 г.) Набор превращен в орнаментальный узор, напоминающий скорее вышивку, чем печать.

Французская обложка (1907 г.). Разорванная композиция. Небрежные буквы.

Французская обложка. Наибольшая скупость украшений, вместе с тем самая тонкость букв и узора соответствуют книге.

Венгерская обложка. Использование белого на черном.—По существу мало художественная сенсационность.

Немецкая обложка для научной книги (по истории искусств, монография о худ. Делакруа). Умелое использование содержания книги (рисунок мастера, о котором идет речь).

Немецкая обложка.—1909. Орнамент настолько превалирует, что «книжного» в обложке уже очень мало.

сложен. Можно ли украсить природу? Мы говорили ведь о *природе* книжного творчества. Декоративные исторические стили утверждали, что природа без украшения не может дать никакого эстетического впечатления, и подрезывали деревья в форме конусов и кубов, исходя из той же самой воли, которая превратила их книгу в «bijou», драгоценность. Мы стоим, как верится, в преддверии нового и могучего конструктивного стиля. Не внешность, а форма произведения для нас важна. Оба эти понятия слишком часто путались. Под внешностью мы

Немецкая обложка (1912 г.) Приближается к сенсационному типу (содержание книги олицетворяется в страшном образе—пляски смерти 1812 г.).

Франц. обложка (1900 г.). «Бульварный» тип. Дешевая сенсация, печать не считается с рисунком. — Отрицательный пример.

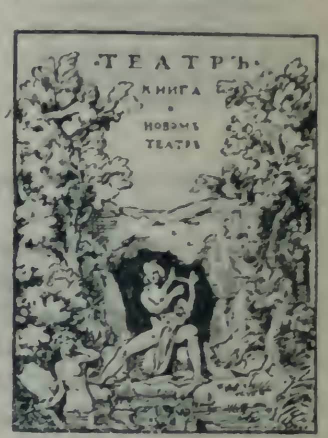
Э. Преториус. — Рисунок для обложки книжного каталога.
Удачное размещение черных пятен.—Обложка плакатного типа.

Л. Бакст. (1902). Тонкий рисунок несколько разбросанный. «Импрессионистическая манера». Удачное использование верхней и неудачное нижней надписи.

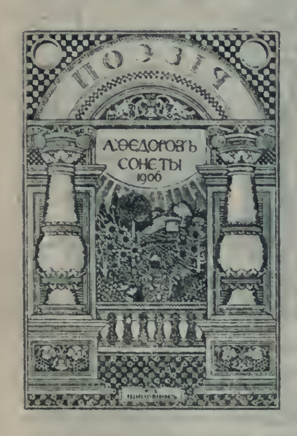
понимаем тот иллюзионный мираж художественного создания, который довольствуется и допускает только чистое любование им. Форма требует признания за нею самостоятельной прочности бытия. Но не будем вдаваться в мелочи терминологии. Вопрос стоит проще. Чистые последовательные «конструктивисты», которые теперь народились в достаточном числе, очевидно, будут и от книги требовать, чтобы она оказывала свое воздействие на зрителя-читателя только своею формальной стороною. Мы утверждаем, что эта сторона есть типографское совершенство книги. Но только довольно ли ее для потребителя?

Красота есть чистая радость. Конструктивная красота нераздельно слита с пригодностью. Но потребность в радости более свободной, не рациональной, в радости ребенка, бегущего за цветком или бабочкой, потребность украсить елку, обрадовать любимое существо какой-либо безделушкой,—разве она не общечеловечна? И если человечество стало украшать книгу, то не потому ли, что оно ее *полюбило*, чувством увенчав признание со стороны воли и разума? Это чувство сказало «да» одному из самых ценных орудий человеческого пути вперед; и не отвернемся от него с презрением аскета. «Красота» для книги —ее «эстетика» — есть, повторим в последний раз, не необходимое, но чрезвычайно естественное требование.

А. Бенуа (1904). Прекрасный рисунок—но нет никакого касательства к книге (надпись в пустом воздухе).

Отметим еще и другое, что и в пределах красоты может быть органическая, конструктивная красота и красота неорганическая, только «декоративная». Градаций много, и, исследуя здесь некоторые самые первые основы книжного искусства, мы сознаем, что стоим перед проблемой исключительного интереса и объема. Может быть, мы к «оправданию эстетики» придем именно здесь. Книга украшенная окажется нужнее и лучше книги просто хорошо сделанной.

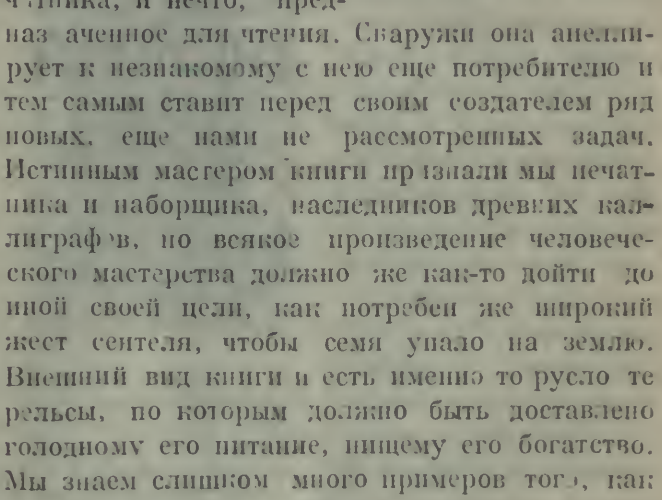
Билибин, Ив. Слишком большая «роскошь» орнамента.

Вот выпускает художник из рук свое создание. Все равно — книга, картина или дом построены его творческим трудом. Но создание начинает жить своею особой жизнью. Ему при-

дется встретиться не с заранее понимающим взором творца, а с равнодушными глазами случайных прохожих. Или, наоборот, с самого начала будет в нем заложено намерение оказать известное действие на ту или другую общественную группу. Будет поставлено задание агитации или пропаганды. И от творцов книги будет зависеть, выпустят ли они свое произведение вооруженным или нет для подобных заданий.

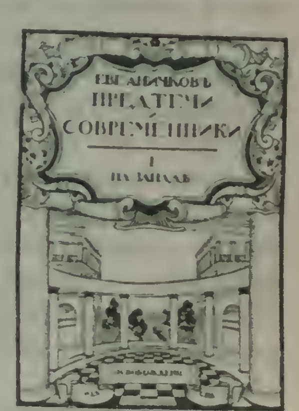
М. В. Добужинский (1920). Современная обложка. — Разорванная, требующая, чтобы ее искали, надпись.

Темой прилагаемого этюда, который надо рассматривать только как более или менее законченное звено в общей некоей цепи, является вопрос о том, какой книга должна быть снаружи. Внутри она есть прежде всего произведение печатника, и нечто, предназначенное для чтения. Снаружи она апеллирует к незнакомому с нею еще потребителю и тем самым ставит перед своим создателем ряд новых, еще нами не рассмотренных задач. Истинным мастером книги признали мы печатника и наборщика, наследников древних каллиграфов, но всякое произведение человеческого мастерства должно же как-то дойти до иной своей цели, как потребен же широкий жест сеятеля, чтобы семя упало на землю. Внешний вид книги и есть именно то русло те рельсы, по которым должно быть доставлено голодному его питание, нищему его богатство. Мы знаем слишком много примеров того, как путь, средство становилось главным. Так можно и любую дорогу, усыпав ее каким-нибудь драгоценным песком, сделать оградою недоступной для хождения, чтобы не были испорчены ее узоры. Можно ковер, предназначенный для того, чтобы по нем ходили, повесить на стену, как картину. Но внешний вид книги со стороны нами считаемого единственно правомерным ныне миросозерцания есть все-таки прежде всего средство.

С. В. Чехонин (1910). Очень удачное использование заметной надписи и содержания (семь огней изображены в венке).

Чтобы закончить это теоретическое течение мыслей, укажем и вот еще на что. Забота о наружном виде книги может быть сведена к двум различным истокам. Она может быть обусловлена стремлением к сохранности ее, — что ведет к искусству переплета; она может преследовать

Нарбут. Г. (1910). Красивый рисунок, не связанный с книгою. Надписи отведено достодолжное место.

цели того или иного воздействия на потребителя книги,—что ведет к искусству обложки. Это есть основная тема нашей статьи.

II.

Если наука об искусстве хочет стать на ту прочную базу, которая дается современным миропониманием, и если вспомнит она об установленных марксизмом законах производства и потребления, то наш этюд о книжном мастерстве не получит, может быть, ни в чем такого удачного начала, нежели в беглом хотя бы взоре на условия книжного распространения в прошлые времена. В средние века огромные неповоротливые фолианты или расписанные тонко молитвенники, рукописи, переплетаемые в драгоценные металлические, костяные или кожаные переплеты, естественно не могли быть предметом такого обмена, какому оказалась подверженной книга в более новое время. Возрождение, родившее книгопечатание, вначале сохранило для книги старую форму средневековой рукописи. Так же переплетались в свиную кожу инкунабулы [1]) и палеотипы [2]). Так же распространителем книг был автор или типограф, и так же центром книжного потребления была библиотека, скорее всего частная, а не открытый всем книжный магазин.

В. Д. Фалилеев.—Обложка для журнала (грав. на линолеуме).
Интересная по замыслу обложка не имеет в себе ничего книжного. Надпись не согласована с рисунком.

Дороговизна и сравнительная редкость книги в эпоху XVI и XVII веков, хотя их и нельзя сравнивать с средневековыми, сделали то, что книга была невольно индивидуализована не только ее издателем, но и ее собственником. Предназначена была она, с другой стороны, в очень малой степени для чтения просто. Общая статистика показала бы огромный перевес «серьезных» книг надо всеми иными в те два века. И что интересно: книжная внешность откликается на вкусы типографа или собственника,—а отнюдь не на содержание книги. Священное писание, юридический трактат, книга по астрологии или эротический роман издаются в одном формате, одною печатью, и,—это пусть будет для нас самым важным,—заключаются в одинаковые переплеты. Ценность произведения печати требует заботы об его сохранности. И переплеты XVI века,—хотя бы лучшие из них,—знаменитой библиотеки Гролье покрывают книжную крышку правильным узором, очень соблюдающим

[1]) «Инкунабулами», т.-е «колыбельными книгами», называются старейшие печатные книги, изданные в XV веке, когда типографское искусство (изобретение печатания падает на 1450-е годы) находилось еще «в колыбели».

[2]) «Палеотипами», т.-е. «старопечатными» книгами, условно называются издания XVI века.

формат и внешний вид книги, но вовсе не интересующимся ее содержанием. Эти переплеты, может быть, первый достойный нашего внимания документ наружного искусства книги. Они очень ценятся и в настоящее время все почти попали в музеи. Латинская щедрая надпись на переплете библиотеки Гролье гласит, что книга принадлежит «Якову Гролье и его друзьям». Нечто немыслимое в последующие времена.

Мы, конечно, не собираемся здесь писать историю наружного вида книги. Крупные форматы сменяются мелкими, книга становится дешевле. На весьма любопытных гравюрах XVII и далее XVIII века мы можем увидеть внутренность книжных магазинов той эпохи; они достаточно непохожи на более новые. Покупатели — богатые кавалеры или ученые-собиратели. Они знают, что им нужно. На французских листах Абрагама Босса (XVII в.) и Гюбера Гравело (XVIII в.) мы видим, как на полках магазинов стоят аккуратно в ряд переплетен ные тома, распределенные всего больше, мо жет быть, по форматам. Надписи на полках по рою отметят автора или тему. Но чтобы узнать, какая книга под рукою, или какую нужно дос тать, ее надо раскрыть и прочесть титульный лист. Здесь в заглавии очень подробном будет перечислено все содержание книги, авторы ее, ее характер. Не удивляешься, что в этих книгах надо рыться, надо уметь разбираться и тратить на них время. XVIII век, более легко мысленный, чем предьидущий, здесь делу не помог. Книги также все переплетались, и если издательский переплет, естественно более скро мный, давал только покрышку для книги, выпуская ее на свет в скромном и прочном ра бочем костюме, то «утончившиеся» вкусы упадочного общества дали пищу искусству целого ряда чудеснейших украшателей книги, вроде переплетчиков Дерома и Паделу, которые покрывали книги золотым кружевом узора совсем уже не конструктивного, превращавшего порою книгу в подобие конфектной коробки.

Лео (1920).
Перегруженый верх обложки, не совсем оправданные детали в надписях (между именами авторов буква «и» такой же величины).

Оставим историю в стороне. Нам важны здесь широкие разрезы, и совсем достаточно одного уже противопоставления книги XIX века,— книги буржуазной и демократической,—тому, что было раньше. Замена переплета обложкой есть маленькая революция, на которую не обращали, быть может, достодолжного внимания. Следствия были чрезвычайно разносторонними, и в настоящее время нам приходится считаться именно с ними. Смысл заключался в том, что единственная раньше забота о сохранности книги уступила место другой: об ее более широком распространении. С одной стороны, обложка удешевляет книгу, с другой стороны, повторяя на себе заглавие, способствует более быстрому с ней знакомству. Книга не переплетенная более быстро рвется

Б. Зворыкин. 1921. «Деловая» обложка. Удачное сочетание надписи с рамкой.

и теряется. Покупатель, давший за нее меньшую сумму, не так ею дорожит и в случае потери легче ее возмещает покупкой нового экземпляра. Выигрывает чисто коммерческий сбыт. Но недаром, если первые книжные обложки (конца XVIII и начала XIX веков) были «слепые», т.-е. без каких-либо на них надписей, то ускорение самого темпа жизни, самой быстроты движения по улицам заставило издателей итти на лишние типографские расходы, дабы повторением заглавия книги на обложке сделать ее доступнее и заметнее. Только теперь стали возможными уличные витрины, знакомство с книгой издали. Для спешащего в водовороте торговой сумятицы недавнего европейца эта возможность, конечно, весьма была желательной. И недаром книжная торговля в XIX веке достигла таких умопомрачительных цифр.

Но искусство в книжной обложке в чем оно? Рожденное из коммерческой рекламы, разве не должно оно было откликнуться в то же время и на задачу привлечения к книге ее демократического читателя, той народной массы, которая всегда несколько тяжела на подъем и которая неизбежно должна была заменить собою в качестве потребителя книги прежних единичных любителей? Мы подошли к одной из самых горячих проблем сегодняшнего книжного дела и, представляется, должны дать посильное освещение задачам искусства обложки, как они встали перед нами в общей линии наших рассуждений. Возможно ли установление некоторых теоретических предварительных требований тому, какою должна быть обложка?

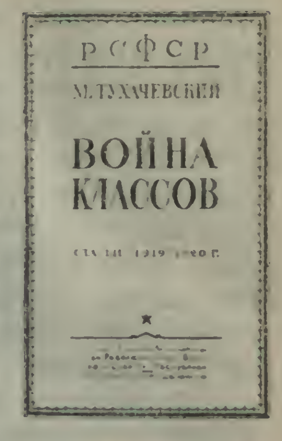
Думается, что возможно. Самое техническое мастерство книги, о котором мы говорили в прошлой статье и которое, конечно, включает в себе заботы о бумаге и формате, потребует, например, чтобы бумажная обложка была достаточно плотной для сохранения книги (нет ничего менее приятного, чем книги в обложках из совсем тонкой бумаги, которые порою выпускались у нас на свет). А с общей точки зрения теории искусства зрительного, куда войдет и книжное, можно установить и некоторые предпосылки основной оценки обложки, хотящей быть достойною оболочкой для созданного в порядке конструктивности печатного организма. Попробуем их формулировать, заранее указав, что положения наши отнюдь на общеобязательность не претендуют.

А. Арнштам (1920). Красивая обложка, но запутанная в сочетаниях букв с орнаментом. Неоправдан рваный занавес по краям.

Обложка дает возможность увидеть и ознакомиться с книгою издали. Это первая цель самого

помещения на обложке надписи или украшения. И с первого же шага явственно, что обе эти возможности могут совпасть или разойтись. Так, сделав из обложки какое-нибудь самое неразумительное пятно, можно «от противного» заинтересовать зрителя, заинтриговать его: «что это за штука», настолько, что он неизбежно подойдет и раскроет книгу. Это, сказали бы мы, прежний, «эпатирующий», т.-е. раздражающий нарочно стиль, весьма расцветший в последние годы торжества буржуазии, еще не умерший ныне, но, надеемся, не имеющий дожить до будущего воплощения наших идеалов. Цель привлечения должна ограничиваться одним: обложка должна быть заметной и привлекательной. Под этим словом мы разумеем не подачку часто очень пошлым обывательским вкусам, а скорее отсутствие чего-либо отталкивающего. Мы помним, например, изданную во время Балканской войны французскую книгу, на обложке которой была помещена фотография с турецкого офицера, которому болгары отрезали нос и губы. Более отвращающей обложки нельзя было себе представить. Но опасность в том, что в исканиях заметности и привлекательности не легко остановиться. Так, когда обложка делается самоцелью, когда на ней помещается просто картина или рисунок, когда обложка перевешивает книгу настолько, что ее приобретаешь ради обложки, а не ради текста, то это всегда вызовет очень правомерный протест со стороны всякого истинного друга книги. Так, в совсем иной, но параллельной области театра назрел уже давно протест против гегемонии в нем не актера, а живописца-декоратора. Так, несколько лет тому назад один петербургский дореволюционный книгоиздатель заявил, что книжные витрины достаточно стали напоминать картинные выставки,—и стал обходиться в изданиях своих без какого-либо участия художника. Что было, быть может, уже крайностью

И. В. Абрамов (1921). Очень удачное использование чисто типографских средств из букв «Р С Ф С Р» создан прекрасный узор. Чудесная рамка—но слишком много печати внизу.

Утверждаемая нами точка зрения настаивает на том, что произведение искусства тогда только оправдано само в себе, когда оно блюдет свои собственные законы, не хочет перепрыгивать через собственную голову. Мы утверждаем, что картина должна быть картиной, а не рельефом (чем не отвергаются иные, лежащие совсем в другой плоскости, современные искания); что дом, предназначенный для серьезных собраний, не должен по внешности напоминать балаган: что

В. Фидман. 1919. Очень удачная игра на черных пятнах (согласование силуэта и черной надписи: сразу видно, о чем речь).—Хорошая рамка.

статуя должна быть плакат — плакатом и не чем иным, как книж ее автор, ее заказчик и помнить, что смысл связи ее с книгой. Пер-лать книгу заметной — ная — должна все-таки содержании. Когда ри незнакомый даже с он непоправимо худо

Вторая цель облож с книгою издали. 'Эта нит обложку с плака можных способов дан пустимы все варианты— виньетки из книги на будет дан намек на ее

Н. Н. Вышеславцев (1921). Недостатками очень интересного рисунка является отсутствие рамки с боков и неравномерность буквенного набора.

прежде всего статуей, книжная обложка — ной обложкой. То-есть: ее потребитель должны обложки — все-таки в вая ее цель — цель сде-если хотите реклам-помнить о книге и об ее сует обложку художник, общим ее характером, жественно грешит.

ки — дать ознакомиться цель значительно род-том. Целый ряд воз-этой целью. Здесь до-помещение какой-либо обложке, так что сразу содержание: или, как делалось в старых альманахах, какая-либо эмблема—букет, гирлянда, корзина цветов—даст символический намек на сборное содержание книги; или обложка станет просто иллюстрацией какого-нибудь центрального момента книги: или же, наконец, путем более или менее удачного использования надписи привлечет глаз уже непосредственно к тексту. Мы здесь говорим, само собою разумеется, о серьезных художественных задачах обложки. Мы не считаем такими любимую иностранцами рекламу книги, даже не на обложке, а на особой обвертывающей книгу полоске бумаги,[1] где напечатано «новость», или «удивительно интересно», или «продано этой книги сто миллионов».

Установленные чисто конструктивны органической цели кни сторона не менее за Мы можем отметить, она превалировала. У шать книгу, как нигде дожника «обложиста» словечко) была очень дана пустая площадь. полнить —«разыграть» ней заглавия или чего мер, требовалась обыч ги. Без нее буквы ползаться, и это со должна была быть обя линейке. Задача рас рисунка по плоскости

Пример отрицательный: надпись неудобочитаема, разбитая беспредметность не имеет никакого отношения к книге.

нами положения пока и вытекают из самой ги. Но и декоративная служивает внимания. что у нас, в России. нас умели так укра-и никогда. Задача ху-(в ходу было и такое интересной. Ему была которую надо было за-путем помещения на угодно. Рамка, напри-но самою логикой кни-имеют тенденцию рас-всем не значит, что она зательно проведена по пределения букв и страницы вставала пе-

ред художником на втором месте. И сколько еще возможностей и решений. Украшать ведь можно сотнями самых разных способов. Наши дальнейшие наблюдения возникли, однако, не на основе личного вкуса, а имеют под собой и теоретический, и практический фундамент.

Так, мы утверждаем, что распределение букв и пятен на обложке не должно итти в разрез с книжным форматом; между тем часто рисунок обложки предназначен как будто для более широкой или узкой книги. Мы говорили о необходимости соблюдать некую раму, означение правой и левой предельной границы нашего внимания. С этой точки зрения мы считаем очень удачной обложку первого номера нашего журнала, может быть, грешащую во многом. Но тот факт, что художник (тов. В. А. Фаворский) сумел сделать первые и последние буквы своих строк черными и прозрачными средние, дает глазу правомерное успокоение. Утверждаем мы также, что если на обложке помещается надпись, то она должна быть удобочитаемой. Иначе мы в ней не видим никакого смысла. Когда, как это в моде именно теперь, буквы футуристически опьянены, летят вкривь и вкось, так что глазу становится больно за ними следить, мы готовы против этого протестовать, как и против часто совсем неоправдываемого увеличения или уменьшения букв, чем снова грешат наши современные «левые» художественные течения. И, с другой стороны, обложка не должна заключать в себе слишком много текста. Читать на расстоянии надо только самое главное. Повторение до буквы заглавного листа книги на ее обложке всегда представляется теоретически неоправданным.

III.

Так устанавливаются нами теоретические и практические основы научно-художественного книговедения. Глава об обложках, конечно, нами не исчерпана. Надо было бы рядом практических примеров пояснить многие слишком отвлеченные мысли статьи. Наши иллюстрации с их подписями стараются посильно приложить к непосредственной практической критике обоснованные выше—такие в сущности простые—положения. Мы могли бы, конечно, чрезвычайно расширить наш очерк в чисто описательной его части, остановившись хотя бы на искусстве обложки в современной России. Нам представляется, однако, что эта тема несколько выходит за пределы нашей статьи, и что отзывы наши о творчестве многих именитых наших художников книги, даваемые в подписях наших репродукций, лишь предваряют будущее настоящее исследование, здесь являясь лишь вспомогательными примерами.

Вкратце однако позволительно было бы так формулировать наши взгляды на современное положение искусства обложек. Оно, искусство это, еще не сказало своего не только последнего, но и лучшего среднего слова. Совсем не исчерпаны до конца три основные технические способа обложки: чисто графический, линейный, одноцветный; живописный или красочно-графический, которому в Германии дано уже

сколько-угодно выдающихся примеров, и, наконец, чисто типографский. Еще больше грешат современные, русские особо, мастера обложек в том несказуемом, что, может быть, лучше всего было бы назвать «стилем» обложки, ее чудесным и полным соответствием с книгою. Нам, как читателю, является совершенно ясным, что легкий, грациозный какой-либо рисунок нельзя поместить на обложке книги грандиозно-трагического содержания. Что нельзя дать обложку для научной книги в тех же формах, как для сборника легкомысленных стихов. Что нельзя безнаказанно переносить рисунок обложки с одной книги на другую, ей совсем не соответствующую по теме, как это, однако, делалось у нас неоднократно. Сколько грехов! Когда мы замыслили только что беглым совсем очерком означить историю обложки у нас в России хотя бы за последнюю четверть века, то остановились в сознании большого бессилия. Материала слишком много — и так мало безукоризненного! Опубликованная несколько лет тому назад в Петербурге книга, посвященная «Русской графике», по нашему мнению, не попала в должную цель, оставив без обоснования самые принципы оценки книжной внешности. И история книжной нашей графики тоже далека еще от ясности. Мы отметили здесь уже в самом начале, что возрождение русской «красивой» книги, которое нами все-таки было недавно пережито, имело свои корни в Англии Бердслея и, может быть, еще ближе—в Германии. В настоящее время русская книга стоит на большой, сравнительно, высоте. Не одаренности, а внешних средств нехватает нам, бумаг и красок и типографских машин.

Мы все же не считаем себя в праве окончить эту главу наших очерков книжного искусства без отклика на один нами выставленный в начале вопрос: *нужна* ли книге красота? Ведь заметной и привлекательной и понятной издалека для будущего потребителя книга может стать и иными путями. Мы уже говорили об отрицательном пути, но и чисто эстетически, одним шрифтом, без всякой нарочитой «художественности» книга может произвести все достодолжное впечатление.

Стоило бы только задать вопрос о «красоте» немного еще времени тому назад,—и замахали бы руки, и заболтали бы языки. Этот термин почти запретен и слишком, конечно, искажен. Но мы будем очень кратки. Современное искусствознание полагает, что «красота» есть понятие слишком относительно-субъективное, чтобы им можно было по-старому жонглировать. Мы пришли к иному: к поискам эстетической ценности, которая не есть обязательно «красивое», но всегда выразительно-сильное. Этого мы и будем в праве требовать от внешнего вида всякой живой книги. И поскольку мы знаем, что выразительное всегда достижимо только путем искусства,—искусство, художественное творчество книги и есть та цель, к которой мы стремимся.

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ.

(По анкетным материалам.)

Евг. Хлебцевич.

I.

По инициативе библиотечного отделения Пура поставлена была анкета о читательских интересах красноармейцев.

Состояла она из следующих вопросов:

1) Сколько вам лет. 2) В какой части служите. Какую должность занимаете. 3) Где учились. Сколько времени. 4) Чем занимались до военной службы. 5) Любите ли читать. Самому читать, слушать. 6) Что особенно любите читать: а) Приключения и путешествия. б) О сельском хозяйстве. в) О ремеслах. г) О здоровьи, о болезни. д) О том, как справедливо жить. е) О любви. ж) О том, как люди на белом свете живут. з) Исторические книги. и) Политические. к) Военные рассказы. 7) Нравятся ли короткие или длинные рассказы. Почему. 8) Что больше нравится—читать сказку или правду. 9) Из прочитанных книг какая больше всего нравится. Почему. 10) Читаете ли газеты. Какие. Какие статьи особенно нравятся. 11) Какие из читанных писателей больше всего нравятся и чем именно. 12) Читаете ли вы на военной службе больше или меньше, чем раньше. 13) Дало ли вам чтение что-либо полезное для жизни. Что именно. 14) Изменило ли чтение ваши политические взгляды и как. 15) Состоите ли вы членом какого-нибудь кружка, партии.

Инструкция по производству опроса и анкета составлены были коллективно при участии опытной психологической лаборатории при академии генштаба под руководством Н. А. Рыбникова. Кроме того инструкция и вопросы анкеты подверглись коллективному обсуждению на совещаниях красноармейских библиотекарей московского гарнизона совместно с библиотечным отделением Пура. Результаты поставленной анкеты весьма успешны. Собрано свыше 10.000 ответов. Все они для более научной разработки переданы в опытную психологическую лабораторию генштаба, приступающую к их изучению.

Мы приведем лишь некоторые извлечения из отдельных ответов красноармейцев.

Вот ответ, полученный в пронском красноармейском клубе имени Розы Люксембург.

Товарищ, отвечавший на вопрос, изменило ли чтение его взгляды, сообщает: «Изменило то, что читаю одно, а на факте делается другое, а потому все охлаждается». Ему больше всего нравился «Черный год. Заинтересовало, как появился самозванец». По социальному положению он—рабочий «по кондитерскому делу».

Другой красноармеец—член профсоюза работников искусств—отвечает: «Дало мне чтение полезное как фотографировать», «политическое чтение меня не изменило».

Красноармеец N сообщает, что «На военной службе больше встречаешься с книгами теперь, чем раньше».

Товарищ N, проживавший «в торговом учреждении», отвечает на вопросы анкеты: 3) «Люблю читать, но негде взять», «меньше читаю на военной службе, потому что голова всегда разбитая и думаешь, да поесть бы, и тогда можно читать хорошо», на вопрос, какой принадлежит партии, отвечает: «нейтральный». Красноармеец чернорабочий по 10 вопросу отвечает: «Да, если они не врут», тот же красноармеец по 12 вопросу отвечает: «До военной больше читал, а в настоящее время не всегда попадает под руку книга», другой же красноармеец, занимающийся сельским хозяйством, по этому же 12 вопросу дает противоположный ответ: «Конечно, больше, потому дома нет времени заниматься чтением, а здесь больше свободного времени»... Бывший приказчик-торговец любит читать «про царствование Иоанна Грозного за его дикость и темноту народа», из газет «Экономическую Жизнь» и «Центральное Известие», о продовольствии и о мире, «больше на военной службе читаю, потому что доступно», «чтение дало понятие о справедливости, как надо жить». Красноармейцу той же части из писателей «больше всех понравился Стеклов, так как ясно говорит все о текущем моменте»; отвечающий к партии не принадлежит.

Красноармеец N той же части по 10 вопросу отвечает: «Читаем мы все газеты и они все нам не нравица потому, что они очень врут», «чтение изменило, все смешало», «пока непривидицца ничего хорошего». Красноармеец N на 13, 14 и 15 вопросы отвечает: *«Не дало ничего для жизни ничего». «Не изменило ничего».* «Нет, не состою в партии нигде, никем».

Анкета, поставленная в 43 сводном эвакуационном госпитале в гор. Рязани, дала результаты соответственно своеобразным условиям госпиталя, в котором находились преимущественно тяжело больные, заразные красноармейцы. Вследствие этого небольшая библиотека госпиталя мало используется. Половина книжного состава—книги и брошюры агитационно-политического содержания, 40% беллетристики, 10% научно-популярных, всего 600 экземпляров. О работе библиотеки оповещены все, в каждой палате найдется красноармеец, пользующийся библиотекой и информирующий других о библиотеке.

В госпитале устраивались чтения вслух беллетристических произведений, и после чтения велись собеседования и разбор произведения. Читались «Сигнал» Гаршина, рассказы Станюковича, «Кавказский пленник» Толстого, «Ночь перед Рождеством» Гоголя, стихотворения Никитина из крестьянского быта, рассказы Толстого, «Убивец» Короленко и др.

Чаще всего спрашиваются «романы». Многие интересуются Толстым, Чеховым и вообще беллетристикой. В госпитале имеются школа,

драматическая труппа, библиотека-читальня, лекции, концерты, устраиваются литературные беседы при библиотеке. Неграмотных почти половина. Чтение для большинства служит развлечением.

Наиболее характерные, ниже помещаемые ответы собраны среди красноармейцев, находящихся на излечении в венерическом отделении 43 госпиталя.

Отношение красноармейцев к анкете серьезное, но, судя по ответам, красноармейцы по-своему понимали вопросы и часто не умели отвечать.

Красноармеец N отвечает на 10 вопрос: «Читаю газеты о движении политики и военных действий»; до военной службы отвечающий занимался «письмоводством» и любит читать то, «что интересует и что для меня полезно».

Красноармеец N того же отделения отвечает: «Интересуюсь читать длинные рассказы потому, что хочется побольше знать». Из книг понравилось: *«Вода на земле»*, *«Вода под землей»*.

Красноармеец из команды выздоравливающих, побывавший в гимназии, отвечает на 7 вопрос: «Нравятся длинные рассказы потому, что хочется узнать больше приключений или желательно, чтобы путешествие продолжалось»; по 9 вопросу: «Из прочитанных книг больше нравятся сочинения наших русских писателей потому, что они очень ярко обрисовывают недостатки нашего общества (и крестьянского, и благородного). Газеты читать люблю. Читаю больше статьи о местной жизни, а главное, о новостях науки и об учебных заведениях. Чтение изменило мои недостатки, раньше я не любил учиться, а по прочтении этих писателей полюбил науку горячо. Сознал необходимость образования и желал бы дальше учиться, но меня не отпускают из части в высшее учебное заведение, хотя и был приказ, но я очень желаю учиться и нас таких очень много, но нас заглушили и не откомандировывают. Чтение изменило политические взгляды. Я всецело сознаю, что если рабоче-крестьянское правительство пропадет, то и мы, образованные люди, тоже все погибнем. Я всецело скажу: Да здравствует рабоче-крестьянское правительство и Центральный Исполнительный Комитет и глава всех нас тов. Луначарский. Укажите, куда обратиться для продолжения занятий в высшем учебном заведении». Красноармеец по 9 вопросу отвечает: «Очень интересна книга «Красный трон», эта книга написана, что делала царская семья». Красноармеец из фабричных рабочих, имеющий «пристрастие более к политическому чтению и о народных вождях», по 9 вопросу отвечает: «Весь хлеб всему народу»; о влиянии чтения на изменение политических взглядов красноармеец отвечает: «Изменено в 10 раз лучше, чем прежде», «состою беспартийным членом культурного кружка».

Владимирский погуб, представив результаты анкетного опроса красноармейцев, заявляет, что опрос был произведен не во всех частях ввиду почти полного отсутствия письменных принадлежностей. При выборе частей, подлежащих опросу, просветительное отделение

клуба руководилось следующими соображениями: караульный батальон был выбран, как строевая часть, 29 госпиталь—вследствие особенных условий жизни красноармейцев, радиобаза,—как техническая часть.

В караульном батальоне принимали участие в анкете 104 красноармейца. По возрасту большинство принадлежит к возрасту 19—20—21 лет. Именно к этим годам относятся 64 красноармейца. По образованию в общем одинаковые: сельская школа—3, высш. начальное и городское 11, домашнее—9 и 1 из семинарии, где проучился три года. По профессии большинство крестьян—57, разного рода ремесленники (столяры, плотники, фуражечники, портные, вальцовщики и т. д.)—21, потом фабрично-заводские рабочие—13, конторщиков и канцеляристов—6, торговых служащих—4, неизвестных профессий—3. Большинство *сами* любят читать—62, читать и слушать одинаково—24, больше *слушать*—18, большинство любят читать правду, таковых—83, сказки и правду одинаково—18, сказки—4. Из прочитанных писателей особенно нравился Л. Толстой—37, на втором месте стоит Пушкин—10, на третьем месте Демьян Бедный—7, потом Некрасов и Гоголь—5, Горький и Луи-Буссенар—3; из остальных писателей читаются Майн-Рид, Тургенев, Дюма, Ленин, Маркс—2, Дарвин—1, Писемский—1, Достоевский—1; 24 красноармейца отвечали незнанием, забывчивостью, и ответы на вопросы: почему нравится тот или иной писатель?—давались различные; многие указывали на ясность, на понятность, на правильность в изложении. Про Дарвина ответили, напр. «что он открывает, глаза в науку», про Писемского, что он «раскрывает грязь и невежество прошлой интеллигенции», про Гоголя, что он «рассказывает о военных действиях казаков», про Пушкина, что он «нравится веселым взглядом курчавых волос».

На военной службе читают меньше—67, больше читают—32, остальные одинаково или оставили вопрос без ответа. Большинство указало на применение чтения к сельскому хозяйству и, в частности, к огородничеству—22, вообще полезное вынесли—10, лучше жить стали—7, для самообразования—6, для упражнения в чтении и письме—5; в единичных ответах указывалось на применение вычитанного в мастерских, на уменье разбираться во всем окружающем, на применимость «в романтическом любовном» смысле. Совсем не ответили—29.

14 вопрос оставили без ответа—34, не изменились взгляды у 219; изменились вообще—16, 9 мало поняли; *некоторые под влиянием чтения пришли к коммунизму*—11, к социализму вообще—6, к анархизму—4. Единично указывалось на то, что от большевиков перешел к эс-эрам, или, напр., такой ответ: «Изменился мой взгляд, только хуже ревнуют меня эти чтения», или: «Новыми книжками не интересуюсь и сказать ничего немогу».

Взаимоотношение между профессией и читательскими интересами выражаются следующим образом. Крестьяне больше всего интересуются книгами по сельскому хозяйству, именно из 57—28; 11—о жизни вообще и о том, как справедливо жить, 13—о приключениях, 2—политикой, 1—ремеслами.

Мелкие ремесленники (сапожники, портные, столяры, плотники, фуражечники и т. д.—21) больше всего интересуются приключениями, путешествиями и романами, при чем любят длинные рассказы. Из таковых 7 интересуются сельским хозяйством, остальные распределяются по два, по одному «на жизнь вообще», на военные рассказы, любовь; рабочие (13 красноармейцев) интересуются романами, приключениями, путешествиями—5, сельским хозяйством—2, ремеслами—3, при чем длинные больше нравятся, чем короткие рассказы; конторщики, канцеляристы—6—также больше всего интересуются романами, путешествиями и приключениями; торговые служащие—4—сельским хозяйством и 1—ремеслами. По образованию [нет почти *никакой* разницы среди красноармейцев, и на этот вопрос может быть дан такой же ответ, как и на предыдущий.

В 29 госпитале в анкете приняли участие далеко не все больные и раненые—по условиям здоровья и ввиду отсутствия бумаги и карандашей. Всего приняло участие 45 из 500. По возрасту распределяются таким образом: от 17 до 20 лет—7, от 20—30 лет—13, от 30—40 лет—21, свыше 40—2 и неизвестно—2.

По образованию большинство из сельской школы—131, получившие образование дома—самоучки—9, 4 с образованием городского училища и 1 из ремесленного. По профессии подавляющее большинство крестьяне—98, рабочих—22. На вопрос, какой из писателей больше нравится и почему, обычно давались ответы так: 1 половину вопроса 56 человек оставили без ответа, не более 10 ответили на вопрос. На 5-й вопрос большинство—85—ответило, что они лучше любят сами читать, 25—то и другое и только 13 заявило, что для них лучше слушать.

Газеты читаются всеми, за исключением 2. Из писателей наиболее любим Л. Н. Толстой, собравший 33 голоса, далее идет Пушкин—13, потом Гоголь, Горький—6, Ленин—3, Достоевский, Демьян Бедный, Тургенев, Маркс, Кольцов—2, среди остальных попадаются Лесков, Салиас и т. д. Причины, по которым нравится тот или иной писатель, очень слабо, освещены, и ответов чрезвычайно мало. Двое ответили, что не могут «означать». О Толстом Л. Н. некоторые писали, что нравится он им за то, что пишет правду из их *бытовой* жизни; один ответил, что любит «русских писателей», потому что они описывают складно описание природы. Ленин и Толстой—«за научные сочинения»; Некрасов, Никитин—потому, что хорошо стоят за бедноту; Пушкин—потому, что у него «быстрая мысль»; один красноармеец *откровенно* сознался, что ни одного не знает, потому что не читал. Не ответили на этот центральный вопрос—55. На вопрос о том, когда больше читают, большинство ответило, что на военной службе,—71, меньше читают—43, одинаково—6 и 21 без ответа. На вопрос, дало ли чтение что-нибудь полезное для жизни, 8 не ответили ничего, 7 не знают, 3—для чтения и письма, в смысле улучшения механизма чтения.

Чрезвычайно редки ответы: «стал знать, что творится вокруг нас», «дало понимание людей». На вопрос, изменило ли чтение политически

взгляды и как, даны малосодержательные ответы: 61—совсем оставили без ответа, 37—заявили об изменении, а в какую сторону—анкета умалчивает, в сторону Советской власти и к коммунизму—4, обратно—ни одного. Один ответил, что был религиозен, а теперь «против религии».

Если крестьяне (из 93) интересуются сельским хозяйством (31), то читательские интересы рабочих должны были бы быть направлены в несколько иную сторону; между тем из 32 рабочих интересуются также сельским хозяйством—6, всем безразлично—6, 4—ремеслами, 2—жизнью и 3—политикой.

В радио-школе принимали участие 194 красноармейца, большинство (90) с низшим школьным образованием, из них крестьян 55, фабричных рабочих—8. На вопрос 11-й: *какие писатели больше всего нравятся и чем именно*, ответы давались большею частью на первую половину вопроса. Наибольшей популярностью пользуются: Л. Н. Толстой (42), Пушкин (19), Гоголь (15), Тургенев (11), Лермонтов (8), Некрасов (7), Достоевский (4). Но и на первую половину этого вопроса все 52 человека не дали никакого ответа; что же касается наиболее интересной половины вопроса, то на него вообще редко встречались ответы, а если и встречались, то односложные. Толстой, например, многим нравится содержательностью, правильностью, искренностью, простым и понятным изложением. Один ответил, что Толстой ему нравится за то, «как он сам помогал бедным сиротам», Горький—«всегда просто обрисовывавший жизнь бедняка». Пушкин, Гоголь и Лермонтов—содержанием и красотою слога. Большинство читает на военной службе—110.

На 13-й вопрос о том, что дало чтение полезного для жизни,—большинство дало уклончивые ответы, были и такие ответы: «чтение не дало, а дала сама жизнь», «научило читать и писать», «стал видеть обман прошлого», «дало развитие и сознание себя человеком». На вопрос 14: изменило ли чтение политические взгляды и как, совсем не ответил 1, 37 ответили, что чтение «не изменило», 32—«да, изменило», не указав, в каком отношении. 10 ответило, что—беспартийные и вообще вне всякой политики; встречаются ответы, что чтение изменило политические взгляды влево, «изменило в сторону вольных людей, свободных, независимых», «переродился в хорошую сторону», «узнал, что все, о чем учили прежде, ложь и обман», «не читая смотришь на мир, как крупный собственник, а чтение сделало из себя мелкого собственника».

Из крестьян (55) политическими книгами интересуются (5), из рабочих (8), политикой интересуются 2.

По предварительному беглому обзору выделяется, что наиболее интересующими писателями являются Л. Н. Толстой, затем М. Горький.

Для выяснения вопроса о том, чем же интересен для красноармейцев Л. Н. Толстой, по предложению опытной психологической лаборатории генштаба мною опубликована была дополнительная анкета

(«Известия Наркомвоен» от 18 февраля с. г. за № 37). Из полученных, пока очень немногочисленных ответов выяснилось, что Л. Н. Толстой занимает первое место не в силу многогранности своих произведений, а ввиду особого внимательного отношения к крестьянскому труду и к крестьянской жизни.

Так, библиотечная секция запасного стрелкового полка (г. Рязань) сообщает: 1) В библиотеке имеется неполное собрание сочинений Л. Н. Толстого (дореволюционного издания). 2) Ежедневно спрашивают Л. Н. Толстого 15—20 человек из общего числа посещающих библиотеку (60—70). Спрос на книги: «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение,» «В чем моя вера», мелкие рассказы и повести и посмертные художественные произведения; часто спрашивают Евангелие и учение Христа в изложении Л. Н. Толстого, но таковых в библиотеке нет. Особенно нравится красноармейцам «В чем моя вера», мелкие рассказы и повести, посмертные художественные произведения.

Любят Л. Н. Толстого за художественность и простоту изложения; за *правдивое и любовное описание* крестьянского быта и за учение о смысле и цели жизни. Произведения Л. Толстого, которые не нравились, читатели не называли. Были случаи возвращения произведений непрочитанными ввиду непонимания или равнодушного отношения,— напр., педагогические статьи

В этом очерке мы делимся впечатлениями на основании беглого просмотра немногих анкет из того огромного материала, какой нами получен. По мере дальнейшего изучения других анкет из других частей (фронтовых, морских) будут опубликованы новые материалы и наблюдения, пока опытная психологическая лаборатория генштаба не изучит эти 10.000 анкет во всех отношених.

ПИСЬМА ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ.

I. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

(Письмо из Лондона.)

Мих. Левидов.

(Библиографические заметки.)

Критический анализ литературы о большевизме и русской революции, вышедшей за последние три с половиной года на английском, французском и немецком языках, еще впереди. Но, составляя каталог книг, вышедших по этим вопросам, правда, неполный, но все же охватывающий более 500 названий, т.-е. приблизительно три четверти всего того, что вышло, можно уже сейчас сформулировать несколько предварительных замечаний библиографического характера.

Перед нами список, состоящий из 517 названий. Подвергая этот список чисто внешнему анализу, мы можем установить следующие, конечно, весьма приблизительные принципы классификации: 1) содержание книги или брошюры, 2) язык книги, 3) данные об авторах, интересовавшихся русской революцией.

Классифицируя по первому принципу, мы устанавливаем следующие деления, которым может подвергнуться наш список.

Группа А. Сюда входят все сочинения историко-мемуарного характера, т.-е. исторические очерки и работы в тесном смысле слова, дневники, мемуары, воспоминания, письма. Нетрудно заметить, что для объективного познания революции критическое изучение этой группы является наиболее полезным, безотносительно к тому, какие тенденции старались проводить авторы этих очерков или мемуаров. Как мы увидим далее, эта группа сочинений представляет уже теперь как качественно, так и количественно довольно значительную ценность.

Группа Б. Сюда мы заносим типично антибольшевистскую и антиреволюционную литературу. По заданию полагается, что сюда должны были бы войти не столь брошюрочно-агитационные, сколь серьезные теоретические сочинения. Число последних, однако, весьма невелико, и девять десятых этой группы состоит из дешевой агитационной литературы.

Более серьезной с этой точки зрения представляется группа В, включающая в себе как чисто большевистские труды, теоретические и агитационные, так и сочинения, не носящие партийного коммунистического характера, но проводящие тенденцию признания Советской власти и революции, что не исключает, однако, критического к ней со стороны автора подхода.

Наконец, группа Д носит осведомительно-справочный характер. Сюда входят собрания различных документов, относящихся к революции и Советской власти, сборники декретов, резолюции съездов, политические и экономические сводки, правительственные издания (главным образом, английского правительства) и т. д., опять-таки безотносительно к тенденции, которая преследовалась составителями данных сборников. Но нужно отметить, что в громадном большинстве случаев сочинения, входящие в эту группу, ограничиваются изложением и сводкой чисто фактических материалов.

Цифровое подразделение данных групп представляется следующим:

В группу А из 517 названий входит 140, т.-е. 27 с лишним процентов. В группу Б—171, т.-е. 33%, в группу В—165, т. е. 31,9%, и в группу Д—40,—8,1%.

Уже одно это подразделение весьма поучительно. Оно свидетельствует, что историко-мемуарный материал в литературе о русской революции занимает довольно значительное место уже теперь. На самом деле, если мы соединим первую и четвертую группы, как преследующие приблизительно одинаковые цели без пристрастного описания и изучения, то увидим, что в нее входят 35 авторов из каждых ста, писав-

ниих о русской революции. Конечно, известная часть из этих 35, претендуя дать объективный материал, в действительности заполнила свои дневники, мемуары и воспоминания самой безудержной клеветой, но как мы сейчас увидим, эта часть весьма незначительна.

Группу А можно разделить на две подгруппы: исторические исследования и очерки в тесном смысле слова, принадлежащие лицам не бывшим в России, зачастую не знающим русского языка, и составленные большей частью на основании газетного материала. Эта подгруппа составляет не более 35% группы А, а 65% относятся на счет «свидетельских показаний»—сочинений лиц, проведших в России месяцы или даже годы, изо дня в день ведших дневник, записывавших свои впечатления, изучавших, вдумывавшихся. И вот тут мы приходим к факту чрезвычайной важности: громадное большинство сочинений этой категории являются сочинениями, приемлющими в общем и целом, правда, со многими оговорками и критическими замечаниями большевизм и революцию. Так, перед нами книги: Рэнсома, Гуда, Лансбери, Брейльсфорда, Робинса, Шеридана, Уэльса, Бити, Рэсселя, Райс Вильямса, Брайана, Рида, Голитшера, Паке, Гольцшмита, Садуля, Уорда, Мак-Куллоха, Бичофера, Малона, Поллока, Прайса, Нодо, Сноудена, Роберта Вильямса, Форста, Альбертсона, Лорис-Меликова, Килинга, Френча. Из 30 авторов шесть—Френч, Лорис-Меликов, Альбертсон, Поллок, Бичофер, Уорд—писали о деникинской, колчаковской, миллеровской России и 24—о советской. Из 24 лишь четверо—Сноуден, Килинг, Нодо и Мак-Куллох—выступили, как противники советской России, при чем нужно принять во внимание, что трое последних сидели в советских тюрьмах. Что касается остающихся 20, то лишь пять из них—Прайс, Садуль, Гольцшмит, Брайан, Рид—являются коммунистами, а остальные 15 по большей части буржуазные литераторы, в объективности их наблюдений сомневаться таким образом не приходится.

В заключение еще характерный штрих: из шести авторов антибольшевиков, писавших о белой России, трое—Лорис-Меликов, Бичофер, Альбертсон—путем личного опыта пришли к резко-отрицательному к ней отношению.

В эту же подгруппу входят десятка два книг, являющихся воспоминаниями о первой мартовской революции.

Что касается второй подгруппы,—исторических опытов и очерков,—то она почти вся антибольшевистская. Это не значит, что историческое изучение должно привести к антиреволюционным выводам. Наоборот, антибольшевистскими историками являются в громадном большинстве те, кто революции не видали. Такие прекрасные исторические труды, как книги: Джона Рида, Прайса и Садуля, отнесены нами в первую подгруппу, ибо эти люди стали историками революции лишь после того, как были живыми ее свидетелями. И характерно, что все трое стали коммунистами именно под влиянием русской революции. Относительно второй подгруппы можно еще сказать, что в значительной части

она состоит из переводов русских белогвардейских книг и брошюр, изданных за границей.

При переходе к группам Б и В бросается раньше всего в глаза одинаковое почти количество революционной и антиреволюционной литературы. Но это лишь обман зрения. При анализе авторов этих групп мы видим, что авторов группы В почти в два раза меньше, нежели авторов группы Б. Приблизительно одинаковое количество книг обеих групп объясняется тем, что наш каталог приводит около 30 книг и брошюр Ленина на трех языках, около 15 Зиновьева, столько же Радека и т. д. Анализируя далее эти группы, можно отметить интересный факт, что западные авторы не дали почти ничего значительного ни в одной из групп. Так, в группе В можно отметить лишь трех авторов: Гольцшмит—«Хозяйственная организация советской России», Гортер—«Мировая революция» и Постгейт—«Теория большевизма». То же самое относится и к группе, где, за исключением книг Каутского, Антонелли и, пожалуй, Спарго, все остальные являются типичной дешево агитационной литературой, не претендующей даже на сколько-нибудь серьезное теоретическое значение. Этого вопроса мы еще коснемся при анализе нашего каталога по авторам.

Немало любопытного материала дает и второй классификационный принцип нашего каталога—язык книг. Так, мы находим, что из 517 сочинений 246, т.-е. 47%, приходится на английский язык, 168 (32,5%)—на немецкий и 103 (20,5%)—на французский. Значительное преобладание английского языка объясняется, во-первых, усиленным вниманием Америки к русской революции (более половины английских книг вышли в Нью-Иорке), затем общим понижением издательской деятельности в Германии и, наконец, торжеством реакции во Франции, которая дала очень немного сочувственных большевизму книг.

Нет сомнения в связи с этим, что наиболее ценной является английская литература о большевизме. На английском языке написаны 23 из указанных нами 30 книг группы А. Больше половины книг группы В (89) опубликованы на английском. И точно также почти вся целиком на английском языке вышла групп Д. Таким образом можно сказать, что английская литература о большевизме процентов на сорок осведомительно-историческая и процентов на шестьдесят—сочувственная революции.

Совершенно иначе обстоит дело с немецкой литературой. 60 книг из 168 относятся к группе Б, определенно антибольшевистской литературе, при чем по большей части эти сочинения являются брошюрами, изданными воинствующими специально антибольшевистскими издательствами, во время русской революции основанными. Пожалуй, только в одной Германии мы встречаемся с определенной литературной борьбой буржуазных групп против русской революции. Помимо этих 60 брошюр из 35 книг, причитающихся на долю немецкой литературы из группы А, громадное большинство является резкими антибольшевистскими воспоминаниями бывших военнопленных, уроженцев Прибалтики и т. п. 68

книг на немецком языке принадлежат к группе В, относятся к агитационной большевистской литературе (почти исключительно переводы с русского). Таким образом немецкая литература о революции процентов на 80 чисто агитационная, а по симпатиям или антипатиям к большевизму и революции распределяется приблизительно поровну. Это свидетельствует, конечно, об остроте борьбы революционных и контр-революционных течений в Германии. Из 103 названий французской части каталога лишь восемь книг относятся к группе В и 40 к группе Б. Взаимоотношение не нуждается в комментариях. Если прибавить, что из 50 с лишним книг, причитающихся на французский язык из группы А, три четверти состоят из произведений русских белогвардейцев, а из остальной четверти одна лишь книга Садуля является большевистской во французском разделе группы А, то станет ясным, что французская литература о революции на девять десятых—контр-революционна. Прибавим, что на долю французской литературы приходятся наиболее злобные антибольшевистские сочинения, как, например, книги Клода Ане, Сержа Шессена, Нодо, Алексинского, Вишняка, Гавронского и т. д. Вообще же говоря, французская литература наиболее бедна не только количественно, но и качественно.

Мы переходим теперь к анализу нашего каталога по авторам. Обращаясь к антибольшевистским авторам из иностранцев, мы видим, что пальма первенства по плодовитости принадлежит американцу Спарго, успевшему написать 5 больших книг о революции и большевизме, ни одна из них не переведена на немецкий или французский языки. Две книги дал Каутский, обе переведены на оба языка, две—Антонелли, две—Нодо, две—корреспондент «Таймса» Вильтон и т. д. Характерно между прочим, что если мы полюбопытствуем, кто из видных деятелей в области политики или публицистики захотел приобрести антибольшевистские лавры, то мы не найдем многих: те же самые Каутский, Нодо, Вильтон, затем Тома, Вандервельде, Рэссель и, пожалуй, все.

Из русских антибольшевистских авторов, писавших на иностранных языках или удостоившихся перевода, на первом месте стоит Алексинский с 4-мя книгами на французском, Алданов-Ландау с двумя на французском (одна переведена на немецкий), затем Соколов, Ариадна Тыркова (две книги на английском), Гавронский (все три языка), Вишняк (на французском), Милюков (две на английском, одна на французском), Ростовцев и, конечно, Бурцев; из 9 авторов—четверо, именующих себя социалистами-революционерами, 3 кадета, один Алексинский и один Бурцев.

Коммунистические авторы представлены в нашем каталоге несравненно богаче. На первом месте из переведенных с русского стоит, конечно, Ленин: на трех языках опубликовано 33 его книги и брошюры. В том числе на английском 16, на немецком 15 и на французском две. Троцкий представлен 7 трудами на немецком, тремя на французском и семью на английском. Зиновьев 8 на немецком, 4 на английском. Радек 5 на немецком, 2 на английском. Лозовский 5 немецких и две

английских, и Луначарский две немецких, одна английская брошюра. Таким образом несколько менее половины из всех сочинений группы В, 79 из 165, принадлежат этим шести авторам.

Из коммунистов не русских на первом месте стоит Филиппс Прайс с шестью английскими и двумя немецкими книгами, затем Рид с четырьмя английскими и Садуль, «Записки» которого переведены на немецкий.

Что касается не коммунистов, приемлющих советскую революцию, то Рэнсом представлен 4-мя английскими, одной французской и немецкой книгами («шесть недель в России»). На французский язык переведена известная книга Лансбери и книга Уэльса переведена на оба языка. Двумя довольно ценными книгами по истории мартовской революции представлен русско-английский журналист М. Фарбман.

Таковой представляется в общих чертах западно-европейская литература о русской революции и большевизме. Конечно, это лишь предварительные библиографические замечания: к подробному критическому анализу мы, вероятно, еще вернемся.

II. БУДУЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АНГЛИИ.

(«Революция», роман Бирсфорда).

М. Лейтейзен.

Пролетариат играет все более выдающуюся роль в европейской жизни. Разрозненный, подавленный во время войны, он теперь пробуждается, организуется, действует, его мощь растет с каждым днем. Он уже не пассивный участник мировых событий, занятый мелкой повседневной борьбой за экономическое улучшение, он—сила, с которой вынуждены считаться, он вторгается в новые области жизни, оказывает давление на политику великих держав, стремится к государственной власти, накладывает руку на святая святых буржуазного мира—его духовные ценности, литературу, искусство, науку. Интеллигенция, берущая себе привилегию Духа, не может безразлично пройти мимо этого посягательства на ее права. Европейская интеллигенция неизбежно дифференцируется. Дифференцируется по линии отношения к пролетариату.

Только ничтожная часть интеллигенции безоговорочно, почти безоговорочно переходит на сторону пролетариата, под его знаменем ведет борьбу. Другая и бóльшая часть окончательно отдает себя в распоряжение Капитала, от него зависит, нераздельно связана с ним. Но есть еще одна значительная группа, не сочувствующая Капиталу и поэтому «сочувствующая» пролетариату,—группа, представляющая множество течений и оттенков, объединенных более или менее резко выраженной мелко-буржуазной индивидуалистической идеологией. Эта группа *фактически* служит только лишними путами, связывающими, сковывающими пролетариат.

Яркую иллюстрацию настроений этой группы интеллигенции дает новая книга английского романиста Бирсфорда «Революция». Герой романа Поль Лиминг (или, вернее, стоящий за ним автор) представляет ту группу, которая, занимая промежуточное положение между Трудом и Капиталом, обречена на вечную неустойчивость, склоняется то в одну, то в другую сторону и в конце концов ищет выхода, видит единственный выход в *примирении* двух сторон.

Что особенно интересно нам, что нам особенно понятно в книге Бирсфорда, это—предательская роль, которую играет в пролетарской революции мелко-буржуазная интеллигенция со всей ее революционно-гуманистской фразеологией. В рисуемой автором будущей английской революции мы можем провести целый ряд аналогий с тем, что нам уже известно из опыта революции русской.

Действие романа происходит через несколько лет после ликвидации Советской власти в России, эта ликвидация необходима автору для развития его романа. Но то, что ликвидировано в России, наступает в Англии. Пролетариат, объединенный в мощные профессиональные союзы, в лице своего вождя Исаака Перри, предъявляет правительству ряд требований, угрожая в случае отказа всеобщей забастовкой. «Общественное мнение» возмущено такой наглостью. В купэ 1 класса, в котором мистер Лиминг с сыном возвращается из Лондона в свое поместье, разговор идет исключительно о Перри и его ультиматуме. Лиминг всей душой ненавидит рабочих, и его чувство вполне разделяется остальными пассажирами: «было так очевидно, что им предстояло бы все потерять и ничего не выиграть от выполнения программы Перри». Но сын Лиминга, Поль, не принимает участия в общем разговоре. Во время европейской войны Поль сражался в качестве офицера, был контужен, болезнь заставила его много думать, присмотреться к окружающему, открыла ему глаза на несправедливость существующего строя. И теперь он все более убеждается, что его симпатии на стороне Перри, что он фактически—«потенциальный забастовщик».

Но начинающегося движения Поль не понимает, не может понять. Для него движение возможно, движение может рассчитывать на успех только потому, что во главе его стоит именно Перри,—Перри со своим мировоззрением, своими идеалами. Нелепой казалась бы Полю мысль, что не Перри вызывает энтузиазм и волю к победе рабочих масс, а наоборот: массы из своего энтузиазма и воли к победе создали Перри. Этот индивидуализм (характерный, между прочим, даже для той интеллигенции, которая работает с нами) красной нитью проходит через всю книгу Бирсфорда. Мы видим, что только Перри сдерживает своим влиянием направленные к разрушению инстинкты массы, Перри ведет, направляет массу, масса обоготворяет Перри («он почти бог», слышит Поль в толпе после выступления Перри).

В Файнморе, где расположено имение Лимингов и где находится Поль в течение революции, его опять-таки больше всего интересует самая личность главы местных большевиков Оливера, его биография,

его характер, впечатление, производимое им на женские сердца, но масса, стоящая за Оливером, масса, выражающая в нем свои стремления, масса, заставляющая его действовать так, а не иначе,—эта масса Поля не интересует. И нам это понятно. Интеллигенция, которую представляет Поль, в борьбе за существование выступает не сплоченной массой, не единым коллективом, выступает индивидуально. Ее успех или неуспех зависят не от классовой организованности, не от ясного сознания общих задач, а от способностей, от выдержки, от воли отдельной личности. Эта интеллигенция на все смотрит сквозь призму собственного опыта, во всякой борьбе ставит исход в зависимость от индивидуальных качеств вождей.

Но идеология мелкой буржуазии и ее интеллигенции двойственна. С одной стороны, она анархична, представляет себе мир состоящим из отдельных личностей, равноценных, конкурирующих друг с другом. Это мы видим у Поля там, где он высказывается против всякой диктатуры, против всякого правительства вообще. Но, с другой стороны, эти мелкие производители, эти интеллигенты, конкурирующие между собой, равные между собой, в действительности несвободны, зависимы, соподчинены господствующему над ними Капиталу. Отсюда другое представление о мире: «всегда будут вожди и ведомые», говорит Поль. Это формула Капитала, выражающая его право на власть. Мелкая буржуазия, выступая против Капитала, выступает прежде всего против этой формулы. Этот бунт в самой чистой форме мы встречаем у Штирнера. Но бунт Штирнера скорее доказывает невозможность для мелкой буржуазии сбросить с себя гнет порабощающей ее идеологии. Так же бесплодна эта мечта и у Поля. Рабочие правы, говорит он, требуя лучших условий жизни, но главное благо, к которому надо стремиться, это все же «освобождение Духа». Интеллигенция, материально завися от Капитала, хочет освободиться от него «духовно». Но мечта остается мечтой. Пока мелкая буржуазия существует из объедки со стола Капитала,—иначе она не может существовать,—до тех пор не вырваться ей из его духовного плена.

Но мелкая буржуазия не только несамостоятельна, зависима, подчинена Капиталу,—она отделилась от крупной буржуазии сравнительно недавно, она связана еще с ней кровными узами, кость от кости и плоть от плоти ее. Поэтому Бирсфорду понятней, ближе идеология имущих классов, чем идеология пролетариата, поэтому метки и верны у него характеристики представителей классов имущих и так непохожи, неверны характеристики представителей пролетариата.

Однако, несмотря на это внутреннее родство, мелкая буржуазия, в процессе экономического развития все более эксплоатируемая, оттираемая на задний план Капиталом, неизбежно идет в сторону пролетариата, ищет союза с ним. Этот союз кратковременен. Мелкая буржуазия скоро убеждается, что революция перешагнула через нее, идет дальше, мимо, с ней не считается. Теперь она—позади, все дальше отходит назад, все дальше отбрасывается в лагерь контр-революции.

Это мы видим на Поле. Когда революция из слов и мечтаний переходит в жизнь, когда после неудачных попыток соглашения, после явного нежелания правительства итти на соглашение, объявляется всеобщая забастовка, Поль быстро разочаровывается в революции. Он хочет «сохранить голову», остаться вне, над разгорающейся гражданской войной. Политический исход борьбы его не интересует, он не сочувствует ни той, ни другой стороне, его симпатии на стороне «человечества», его единственная и главная задача сейчас—избежать кровопролития. Он приобретает известную популярность в Файнморе своей «кротостью», своим отказом вступить в белую гвардию. Своей популярностью он пользуется для удержания забастовщиков «в рамках приличия», для удержания их от «насильственного» захвата власти. Когда же, после известия о победе рабочих в столице, становится ясно, что предотвратить захвата власти уже не удастся, Поль бежит к лорду Файнмору, крупнейшему местному землевладельцу, умоляет его пойти на уступки крестьянам, дабы избежать борьбы, дать добровольно, чтобы дать не все, приобрести тем самым некоторый политический капитал, быть может, даже взять в свои руки руководство движением. Лорд Файнмор не может не послушаться столь мудрого совета. Он, действительно, спасает часть своего состояния и своего влияния.

Эта боязнь кровопролития (в жизни сводящаяся неизбежно к боязни пролить кровь одной стороны — капиталистов и их приспешников) есть внешнее выражение, признак, следствие той тенденции к примирению двух сторон, о которой я упоминал. Это явление нам знакомо: у всех еще в памяти наши меньшевики, сбивавшие порог г. Руднева в октябрьские дни.

По совету Поля лорд Файнмор созывает на следующий день общее собрание жителей села. На собрание приглашаются и дети, дабы их присутствие помогло предупредить «серьезные беспорядки». В результате бурного собрания большинством стариков, женщин и детей (при деятельном участии местной кликуши, сравнивающей Поля с Христом) полнота власти вручается Полю. Ему предстоит организовать «правительство». Он приглашает в таковое лорда Файнмора и Оливера. Его правительственная декларация: «Каждый из вас должен быть представлен и каждый из вас должен быть удовлетворен. Отныне будет только одна партия: партия общего блага». Не напоминает ли эта идиллия времена Поля—Керенского?

Какова роль Поля во время революции? Всеми средствами стремится он смягчить диктатуру рабочего класса. Он поставил целью «спасти хотя бы один английский приход от худших ужасов революции», т.-е. спасти капиталистов или помещиков хотя бы одного английского прихода, спасти максимум их имущества и власти. Всеми средствами саботирует он революцию.

Как воспринимает Поль (или Бирсфорд) пролетарскую революцию? Революция для них прежде всего разруха. Творческой стороны рево-

люции Бирсфорд не видит. Не может видеть. Мелкая буржуазия способна только на разрушение, не на творчество. Положительные идеалы ее устарели, оставлены далеко позади развитием капитализма. В настоящих условиях организовать мир могут только две силы: финансовый капитал или пролетариат. (Но организационные способности Капитала *тоже* отходят в историю). Только разрушение, борьба *против*, не *за*, временно объединяет мелкую буржуазию с пролетариатом. Где дело касается строительства, мелкая буржуазия понимает, признает только организационные формы капитализма (с «поправками»!) Вой и стенания всей нашей социалистической белогвардейской прессы: хозяйственная жизнь России разрушена, ибо разрушена ее капиталистическая основа.

То же самое повторяется у Бирсфорда. Пролетариат неспособен организовать ни государственной власти, ни промышленности, ни транспорта. Каждая деревня оказывается предоставленной самой себе, без всякой связи, без всякой зависимости от центра. Чем дальше, тем глубже идет разруха. В результате массы (в первую голову, конечно, рабочие!) начинают стремиться к восстановлению старого строя. Знакомое явление: мелкая буржуазия тоскует и вздыхает о блаженных временах капитализма или, если разочарование в революции не отбило у нее памяти, приходит к выводу, что правительство вообще «вышло из моды», «мы можем признавать теперь только индивидуум».

Каков практический результат гуманитарной политики Поля? Убаюканные его уверениями в полной лояльности лорда Файнмора и компании, представители новой власти в Файнморе не замечают подготовляющейся контр-революции, не принимают никаких мер к ее предупреждению. Поль, чувствуя в последний момент, что что-то назревает, отправляется в самый вечер восстания к лорду Файнмору уговорить его не проливать крови. Но разговор лорда Файнмора с Полем теперь короток: поблагодарив его за прежние услуги и извинившись, что ввиду чрезвычайных обстоятельств вынужден прибегнуть к чрезвычайной мере, он объявляет Поля арестованным, бросив ему циничное и верное: «Для вас будет достаточно работы по поддержанию мира *после* переворота». Неизбежный финал всех подобных идиллий. Использовав демократических дурачков, буржуазия без церемонии выкидывает их за дверь по миновании надобности.

Спася жизнь лорда Файнмора, дав ему возможность стать во главе контр-революционного восстания, Поль способствовал белому террору. Его тирады против появившегося опять у власти «мошеннического правительства», его наблюдение, что новый строй имеет «почти все недостатки» свергнутой «большевистской олигархии», его пророчества о недолгом существовании белого правительства,—все это не производит никакого впечатления, ибо только Поль и подобные ему подготовили почву реставрации.

Примирение двух сторон не удалось. Политика мелкой буржуазии обнаружила свою несостоятельность. Но мелкая буржуазия еще суще-

ствует. И пока существует, она все еще верит, мечтает о примирении, без него не мыслит существования. И в этом права. Ибо в последней жестокой схватке Труда и Капитала она окажется между молотом и наковальней: она будет раздроблена, стерта в первую очередь. Всеми силами стремится она оттянуть, избежать этой борьбы, или ввести ее в рамки, поставить предел ей.

Но после печального опыта соглашательства мелкой буржуазии остается ждать исполнения своих чаяний только с одной стороны. В тот момент, когда рассеивается последняя надежда Поля избежать кровопролития, когда—под арестом у лорда Файнмора—он слышит выстрелы—один, второй, третий, нескончаемую пальбу, он впадает в бесчувствие, его посещает видение, голос с неба вещает ему помощь и победу. Поль идет в мир проповедывать новое евангелие.

Мелко-буржуазная интеллигенция ударилась в мистицизм. Она потеряла надежду достичь своих идеалов на земле и земными средствами. Она расписалась в своем банкротстве.

ЛИТЕРАТУРА КОМИНТЕРНА.

Мих. Павлович.

(Обзор.)

1. **Коммунистический Интернационал №№** 1—16. Петроград. 2. **Беллютень** Коммунистического Интернационала, №№ 1—115. Москва. 3. **Еженедельное Обозрение** на французском, немецком и английском языках, №№ 1—37. Москва. 4. **Орган 3-го Конгресса** Коммунистического Интернационала на французском, немецком и английском языках, №№ 1—10. Москва. 5. **Тезисы** ко 2-му Конгрессу Коммунистического Интернационала. Петроград. 6. **Доклады** 2-го Конгресса Коммунистического Интернационала. 480 стр. Петроград. 7. **Резолюции и устав** Коммунистического Интернационала (принятые 2-м Конгрессом). 128 стр. Петроград. 8. **Приветствия** 2-му Конгрессу Коммунистического Интернационала. 107 стр. Москва. 9. **Съезд народов Востока** 1—8 сентября 1920 г. Стенографический отчет. 232 стр. Петроград. 10. **Зиновьев. Отчет Исполнительного Комитета** Коммунистического Интернационала. Петроград. 11. **Его же. Наболевшие вопросы** международного рабочего движения. 131 стр. Петроград. 12 **Его же. Мировая революция** и Коммунистический Интернационал. 98 стр. Петроград. 13. **Его же. 12 дней** в Германии. 78 стр. Петроград. 14. **Его же. Партейтаг независимых** и положение в Германии. (Доклад на заседании Московского Комитета Р. К. П.). Стр. 47. Москва. 15. **Стучка. К характеристике латышских** с.-д. меньшевиков. Стр. 32. Москва. 16. **М. Павлович. Вопросы национальной и колониальной политики** и III Интернационал. Стр. 72. Москва. 17. **Курт Гейер. За III Интернационал.** Независимые на перепутьи. Стр. 138. Москва. 18. **Письма Розы Люксембург.** Стр. 62. Москва. 19. **Погани. Белый террор в Венгрии.** Москва. 20. **Анри Гильбо. Социализм и синдикализм** во Франции во время войны. Стр. 118. Петроград. 21. **Предательское убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта.** По официальным документам. Петроград.

Из всей литературы Коминтерна первое место по своему значению принадлежит, несомненно, периодическому органу Исполкома Коминтерна «Коммунистическому Интернационалу», который и по своему богатству содержания и по своему объему (4.000 страниц крупного формата) отодвигает все остальные издания Коминтерна на 2-й план.

При чтении вышедших 16 номеров этого журнала перед глазами проходит вся история революционного рабочего движения за последние три года, история его великих побед и временных поражений. Читатель найдет здесь ряд теоретических статей *Ленина* («Третий Интернационал и его место в истории» (№ 1), «О задачах III Интернационала» (№ 2) «III Коммунистический Интернационал (№ 10). «Тезисы об основных задачах 2 конгресса III Интернационала (№ 12) и т. д.), *Троцкого* («Великое время» (№ 1). К предстоящему конгрессу Коммунистического Интернационала»). *Зиновьева* («Перспективы пролетарской революции» (№ 1). «Социал-демократия, как орудие реакции» (№ 2). «Интернационал умирающий и Интернационал восходящий» (№ 7—8). «Чем был коммунистический Интернационал и чем он должен стать теперь» (№ 12). О сущности III Интернационала и его задачах в области аграрной, колониальной, национальной политики, профессионального движения и т. д.). На-ряду с этими статьями крайне важное значение имеют ст. Радека [1]). Зиновьева [2]). Ленина [3]). Лорио, Панкхерст и др. о меньшевизме, о 2 и 2½ Интернационалах. Кроме многочисленных и глубоких теоретических статей Ленина, Зиновьева, Бухарина, Троцкого, Радека, обосновывающих программу и тактику III Комм. Интернационала, мы находим здесь богатейший материал о положении и развитии коммунистического движения по отдельным странам. Таковы статьи о Франции: *Садуля* («Третий Интернационал и Франция»). *Анри Гильбо* Третий Интернационал и задачи французского пролетариата *Блониной* «Перспективы революции во Франции»). *Гильбо* «Влияние Октябрьской революции на французский пролетариат». «Классовая борьба в современной империалистической Франции». *Мануильского* «Современное положение во Франции». Ст. об Англии. Английского коммуниста. «Революционные перспективы в Англии»: *Инкпина* «Съезд британских коммунистов»; *Мак-Лейн* «Современное положение в Англии»; *Панкхерст*» «Рабочие и социал-предатели в Англии». Ряд статей покойного тов. Дж. *Рида* о революционном движении в Америке (№№ 8, 9. 10). *Рудгерса* «Америка и русская революция. *Айдена* «Индустриальные рабочие мира». «Основание коммунистической партии в Америке» (речи тт. Райта и Зиновьева). О Германии—статья *Гайера* «Германская независимая социал-демократическая партия и диктатура пролетариата». *Цеткиной* «Положение в Германии». *К. Радека*« Коммунистическая партия Германии в дни Капповской авантюры». О Венгрии статьи *Рудаша, Варги, Ю. Хевеши, Руднянского* «Профессиональные союзы и контр-революция в Венгрии».

---

[1]) «Вопросы мировой революции в освещении международного меньшевизма» № 15. «Основание 2½ Интернационала» № 16.

[2]) «Обвинительный акт против II Интернационала» № 5. «Меньшевизм, коммунизм и мировая революция» № 15. «Перед третьим конгрессом Коммунистического Интернационала» № 16.

[3]) «Как буржуазия использует ренегатов» № 5.

Кроме того, читатель найдет в «Коммунистическом Интернационале» интересные статьи *Стучки*—О Латвии. *Ю. Мархлевского* и *Радека*—О Польше; *Дечева*—О болгарской коммунистической партии; *Георгия Димитрова*—О профессиональном движении в Болгарии; *Милкича*—О Сербии; *Цхакая*—О Грузии и Армении; *Герцога*—О революционном движении в Швейцарии; *Мюнха*—Программные вопросы в швейцарской партии, далее статьи о Финляндии, Эстонии, Юго-Славии, Румынии, Италии, Норвегии, Швеции, Дании и т. д.

В журнале имеется много интересных иллюстраций, как, например, портрет Розы Люксембург в Варшавской тюрьме (№ 12), редкий портрет Карла Маркса, найденный Рязановым в библиотеке Николая-она (там же), портреты Либкнехта, Доброджану Герея, Анри Барбюсса, Инессы Арманд, скончавшейся в прошлом году, Лефевра и многих деятелей и героев Коммунистического Интернационала.

Особенно богат иллюстрациями № 16, значительная часть которого посвящена Парижской Коммуне (стат. Стеклова и Степанова и специальный очерк «Белый террор после падения Коммуны, эпизоды майской недели»). Из портретов деятелей Коммуны особенно интересны портреты: Христины Даржан, канонира на баррикаде Порт-Майо, Клары Фурье и Гортензии Давид, артиллеристок-наводчиц, служивших во флоте Коммуны, далее портрет знаменитой Луизы Мишель, прозванной «Красной Девой», одной из виднейших коммунарок, приговоренной к ссылке в Каледонию. Из иллюстраций особенно сильное впечатление производит: Осмотр рук пленных (на предмет расстрела тех, у кого на руке следы пороха), Пленные под конвоем, Расстрел на месте коммунистов на улице Сен Жермен д'Океруа 2 мая, Стена федератов, Расстрелянные коммунары на улице Удино, Последняя баррикада на улице Туртий, взятая 28 мая в 2 часа, и друг. Вся эта серия с поразительным талантом выписанных иллюстраций, где каждая отдельная фигура говорит о духовном величии, классовом сознании и мужестве одних, о жестокости или в лучшем случае слепоте других, венчается иллюстрацией: генерал Галиффе, палач Коммуны, где перед нами во весь рост встает этот яркий представитель канибализма господствующих классов.

Из всего сказанного мы видим, как богато содержание рассматриваемого нами журнала. Последний является ценным источником по истории III Интернационала и одновременно главнейшим руководством к изучению теории коммунизма. Однако «Коммунистический Интернационал» не лишен существенных недостатков. Не трудно выпускать в свет интереснейший журнал, имея в числе главнейших и постоянных сотрудников таких блестящих публицистов и глубоких теоретиков, какими являются Ленин, Троцкий, Радек, Зиновьев, Бухарин и т. д. Однако в «Коммунистическом Интернационале» не чувствуется твердой редакторской руки. На-ряду с очень ценными статьями встречаем порой и очень слабые очерки, которые можно было смело не печатать. С другой

стороны, встречаются произведения, которым не место в «Коммунистическом Интернационале». Таково письмо Горького к Уэльсу. В этом письме мы читаем следующие строки: «Следовало бы предоставить нас, русских, нашему разуму или нашему безумию, то и другое может быть одинаково поучительно для Европы. Но Европа в лице Англии и Франции стремится задушить нас. Не думаю, чтобы это ей удалось, но возможно, что ее политика по отношению к России толкнет русских в сторону Азии. Не предвидите ли Вы в этом возможном союзе с народностями Азии страшную угрозу культуре Европы. Для меня лично этот вопрос становится кошмаром».

При всем глубочайшем уважении и горячей любви к нашему гениальному художнику, сыгравшему своими произведениями такую крупную роль в нашем революционном движении, мы думаем, что в органе III Интернационала не место подобным строкам. Одно из основных отличий III Интернационала от II заключается в том, что III Интернационал не на словах, а на деле солидаризуется с революционным движением угнетенных народов желтого и черного континентов и ставит в обязанность коммунистическим партиям всех стран, особенно же стран угнетающих, оказывать самую активную помощь национально революционному движению в государствах и нациях более отсталых, и мы, конечно, не станем по отношению к Востоку на точку зрения Горького. Пусть Жордания, Мартов и Абрамович называют нас «азиатскими» социалистами, пусть хвастаются тем, что меньшевики, дескать, европейские социалисты, а большевики—азиатские, пусть лгут, будто съезды народов Востока являются де шарлатанскими проделками Зиновьевых и Павловичей (см. «Социалистический Вестник» Берлин). Мы от своей линии не откажемся и уверены в том, что скоро весь международный пролетариат протянет руку помощи нашим черным и желтым друзьям... Россия—тоже «восточная» страна. Она также рисовалась многими европейскими писателями, поклонниками европейской цивилизации и культуры, как страна «азиатской» косности и фанатизма, тем не менее, она подарила миру Толстого, Пушкина, Герцена, Горького и др. и least not last того самого Владимира Ильича Ленина, которому т. Горький посвящает такую замечательную статью в том же 12 номере, где напечатано разбираемое нами письмо, звучащее резким диссонансом на-ряду с статьей об Ильиче. Мы не знаем, подарит ли человечеству азиатский Восток, давший миру Конфуция и Будду, нового Ленина, ибо такие титаны рождаются раз в тысячелетие, но в одном мы не сомневаемся, что революционное движение на Востоке, усилившееся при свете факела, поднятого советской Россией, родит в каждой азиатской стране нового Горького, который на своем языке будет петь чарующие песни безумству храбрых и, идя по стопам нашего любимого поэта, будет звать народные массы к борьбе с вековой неправдой, с насилием господствующих классов, с гнетом и темными сторонами той самой европейской «цивилизации», в лицо

которой когда-то бросил Горький свой презрительный и вполне заслуженный плевок в своем памятном письме об Америке.

Письмо Горького, неосторожно помещенное в органе Коммунистического Интернационала, вызвало чувство жгучей обиды у многих наших восточных товарищей, в том числе татар, киргиз, калмыков, осетин, дагестанцев, кто тысячами умирал на уральском, оренбургском, кавказском фронтах, защищая красную Московию, эту, как охарактеризовал ее Жордания, «представительницу азиатской косности и фанатизма» от натиска европейской цивилизации с ее русскими агентами и холопами: Деникинами, Дутовыми, Алексеевыми, Врангелями и Колчаками. Тов. Бройдо в своей статье, опубликованной в свое время в «Жизни Национальностей», дал вполне правильную оценку этого письма.

В «Коммунистическом Интернационале» до сих пор уделялось мало внимания заграничной коммунистической литературе и вообще библиографическому отделу. Мы думаем, что последний необходимо значительно расширить.

Большим недочетом в издательстве «К. И.» является нерегулярность его выхода в свет и слишком длинные промежутки времени между выпусками. Начиная со 2 конгресса до сих пор вышло всего четыре номера «Коммунистического Интернационала» (№№ 13, 14, 15, 16). Мы полагаем, что необходимо выпускать в свет боевой орган Коминтерна чаще. №№ 15 и 16-ый представляют собой целые фолианты. Оба эти номера можно было смело издать в четырех или пяти выпусках. Чем чаще будет выходить в свет «Коммунистический Интернационал», тем более сильным будет его влияние на развитие коммунистического движения во всех странах.

Ценным дополнением к «Коммунистическому Интернационалу» является «Еженедельное Обозрение», выходящее на французском, немецком и английском языках и «Бюллетень Коммунистического Интернационала» (на русском языке), издаваемые в Москве отделом печати Коминтерна под редакцией т. Т. Л. Аксельрода. Здесь читатель найдет богатый материал не только о рабочем движении в Европе и Америке, но и об экономическом положении послевоенного периода в странах Старого и Нового Света. Однако чувствуется какая-то невязка, неналаженность между «Коммунистическим Интернационалом», с одной стороны, «Бюллетенем К. И.» и «Еженедельным Обозрением»—с другой. Иллюстрацией может служить тот факт, что некоторые материалы последнего 16 номера были в свое время напечатаны в заграничных бюллетенях, издаваемых в Москве.

В общем надо сказать, что одним из грехов Коминтерна в области его литературно-издательской и информационной области является обычное в наше время отсутствие всякого единства плана и руководства.

Существуют, как известно, два отдела печати и информации у Коминтерна: в Петрограде и Москве. Был момент, когда таких отделов

печати существовало даже три, а именно в Москве, что уже совершенно недопустимо, существовало рядом два отдела печати: один—руководимый т. Аксельродом и другой—специально на предмет издания для заграницы иллюстрированного журнала, который наглядно изображал бы жизнь Р. С. Ф. С. Р. Однако этот третий отдел—мертворожденный продукт канцелярских измышлений—кажется, уже прекратил свое существование, ничего не сделав. Что касается упомянутых нами Петроградского и Московского отделов, оба они органически между собой совершенно не связаны. Один и другой издают книги и журналы, один и другой делают сводки, собирают материалы и информируют. Каждый из них имеет свой аппарат и каждый работает по своему собственному усмотрению, по своей программе. Отсюда неизбежный и вредный параллелизм в работе и отсутствие единства в программе.

Если принять во внимание, что характер работы Коминтерна требует высоко квалифицированных работников со знанием иностранных языков и т. п., не трудно понять, как много сил и энергии можно съэкономить, объединив оба аппарата в один. Такое объединение дало бы возможность рациональнее и систематичнее использовать наличные силы, имеющиеся порой в избытке в Петрограде и к моменту недостающие в Москве, и наоборот.

Как бы то ни было, несмотря на существование двух отделов печати, а, может быть, именно вследствие такого обилия отделов, *Коминтерн до сих пор не удостоился выпустить в свет «Протоколов 2-го конгресса»* Комм. Интернационала. А ведь со времени этого конгресса прошел почти год.

Не подлежит также сомнению, что отсутствие общего плана и единства программы непосредственно отражается на качестве работы. В Петрограде печатается иногда то, что одновременно издается в Москве. Появляющиеся материалы информационного характера для заграницы порою оказываются запоздалыми, так как каким-либо отделом уже давно переданы за границу. Вообще отдел печати Коминтерна нуждается в реорганизации. Слишком важная роль лежит на этом отделе, как на одном из важнейших органов информации русской и иностранной прессы о ходе событий в России и во всем мире, чтобы этот отдел мог долее оставаться в том состоянии разброда, отсутствия единого плана, в каком он находился до сих пор.

Ежедневная газета «Москва», печатающаяся на английском, французском и немецком языках под редакцией т. Аксельрода, издается специально для делегатов съезда. К тому моменту, когда мы пишем эти строки, вышло уже десять номеров «Москва». В газете читатель найдет интересные статьи Радека, Чичерина, Стеклова, Гильбо, Дмитриева и друг. Идею издания такой ежедневной газеты специально для делегатов конгресса нужно признать очень удачной.

Кроме периодических изданий, Коминтерн выпустил в свет несколько отдельных брошюр и других изданий. Из брошюр Зиновьева особенно выделяется «12 дней в Германии». Автор дает здесь блестящую и едкую характеристику вождей правого крыла партии независимых, выступав-

ших на съезде в Галле. Перед нами встают, как живые, главный идейный и теоретический вдохновитель правого крыла Рудольф Гильфердинг с его наружностью почтенного «биржевого» маклера или средней руки «банкира», далее практический вождь правых—Дисман, метящий на пост Легина, руководителя контр-революционной профессиональной бюрократии Германии, затем Дитман, типичный представитель рабочей аристократии, старающийся быть во всем столь же респектабельным, какими являются представители «лучшего» общества, владеющий хорошими манерами, не хуже любого буржуазного члена президиума германского рейхстага, обзаведшийся даже—верх франтовства—карманным зеркальцем и соответствующим туалетным гребешком, к которому он прибегает перед каждым выступлением, дабы не ударить лицом в грязь; далее велеречивый, добродушный и смиренно-мудрый святоша Криспин, нахальный и в то же время трусливый, когда дело доходит до серьезной борьбы. Затем Георг Ледебур, чудаковатый старик, чертовски самолюбивый, играющий роль марионетки, которую дергают за ниточку такие господа, как Дисман, наконец, несколько комических персонажей, вроде тетки Луизы Циц, которая принимает всякое критическое слово, направленное революционными рабочими против того Центрального Комитета, который эта особа украшала своим присутствием, за личное оскорбление, ибо тетка Циц считает Центральный Комитет такой же личной собственностью, как ее передник, ее зеркальный шкаф и старую пелерину; далее идет Рихард Липинский, типичная канцелярская крыса, он на зубок знает все примечания к уставу партии и также твердо знает, что надо во всем слушаться Гильфердинга и Криспина. Далее следуют: Курт Розенфельд, Мозес, наконец, смешная, неуклюжая фигура Теодора Либкнехта, в котором есть единственное хорошее качество, его фамилия. Таков генеральный штаб фракции независимых.

После едкой характеристики всех персонажей этого генерального штаба т. Зиновьев переходит к самому съезду в Галле и описывает поединок между представителями коммунизма, с одной стороны, и представителями реформизма и полуреформизма—с другой. Однако содержание этой брошюры настолько интересно, что ей придется посвятить особую рецензию и поэтому на этот раз мы ограничимся сделанными беглыми замечаниями.

Из других изданий Коминтерна заслуживает особого внимания стенографический отчет о съезде народов Востока в Баку.

Странное впечатление производит издание «Приветствие второму конгрессу Коммунистического Интернационала» (приложение к стенографическому отчету о заседаниях II конгресса 19—7 августа 1920 г.). В этой книжке в 107 страниц собраны сотни приветственных телеграмм, полученных конгрессом со всех концов России от красноармейцев, профессиональных организаций, от мастерских и заводов. Мы думаем, что издавать сборник подобных телеграмм, поневоле повторяющих одна другую совершенно излишне, тем более при нынешнем бумажном кризисе. Место подобным телеграммам в местных органах печати.

«Деятели Коммунистического Интернационала» представляют собой великолепно изданный альбом из 57 портретов и пейзажей, —рисунков художников И. Бродского, С. Чехонина, Добужинского, Верейского и Вециллова. Большая часть портретов участников 2 конгресса зарисована талантливым художником И. Бродским. К сожалению, не все портреты удачны и думаем не по вине художника. Более или менее хороши портреты покойного т. Лефевра, на лице которого читаешь какую-то грусть, как будто он предчувствовал свою близкую смерть, но зато крайне неудачны портреты Цхакая, Квелча, Рида, Балабановой, Рязанова, Луначарского, Радека, Шаблина, Роя и некоторых других. Радек по просту неузнаваем. Его в высшей степени подвижное и выразительное, но в то же время худое и изможденное лицо, лицо мыслителя и политического деятеля, проводящего нередко бессонные ночи в непрерывной работе, совершенно преображено. На портрете Бродского вместо нашего Радека мы видим какого-то немецкого пастора, спокойного и сытого. Неудачен портрет Зиновьева, где его глаза и лоб борца и мыслителя и этот характерный рот, при одном взгляде на который видишь, что его обладатель не постесняется в выражениях в борьбе с противниками дорогих ему идей. Трудно поверить, чтобы художник Бродский, имеющий заслуженную репутацию лучшего портретиста в Европе, мог дать такие неудовлетворительные работы, какие мы находим в альбоме. Очевидно, неудачная репродукция так исказила работу художника, что было бы лучше не издавать подобного альбома, который в нынешнем своем виде отдает какой-то казенщиной и претенциозностью. К счастью, не все портреты испорчены. Удались работы художника Вециллова — портреты т. Махарадзе и Тодрие, делегатов от Грузии. Кстати сказать, нам кажется, что подобные альбомы ни в коем случае не должны составляться из зарисовок одного художника. Ведь у нас нет придворных художников. Мы враги всякой казенщины, всякого трафарета... Лицо человека, тем более много думающего и активно действующего, есть своего рода тема, порой очень сложная и глубокая, и подобно тому как самый талантливый и разносторонне образованный писатель не может с одинаковым успехом писать о самых разнообразных темах, точно так же даже очень даровитому портретисту не удаются одинаково хорошо все сюжеты. Художник Бродский, работами которого справедливо гордился его учитель Репин, дал нам в альбоме два портрета Ленина, оба одинаково неудачные, одинаково невыразительные, однотонные и плоские. Может быть, передача лица Ленина не соответствует характеру карандаша Бродского. Только художник, подошедший к данной задаче не потому, что ему нужно дать обязательно портреты всех деятелей III Интернационала, а тем более вождя всемирного Интернационала, а в силу внушенной потребности воплотить карандашом или кистью образ взгляда, ставший уже легендарным, сумеет осуществить свою цель. Такой художник будет самым строгим судьей над своим собственным произведением и он может быть изорвет десятки набросков, прежде чем решится напечатать портрет, который он сам признает удачным, дающим нам верное предста-

ление о подлинном образе титана мысли и действия. В пролетарском искусстве, искусстве художников, служащих своим карандашом и кистью подымающимся к новой жизни многомиллионным народным массам — не должно быть места казенщине, официальному подходу к трактуемой теме, все одно, идет ли речь о пейзаже, исторической картине или портрете.

В общем этот неудачный альбом, изданный на великолепной бумаге, потребовавший затраты громадных технических средств, так же излишен, как скромные бесхитростные «приветствия второму конгрессу Коммунистического Интернационала», с той разницей, что первый обошелся, вероятно, в тысячу раз дороже, чем последние. Заметим, между прочим, что в альбоме почему-то нет портрета т. Троцкого.

Будем надеяться, что редакционно-издательский отдел Коминтерна, много и с пользой поработавший за эти годы в сознании великой роли, возложенной на него и вытекающей отсюда ответственности, будет тщательно продумывать каждый свой шаг и решительно избегать всего, что отдает «казенщиной», трафаретом и подражанием «придворным» нравам.

М. А. БАКУНИН В НОВЕЙШЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Б. Горев.

(Обзор.)

М. А. Бакунин. Избранные сочинения. Издат. «Голос Труда». Т. I. «Государственность и анархия» с биографич. очерком Черкезова, 320 стр., т. II. «Кнуто-германская империя и социальная революция», 295 стр.; оба тома вышли в 1919 г. Т. III. «Бернские медведи», «Речи и статьи по славянскому вопросу», «Народное дело» «Речи на конгрессах Лиги мира и свободы», «Федерализм, социализм и антитеологизм», 216 стр., т. IV. «Политика Интернационала», «Письма о патриотизме», «Письма к французу», «Парижская Коммуна» и др. 266 стр. Оба последних тома — в 1920 г. **М. Бакунин.** «Бог и государство», Издание объединенной группы анарх пропаганды, Москва—Петроград 1918 г. 88 стр. **А. Карелин.** «Жизнь и деятельност М. А. Бакунина». Изд. Всеросс. Федерации анархистов-коммунистов. Москва 1919 г 56 стр. **Б. И. Горев.** «М. А. Бакунин, его жизнь, деятельность и учение». Изд Всеросс. Совета рабоч. кооперации. М. 1919. 110 стр. **Вяч. Полонский.** «Бакунин». Гос. Изд. М. 1920. 167 стр. **Макс Неттлау.** «Жизнь и деятельность М. Бакунина». Изд. «Голос Труда». Пет.—Москва. 1920. 99 стр. **Ю. Стеклов.** «М. А. Бакунин, его жизнь и деятельность». В 3-х частях. Часть первая. М. 1920. Книгоизд. Т-во И. Д. Сытина. 391 стр. **Джемс Гильом.** «К. Маркс и Интернационал». Изд. «Голос труда», 1921. 129 стр.

Как видно из этого длинного списка, наша революционная литература отдала должное Бакунину. Его изучают и о нем пишут с одинаковым интересом и вниманием как анархисты, так и марксисты. Это объясняется не только уничтожением цензурных пут по отношению к «апостолу всемирного разрушения», но также и тем обстоятельством, что грандиозная революция в России и революционная атмосфера во всем

мире делают Бакунина снова живой и действенной фигурой, возбуждают острый интерес к его личности и идейному наследию, делают злободневной и полной трагизма его, казалось бы, давно ставшую достоянием истории, борьбу с Марксом. Если к этому добавить те неожиданные и потрясающие для поклонников «вечного бунтаря» и «гордого Прометея» разоблачения, какие были найдены в тайниках департамента полиции, то еще более станет понятным и законным интерес к Бакунину.

На первом месте среди этих книг, конечно, нужно поставить «Избранные сочинения» самого Бакунина, издаваемые анархистским издательством «Голос Труда». Всего предполагается издать 5 томов; вышло уже четыре. В это собрание сочинений включена шестая часть шеститомного франц. издания под редакцией Гильома, а также русские (т.-е. написанные по-русски) работы Бакунина (за исключением писем), из которых крупнейшим и по размерам и по своему историческому значению, как революционное евангелие «бунтарей» 70-х г.г., является «Государственность и анархия».

Несмотря на свойственное Бакунину многословие, обилие повторений и полное отсутствие архитектурного плана в его работах, где одна мысль причудливо влечет за собою ряд других, что ведет к бесконечным отступлениям и хаотичности изложения, — сочинения его все же читаются и теперь с большим интересом. И это лучше всего свидетельствует о значении тех идей и настроений, которые объединяются общим именем бакунизма. Наиболее интересными и животрепещущими являются теперь, однако, не такие работы, как прославленная «Государственность и анархия», а те, которые писались под непосредственным влиянием минуты, особенно в эпоху франко-прусской войны. Таковы отдельные места из «Кнуто-германской империи», «Бернские медведи» (по поводу предполагавшейся в 1870 году выдачи Швейцарией Нечаева) и особенно яркие, дышащие самой жгучей современностью «Письма к французу».

Подбор сочинений Бакунина сделан издательством довольно умело. Жаль только, что они не снабжены никакими историческими введениями или пояснениями (если не считать нескольких введений Гильома, свидетельствующих, правда, об ученическом благоговении его перед рукописями Бакунина, но дающих очень мало объяснений читателю по поводу *содержания* этих рукописей).

Зато «Биографический очерк» Черкезова, написанный еще в 1915 г. и приложенный к I тому «Избранных сочинений», открывает собой серию анархических биографий Бакунина, которые при всех их различиях сходятся в одном: в неизменно панегирическом, восторженном отношении к *личности* Бакунина (не говоря уже о его идеях) и в невероятной злобности по отношению к Марксу, которого все они ненавидят так остро, как можно ненавидеть не умершего исторического деятеля, а живого врага. Но в этой злобе к Марксу превзошел Черкезов пожалуй всех анархистов, даже самого Гильома, непосредственного помощника Бакунина, вместе с ним исключенного марксистами из Интернационала в 1872 г. В глазах Черкезова Маркс не только гнусный и низкий клеветник

и интриган, руководимый личным тщеславием и честолюбием (в этом сходятся все анархистские биографы Бакунина, резко отличаясь от самого Бакунина, который признавал и огромные идейные заслуги Маркса и его бескорыстную преданность интересам рабочего класса).

В своем стремлении не только унизить Маркса, как человека и политического деятеля, но и развенчать его научные заслуги—анархисты доходят даже до того, что замалчивают или искажают те места из сочинений своего учителя, в которых он отдает Марксу должное. Так, все они, в том числе и А. Карелин, книжка которого вышла уже в 1919 г. с пренебрежением говорят (будто бы со слов Бакунина) о «*Капитале*» Маркса, пред «экономической метафизикой» которого Бакунин якобы «вовсе не преклонялся» (Карелин, стр. 27). А между тем в III томе французского издания сочинений Бакунина, на стр. 209, мы находим такие строки: нет ни одного другого сочинения, которое давало бы «такой глубокий, такой ясный, такой научный, решительный и столь безжалостно разоблачающий разбор образования буржуазного капитала и той систематической и жестокой эксплоатации, которую этот капитал постоянно применяет к труду пролетариата». И далее: «Это произведение есть не что иное, как смертный приговор, научно обоснованный и окончательно произнесенный не над отдельными капиталистами, но над буржуазией, как классом». Кажется, трудно представить более лестный, более восторженный отзыв. (Характерно, что в русском издании сочинений Бакунина мы этого места не нашли.)

Точно также скрывают наши анархистские биографы и то, что, по признанию Бакунина, он именно у Маркса научился применять материалистическое понимание истории (которое, кстати сказать, и помогло части русских народников-бакунистов, а именно чернопередельцам, с Плехановым во главе, перейти от народничества к марксизму).

Что касается значения анархистских биографий для характеристики Бакунина, то и у Черкезова и у Карелина очень мало нового по сравнению с тем, что было хотя бы в старой биографии Гильома (напечатанной в «Былом» за 1907 год). Оба они, равно как и Неттлау, ограничиваются всего несколькими строками (у Неттлау—4 странички), для изложения всего юношеского периода жизни Бакунина, до его отъезда за границу. Но небольшая брошюра Карелина представляет в некоторых отношениях ценный материал, так как дает много цитат из малораспространенных сочинений и особенно писем Бакунина, цитат, имеющих большой и общий и злободневный интерес.

От других анархистских биографий выгодно отличается переведенная на русский яз. книжка *Неттлау*, очевидно, представляющая коротенькое извлечение из его капитального трехтомного труда о Бакунине, которому он посвятил много лет чрезвычайно усидчивой и добросовестной работы. Неттлау не задается никакими широкими задачами и претензиями, не подгоняет никаких цитат для доказательства каких-либо специальных положений. Но зато в области *биографии* Бакунина в нем сразу чувствуется не компилятор, а знаток и специалист. В частности

только у Неттлау мы найдем детально прослеженную жизнь Бакунина за границей, особенно во 2-й период, с 1861 г. Он внимательно идет за своим героем во всех его странствованиях и скитаниях и отмечает их с большой географической и хронологической точностью и полнотой. Тон биографии—в отличие от других анархистов—довольно сухой и официальный, почти, можно сказать, протокольный. И этот тон беспристрастного летописца почти не покидает нашего автора и тогда, когда он описывает «интриги» и «махинации» Маркса и марксистов в Интернационале, их «вероломство» и «предательства». Отдельные моменты деятельности Бакунина Неттлау сознательно опускает, отсылая читателя или к другим своим опубликованным извлечениям из большой работы, или к самой этой работе.

Книги марксистских авторов, посвященные Бакунину, имеют одну общую черту, резко отличающую их от прежних писаний о Бакунине, особенно писаний германских с.-д. вроде Пекка: это их стремление быть объективными, отдать должное его революционности, признать, что в борьбе с ним Маркс часто бывал и неправ и несправедлив.

Первой по времени в 1919 г. вышла книжка пишущего эти строки. Преследуя цели популяризации, она по возможности избегала ссылок на томы и страницы французского издания Бакунина, которым пользовался автор. В этой книжке отчасти использован огромный и биографический материал, имеющийся в известной работе Корнилова «Молодые годы Бакунина». В ней же имеется глава, посвященная бакунизму на Западе и в России. Главный недостаток книжки—полное умолчание о покаянных писаниях Бакунина в крепости, слухи о которых уже тогда ходили в публике, а также некоторые ошибки, вроде приписанной (со слов Руге и прежних биографов) молодому Бакунину юношеской философской статьи Энгельса.

Появившаяся вскоре книжка В. Полонского, значительно бо́льшая по объему, рассчитана на читателя более подготовленного и способного к самостоятельным занятиям. Поэтому она снабжена многочисленными ссылками на источники, историко-библиографическими примечаниями и очень полным списком литературы о Бакунине. В ней мало места сравнительно уделяется чисто биографическому элементу, а особенно мало детским и юношеским годам Бакунина. Зато полно и подробно излагаются взгляды Бакунина, его отношения к Марксу и сношения с Нечаевым. Правда, и в этой работе не упомянуто об унизительной роли, которую сыграл Бакунин в русской крепости, и в ней он является еще с незапятнанным ореолом гордого Прометея. Встречаются в ней также небольшие хронологические ошибки, может быть, даже описки. Так, на стр. 16 мы читаем, что Бакунин приехал первый раз в Париж в 1847 г. (вм. 1844). На стр. 113 автор рассказывает, что в *1853* г. Маркс изложил историю с клеветой против Бакунина и добавлял (т.-е. Маркс добавлял), «что, встретившись позднее с Бакуниным, он возобновил с ним дружеские отношения». «Встреча эта произошла в Лондоне в *1864* г.», заканчивает от себя автор. Ясно, что это описка, что Маркс имел в виду свидание с Бакуниным в

Берлине в 1848 г. и не мог в 1853 г. ссылаться на встречу, которая произошла в 1861 г.

Но это—мелочи, которые нисколько не уменьшают главного достоинства работы В. Половского—объективного, подробного и обстоятельного изложения взглядов Бакунина, его роли в Интернационале и его исторического значения вообще. Написана книжка живым и красивым языком.

Некоторым событием в литературе о Бакунине явилась вышедшая в конце прошлого года большая книга Ю. Стеклова, составляющая лишь первый том давно обещанной и анонсированной двухтомной (а теперь, оказывается, даже трехтомной) работы этого автора. Для тех, кто знал прежние журнальные статьи Ю. Стеклова о Бакунине, составлявшие извлечения из его большого труда, было ясно, что ничего особенно нового ждать от только что явившейся книги не приходится. Главный интерес ее состоял в том, что она, как было известно, широко использует знаменитую «Исповедь» и другие *архивные* материалы о Бакунине. И, действительно, в этих именно материалах, которые Ю. Стеклов цитирует очень пространно и обильно, и заключается главный интерес и ценность его книги (отчасти также в некоторых материалах, касающихся иркутской жизни Бакунина).

Вышедший первый том обнимает период жизни Бакунина до побега из Сибири, т.-е. до 1861 г. Второй должен охватывать весь период последней эмиграции до смерти Бакунина. Третий будет посвящен изложению и критике взглядов Бакунина. Но уже по первому тому можно судить о той особенности труда Ю. Стеклова, которая, с одной стороны, содействует «разбуханию» всей книги, а с другой—в значительной мере обесценивает ее значение. Если прежние работы Стеклова о Бакунине, по его словам, вызвали признание их объективности «и со стороны марксистов (Меринг), и со стороны анархистов (Гильом)», то в разбираемой нами книге автор в гораздо большей степени является *адвокатом* Бакунина, чем объективным историком. На это уже вполне справедливо указал В. Полонский в своей большой рецензии, появившейся в журнале «Творчество», говоря о тех адвокатских манипуляциях, которые применяет Ю. Стеклов, с целью во что бы то ни стало реабилитировать своего героя в такой неприятной истории, как покаянный тон его «Исповеди» Николаю I и прошение о помиловании, поданное им Александру II.

В самом деле, никакие смягчающие обстоятельства, никакие указания на характер эпохи и т. п. не могут уменьшить того пятна, какое эти факты кладут на историческую репутацию Бакунина. Ибо со времен Эсхилова Прометея считалось морально установленным, что не должен и не может борец просить помилования у победившего его врага. И, чтобы не ссылаться на всю бесконечную галлерею мучеников Народной Воли, достаточно упомянуть о Чернышевском, чтоб видеть подлинный образчик действительного Прометея.

Но дело в том, что Ю. Стеклов решил на этот раз непременно «родными счесться» с Бакуниным, которого он делает прямым родоначаль-

ником современных коммунистов и даже первым изобретателем (в 1848 1849 году) «советской системы» (что не мешает, впрочем, нашему автору считать Бакунина анархистом уже в ту эпоху...) А раз так, то ему необходимо полностью реабилитировать его даже в прочно установленных неприятных и несносных чертах характера.

Гораздо более удачны и ценны те исторические изыскания, которые делает автор, чтоб проследить источник известной клеветы против Бакунина (будто он агент русского правительства). С большой долей вероятности устанавливает Ю. Стеклов этот источник в польской эмиграции конца 40-х годов.

Несмотря на адвокатский тон, вызывающий подчас при чтении досадное чувство, книга Стеклова, благодаря обилию приводимого в ней свежего материала (неизвестного широкой публике), читается с большим интересом.

ОБЗОР ИНОСТРАННОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВОПРОСУ ОБ ОМОЛОЖЕНИИ.

В. Завадовский.

1) **Steinach.** Verjüngung durch experimentelle Neubelebung der alternden Pubertätsdrüse. Berlin. Verlag von Julius Springer. 1920 г. (68 страниц, 7 таблиц).

(**Штейнах.** Омоложение путем экспериментального возрождения к жизни стареющей пубертатной железы).

2) **Paul Kammerer.** Über Verjüngung und Verlängerung des persönlichen Lebens. Deutsche Verlagsanstalt. Stuttgart und Berlin 1921 г. 59 страниц.

(**Пауль Каммерер.** Об омоложении и продолжении личной жизни).

3) **Frank Lydston.** Impotence and sterility withaberrations of the sexual function and sex. Gland implontation. Chicago 1917 г. 33 страницы.

(**Франк Лидстон.** Импотентность и стерилизация посредством нарушения половых функций и имплантация половых желез. Чикаго 1917 г.).

4) **Serge Voronoff.** Vivre. Etudes des moyens de relever l'energie vitale et de prolonger la vie. Paris. Bernard Grasset. 1920 г.

(**Сергей Воронов.** Жить. Этюды о способах поднятия жизненной энергии и продления жизни. Париж. Бернард Грассе. 1920 г. До 300 страниц).

5) **D-r Borosini.** Verjüngungskunst von Zaratustra bis Steinach. Verl. von D. Pahl. Dresden. 19:1 г. 74 стр.).

(**Борозини.** Искусство омоложения от Заратустры до Штейнаха. Изд. Д. Паль. Дрезден. 1921 г.).

6) **Бидль.** Внутренняя секреция. 2 т.т. Перевод со 2-го немецкого изд., под редакцией и с дополнением проф. Репрева. 1914 г. Изд. «Практическая Медицина». В 2-х томах, свыше 800 стр.

7) **Harms.** Experimentelle Untersuchungen über die innere Sekretion der Keimdrüsen und deren Beziehung zum Gesamtorganismus. Verl. Fischer. Jena 1920—21 г.

(**Гармс.** «Экспериментальные исследования над внутренней секрецией половых желез и их отношение к организму». Изд. Г. Фишера. Иена 1920—21 г.).

8) **„Новые идеи в медицине“.** Сб. № 3 (Изд. «Образование». 1914 г. 123 стр.).

9) **Балладин, А. В.** О химическом взаимодействии органа человека (Внутренняя секреция). Изд. «Библиотека натуралиста», Панафидиной. 1913 г. 58 страниц.

10) **Немилов** Гормоны. Изд. «Знание для всех». Сойкина. 1917 г. 40 стр.

11) **Шмидт.** Загадки жизни. Изд. Госиздата. Петерб. 1920 г. 188 стр.

12) **Шмидт.** Основы жизни. Изд. Госиздата. Петерб. 1920 г. 120 стр.

13) **Научные бюллетени** У-та им. Шанявского. 1913 г. Москва.

14) **Мечников.** Этюды о природе человека. Изд. «Научное Слово». Москва 1905 г. 246 стр.

15) **Мечников.** Этюды оптимизма. Изд. «Научное Слово». Москва 1909 г. 280 стр.

16) **Ред. Златогорова.** «Специальная микробиология». Т. 2-ой, свыше 700 стр

17) **Циклинская.** Роль бактерий в кишечном канале человека. Журнал «Природа». Ноябрь 1913 г.

18) **Кулагин.** Старость и смерть по учению естествоиспытателей. Москва 1902 г., до 40 стр.

19) **Кащенко.** Смерть и долголетие с биологической точки зрения. Изд «Наука». Москва 1914 г. 54 стр.

20) **„Новые идеи в биологии“.** Сб. № 3: «Смерть и бессмертие». 1914 г. 148 стр

21) **Майнот.** Современные проблемы биологии. Изд. «Природа». 1913 г. 119 стр

22) **Метальников.** Проблема бессмертия в современной биологии. Петерб 1918 г. 64 стр

I.

Осень минувшего 1920 года принесла нам из Германии сенсационный слух об открытии способа омоложения стариков. Вскоре после того стали поступать к нам, хотя и в единичных экземплярах, и печатные труды, благодаря которых мы получили возможность составить себе ясное представление о характере и значении этого открытия. Если оставить в стороне сенсационную сторону его, привлекающую часто нездоровый интерес известной части публики, то все же нельзя не согласиться, что замечательные работы венского ученого проф. Штейнаха, приведшие к этому открытию, составляют одно из наиболее значительных достижений науки текущего столетия. Поэтому нам кажется не бесполезным дать общий обзор литературы, дошедшей до нас по этому вопросу, а равно и указать литературу, ранее уже имевшуюся у нас, которая даст возможность широким кругам читателей полнее осмыслить обсуждаемый вопрос.

Центральной и основной работой, освещающей суть вопроса, является обстоятельная статья самого автора открытия проф. Штейнаха, помещенная сперва в Archiv F. Entwicklungsmechanik, том 46, 4 тетради за 1920 год, а затем вышедшая и отдельной книгой.

В этой своей книге Штейнах излагает прежде всего все свои предшествующие работы, ведшиеся им, начиная с 1910 года, и уже опубликованные им в разное время в специальных журналах и приведшие его к настоящему открытию.

Суть этих работ приводится к следующему:

Работая на крысах и морских свинках, Штейнах добился того, что, кастрируя в молодости молодое животное и вживая ему затем половую железу другого пола, он получал у них как физические, так и психические признаки другого пола, т.-е. превращал самцов в самок и обратно. Отметим, кстати, что эта его работа, опубликованная еще в 1910—1912 годах,

разом выдвинула Штейнаха в ряды первоклассных экспериментаторов и была изложена вскоре и на русском языке в весьма удачной статье Н. Г. Когана, помещенной в «Научных бюллетенях У-та имени Шанявского» в 1913 году под заглавием: «Произвольное превращение самцов в самок».

Уже в то время, как сообщает нам Штейнах в реферируемой нами основной своей работе им был поставлен и экспериментально разрешен вопрос о роли половых желез в индивидуальной жизни животного и в частности в явлениях старчества. И в самом деле, в конце своей книги он прилагает свою краткую докладную записку, поданную им в Венскую академию наук еще в 1912 году и свидетельствующую о том, что уже в то время им была экспериментально разрешена задача омоложения на крысах.

Таким образом с необычайной для нынешнего времени скромностью Штейнах уже с 1912 года держал в тайне свое замечательное открытие, умножая свои опыты, проверяя поразительные полученные им результаты и отшлифовывая методы операции. И лишь в 1920 году, когда его метод был с успехом перенесен на человека, он выступает со своим открытием на суд широкой публики.

Суть штейнаховского метода омоложения вращается вокруг функций тех же половых желез. Разработан он главным образом на самцах. Он сводится в первоначальном своем виде к тому, что одряхлевшему самцу или самке с их вырождающимися половыми железами вживаются железы из животных того же вида, но находящихся в полном расцвете своих сил.

В дальнейшем Штейнахом был найден другой прием, который позволяет ему достичь того же омолаживающего эффекта, не прибегая к железам другого животного: он просто перерезает выносящие семенные протоки самого старика, что ведет за собою омоложение его яичек, а вслед затем и всего организма.

Третий путь, лишь намечаемый им, и особенно удобный в особенности для самок, состоит в умеренной рентгенизации половых желез. Пользуясь этими приемами и главным образом наиболее многообещающим в смысле осуществимости его на человеке методом перерезки половых протоков, Штейнах достиг поразительных результатов.

Его крысы, нормально не выдерживающие дольше 28 месяцев и погибающие еще ранее того от старческого одряхления, оказывались способными жить до 32, 36 и даже $40^1/_2$ месяцев, т.-е. давали продление жизни, равное 25—30$^0/_0$ и даже больше.

Животные, потерявшие уже $^1/_2$ года и ранее того потенцию, обнаруживавшие самые яркие признаки старческого маразма, облысения, вшивости и т. д., в результате операции вновь оказывались способными давать потомство, покрывались новым блестящим мехом, восстановляли всю свою силу и мужество и характерную для крыс любовь содержать в чистоте свой мех.

Штейнах прилагает к своей журнальной статье большое количество таблиц-снимков с подопытных животных в их старческом дооперационном и затем в омоложенном состоянии. Эти фотографии производят

впечатление весьма убедительное. Здесь же помещен ряд гистологических и анатомических таблиц, показывающих, что омолаживающий эффект не ограничивается лишь внешними признаками, но распространяется и на внутреннее строение половых желез и связанной с ними всей половой системы.

В отдельном своем издании книга по техническим причинам оказалась лишенной части из этих таблиц.

В заключение Штейнах сообщает три случая омоложения на людях, из коих один касается преждевременной старости 44-летнего рабочего, два других—настоящих стариков 71 и 66 лет. Во всех трех случаях достигнут поразительный эффект полного восстановления физических и психологических сил (чернорабочий, ранее потерявший трудоспособность, теперь носит грузы весом до 6 пудов), роста волос, половой потенции и т. д.

До сих пор мы отмечали лишь то в книге Штейнаха, что имело прямое отношение к вопросу омоложения. Но здесь же Штейнах дает сводку и других своих работ, дающих не менее важные и в научном и в практическом отношениях результаты. Эти работы находятся также в тесной связи с его первой работой по превращению полов, и идут именно в направлении прямого развития добытых тогда фактов. Здесь сообщается о случаях излечения человека от последствий кастрации, путем пересадки ему крипторхического яичка из другого человека. Далее о ряде исследований по получению на морских свинках бисексуальных форм («экспериментальных гермафродитов») и, наконец, по излечению гомосексуализма у человека через посредство удаления своих бисексуальных яичек и имплантацию чужого нормального.

Из этого весьма краткого извлечения наиболее существенных фактов, сообщаемых в работе Штейнаха, достаточно выясняется капитальное значение его исследований, давших твердую физиологическую основу разом для нескольких областей знания. В этом отношении можно смело сказать, что его работы по экспериментальному изучению гермафродитизма дают не менее для психопатологии половой жизни и ее лечения, чем его метод омолаживания в деле борьбы со старостью.

Эта работа Штейнаха, как и все его предшествующие специальные журнальные статьи, написана в высшей степени сжато и насыщено, ни на минуту не удаляясь от непосредственно полученного опытного материала. Она содержит в высшей степени ценную главу, рисующую рабочий план дальнейших исследований, намеченных Штейнахом, но не вдается ни в какие теоретизации и широкие толкования по поводу добытых результатов. От начала до конца Штейнах остается классически спокойным и строгим ученым. Единственное допущение, которое он делает для объяснения своих результатов, заключается в том, что он предполагает наличность в половых железах двух самостоятельных образований, пронизывающих одно другое: 1) половых клеток, работающих наружу и продуцирующих семенные клетки у мужчин или яйца у женщин—или «зародышевую железу» по терминологии Штейнаха («Keim-

drüse») и 2) промежуточных клеток, влияющих внутрисекреторным путем на функции индивидуальной жизни, образующих так называемую (по Штейнаху) «пубертатную железу» («Pubertätsdrüse»), т.-е. «железу зрелости». Изменениям в этой пубертатной железе Штейнах приписывает все явления старости и омоложения и половой психологии. Штейнах обосновывает эту свою точку зрения рядом работ, но, как мы увидим ниже, это допущение специальных пубертатных клеток на-ряду с половыми не встретило пока общего признания.

В немецком издании книга Штейнаха носит название: «Verjüngung durch experimentelle Neubelebung der alternden Pubertätsdrüsen», — von Julius Sprenger, 1920 г. [1]). Русский перевод этой капитальной работы под редакцией проф. Н. К. Кольцова сдан в Издательский Отдел Наркомздрава. Надо пожелать, чтобы он поскорее вышел в свет.

Другим источником для ознакомления с этим животрепещущим вопросом может послужить книга P. Kammerer'a, вышедшая в 1921 г. под заглавием: «Über die Verjüngung und die Verlängerung des persönlichen Lebens» (Пауль Каммерер. Об омоложении и продлении личной жизни). *Пауль Каммерер* близкий друг и сосед по лаборатории Штейнаха, очевидец и свидетель всех работ последнего и сам крупная величина в области экспериментальной биологии. Все это делает его изложение вопроса, предназначенное для гораздо более широкого круга читателей, чем строго научная работа Штейнаха, весьма интересным и живым. Обладая большим популяризаторским талантом, уже доказанным в ряде ранее напечатанных книг, Каммерер предносылает изложению работ Штейнаха краткий, но очень удачный очерк учения о внутренней секреции, вдается в полемику с рядом авторов, подвергающих сомнению результаты и выводы Штейнаха, и строит некоторые теоретические предположения в объяснение полученных результатов. В отличие от строго академического и лаконического тона Штейнаха, изложение Каммерера полно непосредственной жизни и увлечения, и вводит читателя в круг той горячей полемики, которая возникла в немецкой научной печати и даже на газетных столбцах вокруг этого сенсационного открытия. К книге приложен указатель литературы по затронутому вопросу, что делает книгу ценным справочником не только для широкого читателя, но и для специалиста. Но особенно делает ценным эту книжку то, что, помимо почти исчерпывающего изложения работ Штейнаха, Каммерер дает ряд дополнительных фактических данных, полученных или самим Штейнахом вместе с его сотрудником хирургом Лихтенштерном за последний год, истекший с момента выхода в свет книги Штейнаха, или тех параллельных открытий, которые были получены независимо от Штейнаха в Америке и во Франции.

К числу этих дополнительных поражающих результатов нужно отнести сообщение, что число операций на человеке доведено Штейнахом

---

[1]) *Штейнах.* Омоложение путем экспериментального возвращения к жизни стареющей пубертатной железы. Изд. Шпренгер. Берлин 1920 г.

и Лихтенштерном уже до 28. из коих некоторые уже успели дать положительные результаты и не было ни одного отрицательного (в смысле гибели пациента или каких-либо послеоперационных нарушений и заболеваний). Далее сообщается, что три первые пациента, о которых сообщал Штейнах, продолжают и через год пользоваться полным здравием возобновленных сил.

Полной новостью после книги Штейнаха является сообщение Каммерера о тех параллельных работах, которые были сделаны в Париже нашим соотечественником, директором физиологической лаборатории, д-ром Сергеем Вороновым, а в Америке—Бриклеем и Лидстоном. По тем слухам, которые дошли до Каммерера, Воронову удалось достичь омоложения путем пересадки человеку яичек от обезьян, а Бриклею—из коз. Наконец, в попавшей Каммереру уже при чтении корректуры книге: Lydston. «Impotence and Sterility with oberration of the Sexual function and sex-Gland implantation». Chicago 1917 года [1]) сообщается, что автору ее удалось получить эффект путем пересадки яичек из целых трупов.

Надо сказать, что, сообщая о работах Воронова и Бриклея, Каммерер оговаривается, что ученые круги в Германии (и Австрии) испытывают знакомую нам, русским, блокаду и что поэтому он вынужден питаться лишь слухами, требующими более солидного подтверждения.

Автору этой статьи удалось недавно познакомиться с весьма интересною книгой Воронова, вышедшей в 1920 г. под заглавием [2]): «Vivre. Etudes des moyens de relever l'energie vitale et de prolonger la vie», и надо сказать, что газетная сенсация, распространенная английским радио два года назад, несколько опередила события и одинаково обманула как Каммерера, так и автора этих строк. Осенью 1919 года, в бытность мою в Севастополе и Одессе, я имел случай из английской газеты узнать, что Воронову удалось омоложать стариков указанным выше способом. Но ознакомившись с подлинной работой Воронова, я могу убедиться, что газета кое-что переврала, и это еще в лишний раз учит относиться поосторожнее к газетным источникам. Впрочем, все это не мешает быть работе Воронова весьма ценным и важным дополнением к работам Штейнаха.

Воронову действительно удалось в нескольких случаях получить омоложение стариков, но не людей, а баранов; омоложение производилось Вороновым путем пересадки старикам баранам, находящимся накануне гибели от старческого истощения, яичек из молодых самцов. В двух случаях такие бараны, получившие полное восстановление всех юношеских сил, дали приплод после долгого периода бесплодия. После этого барану были вырезаны имплантаты—и в месячный срок он вновь впадает в со-

---

[1]) *Франк Лидстон*, Импотентность и иистерилизация посредством нарушения половых функций и имплантация половых желез, Чикаго 1917 г.

[2]) *Сергей Воронов*. Жить. Этюды о способах поднятия жизненной энергии и продления жизни.

стояние глубокого старчества. Тогда ему вновь пересаживают молодые яички—и получают новый расцвет сил и вторичный прилод нормального характера. Эти поразительные результаты Воронов иллюстрирует, подобно Штейнаху, прекрасно выполненными и эффектными фотографиями подопытных баранов и козлов до и после операции.

В дальнейшем, на основании этих результатов, Воронов рисует перспективы омоложения человека путем пересадки ему яичек или из свежих трупов, или из обезьян. Возможность этого последнего он доказывает описанием двух операций, осуществленных им на щитовидной железе, когда им были излечены два кретина путем пересадки им щитовидной железы в одном случае из шимпанзе, в другом—из павиана (что представляет исключительный интерес, учитывая дальнее родство павиана с человеком). Повидимому, эти-то операции и заманчивые перспективы, рисующиеся Воронову лишь в возможности, убедили газетного репортера признать ожидаемое за осуществленный факт...

Интерес книги Воронова не исчерпывается одной только частью, касающейся проблемы омоложения. Она содержит кроме того очень ценный научный материал, связанный с работами Воронова по изучению египетских евнухов, по экспериментальному изучению и излечению кастрации на тех же баранах и козлах и, наконец, по операциям пересадки костей и тканей на человеке и на других животных. Успехи всех этих пересадок, уже осуществленных Вороновым, оправдывают тот оптимизм, с которым он смотрит вперед, но представляют и самостоятельный научный интерес для современного дня.

Книга Воронова написана в типичном легком французском стиле, с большим увлечением и размахом и, подобно книге Мечникова «Этюды о природе человека», может читаться как самым неученым читателем, так и специалистом с одинаковым интересом.

Несколько легкий тон и слишком многообещающие перспективы, пожалуй, преждевременно развертываемые автором, оправдываются действительно счастливыми результатами, уже достигнутыми наукой в этой задаче ремонта живой человеческой машины.

Книга Каммерера переведена на русский язык и дополнена последними журнальными данными автором настоящей статьи, и в настоящее время печатается Научно-популярным Отделом Госиздата.

Появление на русском языке книги Воронова мы считаем весьма полезным и желательным.

Этими тремя книгами исчерпываются пока все те сводные работы, которые нам удалось лично прочитать по интересующему нас вопросу. Работ американских ученых нам достать пока не удалось и по всем данным они еще до сих пор не получены в России.

Интересующиеся вопросом более глубоко смогут найти подробный указатель литературы как у Штейнаха, так и особенно у Каммерера. Кроме того, за состоянием вопроса можно следить по специальным журналам, получающимся в настоящее время в Москве несколькими учреждениями. Как на один из таких весьма ценных источников, укажем реферативный

журнал: «Berichte über die gesamte Physiologie und experimentelle Pharmakologie», издающимся с 1920 г. в Берлине Oppenheimer'ом и Rona.

Специальные работы Штейнаха печатались за последние годы по преимуществу в «Archiv für Entwicklungsmechanik», а первые работы—в «Pflügers-Archiv».

В последнее время к нам в Россию стали проникать и более легковесные книжки, подхватившие сенсационную сторону замечательных работ Штейнаха и использовывающие в своих целях нездоровый интерес известной части публики. Часть из этих книг названа у Каммерера. Одна из последних «новинок» недавно получена Научно-популярным Отделом Госиздата и носит громкое заглавие: D-r Borosini. «Verjüngungskunst von Zaratustra bis Steinach» [1]). Книжка в 74 страницах малого формата и с явно порнографическими заданиями. Полагаю, что на такого рода книжках нет нужды останавливаться. О них стоит упомянуть лишь для того, чтобы отметить способность «вольной» буржуазной прессы любое великое открытие обратить в «деньгу».

* * *

Поразительные и раскрывающие столь широкие перспективы результаты, полученные одновременно Штейнахом, Вороновым, Лидстоном и, повидимому, Бринклеем, могут показаться совершенно неожиданными для многих, кто не следил за последними достижениями биологических наук. По существу же эти последние сенсации являются прямым продолжением и развитием уже упомянутых выше первых работ того же Штейнаха. Фундамент же для всех их был положен еще 40 лет назад Броун-Секаром, основавшим так называемое учение о внутренней секреции. И для всякого, кто захотел бы взять от науки не только сенсационные вершки, но мыслить вопрос во всем его научном значении и исторической перспективе, надлежит обратиться к научным или научно-популярным книжкам по внутренней секреции, указанием которых мы и закончим эту первую часть нашей статьи.

Основной монографией-справочником по внутренней секреции является двухтомный труд—*Бидль*. Внутренняя секреция. Перевод со 2-го немецкого издания проф. Репрева. Издание «Практич. медицина», 1914 г., 800 стр.

В 1920 году вышло 3-е издание этого капитального труда, но оно пока еще не дошло до России.

Минуя остальную многочисленную иностранную литературу по вопросам внутренней секреции, укажем лишь на одну монографию, посвященную специально внутренней секреции половых желез и принадлежащую перу одного из предшественников Штейнаха—Harms. Experi-

[1]) *Д-р Борозини.* «Искусство омоложения от Заратустры до Штейнаха». Изд. Паль. Дрезден 1921 г. 74 стр.

mentelle Untersuchungen über die innere Sekretion der Keimdrüsen und deren Beziehung zum Gesamtorganismus. Verl. I. F. Iena [1]).

Новое издание этой интересной книги вышло в 1920—1921 годах. И книга Harms'а и особенно Бидля носят специальный характер и недоступны для широкой публики.

Из числа более доступной литературы на русском языке укажем прекрасный сборник № 3 издания «Новые идеи в медицине», посвященный вопросам внутренней секреции и заключающий вводную статью проф. Цитовича, очень содержательную работу *Беритца* «Нервная система и внутренняя секреция» и клиническую статью Крауса.

Совсем популярный характер носят удачные брошюры:

Паладин, А. В.: «О химическом взаимодействии органов человека» (внутренняя секреция). Изд. «Библиотека натуралиста», Панафидиной. 1913 год.

Немилов: Гормоны. Изд. «Знание для всех», Сойкина, 1917 г.

Вторая из этих брошюр уделяет много места вопросам внутренней секреции половых органов и в частности работам Штейнаха и Броун-Секара. Первая из них останавливается гораздо более бегло. Обе и в особенности книжка Немилова снабжены хорошими иллюстрациями.

Тому же вопросу посвящена лекция проф. Шмидта, П., «Химия жизни», помещенной в его сборнике, недавно вышедшем (в 1920 году) в Петербурге в издании Госиздата.

Если сюда еще присоединить упомянутую выше статью И. Г. Когана «В научных бюллетенях» у-та имени Шанявского, то этим будет исчерпано все наиболее существенное, что имеется в русской научно-популярной литературе по вопросам внутренней секреции, привлекшим к себе исключительное внимание в последние десятилетия и столь громко заявившим о себе в блестящих работах Штейнаха, Воронова и других.

II.

Научной мысли, как и всему человеческому, свойственно делать в своем развитии зигзаги. Совершенно понятное увлечение теми результатами, которые принесли работы Штейнаха для разрешения проблемы старости, заставило многих забыть то значение, которое еще недавно придавалось другому учению о старости, которое было разработано И. И. Мечниковым. Характерно, что ни Штейнах, ни Каммерер при всей их научной объективности ни слова не говорят о мечниковской теории старости, а Воронов упоминает о ней лишь для того, чтобы почти что высмеять ее, как якобы опровергнутую слишком ранней мечтой самого Мечникова, столь ревностно выдерживающего свой режим ортобиоза. Нам кажется глубоко несправедливым такое несерьезное отношение к еще недавно столь популярным идеям Мечникова. Мы не станем говорить об исторической заслуге Мечникова, который впервые поста-

[1]) *Гармс.* Эксперим. исследования над внутренней секрецией половых желез и их отношение к организму. Изд. Фишера, Иена, до 390 стр.

вил проблему старости как научную проблему и попытался разрешить ее методами чистого экспериментального исследования,—нам кажется, что и по существу большинство из идей Мечникова не только не противоречит тому, что дает нам гормональная теория старости, вырастающая на почве работ Штейнаха, но что обе эти теории взаимно дополняют друг друга и что будущая законченная теория старости должна будет сложиться из элементов, взятых с одной стороны из фагоцитарной теории старости Мечникова, а с другой—из гормональных явлений, столь привлекающих наше внимание в настоящее время.

Я отнюдь не отрицаю этим того, что Штейнах подошел гораздо ближе к вопросу, чем это сделал Мечников; но мне бы хотелось напомнить, что было время, когда за учением Мечникова было забыто учение Броун-Секара, вновь воскресшее теперь в работах Штейнаха. Это должно учить нас не забывать уроков старого и брать из него то ценное, что в нем было заключено. Вот почему нам кажется, что было бы глубокой ошибкой, если бы мы в пылу увлечения поразительными достижениями Штейнаха забыли то, что было сделано уже в этом направлении, но на совершенно другом пути, нашим великим соотечественником. Наоборот, именно теперь, в связи с новым подъемом интереса к проблеме старости, особенно уместно вспомнить о мечниковской теории, оценить с новой точки зрения и в свете вновь добытых фактов эту теорию и определить ее взаимоотношения с ними.

Вот почему нам кажется, что читатель должен познакомиться с теорией Мечникова как в оригинале, так и в популярном изложении ее другими авторами из указываемой нами ниже литературы.

Лучшим и классическим изложением мечниковской фагоцитарной теории старости является книга самого *Мечникова*: «Этюды о природе человека», изд. «Научного Слова». Эта книга и до сих пор является образцом классической популяризации и должна быть известна всякому мыслящему и ищущему человеку. Дополнением к ней, носящим уже более полемический характер служит другой сборник Мечникова, вышедший в том же издательстве под общим заглавием: «Этюды оптимизма».

Весьма обстоятельным новейшим изложением фактических данных, связанных с учением Мечникова, может послужить статья Циклинской: «Микрофлора человеческого тела» во 2-м томе Микробиологии, вышедшей под ред. проф. Златогорова в 1918 году в изд. «Практическая медицина». Той же Циклинской принадлежит весьма содержательная статья в ноябрьском номере «Природы» за 1913 год под заглавием «Роль бактерий в кишечном канале человека и животных».

Из других популярных достаточно многочисленных изложений мечниковской теории старости отметим удачные изложения проф. Н. М. Кулагина: «Старость и смерть по учению естествоиспытателей», П. Ю. Шмидта: «Старость и смерть по учению И. И. Мечникова» (в сборнике «Загадки жизни», изд. Госиздата, 1920 г.) и весьма мало удачные рассуждения проф. Кащенко: «Смерть и долголетие с биологической точки зрения». Изд. «Наука», 1914 г.

* * *

Для полного завершения обзора литературы по проблеме старости следует указать еще первоначальные полуметафизические или чисто словесные попытки разрешить ее, произведенные Вейсманном, Р. Гертвигом и другими биологами.

Мы не придаем этим гипотезам серьезного значения. С нашей точки зрения они являют собою примеры чисто словесных изворотов, бесплодные уже потому, что они не открывают и не откроют никаких перспектив в деле научного разрешения загадок, поставленных природой перед человеком. В отличие от них теории Мечникова и Штейнаха ценны именно тем, что они уже дали возможность, служа как рабочие гипотезы, получить целый ряд экспериментальных данных, приближающие нас все ближе к поставленной цели. Но как бы то ни было и эти первые попытки биологов разрешить одну из вечных загадок жизни представляют известный интерес. Лучше всего познакомиться из сборника третьего «Новых идей в биологии», выпущенных в свет в 1914 году под заглавием: «Смерть и бессмертие», вып. 1. В этот сборник входят статьи: 1) *Вейсманн.* «О жизни и смерти». 2) *Г. С. Майнот.* «О бессмертии и о развитии смерти». 3) *Р. Гертвиг.* «О причинах смерти» и 4) *Евг. Шульц.* «О молодении». Краткое, но удачное изложение всех теорий старости до Штейнаха дано *П. Ю. Шмидтом* в заключительной главе его книги: «Основы жизни» (изд. Госиздата 1920 г.). Изложение теории *Майнота* можно найти также в его книге: «Современные проблемы биологии», в изд. «Природа» за 1913 г.

Сходные с Майнотом идеи излагаются проф. Метальниковым в его брошюрке: «Проблема бессмертия в современной биологии» и в более кратком виде в его же статье «О причинах старости» в сентябрьском номере «Природы» за 1912 год.

Для всех этих книг и статей, освещающих проблему старости, характерно то, что они исходят или исключительно из гормональных (внутрисекреторных) явлений, как это делают ныне Штейнах, Каммерер и другие современные ученые, и тогда умалчивают о теории Мечникова, или же наоборот, стоя на мечниковской точке зрения, не считаются с гормональными факторами, указанными еще Броун-Секаром, или, наконец, в-третьих, подобно Гертвигу, Вейсманну, Майноту или Метальникову, подходят к проблеме с чисто натурфилософской точки зрения, скорее рассуждая по поводу старости. Мы совершенно не имели до сих пор попытки произвести сравнительную оценку всех этих теорий и определить взаимные отношения двух истинно-научных теорий старости, созданных трудами, с одной стороны, Мечникова, с другой—Броун-Секара, Штейнаха и других.

Именно такая попытка произведена была автором этой статьи в книжке: «О загадке старости», рукопись которой была сдана $1^1/_2$ года назад одному кооперативному издательству в городе Одессе и которая, по имеющимся у меня сведениям, вскоре должна появиться в свет. В этой книжке, еще не зная последних работ Штейнаха, я устанавливал

преимущество гормональных (внутрисекреторных) механизмов и будущий успех соответствующих теорий старости, но вместе с тем пытался выяснить то здоровое и положительное, что было дано Мечниковым и что навсегда останется прочным приобретением науки в этом направлении. В настоящее время, по предложению Госиздата, мною готовится к печати новое увеличенное издание этой книжки, дополненное на основании новейших работ Штейнаха, Воронова и других ученых и развивающее мысли, вкратце намеченные в этом обзоре.

ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО БОРЬБЕ С ТУБЕРКУЛЕЗОМ.

Д-р Вл. Розанов.

(Обзор.)

Справочники секции борьбы с туберкулезом: вып. I: Д-р **Маркузон.** Охрана детей от туберкулеза. Москва 1920, изд. *Н. К. З.*, стр. 31; вып. II: Материалы по устройству летних школьных колоний. М. 1920, изд. З-е *Н. К. З.*, стр. 64; вып. III: Материалы по устройству санаториев для детей. М., 1920, изд. *Н. К. З.*, стр. 56; вып. IV: Материалы по устройству санаториев для взрослых. М. 1920, изд. *Н. К. З.*, стр. 55; вып. V: Материалы по устройству диспансеров для борьбы с туберкулезом. М. 1920, изд. *Н. К. З.*, стр. 40; **Н. А. Семашко.** Пролетарские болезни (туберкулез). М. 1920, изд. *Н. К. З.*, стр. 16. Популярные листовки по туберкулезу, изд. *Н. К. З.*, М. 1920: 1) Что такое туберкулез, стр. 4, 2) Туберкулез и социальные условия, стр. 2, 3) Туберкулез и жилище, стр. 2, 4) Туберкулез и профессия, стр. 2, 5) Туберкулез и город, стр. 2, 6) Туберкулез и деревня, стр. 2, 7) Туберкулез и наследственность, стр. 2, 8) Туберкулез и самоизлечение, стр. 2, 9) Туберкулез—болезнь детей, стр. 2, 10) Туберкулез, стр. 2, 11) Как защитить ребенка от туберкулеза, стр. 2, 12) Что делает диспансер для туб. больных, стр. 2, 13) Для чего создаются санатории, стр. 2, 14) Туберкулез и воздух, стр. 2, 15) Туберкулез и солнце, стр. 2, 16) Туберкулез и холод, стр. 2, 17) Покой и работа при туберкулезе, стр. 2, 18) Туберкулез и одежда, стр. 2, 19) Гигиена кожи при туберкулезе, стр. 2, 20) Гигиена рта при туберкулезе, стр. 2, 21) Кашель при туберкулезе легких, стр. 2, 22) Мокрота туберкулезн. больных, стр. 2, 23) Правила для больных в санатории, стр. 1, 24) Комната туберк. больных, стр. 2, 25) Как устроить санаторные лечения на дому, стр. 2, 26) Домашние санаторные лечения для тяжело больных туберкулезом. Роста № 111. 16 XII—1920. Туберкулез—мировое зло.

Секция борьбы с туберкулезом Н. К. З., исходя из соображения, что ее дело может быть успешным, только на основе широкой просветительной работы, издает популярную литературу по борьбе с туберкулезом. Издано пока немного: *5 справочников* по различным организационным вопросам, *26 листовок, одна популярная брошюра*. Размеры этой издательской деятельности не превышают результатов самого скромного издательства по довоенному масштабу и могли бы удовлетворить раньше разве только частное общество одноименного назначения в столицах; вероятно, всероссийская лига борьбы с туберкулезом не

сочла бы для себя такое достижение слишком блестящим. Но тогда были одни технические возможности, теперь—другие, и по нынешним временам и эту скромную работу нужно заботливо записать на приход.

Со стороны качественной нужно прежде всего отметить одну оригинальную особенность части этой литературы, именно *справочников*. По характеру изложения эти издания популярные, т.-е. они написаны для лиц, не имеющих медицинского образования, даже вообще не подготовленных к деятельности в области борьбы с туберкулезом. По содержанию же они являются руководствами в сложном и широком деле устройства различного рода антитуберкулезных учреждений. Почему эти часто практические дела, раньше исполнявшиеся высоко квалифицированными людьми, подлежат теперь разъяснению в популярных справочниках? Ответ сам собою ясен: потому-что теперь к делу привлечены совершенно новые общественные элементы, раньше в нем не участвовавшие, люди новые и неподготовленные. Привлечены же они отчасти вследствие недостатка опытных и знающих специалистов, отчасти вследствие того, что при широком плане поставить дело сразу во всероссийском масштабе подготовленных исполнителей вообще не может найтись, отчасти, наконец, и потому, что новые люди необходимо должны были сменить старых в результате революции и общей социальной перетасовки. А, с другой стороны, даже и молодые врачи военного времени нуждались в таких не слишком специальных и довольно популярно написанных справочниках, потому что и им не дают времени для специальной подготовки, напр., в санаторном деле. Спрос, предъявляемый жизнью, велик и настойчив, и время специальной подготовки сокращается до минимума. Таким образом возникает совершенно особый вид популярной литературы: популяризации подлежат планы и распоряжения центральной власти в самом порядке исполнения, тогда как раньше, если они и популяризировались, то только для вне стоящей публики и лишь случайно и нерегулярно. Но такого рода литературу приходится оценивать с совершенно новой точки зрения. Мало сказать, популярна она или не популярна, соответствует ли она новейшим требованиям и взглядам науки или нет, нужно оценить ее еще и с практической точки зрения и притом практически государственной, организационной и административной. Это, конечно, для библиографа точка зрения совершенно непривычная, и, однако, она властно требуется новыми условиями жизни.

Справочники, издаваемые секцией борьбы с туберкулезом, возникли в процессе врачебно-организационной, врачебно-административной работы. Был выработан стройный и детально-продуманный план всероссийской организации борьбы с туберкулезом. План этот основан на создании своего рода антитуберкулезного министерства. Секция борьбы с туберкулезом в центре представляет собой генеральный штаб организации. Такие же секции при губздравотделах являются органами местной организации антитуберкулезной борьбы. Эти секции—центральная и местные—исполняют организационную работу; их задача создать

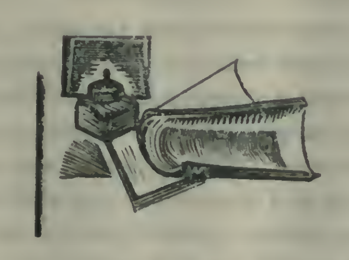
противотуберкулезные учреждения, объединять их, снабжать всем необходимым, контролировать и управлять. Но самая борьба с туберкулезом, непосредственная борьба ведется не секциями, а созданными ими учреждениями. Основным из этих учреждений является диспансер, организации которого посвящен выпуск V. Диспансер-амбулатория для приходящих больных разрастался в довольно сложную врачебно-санитарно-общественную организацию. Он, так сказать, вылавливает туберкулезных больных, оказывает им первую помощь не только врачебную, но, согласно с характером болезни, помощь специальную: снабжает их, если нужно, платьем, пищей, помещает их в лучшие квартиры, содействует в перемене профессии, когда это необходимо, обследует положение больного на дому и всю обстановку его жизни. Для проведения этой работы одних медицинских сил недостаточно. Тут привлекаются другие общественные силы, например: профсоюзы, жилищно-земельные отделы, органы продовольствия. Дальнейшая задача диспансера—сопровождать советом и помощью раз зарегистрированного больного через всю его трудную жизнь. Установив диагноз, диспансер или лечит больного на дому, или устраивает его в то или иное лечебное заведение в зависимости от степени развития у него туберкулеза. Организацию такого диспансера излагает *справочник* V. Задача поставлена широко, продумана детально на основе новейших научных данных и опытов западно-европейских организаций. Как всегда бывает в России, комар носа не подточит ни с точки зрения принципиально-научной, ни с точки зрения организационной стройности и последовательности. Но вместе с тем тоже характерно для России—задача поставлена слишком идеально и слишком мало приняты во внимание реальные возможности. Оставим в стороне рентгенологию и другие диагностические тонкости (слишком очевидно, что даже не все губернские города могут иметь их), и возьмем самую простую вещь: опросную карточку для обследования больных на дому. В этой карточке 84 вопроса и среди них такие, которые требуют большого понимания, знаний и, главное, времени для ответа, напр., «специальные вредные моменты работы» или: «число окон, вентиляция, вытяжка». По штатам же диспансера (приложение 12) обследования на дому ведут две сестры по обследованию специальных условий больных. Как бы ни был ограничен район диспансера (а он никак не может быть мал, особенно в начале построения всей организации), слишком очевидно, что двум сестрам не под силу будет осуществить обследование по такой широкой программе. Затем позволителен вопрос: для чего нужно такое подробное обследование? Теоретический ответ на этот вопрос совершенно ясен и общеизвестен. Оно нужно для статистики, которая в свою очередь нужна для научной и организационной разработки мер борьбы с туберкулезом, и оно нужно отчасти для диагноза и прогноза врача. Но практически ответ, может статься, будет иной. Материал только тогда будет использован и не пропадет, если в свою очередь организованы соответствующие органы использования его. И даже врач,

ведущий амбулаторный прием, только тогда внимательно прочитает эту карточку, если у него есть для этого время, т.-е. если больных у него на приеме достаточно мало. Последнее предусмотрено организацией диспансера по справочнику, но, как всем нам, к сожалению, очень хорошо известно, совсем не предусмотрено жизнью. Ибо если в показательном диспансере дело и ведется так, то в провинции сплошь и рядом в диспансере врачи работают «по совместительству», да и таких не всегда достаточно, и потому легко может статься, что прекрасный на бумаге план останется неиспользованным. Более того: слишком идеальная постановка может даже повредить делу тем, что задача в целом не будет исполнена именно потому, что для ее выполнения требуется слишком много времени и сил. Конечно, в конце концов люди приноравливаются в самом процессе работы и сама практика инстинктивно и стихийно приспособит свою организацию к реальным возможностям. Но нам кажется практично было бы дать для начала на-ряду с идеальной и более скромную схему организации диспансера. Во всяком случае, при невозможности исполнить все, нужно указать, что исполнить важнее, с чего нужно начинать работу.

В плане организованной в государственном масштабе борьбы с туберкулезом секция борьбы с туберкулезом обращает особое внимание на борьбу с детским туберкулезом. Специальные учреждения для больных детей мыслятся ею в виде цепи учреждений различного типа, соответственно стадиям развития болезни. Тяжко больные помещаются в соответствующие госпитали, менее тяжко—в санатории, дети—в специально детские. Дети просто ослабленные, подозрительные, «предрасположенные»—в санаторные колонии, в лесные школы и т. п. учреждения. Устройству летних школьных колоний посвящен *справочник II*, устройству детских санаторий — *справочник III*. Оба справочника очень подробны, вполне популярно написаны и обильно снабжены примерными формами отчетностей, карточек, дневников и т. п. Некоторая излишняя академическая педантичность видна и тут,—напр., в инструкции по заполнению регистрационного листка говорится: «Возраст должен устанавливаться не со слов ребенка, а документально или, по крейней мере, со слов взрослого лица». Кто же не знает, что, подобно фамусовским календарям, документы «все врут», а главное—требовать документы при составлении истории болезни и обременительно для родных ребенка, и психологически как-то неподходяще, потому что вносит казенщину в дело, в котором кроме сердечности и специальных знаний никаких других качеств не надо. Самый опросный лист состоит из 19 отделов и 98 вопросов. Практически едва ли через них проберешься раньше, чем к концу среднего времени пребывания в санатории, если она не пустует и если она снабжена врачами в обычном среднем размере, т.-е. настоящему времени очень слабо. В немецких клиниках все это, конечно, так и ведется: и клише грудной клетки, и спирометрия, и диаметры грудной клетки. Но у нас такие опросные листы — напрасный труд для тов. наборщиков и напрасное огорчение для «Глав-

бума» (или еще какого-нибудь главка). В *выпуске I* широко всесторонне и научно поставлен вопрос о борьбе с туберкулезом у детей всеми мерами и средствами. Совершенно справедливо секция делает из этого «ударный пункт», как теперь выражаются, своей работы. В России дети всегда были в загоне, но не только потому, что мало было по отношению к ним государственной и общественной заботливости, но и потому, что в семье детям у нас никогда не уделялось ни в смысле воспитания, ни в смысле ухода столько сил и внимания, как у более культурных западно-европейских народов. Заброшенность наших детей и именно в народных низах—яркий факт нашей некультурности, имеющий большое значение, в частности, и для дела антитуберкулезной борьбы, и на это культурно-историческое явление, или, точнее, против него, должно быть обращено сугубое внимание. Многочисленные государственные начинания в пользу детей нуждаются в соответствующем культурном фонде и на-ряду с ними необходимо культурной пропагандой, между прочим и медицинской, поднять положение ребенка в семье, именно в средней народной и рабочей семье, потому что все-таки 90% детей остается в семьях.

Довольно разнообразны по темам *листовки* секции борьбы с туберкулезом, они являются очень подходящим и даже необходимым чтением для больных в санаториях, которые могут быть едва ли не лучшим проводником распространения в народе здравых, научных взглядов на турберкулез и на гигиену. Нужно пожелать, чтобы кроме листовок была создана и интересная брошюрная литература. До сих пор секцией издана только одна брошюра *Н. А. Семашко*—«*Пролетарская болезнь*», проводящая тот взгляд, что «социалистический, коммунистический строй—вот необходимейшее условие борьбы с туберкулезом». Серия брошюр, написанных простым деловым языком науки, должна бы быть во всякой библиотеке по гигиеническим и др. медицинским вопросам подобно тому, как по общественным вопросам везде, во всякой библиотеке имеются брошюры разной степени популярности.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ И ПЕЧАТНОЕ ДЕЛО

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ СКРОМНОСТИ.

И. Степанов.

Скромность едва ли принадлежит к числу добродетелей. Если же это и добродетель, то во всяком случае—мало полезная, скорее даже вредная добродетель.

В самом деле, жди там, когда тебя похвалят другие. Этак, пожалуй, целый век не дождешься. Дело будет вернее, если сам себя похвалишь. Глядишь, многие начнут говорить: там такого-то очень одобрили. А многие ли разберутся, что это он сам себя похвалил? И начнет о нем гулять хорошая слава, и, смотришь, принесет желательные плоды: нам нужны таланты, организаторы, люди, преданные своему делу. Возвеличьте этих людей, не тормозите их пламенного порыва, отдайте им все дело,—и оно процветет.

Я, конечно, не думаю, что тов. И. И. Ионов, печатая в № 157 (29 июля) петербургской «Красной Газеты» свою статью, в которой он порицает Государственное Издательство и восхваляет его петербургское отделение, издревле возглавляемое тов. Ионовым, сознательно руководился такими мотивами. Я знаю, что тов. Ионов—старый революционер, что и своей прошлой борьбой, и своей настоящей деятельностью он заслуживает всяческого уважения, что он глубоко любит книжное дело, и что оно, действительно, обязано ему очень многим. Но при всем том, или, точнее, в особенности *благодаря* тому, я не могу отделаться от досадливого чувства: зачем он пачкает свою фигуру такими статьями, недостойными его прошлого и настоящего? Зачем до такой степени сливает судьбы нашего книжного дела со своей личностью?

Многое в его статье касается самых больных вопросов и требует внимательного обсуждения. Общие задачи Госиздата, его теперешнее положение, состояние полиграфической промышленности и бумажного дела, соотношения Госиздата, полиграфотделов и Главбума, пределы компетенции центра и мест, Госиздат и различные ведомства, литература в точном значении этого слова и часто навязываемые Госиздату издания, которые через месяц по выходе, если не раньше, превращаются в макулатуру, средства для создания учебной литературы различных ступеней, условия, необходимые для развития творчества, и суровая необходимость величайшей экономии типографских средств и

бумаги, возможная роль и теперешнее положение частных издательств, печатание книг за границей, оборона от натиска аферистов...

Тов. Ионов затронул только часть этих вопросов, и хорошо сделал, что их затронул, но худо, что его постановка приобрела характер тяжбы между бестолковым и сумбурным «центром» и примерным «местом», между центральной коллегией Госиздата, повидимому, более или менее равнодушной к книге, к ее содержанию и внешности, и петербургским отделением, в котором любят и понимают книжное дело.

Вот немногие примеры утверждений тов. Ионова, которые навели меня на мысль о пользе и вреде скромности. Он пишет:

«Редакционная коллегия петроградского отделения работала несколько самостоятельно в силу тех соображений, что центральное правление в Москве не могло сконструироваться в прочный аппарат, способный проводить какие-нибудь издательские планы и способный будить издательства на местах и внушать необходимость такого плана. Бесконечная чехарда смены заведующих в центральном правлении вселяла, само собой разумеется, некоторое недоверие к центральному аппарату в Москве. Неумелый подход к делу и непонимание тех задач, которые стояли перед Госиздатом, усугубляли положение книгопечатного дела в Москве и таким образом оторвали центр от периферии».

Если бы тов. Ионов говорил прямо, а не бродил вокруг да около, прикрывая и оправдывая свое отношение к делу, то ему следовало бы сказать просто и коротко: то, чего центр требовал от петербургского отделения, никогда не нравилось тов. Ионову, так как, действительно, угрожало ввести в известные рамки и в некоторых направлениях сократить его слишком бурную энергию. Поэтому тов. Ионов, пользуясь своим умением опираться на некоторые местные условия, предпочел с самого начала оторвать свою периферию от центра и превратиться в самостийное издательство.

Слова о «бесконечной чехарде» смены заведующих в центральном правлении—сущие пустяки. В течение первого года во главе Госиздата бессменно стоял тов. В. В. Воровский, и центральная редакционная коллегия состояла из одних и тех же лиц: Бухарин, Воровский, В. И. Невский, М. Н. Покровский, Скворцов-Степанов. И почти на каждом заседании коллегии тов. Воровский сообщал о своих попытках положить конец *прямым нелепостям*, которые творились в петербургском отделении, и почти каждый месяц ездил в Петербург, чтобы добиться каких-нибудь результатов путем личных переговоров. Но все шло по прежнему, и тов. Ионов игнорировал все планы, все общие задачи, все соглашения. Для своего самосознания и самооценки, он не нуждался ни в каких указаниях и ни в каком регулировании. Очевидно, он находил, что он «умело» подходит к делу и «понимает» задачи Госиздата, между тем как центральной редакционной коллегии эти уменье и понимание не были даны.

Во второй год существования Госиздата «чехарды» в смене заведующих, в сущности, тоже не было. Бо́льшую часть этого времени,

чередуясь местами, заведующим и заместителем заведующего оставались Н. Л. Мещеряков и пишущий эти строки, при чем не было существенных различий как в общей линии того и другого, так и в отношении к петербургскому отделению. Но высокая самооценка тов. Ионова, получившее дополнительное питание в ряде изданий, о которых речь ниже, пожалуй, еще более возросла и, если это только возможно, усилила самостийность петербургского отделения.

Бесспорно, в конце концов все только приветствовали бы отрыв периферии от центра, если бы таким способом периферия освободилась от мертвящих воздействий и, развязав себе руки, создала такую литературу, какая нам требуется.

Да, впрочем, тов. Ионов так и думает. Он пишет о работе петербургского отделения скромные строки:

«Несколько особняком стояла и стоит до сих пор работа петербургского отделения. Правда, и у него не было твердого издательского плана, но благодаря выдающейся энергии нескольких товарищей, крепко любивших книгу, удалось все-таки издать *громадное* (курсив мой, как и ниже. *Н. С.*) количество книг, имеющих большое художественное и научное значение среди книг, изданных в советской России. Можно с уверенностью сказать, *что если что-нибудь и останется в будущем из области книгоиздательской деятельности, так это то, что было напечатано петербургским отделением Государственного Издательства*, благодаря необычайной энергии, развитой не только аппаратом издательства, но и рабочими петербургских типографий, работавших на издательство».

Я внимательнейшим образом просмотрел списки книг, изданных петербургским отделением, и позавидовал тов. Ионову: как легко достигает он полного довольства собой. Как мало ему требуется, когда речь идет об его собственной деятельности.

Конечно, он издал немало ценного. Но в чем заслуга петербургского отделения, если он выпустил ряд книг Зиновьева, Ленина и Троцкого? Никакой *редакционной* работы эти издания не требовали и написаны были книги всецело по инициативе авторов. Их надо было просто получить от авторов, ну, и в этом отношении, признаем это прямо, тов. Ионов обнаружил больше искусства, чем москвичи. Но ведь это выводит вопрос из плоскости творчества, из литературной области вообще. Какая особая заслуга петербургского отделения, если оно перепечатало огромную книгу Олара о французской революции, издало книгу Меринга о Марксе, переведенную Зинаидой Венгеровой, *без всякой компетентной редакции* и предисловия? Или приходится особо похваляться тем, что спешно, по старым, никем не проверенным и не просмотренным подцензурным, иногда крайне неудовлетворительным, переводам 1905—1907 годов отшлепаны громадные количества небольших, но превосходных работ Маркса и Энгельса, иногда *испорченных* такими изданиями? Или тем, что так же механически расточается бумага на переиздание старых и бесконечно устарелых работ Каутского и Виль-

гельма Либкнехта, выпускаемых без всяких предисловий и пояснений? Может быть, тов. Ионов в особенности доволен своего рода рекордом: тем, что в его списках до сих пор красуются две брошюры: *Маркс* «Манифест коммунистической партии» и *Маркс*—«О коммунизме», под каковым названием в 1905—1906 годах издатели и переводчики прятали все тот же «Манифест», данный в урезанном переводе?

Впрочем, возможно, что предмет особой гордости тов. Ионова около десятка популярных книжек Рубакина и с полдюжины брошюр Пименовой, которая оказалась для петербургского отделения наилучшим автором книжек по истории революций в разных странах и даже по истории Интернационала. А что касается художественной литературы, то здесь тов. Ионов, вероятно, с величайшим торжеством укажет на Немировича-Данченко, высоко-художественные рассказы которого он печатал в десятках тысяч экземпляров, пока грубое вмешательство центральной редакционной коллегии не положило этому конец.

Может быть, следовало бы сказать несколько слов не о перепечатках, а о некоторых новых изданиях? «Возникновение христианства» Каутского, до зареза нужное для наших пропагандистов и агитаторов, серо и плохо издано в 10.000 экз., а «Бог-Иисус» Немоевского, без которого русская литература пока очень могла бы обойтись, очень недурно издан в 30.000 экз. Отпечатана в большом количестве экземпляров достаточно толстая и совершенно сумбурная пацифистско-анархистская книга Киркпатрика: «Война... ради чего?», и для завершения сумбура снабжена бестолковым предисловием Тютчева, которому тоже петербургское отделение предоставило написать немногим более толковое предисловие к перепечатке книги Дюбрейля о Парижской Коммуне.

Для продолжения можно было бы отослать тов. Ионова к некоторым рецензиям в № 1 «Печати и Революции». Часть из них написана таким лицом, как Н. К. Крупская, которую и тов. Ионов, конечно, не заподозрит ни в каких пристрастиях к «Центру» или «периферии».

Или напомнить еще положительно о преступном расточении первосортнейшей бумаги на такие издания, как альбом к юбилею Коммуны, как большой юбилейный сборник в честь проф. Грекова, как громадный том о каспийской экспедиции. Питер, с тов. Ионовым во главе, позволяет себе роскошничать и баловаться, в то время как «Центр», задавленный ведомственной литературой, почти неведомой Питеру, мучительно бьется над печатанием учебников и учебной литературы. На эту «серую», «невыигрышную», незаменимую работу у тов. Ионова неизменно не оказывается ни бумаги, ни денег. А вот на забаву все это есть.

Да, Питер с Немировичем-Данченко, Киркпатриком, роскошными юбилейными сборниками и альбомами перейдет в историю. А учебники, издаваемые Москвой, собрание сочинений Ленина, сочинения Маркса и Энгельса, издаваемые в новых и заново проверенных переводах, ряд сохранивших все свое значение работ Каутского и Кунова, ни одна из которых не издается без тщательнейшей проверки, работы Бухарина,

Преображенского, Покровского, Варги, это—пустое место, это—эфемерные явления на книжном рынке.

С тов. Ионовым случилась препеприятная история. Петербургское отделение издает библиографический журнал «Книга и Революция». Тов. Ионов решил, что отражение литературы в этом журнале—точная копия литературной действительности.

Он не учел, что это—зачастую *дружеское* отражение, при котором даже никуда не годная брошюра: «Так говорил Энгельс» оказывается заслуживающим внимания изданием, и даже контр-революционные «Террор» Гра и «Процесс жирондистов» перестают быть жестокими промахами петербургской редакционной коллегии, или будут обойдены приятельским молчанием.

Мы можем только пожалеть тов. Ионова, введенного «Книгой и Революцией» в такое тягостное заблуждение.

И можем только пожелать, чтобы, избавившись от него, тов. Ионов деловым образом поставил вопросы нашего книжного дела, не переплетая их со своею личностью и своей деятельностью. И пусть помнит, что некоторая скромность бывает небесполезна.

О СПОСОБАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕЧАТАНИЯ.

МЕХАНИЧЕСКАЯ ГЕЛИОГРАВЮРА.

Ю. Лауберт.

Способ механической гелиогравюры в технике производства может быть более известен под названием м е ц ц о-т и н т о и реже ф о т о-т и н т о. Эти последние два названия не имеют достаточного основания и потому считаются неправильными; они заимствованы от двух различных фирм: заграничной и русской, которые одному и тому же фабрикату придали разные названия.

Что же такое представляет собою механическая гелиогравюра, или, что то же самое, меццо-тинто? Это способ так называемой углубленной печати (Tiefdruck).

Графическая техника печатания, как известно, разделяется на три различные способа: 1) рельефная печать (Hochdruck), 2) плоская печать (Flachdruck) и 3) углубленная печать (Tiefdruck).

К первому способу (см. рис. 1) принадлежит типографская печать, цинкография, автотипия, гравюра на дереве (ксилография), а также работы, исполняемые на переплетных станках. При этом способе печатания необходимо, чтобы рисунок печатной формы рельефно выступал на поверхности этой формы. Печатание происходит таким образом: красочный валик наносит краску на рельеф (рисунок), а затем уже с накатанного краской рельефа делается оттиск.

Ко второму способу (см. рис. 2) относятся литография и фототипия. При этих способах рисунок находится на совершенно гладкой поверхности; рельеф его не выше, чем, напр., рельеф рисунка, исполненного тушью на бумаге. Чтобы валик с краской не «накатывал» всю поверхность камня (литографская печать), последний обрабатывается смесью разбавленной азотной кислоты и гумми-арабика и во время печатания все время смачивается водой с помощью специальных валиков, благодаря чему камень принимает краску только там где на него нанесен рисунок, чистые же места краску не принимают, вовсе.

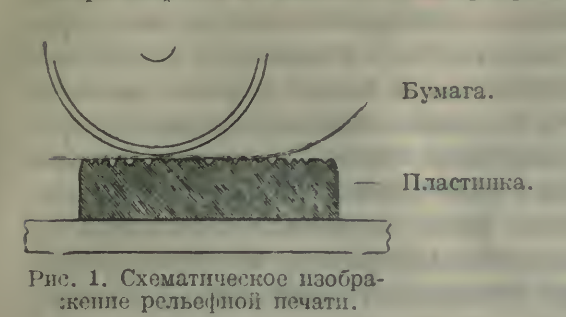

Рис. 1. Схематическое изображение рельефной печати.

Фототипная печать, принадлежащая также к плоской печати, основывается на светочувствительности хромированного желатина, из которого, собственно, состоит слой рисунка, нанесенный на зеркальное стекло. Хромированный желатин имеет то свойство, что он, освещенный под негативом, не растворяется в воде в тех местах, на которые через негатив попал свет, между тем как неосвещенные части разбухают в воде. После соответствующей обработки пластинка принимает краску только на местах освещенных, неосвещенные же части пластинки отталкивают краску.

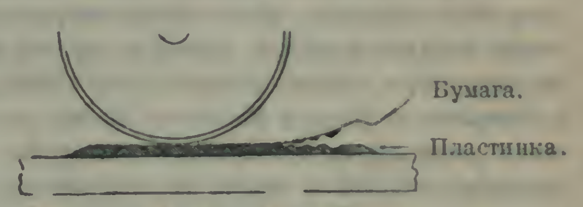

Рис. 2. Схематическое изображение углубленной печати.

К третьему способу (см. рис. 3) причисляются гелиогравюра и гравюра на меди и стали (офорт). При этом способе применяют гладко отшлифованные медные и стальные пластинки, в которых выгравировывается или вытравляется рисунок так, что он находится углубленным в пластинке. В эти углубления в процессе печатания втирается при помощи тампонов необходимое количество краски, излишек же краски тщательно удаляется с полированной поверхности пластинки. Печатание происходит между двумя стальными валиками, из которых верхний обтянут толстым мягким слоем войлока. Пластинка во время печатания вдавливается в мягкую и вдобавок еще смоченную бумагу, которая всю краску вынимает из углублений пластинки (формы).

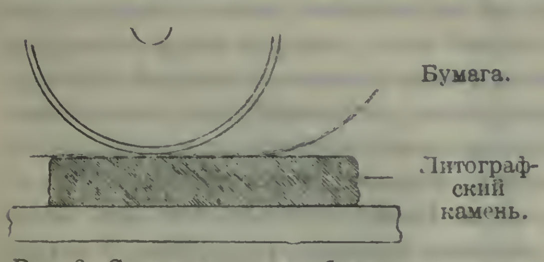

Рис. 3. Схематическое изображение плоской печати.

Механическое или машинное печатание гелиогравюры имеет то преимущество перед обыкновенным ручным способом, что дает больше количество оттисков наравне с скоропечатными типографскими машинами.

При печатании ручным способом краска наносится на форму руками, затем при помощи тампонов втирается и вбивается в углубление ее, далее поверхность пластинки счищается от излишка краски помощью несколько раз сменяемых тряпок и тщательнейшим образом полируется до тех пор, пока не будет совершенно чистой, при этом постоянно надо следить за тем, чтобы краска в углублениях осталась нетронутой. Все эти манипуляции требуют очень много времени, и таким образом работающему удается печатать при маленьком размере пластинки максимум 100 оттисков и при больших размерах не более 10—15 оттисков в день.

При печатании машинным способом все эти подготовительные работы исполняются механически, не требуя лишней затраты времени, и задача работающего мастера сводится лишь к тому, чтобы следить, как бы не произошло изменения во время печати. Механическое печатание гелиогравюры производится как на скоропечатных, так и ротационных машинах. Много было потрачено времени и энергии на то, чтобы создать машины, которые все эти подготовительные работы могли бы исполнять механическим путем, пока, наконец, почти одновременно в Лондоне, в Вене и Мюнхене тремя различными фирмами были выпущены рисунки, отпечатанные именно на скоропечатных машинах, а не ручным способом и почти не отличающиеся от оттисков, отпечатанных ручным способом. Способ печатания и устройство машин держался этими фирмами в строжайшем секрете, и только в 1910 году открылся секрет этого способа, когда д-р Мертенс в Фрейбурге, в Германии, выпустил газету с некоторыми иллюстрациями, отпечатаными на ротационной типографской машине, сконструированной так, что рисунки печатались (одновременно с газетным текстом) на особо пристроенной гелиогравюрной машине. В той же газете было дано описание этого способа.

На скоропечатных машинах излишек краски снимается плотно прижатой к пластинке линейкой, так называемым раклем. Линейка эта представляет собой пластинку из тонкой стали, которая после нанесения особым валиком краски на печатную форму излишек последней тщательно снимает, произведя эту манипуляцию в течение лишь нескольких секунд. Благодаря такой экономии времени главнейшего момента печатания явилась возможность построить машины скоропечатные и даже ротационные, выбрасывающие в час до 15.000 оттисков. На них печатаются газеты и журналы, одновременно с текстом и рисунками. Укажем здесь на журнал «Искры», который когда-то печатался в типографии бывш. Сытина на такой ротационной машине.

Теперь перейдем к описанию изготовлений самой печатной формы. Форма для механической гелиогравюры изготовляется почти таким же образом, как и форма для ручного способа. С оригинала (фотография, рисунок) снимается фотографический негатив, а с него изготовляется

диапозитив, последний копируется на очувствленную двухромовокислым калием пигментную бумагу. После копирования под диапозитивом на копию накладывается специальный растр-сетка, немного отличающаяся от той, которая употребляется для изготовления автотипного клише, и освещается в течение нескольких минут. Этот растр не имеет здесь того значения, которое он имеет при автотипии, где посредством его рисунок разбивается на множество точек различной величины, а имеет лишь целью покрывать все изображение системой скрещивающихся тонких линий для того, во-первых, чтобы во время последущего травления защищать под ними металл (медь) от влияния хлорного железа, а, во-вторых, чтобы во время печатания придать форме известную устойчивость для ракля. На готовом изображении растр (сетка) почти не виден простым глазом, во всяком случае линии его не так бросаются в глаза, как точки на автотипном изображении. Пластинка представляется покрытой мелкими квадратиками одинаковой величины, однако, различной глубины, соответственно свето-тени оригинала.

После копирования пигментная копия прижимается к полированной поверхности медной пластинки и проявляется в теплой воде. После снятия подкладочной бумаги изображение видно на пластинке отчетливо в виде слабого желатинового рельефа. Везде, где в оригинале имеются светлые места, свет больше действовал на слой, и последний сделался более или менее нерастворимым в теплой воде и остался более толстым, наоборот, там, где в позитиве самые темные места, свет почти не действовал, и слой, соответственно свето-теням оригинала, растворился в воде более или менее сильно и потому остается на пластинке тонким слоем. Для травления употребляется хлорное железо. Большею частью применяются 4 ванны различной концентрации. Сначала травят самой крепкой ванной, которая действует на самые темные места изображения, затем — второй ванной, действующей на следующие темные места и так далее до четвертой ванны, которой травят самые светлые места изображения. Если по окончании травления рассматривать пластинку через лупу, то видно, что на всем вытравленном изображении расположены мелкие линии сетки, лежащие на уровне поверхности пластинки, мелкие же квадратики между ними все совершенно одинаковой величины, но, соответственно свето-теням оригинала, имеют различную глубину, т.-е. темные места вытравлены глубже для того, чтобы в них задерживалось больше краски, а светлые места имеют только незначительное углубление, и краска в них задерживается мало, в самых светлых местах изображения квадратики совсем не углублены, и краска в них, естественно, совершенно не задерживается.

Готовая, вытравленная форма далее поступает в машину для печатания. Как уже было сказано выше, машины бывают скоропечатные и ротационные, при чем разных систем и конструкций, однако, все они работают по одному и тому же принципу: медная пластинка жирно накатывается краской при помощи бархатного валика, а ракль тщательно снимает с полированной поверхности формы излишек краски, затем

сильным эластичным давлением цилиндра машины краска из углублений формы переходит на бумагу,—получается оттиск.

Хотя проблема печатания гелиогравюрных форм на скоропечатных и ротационных машинах считается решенной, однако, нельзя отрицать, что изготовление желательного качества печатных форм сопряжено с известными затруднениями. Особенно большие затруднения возникают при изготовлении пластинок, на которых рядом с рисунками находится также и текст; в таких случаях приходится работать с двух приемов: сначала травят рисунки, а затем шрифт.

Далее в процессе печатания, главным образом, когда одновременно печатаются рисунки и текст, иногда приходится считаться с тем, что на чистых местах бумаги появляются красочные полоски, которые портят общий вид оттиска. Происходит это от того, что ракль на полированных местах пластинки при быстром ходе машины не успевает снимать краску. Такие дефекты при быстрой печати не всегда удается избежать.

Несмотря на эти недостатки нужно признать, что ни один из способов репродукционной техники, за исключением ручного способа гелиогравюрной печати, не дает таких эффектов при печатании в одном тоне, как механическая гелиогравюра.

ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ ГОСИЗДАТА.

ТЕЗИСЫ К СЪЕЗДУ ГУБОНО.

И. Степанов.

1. Осуществимый план Госиздата определяется: a) количеством произведений, представляемых к печати редакционными коллегиями; b) состоянием бумажного дела; c) состоянием полиграфической промышленности.

2. За последние годы производительность бумажных фабрик постоянно и резко понижалась. Это вынуждало отказываться от одних изданий, значительно сокращать тираж других, в том числе и газет. Громадная часть машин бездействовала.

3. В текущем году, и в особенности в середине лета, в связи с колебаниями в формах оплаты и с громадными дефектами в проведении коллективного снабжения, произошло резкое падение производительности типографий, постоянно понижавшейся и в предыдущее время. Их работа фактически приостанавливалась на целые недели. Частично действовали немногие типографии, в которых заказчики, изыскав особые средства, вступали в сепаратные соглашения с рабочими, обеспечивавшие быстрое окончание отдельных работ, но отодвигавшие упорядочение полиграфической промышленности в целом.

4. Вследствие полной разрухи печатного дела в таких его центрах, как Москва и Петербург, и благодаря получению значительных

количеств бумаги из-за границы, бумажный кризис утратил прежнюю остроту, но тем острее ощущается кризис типографского дела.

5. Ввиду необходимости экономить валюту, перенесение печатания сколько-нибудь значительного количества книг за границу не может дать выхода. С другой стороны, если бы те, пока очень скромные средства, которые до сих пор были затрачены в этом направлении, были использованы на поднятие нашей полиграфической промышленности (приобретение продовольственных продуктов для типографских рабочих, отчасти за границей), кризис в ней, по всей вероятности, утратил бы свою остроту и ее производительность была бы повышена до уровня, при котором она способна была бы удовлетворять наиболее неотложные потребности. По экономическим соображениям этот путь следовало бы предпочесть печатанию за границей.

6. Перенесение печатания части книг в провинцию, как показал опыт, можно было бы наладить лишь довольно медленно и дало бы относительно скромные результаты по сравнению с потребностями.

7. Осуществление производственных планов Госиздата постоянно нарушалось совершенной неурегулированностью отношений полиграфотделов с Госиздатом. Госиздату необходимо предоставить возможность фактического влияния на технический аппарат книгопечатания, насколько это необходимо для обеспечения *плановой* деятельности Госиздата.

8. Что касается деятельности подсобных редакционных коллегий, то нельзя не отметить с самого начала их крайне слабого численного состава, который к тому же в значительной степени является номинальным, чисто списочным, и лишь в малой мере—работающим.

9. Это обстоятельство в особенности тяжело отражается на производительности редакционных коллегий и отделов Наркомпроса, которым приходится создавать *новую* литературу: коллегии марксистской, анти-религиозной, даже агитационной литературы и т. д., учебники и учебные руководства по предметам, соприкасающимся с обществознанием.

10. Положение в этой области лучше всего характеризуется тем обстоятельством, что приблизительно из десятка книг, заказанных Ц. К. Р. К. П. в порядке партийного поручения, до сих пор представлено только две, немедленно, в ударном порядке выпущенные Госиздатом.

11. В последние недели резкое ухудшение положения в полиграфической промышленности стало воздействовать парализующим образом на авторов, которые видят, что Госиздат не в состоянии выпустить и тех, крайне необходимых работ, которые уже подготовлены к печати.

12. Бо́льшую энергию обнаруживают те редакционные коллегии, которые ограничиваются в значительной степени перепечаткой старых изданий. В общем плане Госиздата, представляющем сумму планов редакционных коллегий и издательских отделов различных Наркоматов, на долю этих коллегий выпадает значительная часть наборных средств и бумаги. Но большое количество произведений, представляемых к печати этими коллегиями, часто свидетельствует не об их исключительно

сильном и активном составе, а лишь об относительной элементарности задач, которые они поставили перед собой.

13. В деятельности таких коллегий иногда наблюдается уклон к чрезмерному упрощению дела: к механической перепечатке возможно большего количества старых изданий, без предварительной переработки, без соображений о том, в какой мере они необходимы на-ряду с уже выпущенными однородными книгами и брошюрами, без должного внимания к особым производственным условиям, сложившимся в связи с экономической разрухой и неналаженностью торговых сношений с заграницей.

14. Без заказов определенным авторам-коммунистам и без полного освобождения их от всех других партийных и советских поручений на сроки, необходимые для написания заказанного, немыслимо создание новой литературы. Это дело необходимо признать делом столь же первостепенной важности, как другие отделы партийной и советской деятельности. Необходимо нескольким литераторам дать продолжительные отпуски для того, чтобы они могли написать самые не тложные работы (русская история за последние 20 лет; книга об историческом материализме; история II Интернационала; история Р. К. П. —недавно изданная работа дает не то, что необходимо в этой области: вопросы тактики; книга—или ряд книг—о религии и т. д.).

15. К изданию литературы политически нейтрального характера (естествознание, техника и т. д.) необходимо усиленно привлекать буржуазных специалистов. Их же можно использовать для составления новых или переработки старых учебников и руководств по географии, всеобщей истории и т. д., по заданиям и под контролем соответствующих коллегий Наркомпроса и других Наркоматов.

16. Неотложно и безусловно необходим пересмотр ставок авторских гонораров. Необходимо исходатайствовать через Совнарком право для Госиздата, по соображениям об особой квалификации работ, повышать для отдельных авторов ставки, устанавливаемые В. Ц. С. П. С., равным образом необходимо выделение для Госиздата некоторого фонда натурпремирования для вознаграждения авторам особо ценных научных художественных работ и учебников. Необходимы решительные меры для устранения бесконечной волокиты с получением гонораров. Вообще необходимо поставить Госиздат в условия, обеспечивающие такую же гибкость и быстроту в его действиях, которые существуют для частных издателей.

17. Необходимо привлечь к изданию книг частных предпринимателей, если они, не прибегая к общегосударственным средствам, способны увеличить бумажный фонд и полиграфические возможности, которыми располагает Р. С. Ф. С. Р. Но, усваивая этот курс, необходимо следить за тем, чтобы он не повел к растаскиванию существующего бумажного фонда и типографских средств.

К ВОПРОСУ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ КНИГ В РЕСПУБЛИКЕ.

Б. Горев.

В первом номере журнала «Печать и Революция» напечатана статья В. Смушкова, в которой автор давал отчет о деятельности Ц. Р. К. и указывал на «автономную» работу Центропечати, как на препятствие для планомерного распределения книг. Но главное зло в этом вопросе, —зло, прямо кошмарное, в указанной статье обойдено молчанием. Не в том беда, что Центропечать не хотела быть исполнительным органом при Ц. Р. К., не в том беда, что она плохо или непланомерно вела работу. Нет, беда гораздо больше и глубже. Книги не «плохо» распределялись, а, за исключением военного ведомства, *не распространялись вовсе*.

Ни для кого не секрет, что в *библиотеки*, в частности, в библиотеки учебных заведений, в том числе высших, книги Гос. Издательства *не попадают вовсе* или попадают в виде ничтожных исключений, после невероятных мытарств библиотекарей и бесконечных хождений от Понтия к Пилату.

Пишущему настоящие строки, как автору нескольких книжек, как лектору и преподавателю многих учебных заведений Москвы, известен целый ряд самых вопиющих фактов, когда студенты сбивали пороги множества библиотек в поисках такой книги, как «Азбука коммунизма», «Краткая история России» М. Н. Покровского, «Краткий очерк истории социализма на Западе» (изд. Гос. Изд.) и т. д., и не могли их найти. А вот лично мне известные факты. Библиотека бывш. Преч. курсов, ныне рабфака, не получает почти совершенно новых книг, так как все ее старания окончились ничем. Не удается ей получить не только книги общественного содержания, на которые существует наибольший спрос в партийных кругах, но и новые книги по агрономии, естествознанию и т. п. Не получает новых книг библиотека академии соц. воспитания, не получают их и педагогические курсы. Исключение в Москве составляют лишь две библиотеки—Свердловского университета и Кремлевская (при В. Ц. И. К.), но и то лишь благодаря ударности самих библиотек, а также исключительной энергии, настойчивости и высоким личным связям их заведующих.

Можно себе представить, что творится в провинции. Об этом свидетельствуют постоянные вопли приезжающих в Наркомпрос провинциальных учителей: *новых* книг, самых необходимых книг по вопросам социализма, советского строительства и т. п. в провинции нет. Не получались до сих пор издания Гос. Изд., напр., в смоленском университете.

Вообще можно сказать почти без всякого преувеличения, что вновь выходящие книги читаются только личными знакомыми их авторов да еще лицами, близкими к Гос. Издательству или Центропечати. Широкая

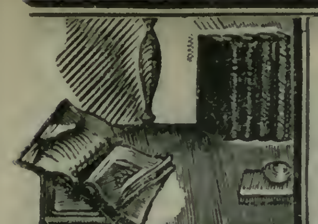
публика их не знает и не видит. Куда деваются книги с тиражем в 10, 20, 40 тысяч, попадают ли они на нелегальный рынок, или, что было бы гораздо хуже, гниют где-нибудь в центральных или местных складах,—это, конечно, очень любопытно. Но нас в данном случае занимает не «обличительная» сторона вопроса, а практическая: как выйти из этого совершенно недопустимого положения?

Ведь издано много десятков миллионов книг, куда они подевались? Имеется ли документальный отчет Центропечати? Имеется ли, наконец, точный список адресатов, кому книги рассылались? Какие приняты меры к тому, чтобы вновь выходящие книги не исчезали, подобно их предшественницам? Произведена ли ревизия тех библиотек и учреждений, куда книги действительно направлялись. Ведь не исключена возможность всяческих хищений и злоупотреблений в этом деле.

Желательно, чтобы нынешний распределительный орган опубликовал сведения по этому вопросу.

Вопрос слишком жгуч, чтобы его можно было обойти молчанием.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ.

РОБЕРТ ВИЛЬЯМС. Советская система за работой. (Отчет о поездке в советскую Россию.) С предисловием В. Яроцкого. Москва 1921 г. Госуд. Изд. 24 стр.

Небольшая брошюра, являющаяся одним из изданий серии В. Ц. С. П. С., представляет газетный отчет Роберта Вильямса о поездке в Россию летом 1920 года. Самый отчет занимает 18 стр.; четыре страницы заняты предисловием.

В этом предисловии т. В. Яроцкий так характеризует этот отчет: «Не глубок он—это в первую голову. Экономического анализа положения советской России в нем читатель не найдет... Особенно ценных политических уроков он тоже не вынесет из отчета... Но написан он живо, в анекдотических полутонах, в живых образах, через которые сквозит основная мысль—возбудить в читателе симпатию к советской России».

Эта характеристика верна. Поэтому «отчет» был очень полезен для английских рабочих, ничего не знающих о советской России. Но для чего понадобилось переводить его и издавать брошюрой в России, да еще в 1921 году? Для чего нужно было тратить на это скудный запас нашей бумаги и типографских возможностей? Неужели у работников наших профсоюзов нет другой более нужной для момента литературы? А если у них таковая не намечена, то лучше отдать бумагу другим отделам, у которых такая литература уже подготовлена (напр., Наркомздрав, Наркомзем, учебники, научно-популярный отдел и т. п.).

С брошюрой т. Вильямса надо было познакомить русского читателя только путем газетной статьи. Иначе, как «издательским зудом» переводчика и недоглядкой центральной коллегии Госиздата нельзя объяснить появление перевода этой брошюры, изданной в 30 тыс. экземплярах.

Перевод сделан очень небрежно. Переводчик, повидимому, с трудом владеет русским языком. Что значит, напр., такая фраза: «Влияние *определенных* социалистических организаций на широкие массы населения в прошлом было невелико благодаря *односторонности* социалистического учения» (22—23). Что значат подчеркнутые мною слова? Или: «Когда движение (речь идет об английском рабочем движении) было еще в подготовительной стадии развития, *когда многие наши схемы оказывались непрактичными благодаря недостаточному экономическому развитию*... Что значат опять-таки подчеркнутые мною слова?

Брошюра проредактирована настолько неумело и небрежно, что вся последняя глава (6 страниц) совершенно не разделена на абзацы, хотя в главе этой говорится о многих крайне разнообразных предметах. Предпоследняя глава (4 страницы) состоит только из двух абзацев. Такой сплошной набор страшно затрудняет чтение и делает его неприятным.

Предисловие брошюры бессодержательно. Нужно пожелать, чтобы издания В. Ц. С. П. С. выбирались, переводились и редактировались с большим вниманием.

Н. Мещеряков.

Г. ЗИНОВЬЕВ. Крестьяне и Советская власть. (Беспартийные съезды крестьян.) Гос. Издат. Петербург 1920 г., 56 стр. число экземпляров не указано.

Брошюра воспроизводит две речи тов. Зиновьева на беспартийной конференции крестьян и рабочих Петербургской губ. 21 апреля 1920 г.

Брошюра безусловно понятна и убедительна для самого малоразвитого, самого захолустного читателя. Ее можно назвать образцом того, как следует агитатору вообще подходить к массам. Автор, с одной стороны, спускается по языку, по изложению, даже по нарочито упрощенным идеям до уровня самого серого «серяка»,—что называется, «разжевал и в рот положил». В то же время, или—лучше—тем самым, он подымает его до высочайших и труднейших исторических задач современного момента, когда старая, тусклая, бездарная, вековечная каторга рабочего и трудового крестьянина превращается в свою противоположность—в социальную свободу, в коммунизм. Посредствующим звеном, «средним термином» служит здесь доступное каждому крестьянину понятие «союза рабочих и крестьян». Для полной наглядности оно поясняется еще образными сравнениями то с брачным союзом мужа и жены (где, впрочем, не обходится без маленьких неприятностей, а иногда в русском быту и без маленьких потасовок), то с двумя конями «которые везут одну повозку и знают, куда везут, и дружно везут, не переминаясь с ноги на ногу». Словом, все вещи, заимствованные из повседневного быта тех же трудовых масс, поэтому говорящие им родным, близким языком. Между тем ведь под этой формой внедряется неотразимо в их сознание величайшая практическая идея научного социализма—*диктатуры пролетариата*.

Доказательство необходимости «рабоче-крестьянского союза» ведется исторически, рассказом о развитии его в течение 15 лет, начиная с 1-й нашей революции, кончая нынешним моментом завершения вооруженной гражданской войны и перехода к собственному хозяйственному строительству. Каждый этап этой истории—тоже наглядная иллюстрация живыми фактами. Почти полное отсутствие союза в 1905 году, пример: удушение саратовско-нижегородского восстания крестьян руками таких же крестьян и рабочих-солдат по приказу «веселого» палача Столыпина. Начало союза в момент февральской революции 1917 г.: хождение тысяч рабочих «в народ», в деревню, для живой пропаганды среди крестьян. На вопрос «что сказали окопы» в момент октября—двойной ответ двумя картинными параллелями: сперва в Смольном пачки угрожающих телеграмм якобы от «народа», на самом деле от буржуазной интеллигенции, потом—«живая почта», целые потоки ходоков от армии (крестьянской армии) загоревших, оборванных, говоривших одно: «Напрасно вы ждали до октября, надо было раньше прогнать эту шайку». Еще картины: на 2-м съезде Советов по поводу ареста министра с.-р. Авксентьева выступление седого, как лунь, крестьянина, сказавшего просто: «Не только не выпускать этого шарлатана, который сажал крестьян в тюрьму, а нельзя ли их десяточек—другой еще взять и посадить». Потом—съезд в первую годовщину революции в октябре 1918 г. крестьянской бедноты от 8 губерний севера, единогласно постановившей добровольную мобилизацию своих полков, сверх общей мобилизации, явились три громадных полка в несколько тысяч каждый. «Это были лучшие наши полки, вся крестьянская молодежь, и они дрались, как львы, против белых; молодые люди жертвовали собой, не задумываясь ни на минуту».

Все это—не только яркие факты, примеры для «озарения мозгов» крестьянина (выражение автора), но и драгоценные для будущего историка революции свидетельства очевидца и близкого участника великих моментов.

Кроме исторического обзора автор подходит к вопросу и путем доказательств трезво-практической, житейской выгоды союза. Он зовет его «товариществом на вере», убеждает—по следам Ленина—крестьян «дать в ссуду» продовольствие и сырье рабочему классу для подъема промышленности, так как «рабочий—верный должник, вернее банка», и воздаст потом сторицею фабрично-заводскими продуктами своего труда и т. д.

Можно быть уверенным, что брошюра сделает свое дело в умах и сердцах деревенской массы и тех рабочих, которые тянут еще к деревне. Можно отметить разве лишь один недостаток в изложении: классовая борьба в деревне затронута, пожалуй, слишком уж «слегка». Говорится лишь о кулаке, как вра-

г

е и рабочего, и крестьянина-бедняка и середняка, почему все неудовольствия крестьянской массы на Советскую власть объясняются не классовыми мотивами, а «темнотой», «неорганизованностью» деревни и т. д. Остаются вовсе в тени мелкобуржуазные элементы в социальном облике *всякого*, даже беднейшего крестьянина, как мелкого собственника и хозяйчика. Это чрезмерное упрощение вопроса чревато само по себе новой серией недоразумений.

А между тем из 2-й речи т. Зиновьева видно, что вопросы, ему задававшиеся на конференции, довольно выпукло показывали именно эту, мелко-буржуазную подоплеку самих вопрошавших «беспартийных» массовиков. И в своих ответах автор скорей стратегически обходит этот подводный камень, чем «озаряет» середняка самопознанием, так сказать, «врага внутри него самого».

Впрочем, все это объясняется скорей всего самой природой массовой агитации: разрушить в данную секунду лишь одно—другое звено предрассудков, дать лишь пару—другую простейших новых идей, остальное — дело последующей, «углубляющей» агитации и пропаганды. Нужна, конечно, и подобная углубляющая литература. Но для вовсе начинающего читателя и для неграмотного слушателя настоящая находка такая именно сугубо-элементарная, нарочито-упрощенная вещь, как «Крестьяне и Советская власть».

А. Дивильковский.

Б. ЭЛЬЦИН. Октябрьская революция и перспективы социального обеспечения. Госуд. Изд. Петербург.

Брошюра т. Эльцина не дает фактического материала по истории социального обеспечения. Она представляет интерес в том отношении, что рассматривает вопрос о формах социального обеспечения в зависимости от данных социально-экономических и политических отношений. «Социальное обеспечение трудящихся,—начинается брошюра т. Эльцина,—зависит от производственных отношений и от реального соотношения общественных классов».

С этой точки зрения автор рассматривает несколько этапов в развитии собеса: буржуазное страхование рабочих, социальное обеспечение в переходный период от капитализма к социализму, и грядущую стадию полного коммунистического обеспечения. Если первая стадия является уступкой, вырванной рабочим классом у буржуазии, и представляет смесь вынужденной подачки с классовым ханжеством и лицемерием, то вторая стадия, начинающаяся с момента перехода власти в руки пролетариата, представляет переход к будущему обеспечению по потребностям.

Брошюра правильно намечает общую линию развития социального обеспечения и дает верную перспективу. Правильно указано также расхождение большевиков и меньшевиков в области социального страхования, которое являлось выражением различия классовой ориентации: у меньшевиков на буржуазию, у большевиков на пролетариат и беднейшее крестьянство.

А. Винокуров

«СПРАВОЧНИК ПАРТИЙНОГО РАБОТНИКА». Составлен секретариатом Ц. К. Р. К. П. Госизд. 1921 г. 216 стр.

Ц. К. Р. К. П. (именно организационно-инструкторский отдел), издавая этот сборник, имел в виду дать «не страницу истории партии,—как говорится в предисловии,—а практическое руководство на нынешний день». И надо сказать, что поставленной цели он добился вполне.

«Справочник» является несомненным и прекрасным пособием в работе каждому члену партии, а для организаторов и секретарей партийных организаций он представляет поистине неоцененный клад.

Справочник включает в себе, кроме программы, устава и помещенных в приложении статей по отдельным вопросам, все важнейшие циркуляры Ц. К. Здесь собраны не только циркуляры, изданные со времени IX-го съезда партии, но и изданные до него, поскольку эти прежние циркуляры продолжают сохранять свою силу.

Как уже можно заключить из этих строк, «Справочник» должен быть настоль-

ной книгой не только у партийных организаторов, но и у всех ответственных партийно-советских работников вообще, ибо партийные решения всегда предшествовали главнейшим решениям наших советских органов и отражали в себе все переходы и особенности государственного строительства.

Открываясь програмной Р. К. П., принятой еще на VIII-м съезде партии, справочник, разбитый на 6 глав (кроме «Приложения»), дает важнейший материал, классифицируя его по характеру вопросов.

Здесь собраны наиболее значительные циркулярные письма Ц. К., всевозможные инструкции, положения, программы, резолюции, директивы, постановления, тезисы и прочий руководящий материал.

Первые три главы посвящены вопросам, главным образом, политического характера (партийно-организационные, об агитации и пропаганде, партийных взысканиях и т. д.).

В III главе дан обзор материала по работе в Красной армии.

Главы IV, V и VI целиком посвящены обзору материала по борьбе с хозяйственной разрухой, по руководству работой в советских учреждениях, в профсоюзах, специально на окраинах, в деревне, среди женщин и среди молодежи.

В «Приложении» между другим материалом помещены постановления VII-го и резолюции VIII-го съезда Советов; кроме того помещены важнейшие декреты и резолюции о кооперации, 3-го съезда профсоюзов и 2-го конгресса Коммунистического Интернационала.

Надо думать, что справочник с новым и новейшим материалом будет выходить ежегодно: это совершенно необходимо для облегчения работы на местах.

Можно только пожелать, чтобы каждые шесть месяцев выпускались небольшие добавочные сборники, группирующие и наиболее детальный материал за истекшее полугодие, вышедший после отпечатания справочника. Годичный промежуток для наших дней—слишком большой срок, и потому издание полугодичных дополнений на наш взгляд является чрезвычайно полезным.

Дм. Фурманов.

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

Р. МАКДОНАЛЬД. «Социалистическое движение», перев. с английского. Гос. Изд., Петербург. 1920 г., 64 стр.

Рамзей Макдональд принадлежит к числу крупнейших теоретиков реформистского социализма в Англии. Бедное теоретическими силами, рабочее движение здесь редко выдвигало в роли своих идейных вождей вообще сколько-нибудь заметные и самостоятельные величины. Практика в нем превалировала за всю историю движения над теорией. Даже наиболее самостоятельные мыслители, Веббы, в сущности, не являются крупными теоретиками социализма, хотя бы реформистского. Их роль скорей всего сводится к роли комментаторов, исходящих в оценке движущих сил движения из учения школы предельной полезности в политической экономии и из той социологической концепции, какая предусматривает не борьбу, а сотрудничество классов. В этом отношении, разумеется, трудно искать что-либо новое, что-либо, что уже не было дано в учении буржуазных социологов и экономистов. И Рамзей Макдональд, по своей эрудиции значительно уступающий Веббам, точно также далеко не самостоятелен в основных посылках своего мировоззрения. Он—типичный ревизионист-бернштейнианец той эпохи развития социалистических идей, когда социал-демократия Германии начала отказываться не только от революционной сущности, но даже от революционной фразы, и подменяла классовую революционность умеренной и аккуратной формулой «движение—все, цель—ничто»...

Тем не менее Макдональд далеко небезынтересная величина, как теоретик.

Они, при всей своей несамостоятельности, все же умеет так формулировать свою мысль, что отказать ему в оригинальности мышления никак нельзя.

Это заметно особенно по его наиболее известной работе «Социализм и правительство», в которой он развивает основную позицию реформистов, религию чистого парламентаризма. Эта книга представляет собою наиболее последовательное и прямолинейное исповедание реформистской веры. И она тем более знаменательна, что автор ее—не только кабинетный работник, как Каутский, с которым теперь Макдональд оказался плечо к плечу в «Двухсполовинном Интернационале». Как все английские социалисты, исключая группу фабианцев, Макдональд прежде всего и больше всего—политический работник. Он—один из основателей «независимой рабочей партии», с 1906 г. непрерывно представительствует в парламенте, неоднократно руководил работой парламентской группы рабочих депутатов, всегда выступает авторитетным представителем этой группы во всех ответственных прениях... То, что Макдональд излагает в своей книге, в значительной мере *отражает* (точнее — *отражало*) веру английского массового рабочего в силу и спасительность баллотировочного ящика...

Но Макдональд—теоретик реформистского социализма в Англии, Макдональд—вождь английской рабочей массы на арене парламентской борьбы, в настоящую минуту уже не играет былой роли. Его сменили на посту вождя, признанного всеми, совершенно иные персонажи. Он постепенно сходит с исторической сцены. И начал сходить даже не теперь, а уже накануне войны. Перелом, пережитый движением в 1911—1912 г.г., сделал архаическими взгляды Макдональда. Все обостряющаяся классовая борьба, развертывающаяся все шире и шире с каждым днем под влиянием сложных исторических факторов, о которых здесь не место говорить, не могла, разумеется, не выбросить на мель теоретика рабочего движения, который утверждает, что «*лишь при поверхностном взгляде история развития общин и наций кажется состоящей из эпизодов классовой борьбы*» (см. стр. 9 его работы «Социалистическое движение»).

Таков автор разбираемой работы и такова его роль в английском движении. Этим и предопределяется то, чего может ждать читатель от последней предвоенной работы Макдональда, разбираемой теперь нами. Написана была эта работа со специальной целью дать самому широкому кругу английских читателей представление о существе социализма в серии популярных книжек, издававшихся Вильямсом и Норгейтом. Лорду Роберту Сесилю издатели поручили написать о консерватизме, Гобгаузу—о либерализме, а Макдональду—о социалистическом движении. Отсюда—особый характер некоторого академизма, попытки поученее подойти к вопросу, чем работа Макдональда так заметно характеризуется. Философские размышления о личности и обществе и их взаимоотношениях, о роли солидарности (в противовес противоречиям классовых интересов) в деле общественного строительства, вот чем по преимуществу наполнена книжка. Читатель напрасно стал бы искать в ней очерк современного социалистического движения в Англии. Такого в книге нет, ибо есть в ней попытка построить систему социалистического миросозерцания...

И эта система построена на том, что так выпукло и резко сформулировал Макдональд в вышецитированной фразе об иллюзорности классовой основы истории общества...

Но Макдональд не только реформист. Он к тому же и утопист, утопист по своим приемам мышления. Он не берет за основу построения своего мировоззрения анализ форм хозяйства. Не делает этого он ни в историческом разрезе, в свете эволюционной теории, ни в разрезе критики противоречий экономического строя, ведущих к смене одной формы другою. Социализм для него—это нечто, что ум человека создает в противовес капитализму, и только. Это проходит красной нитью по всей его книжке, это сказывается даже не столько отдельными крылатыми формулами, сколько общим духом работы...

Книжка, изданная Госиздатом без всякого предисловия, в котором характе-

рисовался бы и автор, и его мировоззрения, и давался бы анализ книжки, как пособия по ознакомлению с типичным английским реформизмом, была бы поэтому мало интересной, если бы не то, что в нашей литературе точного представления о существе английского социалистического движения до сих пор не было. Этот большой пробел, несомненно, заполняет данная книжка Макдональда, несмотря даже на то, что она—далеко не из самых удачных работ автора.

Книжка издана весьма удовлетворительно. Правда, ей далеко до красоты техники, с какой выполнено издание оригинала. Но все же—и внешний вид ее на русском языке весьма приличен, в особенности, если взять вообще текущую литературу, и к тому же перевод весьма недурен.

Книжка поможет тем, кто вплотную взялся за изучение по первоисточникам истории и современного состояния социалистической мысли. Она не пригодна для массовика; она приспособлена только к школьно-академической работе.

В. Яроцкий.

К. РАДЕК. На службе германской революции (пер. с немецкого). Государственное Издательство. М. 1921 г., 269 стр.

Автор — известный революционер, участник рабочего движения в Польше, Германии и России, представляет собой одну из самых ярких фигур в рядах Коммунистического Интернационала. Известность он, однако, стяжал и всеобщее признание заслужил задолго до основания Коммунистического Интернационала своим основательным знанием международной политики, глубоким проникновением за кулисы тайной дипломатии и движущих сил империалистической политики.

Из 15 статей лежащего перед нами сборника произведений К. Радека, всего лишь 3, трактуя вопросы германской революции, попутно затрогивают вопросы мировой политики. Весь сборник целиком посвящен вопросам, связанными с отдельными этапами революции в Германии, Австрии и Венгрии.

Первая статья «Развитие социализма от науки к действию» написана в Москве еще в сентябре 1918 года, т.-е. до окончательного крушения германского империализма. Первоначально это было предисловием к изданному осенью 1918 г. в Москве безграмотному немецкому переводу знаменитой брошюры Н. Бухарина «Программа коммунистов». В начале германской революции предисловие Радека несколько раз переиздавалось в Германии отдельной брошюрой и сослужило огромную службу германскому коммунистическому движению. В противоположность знаменитой брошюре Фр. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», излагающей в довольно популярной форме теоретические основы марксизма, брошюра Радека посвящена не только идеологии, но и практике рабочего движения в период войны, и точнее содержание ее можно было бы выявить в формуле: «от демократических иллюзий к диктатуре пролетариата». Благодаря удачному подходу к вопросу, брошюра эта оказалась особенно приспособленной для пропаганды идей коммунизма и основ нашей тактики в рядах западно-европейских рабочих-середняков, воспитанных на марксизме, оскопленном и лишенном своего революционного содержания.

Серия статей, посвященных специально Германии, открывается пространным докладом автора, прочитанным им в октябре 1918 г. на пленарном заседании В. Ц. И. К., членов московского Совета, представителей профсоюзов и т. д.,—«Крушение германского империализма и задачи международного рабочего класса». По поводу составленного тогда имперского кабинета принца Макса Баденского с участием с.-д. Шейдемана, Эберта, тов. Радек объясняет неизбежность крушения германского империализма и неминуемость падения правительства Шейдемана.

С огромным захватывающим интересом читается сейчас доклад Радека. Многое из того, что он предвидел и предсказывал, сбылось. Многое еще не сбылось, но, читая его предвидения, невольно вспоминаешь детскую пору советской республики, когда еще в силе был братский договор и грозной силой

казалась мощь Кайзера, когда лишь слегка намечавшаяся революция на Западе казалась коротким, быстрым, как юношеский порыв, вихрем, который все сметет, все очистит.

К. Радек, нелегально приехавший в Берлин в конце декабря 1918 г., выступил 30 декабря на учредительном съезде германской коммунистической партии с блестящей приветственной речью, вошедшей в настоящий сборник. Речь эта вызвала яростный вой, разожгла ожесточенную травлю всех контр-революционных элементов, всей буржуазной и значительной части рабочей печати против спартаковцев вообще и против Карла Радека в частности. При этой необычной травле, при объявленной за его поимку высокой премии, К. Радек уже через 6—7 недель после своего приезда в Германию был арестован и закован в кандалы. Однако, суровые и педантичные немецкие тюремщики и жандармы спасовали против едкого сарказма и стоического спокойствия их узника. В результате уже через пару дней кандалы были сняты, и за время девятимесячного своего заключения в прусской тюрьме К. Радек не только сумел связаться с загнанной в то время в подполье германской коммунистической партией, но и вмешаться в раздиравшие ее разногласия, приведшие в октябре 1919 г. к расколу коммунистической партии и к образованию новой коммунистической рабочей партии Германии. Критике анархо-синдикалистского и в особенности так называемого национал-большевистского уклона этой новой партии, посвящены две статьи сборника, появившиеся в свое время под псевдонимом.

Дальнейшие статьи сборника посвящены критике бунтарских настроений и вспышкопускательских авантюр в Австрии (случай Беттельгейма) и ошибочности совместного с социал-демократами захвата власти венгерскими коммунистами, без продолжения с ними такой же борьбы, какую вели коммунисты в России с партией левых с.-р-ов.

Очень талантлива статья «Пролетарская диктатура и терроризм», посвященная критике книжки Каутского «Терроризм и коммунизм». Критике этой книги Каутского посвящена, как известно, блестящая книга Л. Троцкого под тем же названием, вышедшая в прошлом году ко II конгрессу Коминтерна. Приходится только пожалеть, что остроумная статья К. Радека, написанная и опубликованная в Германии еще в конце 1919 года, не была издана в России раньше. На-ряду с упомянутой выше книгой Троцкого и с книгой Ленина «Ренегат Каутский» она представляет собой прекрасный арсенал доводов и формул в борьбе с меньшевизмом.

Если большинство помещенных в сборнике статей о тактике коммунизма направлено было против левого крыла, то последняя статья сборника, посвященная критике тактики коммунистов в период каповской авантюры (март 1920 года) наносит чувствительный удар правому крылу германских коммунистов. Она упрекает их в квиетизме, пассивности и т. д. Несмотря на то, что статья написана была в Москве уже в июне 1920 г., она во многом приводит доводы, фигурировавшие совсем недавно в полемике германских коммунистов против своего ренегата П. Леви и его друзей и нашедшие свое отражение на III конгрессе Коминтерна.

Книгу К. Радека можно горячо рекомендовать всякому желающему основательно ознакомиться с германской революцией. Приходится только пожалеть, что местами книга переведена безбожно скверно. Все мы знаем своеобразный язык К. Радека. Язык столь же интернациональный, как и сам тов. Радек, язык грамматически неправильный, но диалектически блестящий. Язык же русского перевода местами деревянный, иногда жестоко калечит острую мысль автора. Нельзя не отметить небрежность и со стороны Госиздата: корректура неважная, все указания страниц в оглавлении неправильны.

Фриц Штурм.

З. ЛИЛИНА. От коммунистической семьи к коммунистическому обществу. Гос. Изд. Пб. 1920 г. 104 стр. Цена 40 р.

Эта книжка посвящена истории хозяйственных, или, точнее, общественных форм, и, как сообщают, введена в качестве учебника в петербургских шко-

лах первой и второй ступени. Судя по характеру изложения, книжка Лилиной рассчитана на школу I ступени.

Книжка Лилиной дает краткий типологический очерк материальной и духовной культуры человечества, от первобытного коммунизма («коммунистической семьи») до коммунистического общества. О самостоятельном научном значении этой книжки говорить совершенно не приходится. Это—компиляция, в основе которой лежит «Краткий курс экономической науки» А. Богданова в издании 1906 года. Сохранены даже те же эпохи, и в общем тот же порядок изложения, что у названного автора. Книжка т. Лилиной представляет собой популяризацию «курса» Богданова, но, к сожалению, популяризацию, которая то и дело переходит в грубейшую *вульгаризацию*.

Так, на стр. 70 автор утверждает, что при средней производительности труда так называемый необходимый труд составляет пять рабочих часов. Откуда взята эта цифра, известно разве только тов. Лилиной, вернее всего, что она для пущей убедительности списала ее с потолка. На стр. 63 мы читаем, что оплата рабочего есть вторая часть цены товара («цена» товара, по т. Лилиной, слагается из 2 частей), хотя в той же главе дано в общем правильное перечисление составных ценностных частей товара. На стр. 78 мы узнаем, что «мелкобуржуазное общество (подразумевается городское хозяйство средних веков с его купеческими гильдиями и ремесленными цехами) выдвинуло... свою форму правления — неограниченную монархию». Между тем известно, что «мелко-буржуазное общество» имело свою собственную государственную организацию, и что абсолютная монархия была «выдвинута» торговым капиталом. В некоторых местах тов. Лилина, забывая, очевидно, что она пишет научно-популярную книжку, сообщает читателю явно преувеличенные «слухи». Оказывается, например, что «пара (!) американских банкиров владеет (!) теперь всеми капиталами Америки, а 2—3 (!) французских капиталиста поработили себе весь французский народ» (стр. 77). Иногда вульгаризация граничит прямо-таки с невежеством. Так, на стр 84 тов. Лилина преподносит читателю следующую нелепость: Акционерные общества... в своем развитии изменили и свой характер, превратившись из товариществ мелких предпринимателей и бедноты (!) в могущественные союзы крупнейших капиталистов,—в синдикаты и тресты.

Несмотря, однако, на все эти ошибки и вульгаризацию, книжка тов. Лилиной обладает большим достоинством—она *чрезвычайно популярна* и можно только пожалеть, что автор прежде, чем сдать свою работу в печать, не дал ее на просмотр компетентному редактору, который без особого труда устранил бы попадающиеся то тут, то там вздорные утверждения.

Ш. Дволайцкий

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ. Сборн. статей К. Цеткин, А. Коллонтай, Ю. Мархлевского и П. Леви. Гос. Изд. Москва 1921 г. 43 стр.

Из четырех статей небольшого сборничка, пожалуй, ни одна не была написана специально для него. Не чувствуется в них согласованности, умелой редакции.

Статья П. Леви является частью его речи, произнесенной на большом собрании в Берлине, устроенном в феврале 1919 г. вскоре после гибели К. Либкнехта и Р. Люксембург. На этом собрании присутствовал еще вслед за тем тоже вероломный убитый тов. Л. Иогихес (Тышка), которому посвящает немало места автор другой статьи сборника—тов. Ю. Мархлевский-Карский. Эта статья, несомненно, является наиболее ценной частью сборничка. В ней дан наиболее полный и наиболее достоверный биографический материал о Р. Люксембург.

Статья т. А. Коллонтай «Красная Роза» и краткая вступительная заметка К. Цеткин были напечатаны в январе с. г. ко дню второй годовщины смерти Р. Люксембург, и перепечатывать их, особенно вступление, вряд ли было целесообразно.

В общем, в сборнике получилась изрядная доля утомительных повторений. Об этом приходится пожалеть, ибо Р. Люксембург вполне заслужила того, чтобы издана была хорошая, цельная ее био-

графия, доступная широкому кругу читательниц-работниц.

Издана книжка весьма изящна: бумага хорошая, печать четкая. Имеются в тексте две фотографии Р. Люксембург и одна на обложке.

Фриц Штурм.

ПИСЬМА РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ. Издание Коммун. Интернационала. Москва 1920 г. 62 стр.

Опубликованная связка писем числом около 20—показывает этого незаменимого вождя германских и польских рабочих с новой стороны, совершенно неизвестной до сих пор людям, не имевшим случая ближе узнать ее. Перед нами здесь выступают черты выдающегося полемиста, острого аналитика, рьяного врага всякого оппортунизма. Лишь в некоторых вскользь оброненных словах вырисовывается в этих письмах образ революционера. Главный отпечаток в них на-ряду с глубокой дружбой с Карлом Либкнехтом—все опубликованные письма адресованы были его жене Софье Либкнехт—откладывает нежная любовь к природе, чуткое проникновение в ее прелести и тайны.

Письма эти, писанные по-немецки, первоначально изданы были германским союзом коммунистической молодежи. Действительно, можно смело предсказать, что на протяжении многих лет книжечка эта будет излюбленным чтением рабочей молодежи всех стран. Юные пролетарии свято чтут память Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Их имена, тесно сплетшиеся совместной борьбой в союзе Спартака, еще неразрывнее спаялись трагической гибелью обоих.

Молодежи, почитающей память героев-вождей, особенно памятны и милы будут эти письма. В них Р. Люксембург целиком уходит мыслями и чувством от шума и сутолоки городов и даже в тюрьме видит, чувствует и осязает красоту природы, радуется всякому проявлению. Будь то цветок, зяблик, жаворонок или даже просто розовое облако—это вызывает восторг и радость у автора писем. Р. Люксембург чутко прислушивается, зорко, несмотря на все тюремные решетки и ограды, вглядывается в проявления природы и живет ее жизнью.

Это не мешает ей, однако, в одном из трогательнейших по любви к природе мест, бросить вскользь такие слова:

...у меня иногда бывает чувство, что я не настоящий человек, а тоже какая-нибудь птица или другое животное в образе человека; внутренне я чувствую себя гораздо более дома на таком клочке сада, как здесь, или в поле среди шмелей и травы, чем на партийном съезде... Вы ведь знаете, я, несмотря на это, все же надеюсь умереть на посту: в уличной битве или в каторжной тюрьме».

В течение двух десятилетий вся буржуазная печать, особенно германская, забрасывала Р. Люксембург грязью, клеветала на нее, присвоила ей кличку «кровавой Розы». Лежащая перед нами книжечка, где в каждом из писем оказываются сокровища трогательнейшей любви, является блестящим опровержением лживых легенд буржуазии.

«Внутренняя радостность» — называет сама Р. Люксембург—преобладающее в ее письмах настроение, свое умение в самом безысходном на первый взгляд положении, в самой тяжелой и гнетущей обстановке не поддаваться тоске, а, наоборот, оптимистически, с сознанием глубокой своей правоты и неизбежной победы своей смотреть вперед.

Довольно изящно изданный русский перевод можно было бы горячо рекомендовать нашей молодежи, если бы недопустимо скверная корректура не затрудняла чтение неумело и небрежно сделанного перевода.

Фриц Штурм.

АНАРХИЗМ И СИНДИКАЛИЗМ.

В. ЧЕРКЕЗОВ. Предтечи Интернационала. Доктрины марксизма. Книгоиздательство «Голос Труда». Петерб.—Москва 1920 г. 191 стр.

Нам уже пришлось в обзоре литературы о Бакунине упомянуть по поводу предисловия В. Черкезова к I тому сочинений Бакунина, о той ненависти к Марксу и марксизму, которой проникнута каждая строчка этого старого народника-анархиста. Теперь перед нами уже не легкий наскок, а вся тяжелая артиллерия Черкезова, собрание статей, написанных в эмиграции в период между второй половиной 90-х годов и приблизительно 1907 г. Весь этот сборник имеет целью доказать, что Маркс и особенно Энгельс, не говоря уже о таких марксистах, как Каутский, Плеханов и другие, были жалкие плагиаторы-софисты, враги действительного социализма, мало того, просто-на-просто *«безграмотные невежды и шарлатаны»*. Не думайте, читатель, что мы шутим: на стр. 178 так и напечатано черным по белому: помимо материализма естествознания, «никакого иного материализма ни экономического, ни диалектического—не существует, *кроме как в головах безграмотных невежд и шарлатанов»*.

Казалось бы, одной такой цитаты достаточно, чтоб больше книжкой Черкезова не заниматься, отложив ее, как явный бред маниака. Но это было бы неправильно. Как мы увидим, Черкезов несомненный маниак, притом просто ничего не понимающий в ненавистном ему марксизме, но «в его безумии есть логика». И при несомненной искренности автора и той страстной настойчивости, с которой он повторяет свои обвинения, его книга должна производить впечатление на неискушенную молодежь. К сожалению, небольшие размеры рецензии не позволяют подробно разобрать книгу, и нам придется поэтому ограничиться несколькими отрывочными замечаниями.

«Гвоздем» всей книги, «открытием» Черкезова, которое, главным образом, и производит впечатление, является «обвинение» в том, что «Коммунистический манифест» списан с «Манифеста демократии XIX в.» фурьериста Консидерана, а книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»—жалкая компиляция двухтомного сочинения сенсимониста Бюрэ «О нищете рабочих классов в Англии и Франции», вышедшего в 1840 г. Черкезов для доказательства своего «открытия» делает ряд сопоставлений из тех и других книг, ссылается на подтверждение своего обвинения у III. Андлера в его известном Комментарии к Коммунистическому манифесту», перепечатывает сочувствующую своему мнению статью итальянского синдикалиста Артура Лабриола, наконец, в торжествующем тоне приводит в особой статье «сознание» Каутского, напечатанное в журнале «Neue Zeit» в 1906 г., что многие идеи манифеста Маркса и Энгельса уже содержатся в манифесте Консидерана.

Несомненно, что для первой главы «Коммунистического манифеста» образцом могли послужить соответственные места у Консидерана. Разница лишь в том,—и это абсолютно не в состоянии понять Черкезов,—что из общих всем социалистам 40-х годов характеристик капитализма и положения пролетариата Маркс *делал свои* выводы, как небо от земли, далекие от выводов Консидерана. Что же касается юношеской работы Энгельса, то он, может быть, и пользовался отчасти книгой Бюрэ, а, может быть, сходство происходит от того, что они цитируют одни и те же английские материалы. Но—и это должен признать и сам Черкезов—у Энгельса имеется и много такого, заимствованного им из чартистской литературы, чего нет у Бюрэ.

Как бы там ни было, но, сделав свое «открытие» и доказав «плагиат», Черкезов уже не знает удержа. Оказывается, марксисты будто бы утверждают (стр. 29, примеч.), что Маркс «первый высказывался за рабочее законодательство», зачатки которого были в Англии еще до его рождения. Оказывается, Эн-

тельс «оправдывал рабство, эксплоатацию и все социальные несправедливости посредством возмутительных софизмов» (стр. 68). Русские марксисты в «Заре» и «Искре» выступили с проповедью против социалистического идеала и стремления к его осуществлению» (стр. 105). Мало того, «научные диалектики школы Энгельса могут называть английскую плутократию и царство трестов в Америке основательным научным, диалектическим, марксистским социализмом, но смеем уверить достойных учеников Энгельса, что это не социализм человечества» (стр. 107). Марксовский «закон концентрации капитала—это закон мнимый, абсурдный, фантастический», «шедевр софистической диалектики» (стр. 68). В «Коммунистическом манифесте» Маркса «*о коммунизме нет ни слова*» (180), а рекомендуемые им переходные меры характеризуются следующим образом: конфискация имущества эмигрантов и мятежников—это «старая гнусность, практиковавшаяся всеми деспотами и угнетателями», «централизация средств передвижения в руках государства осуществлена Бисмарком и царем, великими социалистами». «Обязательный труд для всех»—это, «как на каторге для каторжников» и т. д., и т. п. (стр. 57).

Все решительно научные заслуги и открытия Маркса и Энгельса, по мнению Черкезова, или вздор и софистика, или плагиаты. В самом деле, и о трудовой теории ценности, и о прибавочной ценности, и о борьбе классов, и о так называемом законе минимума заработной платы,—обо всем этом, говорит Черкезов, писали экономисты и социалисты до Маркса, а марксисты приписывают все эти открытия себе. Вот тут-то и сказывается блаженное простодушие и непонимание Черкезова. Обо всем этом писали, но строгую научную формулировку этих явлений дал впервые Маркс, и *научные*, а не сентиментальные выводы из них сделал он же. Так, напр., прибавочная стоимость рассматривалась социалистами-оуэнистами, как прискорбный факт, тогда как у Маркса она превратилась в *закон* капиталистического общества. «Естественной» заработной платой считали все домарксовские социалисты, до Прудона включительно, «полный продукт труда», тогда как Маркс и Энгельс «естественным» для капиталистического общества считали именно минимум средств существования.

Ненависть к марксизму так ослепляет Черкезова, что ту самую революционную диктатуру, которую он покровительственно прощает Бланки, он у Маркса называет «*проповедью солдатчины, дисциплины и рабства*» (стр. 180). Обвиняя марксистов, в том числе и русских, в отказе от революционности, он в то же время ставит им в вину борьбу с либералами из «Освобождения» Струве.

Ключ ко всем этим бесчисленным противоречиям, как и к лютой злобе Черкезова на Маркса и марксизм, мы находим на стр. 91, в его собственном определении того, «*что составляет основу чистого социализма*»: «уничтожение эксплоатации человека человеком, обществом, государством (это дань анархизму. *Б. Г.*); *право каждого располагать по своему желанию продуктами своего труда, своим временем и силами*» (курсив наш *Б. Г.*). Эта мелко-буржуазная идиллия, этот мещанско-реакционный социализм, который каждому предлагает располагать продуктами *своего* труда, конечно, встретил в Марксе самого опасного и ожесточенного врага и платит ему той же монетой.

Б. Горев.

АЛЕКСЕЙ БОРОВОЙ. «Личность и общество в анархистском мировоззрении». Книгоиздательство «Голос Труда». Петербург Москва 1920. Стр. 100

С некоторым любопытством раскрываешь опыт анархистской «социологии», написанный известным теоретиком анархизма и снабженный следующей рекомендацией редакции «Голоса Труда»: «Этюд тов. Борового по широте захвата, по свежести тона, по громадной эрудиции автора заслуживает серьезного внимания со стороны читателя, ищущего не готовых рецептов, а постановки проблем». Но—увы—по прочтении книжки испытываешь полное разочарование, ибо из всех перечисленных редакцией достоинств ее налицо имеется лишь одно:

эрудиция и притом совершенно бесплодная, не дающая никаких ярких выводов, никакой новой постановки вопроса. Хуже всего то, что прочитанная книжка (а мы прочитали ее внимательно и притом дважды) *просто не оставляет никаких следов ни в мысли, ни в памяти*, и тщетно спрашиваешь себя: что же в конце концов хотел сказать автор?

На протяжении ста миниатюрных страниц в довольно хаотическом беспорядке, словно в небрежно набрасываемых черновых мыслях, чередуются: отрывочное изложение древних и новых писателей, критика либерализма, «неолиберализма» и социализма, собственные рассуждения автора, как мы увидим из некоторых примеров, далеко не оригинальных, и... цитаты, цитаты без конца, этот внешний признак «эрудиции». И в результате этой окрошки, повторяем, читатель не обогащается ни одной сколько-нибудь *творческой*, или хотя бы *организующей* идеей.

Обратимся к взглядам самого автора, поскольку их можно выделить из моря цитат. Выдвигая принцип примата личности, которая одна лишь реальна (в чем его, между прочим, упрекает даже редакционное предисловие), А. Боровой в этом прославлении человеческой личности готов признать (вслед за итальянским гуманистом Мирандолой), что «человек есть как бы исключение в общем строе природы», «узел мироздания» (впрочем, как «узел» может быть «исключением»?), «и анархистское мировоззрение в этом споре (споре между материалистами и идеалистами, очевидно. *Б. Г.*)—в общем и целом—должно быть с Мирандолой» (стр. 12). Что это не обмолвка, что у автора определенно мистический уклон, стремление сделать человека «гражданином двух миров», видно из целого ряда мест книжки. В конце ее автор договаривается даже до признания спиритизма и до того, что «наше сознательное я есть только часть более обширного сознания, более глубокой способности, остающейся в преобладающей мере потенциальной, *поскольку имеется в виду земная жизнь*» (стр. 98, курсив наш. *Б. Г.*).

Как видим, при всей странности этих рассуждений в устах представителя анархизма, наиболее выдающиеся теоретики которого примыкали к материалистическим взглядам,—в них все же нет ничего оригинального. Еще менее оригинальны мысли автора о свободе, об отношении личности к обществу и т. д. И все это крайне отвлеченно, без всякого конкретного содержания.

При этом, с одной стороны, желая и что бы то ни стало возвеличить анархизм он противополагает ему либерализм и социализм, вместе взятые, у которых будто бы «много общего», тогда как, наоборот, у старого либерализма, несомненно, общие идейные, если не социальные корни с анархизмом, или он приписывает анархизму, в качестве научного открытия, самые общие, шаблонные места, вроде таких, напр., трюизмов, как отрицание «абсолютного» или «конечного» общественного идеала, «абсолютного в том смысле, что он венец человеческой мудрости, конец социально-этических исканий человека» (стр. 41). С другой стороны, крайний индивидуализм автора приводит его иногда к забавным нелепостям. Поставив, как мы видели, личность вне законов природы, он готов поставить ее и вне законов общества. «Личность, как единственная подлинная реальность общественного процесса, *свободно избирает и изменяет любые формы общения*» (стр. 21, курсив наш. *Б. Г.*). Но это не мешает ему тремя страницами раньше признать все же человека «существом общественным» и сослаться для доказательства этой истины даже на... *акт рождения*, из которого «с необходимостью вытекает момент сосуществования старших поколений с младшими».

Право, чтобы притти к подобным истинам, к такой «постановке проблем», не стоило писать анархистскую социологию.

Б. Горев.

М. КОРН. «Революционный синдикализм и анархизм». Книгоиздательство «Голос Труда». Петербург—Москва 1920 г., стр. 126.

Путь революционный и путь легальный, парламентский взаимно исключают друг друга. Между всеобщей стачкой, переходящей в прямую экспроприацию,

и захватом политической власти с целью декретирования мер социалистического характера, приходится выбирать... Через политическую революцию к экономической—такова была с самого начала и таковой остается до сих пор программа социал-демократии. Прямо к социальной революции, ко всеобщей экспроприации, к коммунизму—таков лозунг анархизма. Середины быть не может, и всякая партия, всякое общественное течение, раз ставши на тот или иной путь, должны итти до конца... Революционный синдикализм не только вступил на путь, ведущий к анархическому полюсу, но и подвинулся довольно далеко вперед. Этому обязан он всеми своими идейными и практическими завоеваниями. Чтобы сохранить их и развиваться дальше, он должен итти до конца; целью и последовательно принять анархическое воззрение, как свою руководящую идею».

Данные цитаты взяты со страницы 46 книжки М. Корна о революционном синдикализме. И они превосходно оттеняют существо всей работы. Пусть не подумает читатель, что в этой книжке он найдет оценку синдикализма в социально-экономическом разрезе. Напротив. Как раз *этого* в ней и нет. Полемическая статейка автора, поставившего себе целью доказать полную родственность анархизма и синдикализма,—вот что представляет собою эта книжка... Вернее—две поверхностно написанные работы (вторая—на тему «борьба с капиталом и властью») собраны под одной обложкой и преподносятся в качестве откровений анархического мышления.

И при этом автор все время напряженно ломится в открытую дверь. Каждому грамотному марксисту всегда было прекрасно известно, что так называемый романский синдикализм является продуктом *относительной отсталости* романских стран. Слабое развитие во Франции, Италии и Испании капиталистического хозяйства предопределяет собою незначительность удельного веса индустриального пролетариата в общественно-экономических отношениях. Преобладание в первой из стран финансового капитала над промышленным рождает ограниченность роли рабочего и увеличивает роль рантье: в Испании и Италии на первый план выступал долгое время опять-таки не рабочий, а мелкий собственник-крестьянин и половник. Отсюда та общественно-экономическая обстановка, какая делает рабочий класс мало дееспособным в классовой борьбе... Но развитие этой последней может итти по трем направлениям: уверенное продвижение в случае, если за рабочим классом накапливается все больше и больше влияния в экономике и политике,—и тогда мы имеем дело с многогранным развитием пролетарских организаций (включая и политическую), безрезультатность борьбы,—и тогда перед нами либо отмирание рабочих организаций, либо нарастание бунтарских настроений в передовых слоях класса, в передовых его отрядах. Последнее и имеет место в романских странах, где безрезультатность повседневной борьбы рабочего класса рождает в головах отдельных рабочих романтические мечтания о возможностях справиться с капитализмом коротким ударом, веру во всеспасительное значение всеобщей стачки. Сорель, наиболее вдумчивый из теоретиков синдикализма, прекрасно понимал истинную природу синдикалистской романтики и потому и бросил свою крылатую фразу о мифе всеобщей стачки. Но раз так, то очевидно, что и синдикализм и анархизм питаются одним и тем же источником: недостаточным развитием классовых отношений, недостаточным уровнем классового сознания рабочих. И тот и другой поэтому приобретают утрированно упрощенный взгляд на ход общественного развития и задачи, стоящие перед рабочим классом. И тот и другой, иначе говоря, приобретают неизбежно родственные черты *антипарламентаризма* во что бы то ни стало, стремление бить по капитализму *сразу* ради окончательного избавления труда от ига капитала, и т. п. и т. п. И доказывать на протяжении хотя бы 45 страниц родственность революционного синдикализма и анархизма—воистине значит ломиться в открытую дверь. При всем отличии их друг от друга они все-таки родные братья...

Книжка Корна, в силу такого своего характера, не имеет никакой ценности.

Даже то обстоятельство, что в ней читатель нашел бы довольно полезный материал по истории рабочего движения, приводимый в качестве, впрочем, иллюстраций к тезисам, с характером которых знакомит приведенная выше выдержка, не имеет большого значения. Во-первых, тот же материал, но зачастую несравненно более удачно систематизированный, читатель найдет и в других работах; во-вторых, переплетение ценного материала с шаблонными выводами и столь же шаблонной формой, в какие влилась идеология анархо-синдикализма, принижает достоинство безусловно интересных страниц Корна...

Словом, ничего из этой книги не вынесет ни рядовой рабочий, ни рядовой работник Р. С. Ф. С. Р. И зря только пошла бумага «Голоса Труда» на выпуск такого слабого во всех отношениях произведения, как «Революционный синдикализм и анархизм»...

В. Яроцкий.

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. «Анархизм и коммунизм». 2-е переработанное и дополненное издание. Москва. Гос. Изд. 1921 г., стр. 111.

Эта чрезвычайно полезная книжка является как бы дополнением «Азбуки коммунизма». Если в «Азбуке» излагаются основы коммунистического учения, то здесь шаг за шагом, хотя не всегда с одинаковой обстоятельностью, автор подчеркивает отличия коммунизма от анархизма. Популярным и живым языком т. Преображенский характеризует самодержавно-дворянское и буржуазное государства, противопоставляя им государство пролетарское. Анализирует отношение анархистов к этому последнему, вскрывает настойчивость этого отношения и объективную контр-революционность, в которую неминуемо впадают группы анархистов, выступающие против диктатуры пролетариата. Много места уделено также анализу классовой основы анархизма, где автор правильно отмечает сложность состава анархических масс, которые могут включать в себя и представителей мелко-буржуазного класса, люмпен-пролетариев, и безработных, почему в зависимости от конкретных обстоятельств, анархисты могут выступать либо как партия мелко-буржуазии, либо как представительница интересов босяков-пролетариев или безработных. Эта двойственность и шаткость классовой основы анархизма (автор оставляет в стороне мирных анархистов, а имеет в виду лишь сторонников революционной борьбы) и является причиной того, что успехи анархистов всегда временны и ненадежны. Особенно ценны страницы книжки, посвященные современным направлениям в анархической среде, анархо-синдикализму и анархизму 1921 года. Так как автор трактует вопрос в обстановке нынешних условий и пользуется примерами, взятыми из наших дней, — это делает его изложение весьма близким широкому читателю и захватывающим, хотя в форме несколько общей. Впрочем, эта общая форма рассуждений тов. Преображенского не явилась случайной. Он считает делом «довольно скучным и мало плодотворным детальное исследование отдельных течений в анархизме, оттенков, разногласий между разными группами и группочками, на которые анархизм всегда распадался и распадается», но мы не согласимся с этим мнением автора. Если принять, что работа т. Преображенского должна являться не только полезной пропагандистской книгой для чтения, но, главным образом, пособием для агитатора и пропагандиста (а надо думать, что именно для этой цели она и писалась), то полезность ее, несомненно, возросла бы, если бы тов. Преображенский более обстоятельно и систематически рассмотрел существующие группировки анархистов со всеми их отличительными особенностями.

К сожалению, медлительность нашего книгопечатания не поспевает за быстротой нашей жизни. Книга тов. Преображенского едва успела выйти из печатной машины, а некоторые положения, развиваемые им, уже нуждаются в коррективах (о хлебной монополии, о свободной торговле, о прекращении денежных расчетов между национализированными предприятиями, об отмене платы за квартиры, трамвай). Все это будет, конечно, исправлено в новом издании

книжки, которое, несомненно, потребуется в ближайшем же будущем.

Настоящее издание книги, являющееся вторым по порядку, переработано и дополнено. Но ни на обложке, ни на титульном листе об этом ничего не сказано. Это большое упущение. Шрифт книги— плохой. Государственному издательству необходимо улучшить внешность агитационно-пропагандистских изданий.

Вяч. Полонский

ДВИЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ.

1) ВЛ. ДУНАЕВСКИЙ. Общая схема положения о социалистической школе рабочей молодежи. Выпуск 1. Издание юношеского отдела Гос. Изд. Москва 1921 г., 67 стр. 2) Сборник материалов по политпросветработе Р. К. С. М. Изд. юношеского отдела. Гос. Изд. Москва 1921 г., 40 стр. 3) Л. ШАЦКИЙ. Классовость, интеллигенция. коллективы и самодеятельность. Изд. юношеск. отд. Гос. Изд. Москва 1921 г., 32 стр. 4) ВЛ. ДУНАЕВСКИЙ. Украинская оппозиция в свете политических событий революции. Изд. юношеск. отдела. Гос. Изд. Москва 1921 г., 23 стр. 5) В. ФЕЙГИН. Стихи. Изд. юношеского отд. Гос. Изд. Москва 1921 г.. 32 стр.

Перед нами пять книжек, изданных юношеским отделом Государственного Издательства. Отдел молодой (первая книжка вышла в свет в апреле 1921 года) и весьма интересно выяснить его идейную физиономию. По мысли организаторов отдела, последний должен выявлять в печати основные вопросы и методы юношеского движения, тем более, что отдел работает под руководством и контролем Ц. К. Р. К. С. М. Но, к сожалению, впечатления, дающего возможность определить общий план деятельности отдела, нет: все пять выпущенных книжек говорят о разных вопросах и разным языком, единства плана никакого нет. Указанные издания можно разделить на три группы: первая группа посвящена вопросам политпросветработы, вторая—расколу в украинской организации Р. К. С. М. и, наконец, особняком стоит книга стихов Фейгина.

Первые две книжки во всей широте ставят вопрос о политпросветработе комитетов молодежи. Вопрос этот очень важный и крайне интересно, как его ставит и разрешает союз. Совещание юношеских политпросветов в феврале 1921 года во всей широте поставило вопрос точно так же, как он не так давно поставлен в Главполитпросвете в общереспубликанском масштабе. Совещание вынесло ряд конкретных резолюций, на основе которых Ц. К. Р. К. С. М разработан ряд положений, инструкций и программ. Как непосредственную задачу работы К. С. М., совещание считает а) ликвидацию политической неграмотности, б) подготовку новых союзных активных работников, в) установление организационного контакта и согласования в практической работе с органами Главполитпросвета. Каждый из намеченных вопросов детально разработан, приложены программы занятий, методические указания, организационные планы. Ни методы, ни программы не оригинальны и нового ничего не вносят, но полезны, как материал, собранный в одно целое в специальном сборнике.

Гораздо интереснее книжка т. Дунаевского: здесь не только общие вопросы, но и совершенно новый и оригинальный план организации в общегосударственном масштабе системы воспитания пролетарской молодежи в целях подготовки квалифицированных рабочих для социалистического государства. Что в высшей степени высоко ставит книжку т. Дунаевского—это самая тщательная, самая детальная разработка вопроса с начала и до конца, от основных положений до мелких штрихов.

Самый план строен, выдержан, по мысли правилен, но... утопичен. Ибо ничем иным, как утопией, нельзя считать тот план организации «социалистической школы рабочей молодежи», который предлагает т. Дунаевский. Можно

было бы подумать, что это не конкретный план, а программа, рассчитанная на далекое будущее, если бы не введение, где предлагается губсомолам вводить Положение в жизнь *немедленно*, впредь до утверждения всего плана в целом.

Положение ставит вопрос о нормальной схеме воспитания рабочих-подростков. Эта нормальная схема мыслится, как сумма образования профессионально-технического вместе с обще-теоретическим и клубной самодеятельной работой. Для проведения плана и руководства организуется при Наркомпросе руководящий орган в лице «Единого Совета социалистической школы рабочей молодежи». Все рабочие-подростки переходят в ведение этого органа в целях подготовки из них квалифицированных рабочих. Все Положения разбиваются на ряд отделов: нормальная схема, охрана быта и нормы быта, методы образования и т. д.

По плану «Положения» подростки должны не отрываться от фабрики, а, наоборот, фабричное производство должно быть положено в основу всего воспитания. Это мысль не новая, но впервые она проводится в таком продуманном и детализованном плане, так сказать, до последнего винтика. Против этого плана нет никаких с нашей стороны возражений, кроме наскучивших всем нам «жизненных условий». Действительно, на какой фабрике, с какими учителями можно проводить этот план в жизнь? Ни тех, ни других нет. А ведь план требует организации работы не в особо-оборудованных учебных мастерских, где можно сосредоточить много учащихся, а на настоящих фабриках, которые должны быть оборудованы нормально и нормально работать, иначе какое учение?

С другой стороны, работа фабрики, на которой работает школа, не должна преследовать утилитарных целей, а исключительно педагогические (стр. 27); можем ли мы сейчас позволить себе такую роскошь? Помимо «утопизма» план хромает еще и по программе: то, что нормально усваивается в 4—5 лет, по плану школы рабочей молодежи предполагается пройти в два года, плюс еще физический фабричный труд и внеклассная работа.

В общем, этот хороший план надо хорошенько пересмотреть сквозь призму реальной действительности, тогда он может быть во многом использован, тем более, что метод работы школы рабочей молодежи уже раньше был указан и разработан рядом методистов.

Следующие две брошюры посвящены вопросу «к порядку дня»—внутренним неладам в Украинской организации К. С. М. Обе брошюры очень подробно останавливаются на вопросах, выдвинутых украинской оппозицией: самодеятельность, автономия, засилие интеллигенции и т. д. Т. Шацкий разбирает все тезисы «оппозиции», вскрывая корни ее, находя основы в тех же источниках, откуда идут и мелко-буржуазные лозунги. Самая украинская жизнь налагает отпечаток на юношеское движение, как и на общеполитические явления жизни. Брошюра написана ярко, содержательно и полезна не только украинским «оппозиционерам». Коробят слух только слова «массовость», «классовость» и т. д.

В несколько ином роде брошюра т. Дунаевского. Автору хотелось на 23 страницах не только обрисовать сущность течения, но и вскрыть экономические и политические причины его, следствия. Все он пытается иллюстрировать цифрами, нагромождая цитаты, ссылки и т. д. Если брошюра т. Шацкого спокойно и деловито обсуждает вопрос, анализируя его, то т. Дунаевский «из кожи лезет вон», задыхается и хочет ударить прямо в лоб противника. Отсюда много выражений весьма сомнительной правильности и точности, примерно: «немногочисленность пролетарских рядов, их распыленность... *заставили отступить от жестокости и твердости* в проведении хозяйственного плана» (стр. 1); «т. Нольде не *постеснялся*... предложить денационализировать мелкие промышленные заведения» (стр. 4) и т. д. Таких выражений можно найти очень много, удельный вес их,—наряду с заявлением о предстоящем *выпуске металлических* денег,—ясен для каждого читателя. И возникает вопрос: зачем по одному и тому же вопросу печатать две книжки? Если тема упирается в общий вопрос о «партийных распрях,

(на что указывают оба автора), то не достаточно ли для этого всей литературы, вышедшей у нас за последние месяцы?

Совсем особняком стоит книжка стихов Фейгина. Хочется объяснить выпуск ее недоразумением. В самом деле, какое отношение имеет к творческой работе Р. К. С. М. сборник плохих гимназических стихов, где говорится о поцелуях, незнакомках, мечтах ученика больше, чем о революции (шедевром является стихотворение «В трамвае»). Т. Фейгин убит под Кронштадтом, он очень талантливый, самоотверженный юноша, его следует не забывать, но имя его увековечивать плохими стихами, какие пишут тысячи гимназистов, не следует. Для этого есть иные пути.

Мы видим, что издательство Р. К. С. М. в лице юношеского отдела Гос. Изд. не имеет еще плана работы: ценное перемешивается с ненужным. Будем надеяться, что неверные первые шаги его скоро станут тверже и прямее.

Вад. Смушков.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

Die wirtschaftspolitischen Probleme der proletarischen Diktatur. Von Dr. Eugen Varga. Univ.-Prof., gewez. Volkskomissar und Prasidenten des obersten Wirtschaftsrates der Ungarischen Ratrepublik. Hamburg 1921. 158 Seiten, Preis $3^1/_2$ M.

«Хозяйственно-политические проблемы диктатуры пролетариата» д-ра Евгения Варга, проф. университета, бывшего народного комиссара и председателя В. С. Н. Х. Венгерской сов. республики. Гамбург 1921 г., стр. 158, ц. $3^1/_2$ м.

Названная книжка написана при чрезвычайно тяжелых условиях. «Преследуемый палачами венгерского белого террора, обвиненный в убийствах, грабеже и фальшивомонетничестве оклеветанный капиталистической прессой всего мира, оставленный многими старыми хоровыми товарищами, которые пришли в ужас от суровой действительности пролетарской классовой борьбы и бежали в тихую пристань буржуазной демократии» (стр. 13—14), тов. Варга обдумывал и обобщал $4^1/_2$-месячный опыт пролетарской диктатуры в Венгрии, и в крепости Карлштейн, под «охраной» австрийских социал-демократов, написал свою работу, вышедшую недавно вторым изданием.

В краткой библиографической заметке невозможно, конечно, охватить все богатое содержание этой книги. Мы хотели бы только отметить, что Варга, работавший в венгерских условиях и почти не знавший опыта русской революции, пришел по целому ряду вопросов к тем же теоретическим выводам, что и Н. И. Бухарин в своей «Экономике переходного периода», написанной одновременно с «Хозяйственно-политическими проблемами пролетарской диктатуры». По многим вопросам мы в обеих работах находим даже, по существу, идентичные формулировки. Бухарин говорит об «отрицательно-расширенном воспроизводстве», которое «может продолжаться лишь до известного предела, за которым начинается разложение и распад всей (капиталистической. *Ш. Д.*) организации». Варга пишет о «дезаккумуляции» («разнакоплении», если позволительно так выразиться по-русски), которое обусловливает собой неминуемый крах капитализма. В вопросе о неизбежном падении производства на первых ступенях диктатуры пролетариата Бухарин и Варга также пришли к приблизительно одинаковым результатам. Так, Варга прямо заявляет, что «*в начале диктатуры неизбежно дальнейшее падение жизненного уровня городского пролетариата*» (курс. автора, стр 43), и что «*результат* (повышение благосостояния рабочего класса? *Ш. Д.*) *в большинстве случаев может быть достигнут лишь годами*» (курс. автора, стр. 50). И в доказательство этого положения он приводит ряд соображений, которые мы в той или иной связи находим в «Экономике переходного периода».

В анализе «распада людского технического аппарата» капиталистического общества Варга не дал тех блестящих теоретических выводов, которые мы находим у Бухарина (в главе III), но это, по нашему мнению, в значительной степени объясняется тем, что опыт нашего венгерского товарища был существенно иной, чем опыт Бухарина, хотя некоторые коммунисты, иронизируя над абстрактно-теоретическим методом Бухарина и уверяют, что он высосал свою «систему» из пальца, но нельзя оспаривать того факта, что прообразом выведенного им абстрактным путем «распада людской технической организации» послужил ему тот самый «разрыв между низшими и высшими элементами технически-производственной иерархии», который мы, россияне, имели возможность наблюдать своими собственными глазами. В Венгрии не было революционного захвата власти, как выражается Варга; она «мирным» путем, за одну ночь, перешла в руки пролетариата; в Венгрии мы имели, правда, очень зловредный, но *скрытый* саботаж: чиновники, инженеры и техники остались на своих местах, но если анализ Варга в этом отношении уступает анализу Бухарина, то необходимая для решения вопроса основная предпосылка формулирована им совершенно правильно. Предпосылка эта, выражающаяся в «*социально-классовой* характеристике» «*технических* элементов» (директоров, инженеров и т. д.) (см. «Экон. переходного периода», стр. 42) формулирована вполне отчетливо и в работе Варга: «служащие (т.-е. чиновники, инженеры, техники, бухгалтеры и т. д. *Ш. Д.*) являются орудием господствующего класса для подавления рабочих: это — вал, который господствующий класс ставит между собой и пролетариатом: это—искусственное расширение узкого базиса господствующего класса» (стр. 91). Сопоставляя служащих и рабочих, он подчеркивает, что суть дела здесь вовсе не в степени квалификации их труда, «*а в совершенно различных социальных функциях этих слоев*» (курсив автора).

Но книга тов. Варга дает не столько общие исследования «трансформационного» процесса, сколько конкретный анализ экономической политики Венгерской советской республики. Автор подробно останавливается на разных отраслях хозяйственного строительства и характеризует его организационные формы, достигнутые успехи, ошибки и рисовавшиеся венгерскому пролетариату перспективы. Для русского читателя почти совершенно неосведомленного на счет слабых и сильных сторон советской Венгрии, эта часть книги тов. Варги представляет глубокий интерес. Особенно ценный и поучительный материал он найдет в главах, посвященных «проблеме служащих», «аграрной политике пролетарского государства» и в особенности «проблеме денег», которая сыграла весьма своеобразную роль в судьбе Венгерской советской республики.

Тов. Варга далек от мысли идеализировать все то, что было сделано венгерскими пролетариями за $4^1/_2$ месяца Советской власти. Напротив того, он открыто говорит о сделанных ошибках и о тех колоссальных трудностях, которые приходилось одолевать, но которых не одолел венгерский пролетариат. «Пролетарская революция, — говорит Маркс, — сама себя критикует». Тов. Варга, в качестве одного из вождей, олицетворяющих эту революцию, в своей самокритике идет до конца, не останавливаясь перед тем, что капиталистическая пресса всего мира, выхватывая отдельные факты и фразы его из книги, использует ее, как это действительно случилось, как средство антибольшевистской пропаганды...

Ш. Дволайцкий.

—

К. ЕЗОВИТОВ. Белоруссы и поляки. Документы и факты из истории оккупации Белоруссии поляками в 1918 и 1919 г.г. Перев. с белорусского. Ковно. Издание Им. Ф. Скорыны. 1919 г., 124. Отпечатано в количестве 3.000 нумерованных экземпляров. Цена 10 марок.

Книга представляет сборник документов исторической важности, разоблачающих всю жестокость «освободительного» захвата панами этнографически-белорусской территории.

Этот сборник документов издан был с целью раскрыть пред глазами всех соседей Польши и ее «высоких» представителей весь ужас польско-панского террора и заставить их услышать стоны истязуемого белорусского народа. Книга состоит из двух частей. В первой даются некоторые необходимые сведения о белорусско-польских взаимоотношениях, а во второй в хронологическом порядке приводятся документы, касающиеся польских насилий в Белоруссии.

Приводимые документы заимствованы из трех источников: 1) из архива совета министров Белорусской народной республики, 2) из архива министерства белорусских дел литовского государства и 3) личных архивов автора.

Составитель сборника, считая печатаемые документы не исчерпывающими и сотой доли польских насилий, обращается ко всем гражданам с просьбой переслать имеющийся у них материал для использования во втором издании книги.

Из целого ряда проверенных документов можно сделать следующие выводы.

Польские империалисты, захватив Белоруссию, сочли первым долгом ликвидировать белорусский «рух» (национальное самоопределение), развиваемое белорусскими незалежниками.

Считая к тому же белорусских «самостийников» большевиками «амаринового цвета», польские паны, желавшие во что бы то ни стало ополячить захваченную Белоруссию и снова превратить белоруссов в «подданных хлопов», видели в белорусском национальном движении вполне определенный тормоз империалистическому ополячиванию и экономическому порабощению белоруссов, так же как и по отношению к литовцам.

Вот почему все представители белорусского возрождения по ту сторону оккупационной линии подвергались одинаковому с коммунистами преследованию и почти одинаковым жестокостям, будучи заточаемы в «большевистский» концентрационный лагерь.

Из многочисленных документов видно, что местное белорусское население вовсе не думало о добровольном присоединении к Польше, и что приговоры сельских обществ о таком присоединении составлялись польскими ксендзами и агентами польских панов.

Вообще можно признать, что работа белорусских незалежников в районе Белоруссии, оккупированной поляками, была полезна в смысле создания тормоза и сильного барьера польскому захватническому империализму.

Евг. Хлебцевич.

ЛАЦИС (Судрабс). Чрезвычайные комиссии по борьбе с контр-революцией. Гос. Изд. Москва 1921 г., 62 стр., 10.000 экз.

В предисловии оговорка автора «о том, что брошюра написана почти 2 года назад», но «благодаря целому ряду технических затруднений, осталась сверстанной, но неотпечатанной». Произошли, конечно, с тех пор немалые перемены и в работе Ч. К., и в общей обстановке этой работы. Поэтому сам автор соглашается, что «многое оказалось уже устаревшим». Тем не менее он счел нужным выпустить ее в свет по настоянию «части товарищей, в том числе представителей заграничных партий». Однако, кое-что оказалось нужным переработать.

В общем брошюра дает беглый, но ясный, фактически и документально подтвержденный очерк возникновения, сущности и приемов борьбы В. Ч. К., написанный знатоком и ближайшим участником дела. Имеются и §§, посвященные внутреннему строению Ч. К. и отношениям их с судебными органами. Все это делает данное издание, несмотря на небольшие размеры, единственным в своем роде источником для ознакомления с организационными основами этого грозного врагам орудия пролетарской диктатуры. В таких условиях не являются существенными и отмечаемые самим автором неизбежные пробелы изложения.

Отметим рельефную общую характеристику, даваемую т. Лацисом своему излюбленному учреждению. Предупреждая лицемерные «демократические» возражения насчет «произвола», «бессудности» и проч. в действиях Ч. К., Лацис неотразимо ярко рисует быстрыми штрихами ее действительную физиономию, как органа *боевого момента* в гражданской войне, когда нет часто возможности

разбирать и расчислить степень виновности, мотивы действия захваченного на месте противника, а нужно действовать. Безопасность пролетарской республики—вот высший закон грозового момента. Формально «демократическое» требование «вещественных доказательств» в каждом данном случае являлось бы идиотским педантизмом, слюнявой сантиментальностью, прямым преступлением против реального «блага народа», о котором, повидимому, так хлопочет отвлеченно-бездушный «демократ вообще».

Ч. К., руководящаяся, по слову Лациса, практическим лозунгом: «лишняя предосторожность никогда не мешает», является, без сомнения, лучшим заступником на деле всех добытых тяжкой, кровавой ценой пролетарских, следовательно *наиболее демократических*, вольностей, чем все охи и вздохи по поводу большевистского «произвола и террора».

Терорр? Да, автор признает: он—один из первых задач Ч. К. Эти последние «все время старались поставить так работу и так отрекомендовать себя, чтобы одно напоминание о комиссии отбило всякую охоту саботажничать, вымогать и устраивать заговоры». Но зато этим самым путем создаются такие условия, где «всякий честный (т.-е. никого не эксплоатирующий, трудовой) гражданин видел в Ч. К. защиту своих прав и завоеваний октябрьской революции».

Пролетарское государство, подымая карающий меч, становится, конечно, гораздо грозней для своих классовых врагов-паразитов, чем какое бы то ни было из исторически-бывших господских и хозяйских государств, ибо господа и хозяева—всегда ничтожное меньшинство, держащее на привязи силой и надувательством порабощенное большинство. За Советской властью, вообще за Ч. К.—в частности, стоят собственно лично сами революционные, трудовые массы. Понятно, что в случае нужды они могут позволить себе такие действительные меры подавления врагов, какие недоступны этим последним.

Но зато—прошел боевой момент, и боевые органы «свертываются», сводятся к minimum'у, если надо—вовсе атрофируются. Эта эластичность, небывалая в истории приспособляемость к моменту органов советского строя, и составляет крупнейшее отличие от аналогичных по виду, но не по существу всевозможных «охранок», «разведок» и «политических полиций» буржуазии. Лацис указывает, напр., что «когда нам удастся сломить контр-революционный натиск и получить передышку, В. Ч. К. *откажется от негласного разбирательства дел и передаст их на слушание ревтрибуналам»*. Припомним, как в момент, когда гражданская война казалась оконченной, В. Ч. К. объявила об отмене «высшей меры наказания». Любопытно прибавить сюда приказ В. Ч. К. от 30 дек. 1920 года, приводимый Лацисом в конце брошюры: «Поступающие в В. Ч. К. сведения устанавливают, что арестованные по политическим делам члены разных антисоветских партий часто содержатся в весьма плохих условиях... В. Ч. К. указывает, что означенные категории лиц должны рассматриваться *не как наказуемые, а как временно, в интересах революции изолируемые от общества*, и условия их содержания не должны носить карательного характера».

Таково громово-грозное и вместе исторически, так сказать, безгрешное, понятно, человечное лицо этого столь поносимого и оклеветанного белогвардейскими и империалистическими порождениями истинно *народного* творчества самой «народной» из революций.

А. Дивильковский.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ. Накопление капитала. К вопросу об экономическом объяснении империализма. Гос. Изд. 1921 г. Перевод с немецкого Ш. Дволайцкого, под редакц. Н. Бухарина., стр. VIII+336.

Замечательная работа покойной Р. Люксембург, вышедшая в оригинале в 1913 году, наконец, дождалась своего русского перевода.

Исследование Р. Люксембург посвящено одной из наиболее сложных и наименее выясненных проблем политической экономии: проблеме накопления капитала, как части учения о воспроизводстве общественного капитала в целом. Это та самая проблема, которой Маркс занимался в 3-м отделе II-го тома «Капитала» и которую он успел решить в общих чертах, не дав, однако, ее законченной и вполне отчетливой обработки.

Накопление состоит в том, что часть прибавочной ценности не потребляется капиталистами, а превращается в капитал. Эта часть прибавочной ценности по своей натуральной форме состоит из средств производства и предметов потребления. Спрашивается, как может быть реализована эта часть общественного продукта? Кто купит у капиталистов те товары, в которых воплощена накопляемая прибавочная ценность?

Маркс отвечает на вопрос знаменитыми схемами II-го тома «Капитала», в которых выражены предпосылки расширенного капиталистического воспроизводства.

Розу Люксембург ответ Маркса не удовлетворяет. Она доказывает, что условия подвижного равновесия капиталистической системы, формулированные во II томе «Капитала», противоречат действительности.

Р. Люксембург дает на вопрос совсем иной ответ. Той части прибавочного продукта, которая воплощает накопляемую прибавочную ценность, не могут купить ни капиталисты, ни рабочие. Она вообще не может быть реализована. Отсюда основной тезис Р. Люксембург: в чистом капиталистическом хозяйстве накопление невозможно. Под чистым капиталистическим хозяйством надо разуметь замкнутое хозяйственное целое, состоящее только из капиталистов и рабочих, т.-е. именно то, из чего исходил Маркс во II томе «Капитала».

Р. Люксембург утверждает, что накопление, т.-е. развитие капитализма, возможно только за счет той некапиталистической среды, в которой живет капитализм.

Только разрушая и вытесняя докапиталистические формы хозяйства, капитализм создает себе рынки для сбыта прибавочного продукта. Отсюда та грандиозная разрушительная роль, которую капитализм сыграл в истории, отсюда неустанная погоня за колониями и сферами влияния, ненасытное стремление подчинять себе отсталые страны.

Империализм, по теории Р. Люксембург, не есть экономическая политика только *финансового* капитала.

Никакой капитализм невозможен без империализма. Насильственные методы для капитализма—имманентная необходимость.

III отдел «Накопления капитала» дает яркий и блестящий очерк «исторических условий накопления».

Первый отдел книги—теоретический—рассматривает «проблему воспроизводства», критикуя решение проблемы, данное Марксом. Об этом отделе мы говорили выше (критику теоретических построений Р. Люксембург мы пытались дать на страницах «Народного Хозяйства» за июль с. г.).

Для интересующихся историей экономической мысли ценным подарком является 2-й отдел книги Люксембург, посвященный истории проблемы накопления.

В общем работа Р. Люксембург—продукт глубокой и острой теоретической мысли. В основе теоретических построений автора, несомненно, есть ошибка, но самые ошибки у Р. Люксембург интересны и теоретически поучительны.

С. Членов.

А. СУЛТАН-ЗАДЕ. Кризис мирового хозяйства и новая военная гроза. Госуд. Изд. 1921 г., 150 стр.

В этой книге, состоящей из 12 глав, автор последовательно останавливается на экономическом положении после войны важнейших стран мира: Англии, Франции, Италии, Германии, Японии, С. Штатов. С помощью интересных цифр и таблиц автор иллюстрирует тяжелое финансовое положение всех европейских государств и Японии, неимоверный рост военных расходов во всех капиталистических государствах, в том числе и в С. Штатах, далее падение производительности труда, увеличение налогового бремени и необычайное вздорожание жизни. Перед нами ярко встает картина полного развала мирового хозяйства, переживающего глубочайший кризис, который может быть разрешен только социальной революцией. Одновременно автор останавливается на столкновении интересов империалистических держав, на вакханалии вооружений, на борьбе за господство над Тихим океаном и перспективах будущей войны, к которой готовятся четыре самые крупные империалистические державы мира.

Весьма ценная, дающая большой материал работа Султана-Заде теряет много благодаря слабости автора, с одной стороны, к скороспелым, непроверенным выводам и заключениям, с другой—к излишнему повторению и усиленному подчеркиванию таких истин, которые являются уже прописью вроде изречений чеховского учителя: «Волга впадает в Каспийское море» и т. д.

Для иллюстрации первой слабости достаточно, наприм., указать как объясняет автор борьбу капиталистических групп внутри империалистических держав по вопросу о торговле с советской Россией.

«Внетрестовая буржуазия, — утверждает т. Султан-Заде,—желая спасти себя от полного банкротства и разорения, решительно высказывается за возобновление торговых сношений с советским правительством, надеясь при этом с вовлечением России в орбиту мирового товарообмена при помощи русских рынков и сырья охранить себя хоть бы от дальнейшего разорения».

Наоборот, крупная буржуазия, объединенная в гигантские союзы предпринимателей, тресты, картели и синдикаты, за которыми стоят финансирующие их величайшие банковые консорциумы, пользуясь своим монопольным положением на мировом рынке и будучи уверена в своем экономическом могуществе, является наиболее непримиримой и неумолимой по отношению к советской России».

Автор не приводит ни одного аргумента в подтверждение своего положения. Между тем деление буржуазии на две группы по отношению к советской России идет не по линии расслоения буржуазии на трестовую и внетрестовую, а определяется другими экономическими факторами. Если мы возьмем типичную страну трестов С. Штаты, мы увидим, что здесь республиканская партия, эта партия *торгово-промышленного капитала*, представляющая интересы *могущественнейших промышленных трестов и синдикатов*, руководящих металлургической, хлопчатобумажной, обувной и другими важнейшими отраслями американской индустрии, при всем своем социальном консерватизме и непримиримой вражде к коммунизму неоднократно высказывалась устами влиятельных сенаторов, членов конгресса, фабрикантов и важнейших органов прессы в пользу торгового договора с Россией. Наоборот демократическая партия, как представительница *аграрного капитала, аграрных интересов*, систематически и упорно борется против восстановления мирных сношений с Россией. Представительница интересов крупных аграриев, поставщиков сельско-хозяйственных продуктов на мировой рынок, демократическая партия Америки стремится изолировать советскую Россию от всего остального мира, чтобы сохранить за американскими аграриями *монополию* на международном рынке в области торговли продуктами земледелия.

Деление т. Султана-Заде неприложимо и к Англии,— стране, где развитие трестов идет со времени войны семимильными шагами вперед. Здесь могучие тресты, объединяющие фабрики и заводы, производящие машины и инструменты, включая земледельческие орудия, далее

всякого рода одежду и ткани, обувь, изделия из кожи, стекла, ремни, фарфор, бумаги, химические и аптекарские товары и т. д. стояли за сближение с советской Россией. Как вполне правильно констатировал т. Красин в одной из своих бесед, часть английских *влиятельных* кругов относится сочувственно к англо-русскому соглашению.

Вторым крупным недостатком книги т. Султан-Заде, на-ряду с отмеченными нами часто встречающимися скоропалительными заключениями, является подчеркивание, набирание курсивом или жирным шрифтом прописных истин. Так, автор набирает жирным шрифтом подобного рода открытые им истины: «*Рядом со зверской грубостью идет подлость—такова вся политика правящих классов современного* (! *М. П.*) *общества*» (стр. 81). «Основой *всякой государственной организации является господство одного класса над другим*» (стр. 74). «*Когда дороговизна и разнузданная спекуляция не знают границ, когда миллионы безработных ведут нищенское существование, когда фабриканты почти во всех капиталистических странах удлиняют рабочий день и сокращают заработную плату, когда смерть начала все чаще наведываться в рабочие кварталы, господа оппортунисты говорят рабочим: «Подождите, не умирайте, поднимем производительность, залечим раны империалистической войны, и тогда вы будете сыты»*.

«Поистине ренегаты социализма» (стр. 87).

Автору, обладающему несомненным литературным талантом, способностью популярного изложения и знанием вопроса, следует посоветовать тщательно редактировать свои будущие работы и избегать всяких прописей и ненужных восклицаний вроде: «Какая бесславная карьера!» (стр. 47). «Такова уж природа финансового капитала» (стр. 146 и т. д.), вообще излишнего барабанного боя по поводу давно открытых Америк.

Несмотря на отмеченные нами недостатки, работа т. Султан-Заде является ценным вкладом в нашу бедную литературу о послевоенной эпохе. Читается эта книга очень легко и может служить важным подспорьем для наших партийных работников в их агитационной деятельности. Следует надеяться, что работа т. Султан-Заде явится началом серии других работ по тому же важному вопросу о послевоенной эпохе.

Мих. Павлович.

С. Г. ЛОЗИНСКИЙ. История труда в связи с изменениями в хозяйственной жизни Западной Европы. Для школ и самообразования. Гос. Изд. Птб. 1920 г. 160 стр. Цена 80 руб.

История труда С. Лозинского (кстати, почему «история труда?) представляет собой не типологический очерк, а скорее конкретную историю хозяйства Западной Европы от древней Греции до наших дней (вернее, до конца XIX века). Автор, очевидно, не марксист, но старается, правда, без особого успеха, им быть. Явно избегая способа объяснения исторических фактов, которое давалось старыми «одобренными и допущенными» учебниками, он никак не может выдержать тона и то-и-дело дает «осечку». Вот, например, как он объясняет причины падения колониальной торговли Португалии: *Национальный характер* португальцев, закалившийся в борьбе с магометанами, делал их не столько купцами, сколько рыцарями-крестоносцами, видавшими в каждом инородце врага страны и религии» и т. д. (стр. 92) (курс. мой. *Ш. Д.*). Он никак не может не воздавать должного царям и королям: «Все эти меры, проведенные Генрихом IV..., подняли благосостояние Франции» и т. п.

Там, где автор пытается объяснить некоторые понятия марксовой политической экономии, часто получается один конфуз. Он трактует, например, о ценности человеческого труда («Между тем, по Марксу», «труд есть субстанция ценности, но сам он ценности не имеет»); он рассматривает труд (а не рабочую силу), как товар; он преподносит читателю, как истину, железный закон заработной платы в его лассалевской формулировке и дает ему поразительно наивное объяснение. Определение социализма, которое дает Лозинский, положительно безграмотно. Социализм, оказывается, есть «хозяйственная систе-

ма, в которой производство регулировалось бы государством (!) не в интересах буржуазии (!), а к выгоде наиболее многочисленного общественного класса (!)—пролетариата, класса наемных рабочих»... (стр. 142). Оказывается, что в социалистическом «государстве» будут классы: буржуазия и наемные рабочие.

С педагогической точки зрения книжка Лозинского тоже не стоит на высоте. Она дает слишком много фактических данных, настолько много, что их можно усвоить только путем «зубрежки» с тем, конечно, чтоб на другой день все забыть. Особенно вредно отразится на читателе злоупотребление названиями городов, имен собственных и т. п. На стр. 31 автор упоминает около 20 таких названий, на стр. 100—101 свыше 30 названий и т. д. Крайне непедагогично также употребление без всякого предварительного объяснения сложных терминов: на стр. 146 и далее Лозинский оперирует такими понятиями, как «производительные силы», «производственные отношения», как словами, которые уж давным-давно вошли в обиход и всякому известны.

Книжку Лозинского, ввиду всего этого, едва ли можно рекомендовать «для школ и самообразования», как значится в титульном листе. Она скорее пригодится в качестве справочника для лектора и преподавателя.

Ш. Дволайцкий.

Н. ЛЕНИН. «О продовольственном налоге». Москва, 1921 г., 32 стр. М. КАЛИНИН. «О продналоге». Москва, 1921 г., 32 стр. ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ. «О продналоге». Москва, 1921 г., 20 стр. Гос. Изд.

Продналог был первой ласточкой, которая предвозвестила «новый курс» нашей хозяйственной политики. Ранее выплывшие вопросы о концессиях и кооперативном типе организации народного хозяйства могли еще рисоваться случайной, хотя и неизбежной уступкой, отклонениями от твердой линии хозяйственного строительства. Продналог же, смена политики разверстки политикой обложения, уже не оставлял никакого сомнения относительно истинной природы событий: продналог предопределял возможность свободного обмена продуктов крестьянского хозяйства, возможность «свободной торговли» на рынках, другими словами—восстановление в известных границах частной инициативы. Сам он представлял собою не что иное, как выявление этой частной инициативы и заинтересованности в сельском хозяйстве. И отсюда—раз уже имелась у нас концессионная политика и политика кооперативно-артельной эксплоатации отдельных предприятий—можно было смело вывести заключение об общих контурах нового курса нашей экономической политики.

Теперь, когда речь идет уже не о выводах и умозаключениях, а о реально существующих фактах, когда перед нами полностью развернулись планы нового хозяйственного строительства,—место продналога в цепи событий, приведших нас к этому периоду, совершенно ясно. Историческая перспективность его может быть установлена с большой точностью: продналог—это исходный момент в повороте советской России от строительства военной промышленности к организации народного хозяйства в условиях мирных.

Но хотя смысл продналога и значение логических последствий введения его и практически и теоретически ясны и понятны, все же до сих пор еще существует не мало самых различных толкований и кривотолков по поводу нового курса. Вот почему те три брошюры, которые названы выше и которые вышли в самом начале продналоговой кампании, абсолютно необходимы для понимания не только самого продналога, но и всего последующего переустройства нашего экономического быта. Брошюра Н. Ленина значительно, разумеется, отличается от брошюр Калинина и Ярославского. Последние—не что иное, как популяризация, и очень хорошая, дающая отчетливое представление о существе продналога, популяризация новой тогда меры Советской власти. Первая же работа представляет собою сжатое изложение по существу всего того, что можно сказать о новом курсе, его смысле и задачах. Но все три—одинаково необходимы для нас. Ибо детальный попу-

лярный комментарий к продналогу отражает в себе всю сложность мысли, приводящей нас к тезисам Н. Ленина, в такой же мере, в какой сами эти тезисы— продукт глубокой и сложной мысли.

И Н. Ленин, и М. Калинин, и Ем. Ярославский—слишком хорошо знакомые читателям авторы, чтобы о них говорить, как об авторах. В рецензируемых работах каждый из них дал то, что для него наиболее характерно.

Д. Чекин.

Усиление внутреннего влагооборота, как очередная задача народного хозяйства в России. Инженер И. И. Касаткин. Материалы работ опытно-мелиоративной части (б. гидромодульной ч.) Н. К. З. Выпуск 18 1921 г.

Работа инж. И. И. Касаткина, составленная по предложению заведующего опытно-мелиоративной частью Н. К. З. проф. А. Костякова, намечает вехи для научных исследований, связанных с вопросами влагооборота, и указывает дальнейшее направление опытного дела по увлажнительным работам. Начало книги И. И. Касаткин посвятил вопросу об обороте влаги на материке, указав на существование двух видов влагооборота: внешнего и внутреннего.

Мерилом обмена влаги между материком и океаном является сток воды реками (внешний влагооборот); но вода не стекает целиком в воду, а часть ее остается в виде пара, который, смешиваясь с остатками пара, принесенными ветрами с моря, вновь выпадают в виде осадков (внутренний влагооборот). Часть выпавшей влаги опять стекаетв в реки, другая часть испаряется в атмосферу, получая влагу непосредственно с поверхности почвы или через растения.

Таким образом происходит постоянный расход воды реками, стекание ее в моря и возвращение вновь на материк небольшими перелетами, этапами.

Регулирование внутреннего влагооборота открывает широкие горизонты для хозяйственного развития страны.

Усиление внутреннего влагооборота властно требует: 1) интенсификации сельского хозяйства, улучшения техники его в направлении задерживания максимума выпавшей влаги и сохранения ее до более сухого времени и 2) правильной организации увлажнительных мероприятий, которые должны быть направлены на задержание и использование снеговой воды и ливневых вод в засушливых областях страны, а в более влажных ее частях—на облесение, так как лес, эта растительная формация, обладающая наибольшею испаряющею способностью, легче может справиться, без вреда для себя, с доставляемым ей дополнительным количеством влаги. Чем дальше внутрь материка, тем радикальнее должны становиться увлажнительные мероприятия, и тем шире и полнее будут они охватывать поверхность страны». Облесение, говорит И. Касаткин, содействует увеличению запаса активной влаги, что является одним из лучших средств для борьбы с засухою, поэтому в малолесных частях страны оно будет входить в состав увлажнительных мероприятий.

Но вопрос о климатической и гидрологической роли леса в круговороте влаги еще и до сего времени, несмотря на имеющуюся обширную литературу, является открытым и лишенным точных научных исследований. Шлейден, Беккерель, Кинг, Эбермайер, Вейберг, Отоцкий, Е. Оппоков, Игнатьев, Докучаев, Морозов и целая плеяда других экспериментаторов приходят подчас к диаметрально противоположным взглядам, когда дело касается указаного выше вопроса; о благодетельном действии лес и о роли его в использовании источников и обмелении рек. Поэтому в научных исследованиях, связанных с изучением влагооборота, вопрос этот должен быть поставлен в первую очередь.

Под большим сомнением находится очередная увлажнительная работа в части облесения малолесных частей нашей страны, т.-е. юга и юго-востока, если необходимо «стремиться к тому, чтобы повсеместно иметь некоторое количество лесов (20—26% общей поверхности страны)» (стр. 24). В восьмидесятых годах прошлого столетия было широко предпринято разделение лесов на юге. Указывали, что лес способствует более равномерному распределению в течение года атмосферных осадков (хотя не уве-

личивает общего количества их), что снег, залегающий в лесу, тает и испаряется медленно и предотвращает неизбежную потерю снеговой воды, уходящей обычно в овраги и балки и этим способствует поднятию грунтовых вод и сохранению влаги до более сухого периода времени. Последние исследования, однако, говорят, что со стороны почвенных и метеорологических условий дело обстоит не совсем благополучно. Правда, почва вблизи поверхности всегда оказывалась богатой влагой, но лес отнимает громадное количество ее путем высасывания корнями из нижних слоев почвы, и в конечном счете общий запас влаги под лесом бывает меньше, чем на соседней безлесной земле. При отсутствии местных притоков воды, сильном испарении и небольших осадках, при обилии в почве соды, повышенной солености, ограничивающей приток влаги для растений,— при всех этих условиях сухого климата наших степей, искусственные насаждения обнаруживают тенденцию к полнейшему вымиранию. Достигнув 30 — 40-летнего возраста, деревья чахнут, что и наблюдается особенно ярко в Мариупольском лесничестве.

И здесь мы наталкиваемся на неразрешенную задачу, и здесь необходимо пустить в ход весь имеющийся научный материал и продолжать экспериментальные исследования в этой области.

Неясным является также вопрос о влиянии лесов на количество и распределение осадков и о привлечении их лесами.

Одни отрицают влияние лесов на привлечение осадков (П. Отоцкий); другие приходят к заключению о невозможности дать определенное мнение (П. Шрейбер); третьи указывают, что лес не может ни повышать, ни понижать общего количества осадков и только способствует восходящему току воздуха (A. Hazen, Вейсе) и, наконец, четвертые говорят о благотворном влиянии леса на увеличение осадков (Р. Бернштейн, Э. Анри и др.). Научные исследования этих неразрешенных задач должны быть поставлены в программе работ опытно-мелиоративной части, как первоочередные. Совершенно правильна более широкая трактовка вопроса о дальнейшем направлении опытного дела по увлажнительным работам не только с агрономической точки зрения, учитывая меры, направленные к увеличению урожаев зерна и трав, но и как средство для широкого и мощного воздействия на климат страны (учет оборота влаги на опытных участках, количественное измерение влияния работ на приход и расход влаги, опыты с усилением испарения в лесах, влияние лесных кулис, живых изгородей, как меры борьбы с засухой, суховеями, пыльными бурями и сильными ветрами и т. д.).

А. А. Бессер.

СОВЕТСКИЕ ХОЗЯЙСТВА. Народный Комиссариат Земледелия. Сборник декретов и важнейших распоряжений об организации и деятельности совхозов за период от 14 февраля 1919 г. по 7 ноября 1920 г. Вып. I. Гос. Изд-во. Москва, 1921 года. Стр. 198.

Вот книга, не плохо отпечатанная, на которой ярко отразились все недостатки нашего издательского дела. Справочник полезный, чрезвычайно важный и необходимый для всех деятелей советских хозяйств. Отсутствие такого справочника самым вредным образом отражалось на деятельности их, а между тем появление этого справочника не окажет и десятой доли той пользы, какую он мог бы и должен принести. Такого рода справочникам следует предъявлять два основных требования: 1) своевременность появления и 2) возможность быстрого практического пользования. Первому требованию он не удовлетворяет потому, что выходит чуть ли не целый год спустя после выхода последнего распоряжения по совхозам (7 ноября 1920 г.). Все позднейшие декреты и распоряжения, видоизменяющие и дополняющие изданные прежде, должны, очевидно, войти во второй выпуск, который выйдет неведомо когда. Такое запоздание обесценивает значение подобных справочников. Оно говорит, конечно, об упадке нашей техники, и винить Н. К. З. или Гос. Изд здесь не приходится. Но что следует поставить в вину редакции Н. К. З., так это то обстоятельство, что пользование

этим справочником затруднено до последней степени, так как к нему не приложено не только систематического указателя, без которого такой справочник почти бесполезен, но даже простого оглавления. Никаких справок поэтому в этом справочнике без большой потери времени найти нельзя. Если, допустим, необходимо отыскать правила о порядке удовлетворения нужд советских хозяйств в лесе и лесных материалах, то необходимо перелистать весь справочник, чтобы отыскать его. То же самое приходится сказать о всякой любой справке. Что же сделает работник на месте, получив эту нужную книгу? Он с сожалением отложит ее в сторонку: хоть видит око, да зуб неймет. Красивая обложка и четкий шрифт, но для практических целей бесполезна. А ведь на эту книгу, изданную в количестве 5.000 экз., сколько потрачено труда и бумаги.

Н. Кочетов.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

А. ЛОЗОВСКИЙ. Москва или Амстердам. Библиотека профессионального движения. Серия международная. № 3, стр. 29.

Недавно закончившийся первый международный съезд революционных профсоюзов выявил с очевидностью наличность в мировом профессиональном движении двух непримиримых лагерей. С одной стороны, амстердамская международная федерация профессиональных союзов, с другой — революционные и быстро революционизирующиеся всем ходом классовой борьбы в обстановке капиталистического распада массы, массы, первой попыткой к организации которых и является международный совет профсоюзов. Неизгладимые грани залегли между этими двумя силами. Поскольку Амстердам, воплощающий в себе дух соглашения с буржуазией, примирения с капитализмом, представляет собою наиболее мощную цитадель для социальной реакции, постольку Москва, как принято теперь на Западе называть новое международное объединение профсоюзов, является носительницей идей социальной революции.

Борьба между этими двумя непримиримыми силами представляет собою одну из центральных осей мировой истории последних дней. Начатая с приезда в советскую Россию английской рабочей делегации и посещения России представителями итальянского пролетариата, она шаг за шагом привела нас, наконец, к формальному закреплению результатов почти десятимесячной работы первым конгрессом. И в ходе ее вся рабочая печать—от далекой Аргентины и до фиордов северной Норвегии, от глубин Индии и до рабочих кварталов Лондона, Нью-Йорка, Парижа и Берлина—занята была одним центральным вопросом: «Амстердам или Москва?».

Небольшая брошюра тов. Лозовского—участника известной поездки русских профессионалистов в Западную Европу,—поездки, сыгравшей весьма немаловажную роль в оформлении скрытых антагонизмов, поставивший остро ряд кардинальных вопросов перед мировым пролетариатом,—посвящена целиком этой основной теме профессионального дня. Она—не что иное, как стенограмма его программного выступления на конгрессе независимых с.-д. в Галле, которой предпослано небольшое предисловие, оценивающее поведение независимых на данном конгрессе и дающее им должную отповедь. Брошюра появилась на свет первоначально на немецком языке и была переведена и на другие языки. Как работа человека, который с первых же моментов существования международного совета профсоюзов принимал в нем ближайшее участие в качестве руководителя и вдохновителя, она является ценным изложением, в нескольких тезисах, основных моментов борьбы Амстердама с Москвой, и потому безусловно полезна для всякого товарища, желающего получить точное и ясное представление о существе вопроса. Но вместе с тем данная работа имеет и несколько иное значение. Она—исторический документ.

Надо вспомнить, что поездка русских профессионалистов на Запад была первой попыткой пробить брешь в той стене моральной блокады, которую возвели вокруг советской России буржуазные государства с целью не дать широким массам западно-европейского пролетариата возможности ознакомиться с реальными настроениями пролетарских масс освобожденной России. Поездка представляла собою сплошное сражение, бойцами в котором являлись, с одной стороны, наши делегаты и та масса, приходившая слушать их выступления сотнями тысяч, а с другой—власти и союзная бюрократия. Выступления тов. Лозовского, в частности, то его выступление, которое в застенографированном виде теперь издано на русском языке, представляли собою весьма заметные эпизоды в этом сражении. Само собою, что будущему историку мировой революции нельзя будет пройти мимо этих эпизодов, а издание речи Лозовского, произнесенной на конгрессе в Галле, облегчит ему работу по определению и характера тона начатой тогда в мировом масштабе борьбы.

Все это заставляет признать брошюру «Москва или Амстердам?» весьма полезным вкладом в литературу вопроса, несмотря на некоторую небрежность издания (чем весьма грешит библиотека профессионального движения) и шероховатость текста, вытекающую из самой сути его, как стенограммы живой речи.

А. Чекин.

FRANK HODGES, «Workers Control in the Coal Mining Industry». Лондон 1920 г., стр. 8.

ФРАНК ХОДЖЕС. «Рабочий контроль в каменноугольной промышленности». Лондон 1920 г., стр. 8.

Небольшая брошюра генерального секретаря великобританской федерации горнорабочих в Англии выделилась в текущей работе публицистике в силу не своих внутренних достоинств, а потому, что последующие события придали ей значение *программы* самого мощного из профессиональных объединений страны. По существу, нет в английской литературе сейчас более боевого памфлета, чем данная брошюра, так как она сыграла исключительно большую роль в формировании требований работников недр земли и в 1919, и в 1920, и в 1921 г.г., вместе с тем, давая толкование основным позициям горняков в период обостренной борьбы. Ее цитировал Ллойд-Джордж в своей речи по внесенному рабочей партией законопроекту о национализации копей; ее основные положения критиковались вкось и вкривь всей буржуазной печатью; ею же пользовались на бесчисленных митингах и собраниях и ораторы, выступавшие в защиту национализации копей... Словом, она стала своего рода знаменем.

И только в качестве такого знамени, в качестве исторического памятника работу Ходжеса и можно рассматривать. По своим внутренним достоинствам она не представляет собою ничего из ряда вон выходящего. На восьми страничках, правда, настолько убористого шрифта, что содержание ее заполнило бы нормальных 16—20 стр., генеральный секретарь великобританской федерации горнорабочих уложил и оценку роли угля в современной промышленности, и успехи, и крах частновладельческого хозяйства в этой отрасли народного хозяйства, и анализ хозяйственных антагонизмов, проявляющихся в этой последней, постановку вопроса о необходимости контроля, и критику синдикалистских проектов организации горной промышленности, и критику проектов правительства, и схему построения административного аппарата при условии введения рабочего контроля, и многое другое. Уже из такого перечисления затронутых в брошюре тем и вопросов можно увидеть, насколько поверхностной неизбежно должна была оказаться трактовка их Ходжесом... Но благодаря тому, что автор дает именно ту схему построения административного аппарата горной промышленности, какую сами работники данной промышленности считают наиболее приемлемой решением вопроса, его даже поверхностный, беглый очерк превращается в ценнейший материал для понимания периода, переживавшегося английским профессиональным движением с 1919 г.

И в этом отношении особенно интересен заключительный аккорд работы Ход-

жеса. Изложив свою точку зрения на строение руководящих органов национализированной промышленности (горные советы—районные и общегосударственный—в составе представителей великобританской федерации горнорабочих, технических специалистов и бывших акционеров в пропорции двое рабочих на одного специалиста и одного бывшего акционера),—он говорит:

Я совершенно убежден, что данная схема рабочего контроля в производстве, которую я вынужден был набросать лишь в самых общих чертах, весьма приближается к теоретическим построениям гильдейского социализма. Это—попытка заложить первый камень в фундамент последнего, хотя, конечно, результатом ее проведения в жизнь будет не перестройка общества на основах гильдейского социализма, а создание гильдии. Но прежде, чем можно будет пересоздать общество на началах гильдейского социализма, необходимо, чтобы все основные производства были превращены в гильдии. И этот процесс станет ускоренно развиваться, как только данная схема будет проведена в жизнь. Схеме обеспечен безусловный успех, хотя до окончательного проведения ее в жизнь придется пережить не мало треволнений. Я хотел бы, чтобы предлагаемый нами комплекс идей производственного строительства, в применении к каменноугольной промышленности, был всесторонне обсужден, так как целью нашей является обеспечение активного участия в производстве каждого занятого в нем работника. Эти идеи отвечают интересам общества, а отнюдь не враждебны им, и лишь по указанному пути и мыслимо дойти до воплощения в жизнь действительной хозяйственной демократии»...

Этот заключительный аккорд брошюры Ходжеса тем знаменателен, что он проливает свет на глубину влияния, оказанного на рабочее движение в Англии небольшой кучкой пропагандистов и агитаторов, сплотившихся под знаменем так наз. гильдейского социализма. Дж. Кол. Меллер и др. теоретики гильдизма всегда численно были ничтожны. И по своему влиянию они вплоть до окончания империалистической войны значительно уступали другим течениям социалистической мысли. В частности, фабианцы, возглавляемые Снднеем и Беатрисой Вебб, своей проповедью постепеновщины, «пропитывания» буржуазного общества социалистическими законами вплоть до окончательной реорганизации этого общества незаметными гомеопатическим дозами фабианской прививки в общество социалистическое, долгое время увлекавшие рабочий класс, теперь оказались оттесненными гильдейцами. Представление о будущем обществе, как обществе, построенном на государственном владении всем аппаратом народного хозяйства, но передоверяющем непосредственное управление всем этим аппаратом производственным объединениям самих работников, организующихся в гильдии (типа средневекового цеха), захватило внимание самых крупных и мощных тред-юнионов... Другими словами, брошюра Ходжеса знаменательна тем, что она показывает, в каком направлении развивается рабочая мысль в Англии последних лет.

В этом—ее основная ценность.

А. Чекин.

J. L. HAMMOND and BARBARA HAMMOND. «The Town Labourer». 1760—1832.
ДЖ. и ВАРВАРА ГАММОНД. Городской рабочий в 1760—1832 г.г., Лондон 1920 г. стр. 342.

В Англии еще до войны среди рабочих организаций зародилась мысль о создании специального аппарата, который объединил бы в продуманном плане все изолированные попытки рабочей историографии, и равно и опыты теоретического обоснования профессиональной и политической практики рабочего класса. К самому началу войны эта мысль и была реализована в виде создания целым рядом организаций и при ближайшем участии пионеров теории и практики английского тред-юнионизма, С. и Б. Веббов особого «отдела рабочих изысканий» (Labour Research Department). Война несколько ослабила жизнедеятельность рабочего движения. Был период в истории английского рабочего класса, когда война сыграла роль холодильной камеры и повергла все про-

фессиональные и политические организации в состояние, равносильное анабиозу. Само собою, что и работа отдела рабочих изысканий оказалась в известной мере сведенной на-нет.

Но с возрождением движения затеплилась жизнь и в данном отделе. С 1917 г. им начинает постепенно накапливаться и публиковаться ценнейший материал, без которого теперь уже нельзя обойтись ни одному историографу и комментатору английского рабочего движения. О некоторых изданиях отдела сведения были помещены и в «Печати и Революции».

Разбираемая работа Гаммондов и принадлежит к числу таких именно ценных вкладов отдела в литературу английского рабочего класса и движения. Она охватывает сравнительно узкую область истории последнего, период, когда сам рабочий класс лишь начинал складываться в тяжелый переходный период, в период резкого перелома во всей хозяйственной жизни под влиянием промышленного переворота. Перевоплощение феодального общества в общество капиталистическое связано было с рядом крайне болезненных процессов и в мире труда. Современный промышленный рабочий, радикально отличающийся от полупролетария ремесленного цеха, перевоспитывался в горниле кризисов, отрыва от орудий производства и жесточайшей эксплоатации. Анализ условий такого перевоспитания и составляет тему работы Гаммондов.

Картина переходного периода, картина нового, промышленного города, обрисовка хозяйственных условий периода, изображение зарождения профессиональных объединений и борьбы с ними новых хозяев и государства, условия найма, особенно—условия детского труда, умонастроения владеющих классов, умонастроения и стремления эксплоатируемых—вот, в сущности, что дает нам эта работа. И ее ценность состоит в том, что в качестве иллюстративного материала Гаммонды пользовались не только теми фактами, какие были известны исследователям и раньше (в частности, фактами, которые Энгельс, почти очевидец описываемого процесса, приводит в своей известной работе о положении рабочего класса в Англии), но и огромным вкладом новых сведений, собрать которые позволил тайный ранее архив министерства внутренних дел, открытый для исследования с 1907 г.

Вместе с тем—работа Гаммондов полезна еще и тем, что она дает картину периода полностью, охватывает весь период во всем разнообразии его, а не ограничивает область исторического анализа какой-либо одной стороной процесса перестройки общества на капиталистических началах.

А. Чгкин.

ИСТОРИЯ.

С. Ф. ПЛАТОНОВ. «Образы прошлого». Борис Годунов. Петроград. К-во «Огни». 1921 г., 154 стр.

Для того, чтобы в наши дни, дни безумного бумажно - типографского кризиса, выпускать книгу о Борисе Годунове, необходимо одно из 2-х условий. Нужно, или чтобы книга содержала в себе новые *факты*, факты важные, бросающие на вопрос совершенно новый свет; или чтобы к фактам, уже известным в науке, автор подходил с совершенно новой *точкой зрения*.

Имеются ли новые факты для того пролога первой русской крестьянской революции—буржуазными историками окрещенной «Смутным временем»—каким было царствование Бориса Годунова? Да, такие факты имеются. Проф. Яковлевым уже довольно давно в Московском дворцовом архиве открыты новгородские кабальные книги, конца XVI—начала XVII веков. По ним шаг за шагом мы могли бы проследить, как сжималась кабальная петля на шее предшественников русского пролетариата, как складывались те невыносимые условия эксплоатации, которые

подняли на ноги мужицкие рати Болотникова, которые сделали тушинское казачество хозяином самой Москвы и сделали возможной на московском престоле тушинскую—сейчас же изменившую Тушину—династию.

Говорит ли акад. Платонов об этих фактах? Правда, благодаря упомянутому в начале издательскому кризису, новгородские кабальные книги еще не напечатаны. Но для присяжного знатока Московской Руси обязательно знание не только «печатного». К сожалению, акад. Платонов не знает или находит нужным делать вид, что не знает даже печатного, при том напечатанного им самим (почему и приходится прибегать к непочтительному предположению, что маститый историк «делает вид»). В самом деле, *литературная* характеристика закабаления, *документально* отразившегося в кабальных книгах, давным-давно всем известно из того замечательного памятника «Смутного времени», который акад. Платонов, следуя традиции, приписывает Авраамию Палицыну и который издан в XIII т. «Русской исторической библиотеки» никем иным, как С. Ф. Платоновым. А теперь, запасшись этим сведением, разверните стр. 142—144 «Бориса Годунова» (X раздел *третьей* главы), где говорится о голоде первых лет XVII столетия, ускорившем и обострившем процесс закабаления до крайности, и попробуйте найти там хоть какой-нибудь след яркой картины, нарисованной «Палицыным». Вы встретите беглое указание на «выгнанных господами холопов и крестьян, для которых не находилось пищи на господском дворе», и которые поэтому «сбивались в разбойничьи шайки и свирепствовали на дорогах». Словом, голод «привел в расстройство весь общественный порядок», а о тех, кто от этого голода кормился, ни слова. Правда, говорится о спекулянтах хлебом, но и тут тщательно умалчивается, что во главе их шел сам святейший патриарх (факт, когда-то опубликованный самим акад. Платоновым).

Лишенный кое-каких полезных сведений по предистории (позволяем себе так перевести немецкий термин Vorgeschichte) «Смутного времени», читатель зато начинает обогащаться сведениями по части кодекса приличий, обязательного для благовоспитанного историка. Нельзя ни под каким видом говорить о классовой борьбе, хотя бы вы о ней и знали. Умолчание о том, что простодушно разбалтывал источник Авраамия Палицына, отнюдь не есть случайный факт. Казалось бы, что лучше выяснено в русской историографии, чем классовая подкладка *опричнины*? Опять-таки акад. Платонов не мало над этим поработал в свое время. Опричнина, как эпизод борьбы «боярства» и «дворянства», можно сказать, в зубах навязла. Акад. Платонов и не думает пересматривать вопроса, что, само по себе, разумеется, совершенно законно: кто его знает, может, успевшая стать классической, точка зрения и не верна в «самом-то деле»? Нет, он и тут просто игнорирует все, что он сам, и все, писавшие о данной эпохе, великолепно знают. Опричнину, видите ли, «надумал» Грозный, акад. Платонов знает даже, когда именно: «в исходе 1564 и начале 1565 года». «Русские же «люди» того времени даже не понимали сначала, куда царь клонит, и думали, что Иван Васильевич просто «играет божьими людьми». Позвольте, воскликнет читатель, знакомый хотя бы с «Историей русской общественной мысли» Плеханова: «Как так? А Пересветов? Ведь это же программа опричнины, данная на двадцать лет вперед? Ведь Грозный ее не мог не знать,— в его архиве вся пересветовщина была... Чего же ему было «надумывать»? Но о Пересветове акад. Платонов ни гу-гу. Помилуйте, ведь это классовая программа, классовая политика, яркая, четкая, в нос бьет. Ведь на таких образчиках марксизм можно в школе первой ступени объяснять. Как же говорить о таком неприличии?

Эта «классобоязнь» задним числом доводит акад. Платонова до поступков, поистине странных. Меньше пересветовщины не достаточно все-таки известен эпизод 1587 года—весьма характерное вмешательство московской буржуазии в царские семейные дела (попытку развести царя Федора с Ириной Годуновой). Акад. Платонов выдвигает на первое место Шуйских, которым, конечно, и принадлежал почин всего дела, но

вот беда: в их свите цитируемый им документ отмечает «торговых мужиков». Классовая подкладка опять бьет в глаза. Но, отважно вычеркнув из эпохи Грозного переселетовщину, акад. Платонов чувствует уже свою руку достаточно твердой. «Слово *торговые* надо в данном случае перевести словом *площадные*», храбро заявляет он: «Шуйские возбудили против Бориса московскую площадную толпу». На беду есть другой документ, и в нем черным по белому написано, что с Шуйскими были «*гости* московские и все *купецкие* люди». Это — «площадная толпа». А между тем на «площадной толпе» наш автор строит все объяснение события. «Вмешательство площадной толпы в такое интимное дело могло представиться дерзким и преступным». А вмешательство буржуазии было фактом очень характерным, ибо свидетельствует о росте политической сознательности — по-тогдашнему — и, во всяком случае, политической смелости этого *класса*. И никакой историк, будь он марксист или не-марксист, не имеет права такие факты скрывать или затушевывать.

Получается нечто, напоминающее известную детскую игру: «да и нет не говорите, черного и белого не покупайте». Связанный своеобразным академическим этикетом, С. Ф. Платонов попадает в особенно трудное положение, когда ему приходится цитировать прежних историков, для него самого авторитетных, но этого этикета еще не знавших. Так как классовой политики быть не должно, то политическим субъектом являются всегда или лица, или внеклассовые учреждения (было бы чересчур громоздко приводить все случаи, когда действующим лицом под пером акад. Платонова является внеклассовое «правительство», — см. стр. 8, 15, 74 и сл. и т. д.). И вот мы читаем на стр. 9-й: «Объединение великорусских областей под московской властью и сосредоточение власти в едином лице московского великого князя совершились очень незадолго до Ивана Грозного энергией его деда и отчасти отца». Итак, «объединение великорусских областей» есть дело двух энергичных лиц. А на стр. 12-й вы читаете выдержку из Ключевского, где говорится, что русской землей правили «те же власти, какие правили землей прежде по уделам, только прежде они правили ею по частям и по одиночке, а теперь, собравшись в Москву, они правят всей землей и все вместе». Итак, силой, создававшей московское государство, была не энергия тех или других *лиц*, а энергия *класса*, который теперь мы назвали бы крупным феодальным землевладением. Акад. Платонов с этой характеристикой, сделанной Ключевским, не спорит; мало того, на стр. 14-й и сам уже признает, что «государи могли устранять отдельных неугодных им лиц..., но они не могли устранить всю среду княжеской аристократии от правительственного первенства и *не могли править без этой среды государством*» (курсив наш). Для личной энергии оставалась очень узенькая дорожка, еще более суживаемая тем, что, кроме классового характера власти, эта личная энергия натыкалась и на другие объективные, не зависевшие от личной воли препятствия. На стр. 39-й мы узнаем, например, что, принимая на себя энергичные удары Батория, Грозный был ими опрокинут потому, что имел за собой пустой тыл и расстроенную базу». Для читателя становится очевидно, что когда отец и дед Грозного не были опрокинуты, но сами опрокидывали других, у них тоже была какая-то «база», не расстроенная. Значит, когда акад. Платонов приступал к своевременному объяснению «объединения великорусских областей», ему и следовало начать с этой «базы», а не с личной энергии Ивана III и Василия Ивановича.

«Этикет» ставит акад. Платонова в совершенно невозможное положение, когда он приступает к своей основной задаче — к выяснению «мотивов и принципов деятельности» Бориса Годунова. Политика годуновского правительства, как политика всякого правительства всегда и везде, с тех пор, как зародился капитализм и появились общественные классы, а в Московской Руси XVI века, как раз то и другое только что зародилось, была *классовой* политикой. Акад. Платонов, разумеется, это самым решительным образом отрицает. «Очерк сословной политики Бориса приводит именно к такому выводу, что Борис не служил никакому частному или классовому интере-

су», говорит он (стр. 83). На следующей странице он уже несколько смягчает это категорическое утверждение: «нельзя,— читаем мы тут,—назвать ни одной общественной группы, которой Борис создал бы особо льготное положение и которой бы он *особенно* покровительствовал» (стр. 81) (курсив наш). А на стр. 92 мы, с божьей помощью, узнаем, что Борис «несомненно» действовал «в пользу средних классов московского общества и против знати и крепостной массы». Он стремился, «вряд ли можно» в этом «сомневаться», «основать правительственный порядок на поддержке мелкого служилого *класса* и свободного тяглого населения». Гони природу в дверь...

Зачем понадобился почтенному академику этот «бег в мешке»? Почему он начинает называть вещи их собственными именами, лишь когда его собственная эрудиция припрет его к стене, когда не отдельные факты (с отдельными фактами он, как мы видели, обращается довольно мужественно), а все, что он знает по данному вопросу, неотразимо наводит на классовую точку зрения? Мы отнюдь не думаем подражать акад. Платонову и становиться на личную точку зрения. Ему лично «этикет», разумеется, совершенно не нужен, и он исполняет его так же механически, бессознательно, как механически и бессознательно он сморкается в платок, а не тремя перстами. Но тому классу, к которому он принадлежит, индивидуалистическое объяснение исторических событий нужно сейчас больше, чем когда бы то ни было. Для буржуазии признать, что историю делают не отдельные люди, а классы, теперь, когда восстание рабочего класса во всем мире есть факт, значит совершить классовое самоубийство: ибо ясно, что à la longue, как французы говорят, в длительном историческом процессе, организованная масса рабочих, наверное, окажется сильнее кучки капиталистов. Одно утешение— верить, что действует не класс, а тоже кучки, в данном конкретном случае кучки агитаторов. Переловить эти «преступные личности», расстрелять их или повесить — и революция прекратится. И вот буржуазные историки—акад. Платонов далеко не первый в их ряду. германская историческая литература в этом на много опередила русскую—наперерыв стремятся доказать, что историю всегда делали отдельные личности, на которых и лежит полная моральная ответственность за исторические события. И акад. Платонов «прямым долгом исторической науки» объявляет моральную реставрацию Бориса Годунова (заключительные строки книги), а лет через десять кто-нибудь из его учеников и последователей займется моральным уничтожением вождей теперешней революции. «Долг прежде всего»...

Начав с «фактов», мы незаметно пришли к «точке зрения». Мы видим, что если новых фактов—новых больших фактов—нам автор не дает, то его точки зрения еще менее новы. И он зря отгораживается от точек зрения Карамзина (на стр. 39): карамзинщина как раз и возрождается перед нами в его книжке. От Карамзина новейшие историки и индивидуалисты отличаются лишь постолько же, насколько псевдо-классицизм отличается от подлинного, античного классицизма: больше надуманности и искусственности, меньше свежести и непосредственности, «зато бесконечно сложнее и утонченнее аппарат». По части аппарата как раз у акад. Платонова есть и кое-что новое. Во-первых, падение царской цензуры (автор напрасно называет ее «московской»: она гораздо больше относится к петербургскому периоду русской истории) позволило ему полным голосом заговорить о пресловутом «убиении царевича Дмитрия». Само собой разумеется, оказалось, что никакого «убиения» никогда не было. Это не ново вообще: но до сих пор об этом говорили только «отреченные» представители русской исторической науки, от Арцыбашева до пишущего эти строки. Академическая историография во всей широте коснулась этого вопроса впервые. Вопрос разобран со всей основательностью, даже с планами места происшествия, и сомнений более никаких быть не может. Борис Годунов реабилитирован по этому пункту вполне. Он не убивал Дмитрия, ибо его вообще никто никогда не убивал и не собирался убивать: царевич погиб жертвой несчастного случая, наколовшись на нож во время

эпилептического припадка. Читатель чувствует глубокое удовлетворение, если только еще есть теперь читатель, которого может заинтересовать самое «происшествие»...

Во-вторых, не менее подробно разобраны обстоятельства вступления на престол Бориса, и тут есть уже кое-что безусловно новое для широкой публики, даже и той ее части, которая хорошо ориентирована в общей исторической литературе. Но все эти новые и очень ценные сведения умещаются на восьми страницах (123—131). Если бы это было опубликовано в специальном журнале, хотя в «Известиях Академии Наук» (они, кажется, продолжают выходить довольно регулярно), появление этих страниц можно было бы только приветствовать. Но издавать книгу в 10 печатных листов в 6.000 экземпляров для того, чтобы поведать миру, что кандидатура Романовых на московский престол была поставлена ими самими еще в 1598 г., и что другая кандидатура, Симеона Бекбулатовича была гораздо серьезнее, чем все до сих пор думали,—я боюсь, что это найдут роскошью не только в нищей и безграмотной России, но даже и в архи-ученой Германии, где бумажный кризис заставляет из 3.000 ученых журналов оставить только 400.

Издана книжка по нынешним временам чрезвычайно изящно. Буржуазия умеет издавать своих. Когда-то мы выучимся?

М. Покровский.

В. БЫСТРЯНСКИЙ. Гражданская война в истории. I. Древний мир. Гос. Изд. П. 1920 г. 64 стр.

Во «введении», занимающем почти половину книжки, автор выясняет понятие гражданской войны и дает ряд исторических примеров, иллюстрирующих ее характер и формы. Переходя затем к гражданским войнам, имевшим место в рамках древнегреческого государства-города, т. Быстрянский показывает, как развитие греческой историографии отражало на себе этапы классовой борьбы, происходившей в новейших европейских обществах.

Казалось бы, что после этих предварительных замечаний, автору следует дать ряд связных очерков, рисующих гражданскую войну в тех или иных греческих общинах в свете материалистического понимания истории. Но читателю приходится разочаровываться: страница за страницей тянутся отрывочные, часто весьма мало между собой связанные положения, подкрепляемые выдержками из древних и современных историков. Берем на-удачу несколько примеров. «Демократы по всей Элладе искали и находили поддержку у Афин... Афины в свою очередь относились благосклонно к демократическим общинам... аристократы в Малой Азии предпочитали персидское владычество афинской гегемонии... В Афинах культура с невиданной еще в истории человечества широтой захватила массы... Борьба классов в Афинском государстве вызвала к жизни соответственную политическую идеологию... Великая война между промышленно-демократическими Афинами и аграрно-консервативной Спартой дала толчок к внутренней борьбе в греческих общинах... По замечанию Мейера, гражданская война принимает более жестокие формы, чем война с внешним врагом»... и т. д., и т. д. (стр. 41—43). Таков характер изложения, который выдерживается на протяжении почти всей работы. Масса интересного, ценного материала, но едва приведенного в некоторую систему.

Примерам гражданской войны в древнем Риме отводится всего десяток страниц: автор приводит весьма интересные данные о восстаниях рабов и несколько строк посвящает происшествиям времен Суллы. И это все. Нам кажется, что гражданские войны I века заслуживают гораздо большего внимания, чем уделил им автор, совершенно не коснувшийся, напр., так называемой союзнической войны, под видом которой в конечном счете происходила последняя борьба за землю италийских крестьян.

Вообще, если т. Быстрянский хочет, чтоб его книжка читалась с пользой сколько-нибудь широкими кругами, ему необходимо коренным образом изменить характер изложения последующих очерков.

Н. Лукин-Антонов.

WLADYSLAW SMOLENSKI. Dziejie naroda polskigo. Wydanie piate. Warzawa—Kraków 1919 г. Стр. 596.

В. СМОЛЕНСКИЙ. История польского народа. Изд. 5-е.

Новое издание „Истории польского народа“ Вл. Смоленского заслуживает внимательного к себе отношения. Первое издание вышло в Кракове еще в 1897—1898 г.г. в 2 томах под псевдонимом Вл. Грабеньского. Краковское издание 1906 г. было переведено в 1911 году на русский язык под редакцией приват-доцента петербургского университета Ястребова, оценившего труд Грабеньского, как хорошее пособие для учащихся в университете. Отсутствие в России оригинальных трудов по истории польского народа в значительной степени способствовало быстрому расходу русского перевода книги Грабеньского. Новое издание выходит вслед почти без изменений, лишь с добавлением в отделе исторической литературы книг монографического характера, появившихся на книжном рынке после 1906 года. К сожалению, автор дает не столько исторический очерк развития польской историографии, сколько голое перечисление исторических трудов, имеющих отношение к тому или другому веку, или к историческому явлению без критической их оценки. Историческая литература, приведенная автором, далеко не обнимает всей исторической библиографии, но основные монографические работы указаны.

Труд Вл. Смоленского—хорошо составленная история польского народа на основании известных уже источников и исторических монографий. Автор стремится познакомить читателя с социально-политическими и внешними отношениями в Польше в их исторической эволюции, не вкладывая в последние какой бы то ни было политической или религиозной доктрины. Автор везде остается на почве факта и только в редких случаях прибегает к гипотезе, когда в его распоряжении нет соответствующего фактического материала, но в таком случае он пользуется гипотезой, не входя при этом в полемику по поводу избранной им гипотезы. На основании гипотез Вл. Смоленский дал картину первоначальной организации польского общества и осветил вопрос о происхождении рыцарства. Изучая исторические явления в их постепенной эволюции и не обладая никаким определенным историко-философским мировоззрением, Вл. Смоленский часто совершенно бессилен в объяснении тех или других сложных исторических явлений. Игнорирование экономической обстановки весьма характерно для методологических приемов автора. Труд Вл. Смоленского ценен своей фактичностью, расположенной по отдельным историческим явлениям, но объяснение последних и равным образом выяснение ближайших факторов, оказавших известное влияние на то или другое историческое событие, приходится делать самому читателю. Наиболее удачными являются главы—пятая и седьмая. В первой из них дается отчетливое представление о польской конституции в том виде, в каком она вылилась к концу XVI века. Вторая из этих глав посвящена эпохе реформ и падению Речи Посполитой. Методологический эклектизм позволил автору только отчетливо представить факты, необходимые для понимания явлений, но ему не удалось выяснить социально-экономической природы этих явлений. Благодаря этому восстания 1830 и 1863 годов, которым в труде Вл. Смоленского отведено довольно много места, изучены автором полно с фактической стороны, но внутреннее развитие, неизбежное в силу сложившихся социально-экономических отношений, осталось составителю „истории польского народа“ мало понятным.

Е. Пичета.

STANISLAW KUTRZEBA. Historya ustroju Polski w zarysie porozbiorach. Lwów 1917 г. Стр. 335. Т. 3-й.

Ст. КУТШЕБА. Ист. госуд. строя Польши в очерках. Эпоха после разделов.

Первые два выпуска названной работы, отведенные Польше до эпохи разделов включительно, и великому княжеству Литовскому, уже нашли соответствующую научную оценку в историко-юридической литературе и в России, и в самой Польше. Нельзя отказать автору как в огромной эрудиции и в прекрасном знании источников, так и в оригинальности построения и в свежести взглядов.

Но самый метод проф. Кутшебы, догматический в своей основе, в значительной степени уменьшает значение его труда. Одностороннее, юридико-догматическое мышление лишает автора возможности правильно разобраться в том или другом историческом явлении. Автора больше всего интересует эволюция историко-юридических институтов, но не выяснение тех условий, которые ближайшим образом оказывали влияние на тот или другой юридический институт. И третий том написан таким же методом. В нем помещено пять глав. В первой главе автор говорит о положении польских земель, отошедших к Пруссии по разделам Польши до 1807 г. Вторая глава отведена Варшавскому герцогству. В третьей рассматриваются историко-юридические судьбы царства Польского со времени Венского конгресса до 1915 г. Четвертая глава касается Литвы и Руси в пределах 1772—1915 г.г. Наконец, последняя занята анализом историко-юридических судеб Кракова, как вольного города (1815—1846). Обращая внимание, главным образом, на юридические институты и занимаясь изучением состояния последних в тот или другой исторический момент жизни польского народа, Ст. Кутшеба совсем оставляет в стороне явления экономико-финансовые, вследствие чего анализ таких моментов, как восстание 1830—1831 г.г. и 1863 г., отличается большою односторонностью, не позволяющей уловить сущность внутреннего развития польского народа в эти знаменитые эпохи. Игнорирование экономических факторов не позволило автору выяснить сущность взаимоотношений Польши и России, так как зависимость промышленной Польши от внутреннего русского рынка в значительной степени облегчала ту политику, которой придерживалась царская Россия по отношению к Польше. Один только анализ законодательного материала слишком недостаточен. Вот отчего в книге так много сухости и, при всей учености автора, она оставляет в читателе после прочтения чувство полной неудовлетворенности. Для нашей эпохи метод Кутшебы представляется сплошным анахронизмом.

В. Пичета.

M. HANDELSMON. Napoleon w Polsce. Warszawa 1918, стр. 162.

М. ГАНДЕЛЬСМОН. Наполеон и Польша.

Проф. Handelsmon является одним из самых видных знатоков эпохи Наполеона в ее отношениях к Польше. Настоящая работа в своих основных выводах была предложена в 1913 году вниманию международного исторического конгресса в Лондоне, а затем напечатана в «Revue des études Napoléoniennes». В своей работе проф. Handelsmon дает внутреннюю историю княжества Варшавского в период 1807—1812 г.г., заканчивая свою книгу выяснением сущности наполеоновской легенды и ее значения для национального самосознания польского народа. Экономическая и финансовая стороны жизни Варшавского княжества не нашли отражения в книге. Точно также остались не разработанными два весьма интересных вопроса первостепенной исторической важности, а именно: влияние французского революционного права на конституцию Варшавского княжества, а также отражение старо-польского права в новой конституции, составленной под непосредственным влиянием революционного права.

В. Пичета.

W. ALISON PHILLIPS, lecky professor of modern history in the University of Dublin. Poland. London 1917, стр. 250. Poland. London, 1917, стр. 250.

В. ФИЛИПС, проф. соврем. истории Дублинского университета Польши.

Работа профессора Филиппса—очень отчетливое и ясное изложение исторических судеб польского народа. Написана на основании тщательного знакомства с исторической литературой, не исключая русской и польской. Автор имел возможность воспользоваться и новейшими историко-политическими материалами по польскому вопросу, опубликованными в Париже, Берлине и Лондоне. Книга проф. Филиппса ставит задачей доказать, что, по окончании европейской войны, должно совершиться политическое возрождение польского народа, денационализировать который рав-

ным образом стремились и русские, и немцы, тогда как англичане и французы, по утверждению автора, всегда питали живое чувство симпатии к польскому народу. Метод автора довольно примитивный. Автор занят рассказом исторических событий, мало интересуясь их объяснением. Экономические вопросы оставлены проф. Филиппсом без внимания, благодаря чему сущность прошлой исторической жизни польского государства и осталась не вполне выясненной.

В. Пичета.

STANISLAW KUTRZEBA. Historya ustroju polski w zarysie. Litwa. Lwow. 1914 г., стр. 240.

Ст КУТШЕБА. Ист. госуд. строя Польши в очерках. Литва. Львов.

Польский историк-юрист проф. Кутшеба — видная фигура в польской исторической литературе. Это—автор ряда ценных монографий по истории Польши XIV—XVI в.в. и в то же время автор очень интересного синтетического очерка, посвященного истории государственного и общественного строя Польши. Правда не все в этом очерке приемлемо. Многое очень спорно и не всегда доказательно. Полемика, возникшая на этой почве между проф. Бальцером и автором, целая книга, написанная Бальцером по поводу работы Кутшебы, является прекрасным показателем, насколько спорны были суждения автора. Но от них веяло оригинальностью, смелостью мысли, благодаря чему многие вопросы прошлого были представлены автором в новом освещении. В 1911 году Кутшеба выступил с небольшой работой на тему: «Unia Polski z Litwa», в которой выдвигал необходимость пересмотра вопроса о польско-литовских отношениях, и в особенности изучения влияния Польши на Литву, о чем до сих пор больше говорилось, чем изучалось. Выступление Кутшебы с проблемой изучения польско-литовских отношений нельзя было не приветствовать, так как, действительно, в области вопросов, затронутых автором, было много спорного и бездоказательного. В 1913 году автор выступает с большой статьей «Unia Litwy z Polska», где уже более детально касается затронутых ранее вопросов. Наконец, Кутшеба выпускает очерк истории государственного и общественного строя Литвы, составляющий непосредственное продолжение очерка, посвященного Польше.

На русском языке имеется прекрасный труд М. К. Любавского «Очерк истории литовско-русского государства», вышедший в 1910 году и дающий очень рельефную картину исторической жизни Литвы. Автор—большой и видный исследователь. Его перу принадлежит не мало трудов по истории Литвы, написанных на основании огромного архивного материала. Его труд—это новая самостоятельная оригинальная работа. Однако, проф. Кутшебу труд Любавского не вполне удовлетворяет, так как не дает картины истории государственного и общественного строя Литвы и, самое главное, не касается вопроса о влиянии Польши на Литву. Это условие делает труд г. Любавского не вполне приемлемым для польской исторической науки, что, однако, нисколько не мешает проф. Кутшебе пользоваться выводами и наблюдениями пр. Любавского, не давая от себя ничего нового. Если в очерке, посвященном истории государственного и общественного строя Польши, проф. Кутшеба выступил, как оригинальный исследователь хорошо известного ему материала, то в новом труде он только обобщает труды других историков, в особенности Любавского, не зная того материала, которым последние пользовались. Это, конечно, касается тех вопросов, которые могли быть изучены исследователем на основании архивного материала—литовской метрики, не доступной автору. Естественно, весь интерес в работе Кутшебы заключается лишь в его анализе польского влияния на Литву, что, конечно, очень важно для польской исторической науки и не менее ценно для русской историографии, в которой много говорилось об отрицательном влиянии Польши на Литву, и при том не всегда доказательно. Однако, с этой стороны работа проф. Кутшебы не вполне удовлетворяет читателя. Вопросы, которых касается автор, должны еще стать предметом монографического изучения благодаря своей сложности и неразработанности. Между тем проф. Кутшеба дает

читателю готовый вывод и лишает его возможности проверить авторскую аргументацию. Благодаря этой догматичности изложения сам автор обесценивает свои выводы и наблюдения, и многие из вопросов, затронутых автором, так и остаются открытыми. Наконец, говоря о полонизации литовского государственного и общественного строя, проф. Кутнеба оставляет незатронутым вопрос, очень важный в методологическом отношении: является ли изменение литовского государственного и общественного строя исключительно результатом воздействия польского влияния, или польское влияние закрепляло лишь фактически то, что слагалось само по себе, в зависимости от общих условий исторического развития Литвы? При такой постановке вопроса исследователю придется касаться не столько вопроса о влиянии Польши на Литву, сколько о тех условиях, которые благоприятствовали усвоению культурно-политических условий жизни Польши. К сожалению, автор исключительно занят изучением внешнего влияния Польши, благодаря чему получается такое впечатление, что если бы не было соседней Польши, то весь государственный и общественный строй Литвы принял бы другой характер, тогда как в литовском государственном организме были все данные для того исторического пути, по которому пошла Литва, и движение по которому отчасти ускорила близость соседней более культурной и более политически развитой Польши. В историческом развитии государственного и общественного строя Литвы автор видит три основных этапа: от начала XII до конца XIV века, от XIV до 1569 года и, наконец, третий до времени польских разделов. Такое деление очень схематично и едва ли приемлемо. Оно—чисто-случайно, и взято не по внутренним признакам, составлявшим сущность литовского государственного и общественного строя, а исключительно вызвано внешними признаками—отношениями Литвы к Польше. Благодаря этому не получается отчетливости и ясности в самом изучении государственного и общественного строя Литвы, но для изучения полонизации Литвы автору такая постановка вопроса, конечно, необходима. Между тем такая односторонность в периодизации истории Литвы бросается в глаза всякому, кто занимается историей литовско-русского государства. Вообще, периодизация—дело опасное, ее было бы лучше избегать, как это делает М. К. Любавский, но если для более отчетливого представления об историческом процессе она необходима, то деление на периоды истории Литвы должно быть совершенно иным. Ведь главная сущность изучения истории литовско-русского государства заключается не в рецепции польского государственного и общественного строя, а в анализе тех условий, благодаря которым явилась возможность крайней шляхетизации литовско-русского государства, приблизившей последнее по своему строю к соседней Польше. Первоначальный родовой быт постепенно разлагается и на его развалинах образуется молодое литовское княжество. Это составит первый период истории Литвы. К второму периоду следует отнести весь XV век, выразившийся в феодализации ее государственного и общественного строя, характерным признаком которого является преобладание аристократии в политической жизни государств, закрепленное привилегиями с 1492 и 1506 годов и господство крупного землевладения. Наконец, к третьему периоду относится борьба шляхты с аристократией и полнейшая шляхетизация Литвы, приведшая к унии 1569 года и к дальнейшему сближению Литвы с Польшей; при такой схеме картина государственного и общественного строя Литвы станет более отчетливой, и вопрос об усвоении Литвой польского влияния может быть рассмотрен в ином разрезе, более правильном, как нам кажется.

В. Пичета.

ВЛ. И. ОГОРОДНИКОВ, профессор иркутского университета. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Часть I. Введение. История до-русской Сибири. Иркутск 1920 г., стр. 289; проф. Н. Н. ФИРСОВ. Чтения по истории Сибири. Выпуски I и II. Гос. Изд. Москва 1921 г., стр. 67+71.

Сибири мало посчастливилось в русской исторической науке. До сих пор недостаточно исследованы архивные ма-

териалы и вещественные памятники, да и те, которые пущены в научный обиход, не подверглись еще тщательной обработке и исчерпывающему исследованию. Имевшиеся до сих пор попытки общих построений истории Сибири или совершенно устарели, вроде когда-то известных трудов академиков XVIII века Миллера и Фишера, или не стоят на уровне современного исторического знания. Поэтому нельзя не приветствовать появление новинок в этой незаслуженно забытой области русского исторического ведения. Разделенные сравнительно коротким промежутком появились в 1920 и 1921 г.г. два труда по сибирской истории: в Иркутске—книга профессора местного университета В. И. Огородникова, в Москве—два выпуска «Чтений» проф. Н. Н. Фирсова (причем первый не является новинкой, так как представляет точную перепечатку издания 1915 года).

Книга проф. Огородникова, выросшая из лекций в иркутском университете, ставит своей задачей дать общий очерк истории Сибири с древнейших времен до начала XIX в. Лежащая перед нами первая часть трактует лишь о до-русской Сибири. Проф. Огородников очень тщательно и в то же время с большой осторожностью подошел к своей трудной и ответственной теме. Ему приходится натыкаться на каждом шагу на слабую разработанность тех или других специальных вопросов сибирской истории, на мало удовлетворительное состояние ее источников. Это дает себя чувствовать с первых же страниц разбираемой книги. В вводной части проф. Огородников дает обзор источников сибирской истории и очерк сибирской историографии. Далее следует I отдел, трактующий о природе страны, ее поверхности, климате, растительном и животном мире. Отдел II посвящен древнейшему населению Сибири. Здесь автор, на основании, главным образом, археологических данных, пытается заглянуть в глубь сибирской праистории и отметить главнейшие события последующих исторических эпох. Автор, как не специалист по археологии и востоковедению (давно пора признать истину, что древнюю историю России или, вернее, введение в русскую историю должны писать не специалисты по русской истории, а *всеобщие* историки, классики и востоковеды), всецело стоит на плечах других исследователей. Правда, проф. Огородникову надо поставить в заслугу осторожность его выводов и заключений, но все же нельзя не отметить часто большую неопределенность и неясность его исторической трактовки. Наиболее это чувствуется, когда автор касается вопросов археологии. Его попытки давать археологические определения в достаточной степени слабы. Кроме того не во всем, повидимому, автор разобрался, так, напр., его суждения о погребениях со скорченными костяками нуждаются в объяснениях. Зато заслугой автора является изучение свежего материала по палеолиту и неолиту, еще не вошедшего в ученый обиход. Третий отдел «Сибирь накануне русского владычества» дает описание различных народов, населявших Западную и Восточную Сибирь. Автор старается охарактеризовать быт, государственный и общественный уклад всех этих инородцев, но и тут он всецело зависит от материала, крайне неравномерно разработанного как в области чисто исторической, так и этнографической. В общем и целом книгу проф. Огородникова можно признать вполне добросовестным трудом, хорошим приступом к более детальным штудиям по сибирской истории.

Далеко не производят такого благоприятного впечатления «Чтения по истории Сибири» проф. Н. Н. Фирсова. Конечно, является нелегкой задачей изложить на 138 страницах обоих выпусков общий очерк истории Сибири, включая даже начальный период XIX века. Автору приходится ограничиваться общими мазками. Здесь проф. Фирсов всецело зависит от тех немногих источников и пособий, которыми он пользовался для своей работы. Все те сведения, которые сообщаются им по истории завоевания Сибири, по ходу русской колонизации, по управлению XVII—XVIII в.в., по сибирской роли декабристов,—все это достаточно хорошо известно и ничего не дает нового. Проф. Фирсов касается всего слегка, не пытаясь ничего заострить или углубить; скудость сообщаемых сведений он пытается компенсировать пыш-

ной фразеологией, стремлением к внешним эффектам. Так, описание похода Ермака ведется им совсем в былинном стиле. Культ «героя» достигает здесь своего апогея. Интересные данные по истории сибирской торговли и по эксплоатации природных богатств Сибири приведены случайно и никак не обобщены. Довольно удачно подобраны данные по истории русского управления в Сибири, по деятельности русских сатрапов-воевод, наместников и губернаторов. Не дурна и характеристика именитого купечества, развратного и разбойничьего, наглого эксплоататора и кулака. Но и все эти данные в достаточной степени известны.

И. Бороздин.

ДЕЛА И ДНИ. Исторический журнал. 1920 г. Книга I. Петербург. Стр. 650.

Лежащая перед нами первая книга журнала «Дела и Дни» заключает обильный и разнообразный материал. Правда, обильный количественно материал далеко не равноценен качественно. Наряду с многим действительно интересным и нужным встречается малоинтересное и совсем ненужное.

Первый отдел журнала посвящен исследованиям. Здесь мы находим из области древне-русской истории интересную статью С. Ф. Платонова «Руса», некоторыми новыми данными подкрепляющую гипотезу покойного А. А. Шахматова о Русе—варяжском центре на южном берегу Ильменя, и статью А. Е. Преснякова «Удельное владение в княжом праве Великороссии и власть московских государей», дополняющую и развивающую некоторые положения его известной работы о княжом праве в древней Руси. Надо, однако, отметить, что полемика А. Е. Преснякова с Е. Н. Щепкиным, остроумно выдвинувшем вопрос о скандинавском влиянии на междукняжеские отношения, далеко не дает перевеса мнению Преснякова. По входящей теперь в моду истории русского севера дал любопытную статью А. Н. Андреев, проследивший русскую колонизацию западной части Кольского полуострова. Обширная статья Н. А. Рожкова «Народное хозяйство московской Руси во второй половине XVI века», представляющая нечто среднее между исследованием и отдельной главой общего курса русской истории, мало чем покрывает собой предыдущие работы автора, в частности, его «Сельское хозяйство московской Руси». Кое-какие любопытные данные встречаются в статье Н. Д. Чечулина «Воспитание и домашнее обучение в России в XVIII веке».

Несомненный интерес представляет второй отдел: «Воспоминания, мемуары, дневники, переписка». Здесь следует отметить начатую печатанием переписку Александра II с Константином Николаевичем за время его польского наместничества. Уже опубликованные письма дают богатый материал для характеристики тогдашней русской политики в Польше и для разрушения легенды о «либеральном принце» Константине. В переписке оба брата, достаточно откровенные, достойны друг друга. То немногое, что опубликовано из дневника генерала Глазова, не очень давнего вершителя судеб русского народного просвещения, является в своем роде «многим». Перлом этого дневника является беседа Глазова с Николаем II. Царь, успокаивая нового министра, который указывал на свою полную неподготовленность к руководству российским просвещением, сказал: «Бояться вам нечего, я не учился латинскому языку, а дело понимать могу, ведь вы тоже не учились латыни? Ничего, будете работать хорошо». Правлению Николая II посвящен и другой ценный источник — «Дневник генерала Сухомлинова». Здесь бьет в глаза легкомыслие и полное непонимание действительности (вернее, нежелание ее понять) этого типичного представителя старого режима. Не безынтересны новые воспоминания о семеновской истории 1820 года и воспоминания А. Ф. Кони о законе 19 мая 1871 года. Но зато совсем мало дают воспоминания Э. Л. Радлова под мистическим заглавием «Голоса из невидимых стран». Встречаясь с действительно интересными людьми, автор умудрился сказать о них самое нехарактерное и неинтересное. Лирические интермеццо мало помогают делу.

Третий отдел—«Исторические материалы»—заключает в себе между прочим сообщения А. А. Сиверса «Тайное общество военных друзей» (1825 г.), А. С. Николаева «К последним дням жизни Л. Н. Толстого» и весьма любопытную справку «Сочинения Карла Маркса и русская цензура», повествующую о хождении по цензурным «мукам» творений основоположника научного коммунизма. Странное впечатление производит статья А. Е. Преснякова «Обзоры пережитого». Это не критико-библиографический обзор новейших работ по истории русской революции, а скорее собрание впечатлений (мыслей вслух) автора по поводу этих сочинений. Импрессионистическую манеру автора нельзя признать удачной. Суждения его часто наивны и бездоказательны. Вряд ли осведомленный в историко-революционной литературе читатель согласится с поверхностными и сентиментальными рассуждениями автора.

В отделе четвертом, озаглавленном «Из записной книжки архивиста», на-ряду с действительно любопытным материалом совершенно зря напечатана заметка «Запрещение по высочайшей резолюции академику Гамелю употреблять в пищу человеческое мясо». Если такого рода материал, бивший на плохую сенсацию, и появлялся на страницах «Исторического Вестника», то из этого отнюдь не следует, чтоб дурной пример был заразителен и для «Дела Дней».

Библиография и хроника составлены обстоятельно.

И. Бороздин.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ.

Б. И. ГОРЕВ. ОГЮСТ БЛАНКИ. Его жизнь, революционная деятельность и роль в истории социализма. Гос. Изд. Москва 1921 г., 123 стр.

Книжка Горева представляет собой наиболее полную на русском языке биографию «вечного узника» и неугомонного заговорщика. Написанная чрезвычайно увлекательно и содержательно в своей повествовательной части, посвященной жизни и революционной деятельности Бланки, она особенно интересна в части, излагающей сущность его социально-политических взглядов, оказавших колоссальное влияние на историю социализма вообще, и России—в частности.

Работа Горева представляет огромный интерес для русского читателя не только потому, что она попутно с биографией Бланки знакомит читателя с огромной исторической полосой Франции XIX века, пережившей целых три революции, но и потому, *что бланкизм, в известном смысле, составляет один из элементов марксизма*. Автор правильно считает, что ближайшим к Марксу социалистом (вернее, коммунистом), выдвинувшим идею диктатуры пролетариата, был Бланки, который, стоя еще на идеалистической точке зрения, оказался, однако, не в состоянии дать отчеканенную классовую формулировку этой идеи.

С особым вниманием прочтет читатель страницы, посвященные бланкизму в России. Здесь автор вспоминает нечаевщину и «Народную Волю», и, переходя к более позднему периоду, не без сочувствия говорит о бланкистских элементах в российской социал-демократии. Он вспоминает, например, оказавшееся пророческим предсказание Плеханова о «*Горе*» (якобинцах-бланкистах) и «Жиронде», на которые расколется социализм (см. газ. «Искра»), и его речь на партийном съезде 1903 г., когда он, превративший впоследствии в фетиш формальную демократию, говорил о возможности лишения буржуазии политических свобод и избирательных прав.

Книжка Б. И. Горева заслуживает самого широкого распространения. Она, кстати сказать, написана столь популярно, что ее свободно поймет читатель из рабочей среды.

Ш. Дволайцкий.

В. БЫСТРЯНСКИЙ. Очерки по истории Парижской Коммуны (18 марта—28 мая 1871 г.) Петербург. Государственное Издательство. 174 стр. Ц. 175 руб.

Тов. В. Быстрянский выделяется среди русских литераторов-коммунистов энергией и размахом своей деятельности. Если бы подсчитать все газетные и журнальные статьи, брошюры и книжки, выпускаемые им за какой-нибудь месяц, получилась бы очень внушительная, по всей вероятности, рекордная цифра печатных листов.

Притом тов. Быстрянский живет не только «капиталами», накопленными в прежнее время, как, к сожалению, вынуждено существовать большинство наших литераторов. Почти всякой статьей и всякой брошюрой он показывает, что он постоянно подновляет свои знания, часто стряхивает пыль с библиотечных полок, умеет найти и использовать новую книжку.

Но, к сожалению, у него не только плюсы. Его незаурядная литературная активность иногда связывается и со многими минусами. Как это ни грустно, иллюстрацией может служить книга, название которой выписано выше.

Заставляет насторожиться уже самое ее заглавие: «*Очерки* по истории»... Оно с самого начала говорит об отсутствии каких бы то ни было претензий у автора. Если в книге нет плана и внутренней последовательности, если изложение вообще бессистемно и даже хаотично,— автор уже оправдался: он и не хотел дать *историю* Коммуны, он писал всего только «*Очерки* по истории». Зачем же с него спрашивать то, чего он не хотел дать? И не будет ли несправедливостью обращать против автора его скромность?

Пусть будет так. Но все же по нынешним временам позволительно требовать, чтобы автор, засаживаясь за работу и в особенности выпуская ее, наперед решал, для какого читателя она предназначена, какие потребности должна удовлетворить.

На этот счет книга тов. Быстрянского — положительно загадочна. С одной стороны, ее вынужден будет отбросить всякий читатель, не познакомившийся с Коммуной по Дюбрейлю, Лиссагарэ и т. д. (сравни, напр., то, что тов. Б. говорит о расстреле генералов Леконта и Тома, который внезапно выскакивает из его изложения на стр. 16; или беглое упоминание «об известном письме Росселя» на стр. 58). А, с другой стороны, сам тов. Быстрянский излагает многие факты исключительно по Дюбрейлю, Лиссагарэ и т. д. Откуда такая скупость в одних случаях и щедрость на страницах—в других? Какими особенностями предположенных читателей объясняется такая неравномерность изложения? Об этом автор умалчивает. К его работе нет никакого предисловия, которое сказало бы читателю, зачем он ее писал и печатал.

Мне кажется, дело объясняется просто. В своем чтении, в своей охоте за новыми и старыми книгами, тов. Быстрянский натолкнулся на несколько работ, которые остались неиспользованными в книгах о Коммуне, уже изданных на русском языке. Его поразило, что некоторые из буржуазных историков признают многое из того, о чем до сих пор говорили только социалистические историки, и что многие признания Фавра, Тьера, Винуа и других версальцев, совсем неиспользованные или, по его мнению, недостаточно использованные историками Коммуны, являются убийственным обвинительным актом против версальцев.

Повидимому, использование некоторых данных, остающихся новыми для существующей на русском языке литературы, и было первоначальной задачей автора. Она определила характер большей части книги, не менее двух ее третей.

Но это могло бы послужить материалом для одной—двух журнальных статей. Для самостоятельной книги о Коммуне этого было бы недостаточно. Но тут подоспело 50-летие Коммуны. Зародилась мысль: а не составится ли книжка? Но перерабатывать было некогда,—тов. Быстрянский пишет очень много,—и получилась не книга, а «Очерки».

Однако, вернее было бы сказать, что на протяжении нескольких десятков страниц, это даже не «Очерки», а просто окрошка из цитат, кое-как, а иногда и никак не склеенных между собой. Прыгая за авторами, использованными тов.

Быстрянским, переносясь по их произволу из марта в май, из мая в апрель, из апреля в февраль, от отдельных эпизодов к общим оценкам и от общих оценок к историческим документам, которые должны дать новое подтверждение старым концепциям, в отчаянии хватаешься за голову и спрашиваешь себя: где связь? где план? где хоть какая-нибудь последовательность?

Дело еще больше ухудшается вследствие торопливости, иногда прямой неряшливости изложения, несомненно, усугубляемой ужасною корректурой. Я превосходно знаю, насколько трудно в настоящее время добиться сносной корректуры: десятки опечаток, иногда грубейших, неизбежны почти во всяком издании, даже в повторном. Петербург в этом отношении до сих пор был более счастлив, чем Москва. Но книжка тов. Быстрянского показывает, что типографская разруха быстро захватывает и Петербург.

Одно и то же лицо называется в книге Лофло, Лафло и Лефло. На каждой странице изрядное количество опечаток, тормозящих или делающих невозможным понимание. Кавычками показано по большей части только окончание цитат, но не их начало, что делает невозможным пользование книгой, хотя бы как сборником некоторых материалов по истории Коммуны».

Вследствие спешности авторской работы и неряшливой корректуры на каждом шагу получается положительная галиматья. Вот некоторые примеры:

«Национальной гвардии собралось на призыв самое бо́льшее тысяча человек, но, вследствие их незначительного количества, их пришлось отослать, не имея возможности использовать и одушевлявшего их, ставшего бесцельным пыла» (стр. 17). «Без полного торжества над Версалем, без явного или молчаливого одобрения департамента, ее (Коммуны) поражение было предопределено неизбежным, — с бо́льшим или меньшим запозданием» (27). «Их (пруссаков) щадили, некоторые из них даже вызывали сострадание, в них видели плохих соседей, но все же принадлежащих человеческому роду и право если не на сострадание, то во всяком случае на уважение, признанное за пленными среди цивилизованных наций, согласно обычаям войны» (38). «Однако, борьба в Париже в мае 1871 года могла быть такой страшной, должна была повлечь за собой столько потерь и разорения, что можно было допустить, что версальцы согласятся на перемирие, а затем и на мир, конечно, при условии упорной борьбы за баррикадами и продолжения уличной войны» (47).

Этот букет легко было бы увеличить во много раз, но я сильно сомневаюсь, сумеют ли наборщики точно воспроизвести такой невразумительный набор слов, с такой фантастической расстановкой знаков препинания.

Одна из крупнейших глав книги—шестая: «Чем была Коммуна?» Она составляет немного меньше четверти всей работы. Приступая к ней, думаешь: ну, теперь изложение станет систематичным, и автор свяжет, наконец, все клочья предыдущих страниц объединяющей мыслью.

Тщетная надежда! И здесь неразбериха и каша из цитат, понадерганных у самых разнообразных авторов. Существенное перемешано с совершенно никчемным. Многое не имеет никакого касательства к поставленному заголовком вопросу. Собственных мыслей тов. Быстрянского не заметно, не видно и упорядочивающей руки, которая объединила бы цитаты в нечто стройное и законченное. Он цитирует разных авторов о Коммуне, все дело сводится к этому. А что должно получиться из цитат, это и ему невдомек. В торопливом надергивании цитат он забывает вычеркнуть такие слова, как, «приведенные выше протоколы» (94),—их приводил цитируемый тов. Быстрянским автор, но не тов. Быстрянский; оставляет слова: «как мы видели» (98), хотя читатели его книги ничего подобного не видели.

Стройнее составлены последние три небольшие главы из общего количества десяти глав. Если не ошибаюсь, они представляют перепечатку ранее напечатанных статей тов. Быстрянского; тогда у него, надо полагать, было время, чтобы их обработать. Конечно, и тут позволительно усумниться, следует ли так много места отводить, напр., от-

ношению Гюго к Коммуне, и надо ли было блистать в примечании на стр. 162—163 своей разносторонней образованностью и начитанностью; между тем это примечание не имеет никакого иного значения.

Я убежден, что если бы на отзыв тов. Быстрянского попала такая работа о Парижской Коммуне, как его книга, он, являясь членом редакционной коллегии петербургского отделения Госиздата, не сдал бы ее в печать, а порекомендовал бы автору переработать самым основательным образом. И читатели получили бы в результате очень дельную, ценную и полезную книгу. И сам автор только выиграл бы от такой дополнительной работы. Он сделал бы крупный шаг в своем собственном развитии.

Тов. Быстрянский—чрезвычайно ценный, серьезный, дельный, литературный работник. Но, выпуская такие книги, как его «Очерки», он может испортить себя.

И. Степанов.

Я. М. ЗАХЕР. Парижские секции 1790—1795 г.г., их политическая роль и организация. Гос. Изд-во. П. 1921. 64 стр.

Автор ставит своей задачей «дать краткий и, по возможности, популярный очерк истории парижских секций, резюмирующий положение вопроса в современной исторической науке»; «знакомство широкой публики с вопросом о парижских секциях является совершенно необходимым», так как именно они были теми органами, «посредством которых формировалась и выявлялась воля парижского народа», сыгравшего столь важную роль во французской революции (стр. 4).

Работа Я. Захера распадается на две части: в первой излагается история возникновения секций и их роль в революциях 10 августа и 31 мая—2 июня, контр-революционном перевороте 9 термидора, наконец, в эпоху термидорианской реакции; вторая посвящена внутренней организации секций. Автор добросовестно использовал не только специальную литературу по истории парижских секций (брошюры и статьи Кареева), но и общие работы по истории великой революции. Знакомство с книгой Braesch'a (La Commune du Aout 1792) позволило автору подвести под чисто описательный материал, даваемый Кареевым, экономический фундамент. Действительно, только уяснив себе классовый состав населения секций в связи с их торгово-промышленными особенностями, можно найти ключ к пониманию поведения тех или иных линий в главнейшие моменты революции. Автор стоит на марксистской точке зрения, и в общем даваемая им схема развития классовой борьбы представляется нам правильной. Но отдельные места его интересной работы все же не могут не вызвать некоторых возражений и замечаний. Едва ли можно, напр., утверждать, что «ожесточенная борьба» между якобинцами и жирондистами началась только после 10 августа (стр. 25). Автор, далее ошибается, говоря, что партия «бешеных» существовала только в Париже (16): это течение имело своих сторонников и в Лионе. Следуя Жоресу, Я. Захер считает лишь якобинцами «истинно революционной» партией и недооценивает, как нам кажется, роли «бешеных». Можно и не соглашаться с Кропоткиным, видящем в последних предшественников социализма, и все же приходится признать, что именно бешеные толкали якобинцев на решительную борьбу с Жирондой, выдвинули лозунг установления твердых цен и добились соответствующего декрета от *якобинского* Конвента. Наиболее слабым местом работы Я. Захер является объяснение роли секций в событиях 9 термидора. Указание на то, что, превратившись в органы власти и занявшись «реальной работой государственного строительства», секции потеряли вкус к политическим вопросам и отвыкли от борьбы, явно не достаточно; оно напоминает точку зрения анархиста Кропоткина, как известно, считавшего, что тлетворное влияние государственности убило революционный дух секций. В действительности еще задолго до 9 термидора наиболее революционные элементы секций были обезглавлены самим якобинским правительством, которое вело ожесточенную борьбу не только с «правыми», но и с крайними левыми, особенно с бешеными, и тем в

решительной степени ослабило революционный фронт к моменту активного выступления реакционных сил. Наконец, говоря о вытеснении революционных элементов из секций после 9 термидора, следовало упомянуть о разгроме термидорианцами Парижской Коммуны и Якобинского клуба, что окончательно дезорганизовало силы демократии.

Как бы то ни было, книжка Я. М. Захера является весьма ценным вкладом в нашу скудную научно-популярную марксистскую литературу по истории великой революции.

Н. Лукин-Антонов.

ФЕЛИКС КОН. Воспоминания. Госуд. Изд. 1921 г. 64 стр.

Очень небольшая по размеру эта книжка должна быть особенно отмечена в памяти читателя. От нее получается впечатление, будто имеешь дело не с мертвой бумагой, а с живым человеком. События, отделенные от нас на четыре десятилетия, кажутся совсем близкими,— чуть-чуть не событиями сегоднешнего дня.

Отсюда и другая черта этой книжки. Знаешь, что она—повесть о разбитых надеждах, о крушении давно минувших революционных иллюзий,—и сам автор не скрывает этого, а между тем впечатление такое, будто наблюдаешь весну молодой жизни, а не стародавнюю быль, которой грозит уже перспектива зарастать травой забвения.

В чем секрет автора? Не в том ли, что в 60 лет он сумел сохранить в себе всю свежесть души двадцатилетнего горячего революционера? Не потому ли и прошлое у него живет, точно оно настоящее?

Книжка т. Ф. Кона сверх того имеет и высокую ценность исторического источника. Она освещает прежде всего очень сложную душевную эволюцию человека польской национальности (из «русской» Польши) не пролетарской среды, пришедшего к отречению и от националистической, и от классовой своей психологии. И это—не личная только эволюция автора, а эволюция целого течения среди и польской интеллигенции. Им, полякам-интеллигентам, приходилось порывать с сильнейшими традициями национального единства и с еще более, пожалуй, острой традицией ненависти к России и русским. Лицемерие буржуазии помогло сломить первую из этих традиций, а неслыханный героизм борцов старой «Народной Воли» сделал интернационалистов из польских социалистов. Вот как передает об этом т. Ф. Кон:

«Объединиться с русскими революционерами... Русские не в состоянии понять значение этих слов для польских революционеров»... «Объединиться с москалями».. Шутка ли? Мы ясно сознавали, как это объединение будет использовано теми, кто фактически объединился с царской Россией и пользовался ее силами для подавления рабочего класса. Мы знали, что перед темными массами мы будем выставлены, как изменники польского дела... Надо сознаться, что и во многих из нас старые традиции ненависти к «москалю» еще не были изжиты... Мы не только чтили, но обожали отдельных русских революционеров; но когда на очередь дня был поставлен вопрос об альянсе между «подпольной Польшей» и «подпольной Россией», многие из нас умом понимали необходимость этого альянса, но сердцем сжиться с этой мыслью не могли... Эта мучительная борьба с самим собой, борьба с культивированным в нас в течение целого ряда поколений национализмом кончилась победой над этим самым ужасным для движения, поистине, «внутренним» врагом. Заключение союза с «Народной Волей» было решено».

Интересны дальше приводимые автором данные об идейном взаимодействии друг на друга этих двух союзников,—иногда положительном, но кое в чем и отрицательном.

«Воспоминания» Ф. Кона кончаются началом 80-х годов, когда он был арестован и на много лет попал в каторжную тюрьму. Это случилось еще до появления социал-демократии в России, как определенного и заметного течения.

Работа предшественников марксизма в России еще очень мало освещена с марксистской точки зрения, и данная брошюра дает очень ценные штрихи для такого освещения.

М. Ольминский.

Л. Г. ДЕЙЧ. Русская революционная эмиграция 70-х годов. Ист.-рев. библиотека. Гос. Изд. Петербург. 1920 г. 87 стр.

В этой живой, интересно написанной книжке воспоминаний речь идет о Бакунине, Л. Варынском, П. Кропоткине, П. Лаврове, П. Ткачеве и о некоторых других. Попутно, при характеристике отдельных лиц, выступает и эмигрантская среда в целом, и тогдашняя постановка вопросов революции. Более других, мне думается, заслуживают внимания очерки, касающиеся Л. Варынского и П. Ткачева. Для лиц, мало знакомых с эпохой, не бесполезна будет и вся книжка в целом. Написана она очень живо и читается с неослабевающим интересом от первой до последней страницы.

М. О.

В. ФРИЧЕ. Очерки истории мирового рабочего движения. III вып. Рабочее движение в России. Изд. «Денница». М. Стр. 64.

Новая книжка В. М. Фриче является первой по времени выхода в свет частью труда, имеющего целью изобразить развитие мирового рабочего движения, начиная с его возникновения и кончая деятельностью III Интернационала. В предисловии автор оговаривается, что он не имеет в виду дать читателям самостоятельного исследования; его работа— попытка в возможно более сжатой и популярной форме передать результаты, добытые другими исследователями. Популярность и сжатость автором вполне достигнуты. Очерк, написанный с присущим В. М. Фриче умением, общедоступен и читается весьма легко и с большим интересом. Он сжат до такой степени, что на пространстве четырех печатных листов автор сумел изложить историю рабочего движения в России, начиная с волнений крепостных рабочих XVIII стол. и кончая октябрьской революцией и образованием Совета Народных Комиссаров. При отсутствии в нашей литературе работ, доводящих изложение развития русского рабочего движения до наших дней, работа В. М. Фриче должна была бы заполнить весьма существенный пробел. Однако, чем сильнее потребность в такой книге, тем с бо́льшим сожалением мы должны отметить некоторые недостатки в работе В. М. Фриче.

Рассматриваемая книга дает историю движения не широких рабочих масс России, а наиболее передовых ее слоев. Автор излагает историю «Северного союза русских рабочих», подробно останавливается на личности П. Алексеева, Халтурина и Обнорского, говорит о зарождении социал-демократической партии, намечает все этапы разногласий, обнаруживших в ее среде с 1903 г. Но за более или менее тонким слоем пролетариата, принимавшим участие в этих событиях, за наиболее сознательной и интеллигентной частью его, мы в изложении В. М. Фриче почти не видим широкой рабочей массы с ее повседневной борьбой против эксплоатации. Говорит ли он о петербургских стачках второй половины 70-х годов, о затишье 80-х, о подъеме забастовочной волны в средине 90-х, о всеобщей забастовке 1903 г. на юге России, о тяжелом положении рабочих после революции 1905 г., о новом подъеме в 1912 г. и т. д., — он находит возможным ограничиться всего лишь несколькими строчками. О рабочем же движении в годы мировой войны он не считает даже нужным сказать ни слова. При таких условиях читатель, желающий познакомиться с судьбами русского пролетариата, по прочтении книжки В. М. Фриче останется неудовлетворенным. Был ли русский рабочий класс в начале XX стол. таким же, каким он был в 70-е и 80-е г.г. столетия предшествующего? Носили ли забастовки второй половины 90-х годов такой же характер, как забастовки 70-х и 80-х г.г.? Изменился ли за это время в чем-либо характер рабочего движения? На все эти вопросы, возникающие у читателя, он не находит ответа. Ни рост сознательности в рабочих массах, ни изменения в их психологии, ни стихийность стачек 70-х и 80-х годов, ни подъем их организованности к концу XIX века, ни то гро-

мадное значение, которое имело для рабочего движения объединение буржуазии после революции 1905 г.,—ничто это автором рецензируемой работы достаточно не выяснено. Можно итти дальше и пожалеть, что В. М. Фриче не касается совершенно ни развития промышленности, ни положения рабочего класса в различные периоды, ни тех результатов, хотя бы иногда и весьма скромных, к которым приводила рабочих их напряженная борьба за улучшение своей участи. Без освещения этих вопросов история рабочего движения в России вообще должна представляться читателю недостаточно ясной.

Не лишена книга В. М. Фриче и некоторых ошибок. Начало рабочего движения он относит к концу XVIII в., точнее к 1791 г., когда произошли волнения на Олонецких казенных заводах; как ни мало изучены судьбы русского рабочего класса в XVIII в., мы уже теперь знаем целый ряд более ранних волнений, заканчивавшихся иногда подавлением при помощи вооруженной силы; таковы, напр., волнения на заводе княгини Белосельской - Белозерской в Уфимской губернии в 1729 г., возмущение рабочих на фабрике Гончарова в Малоярославском уезде в 1752 г., «перманентные» волнения на суконной фабрике Дреблова в Казани, возникшие в 1737 г. и продолжавшиеся с перерывами более ста лет, и др. Приговоренного в 1863 г. к расстрелу офицера Ушакова автор считает первым интеллигентом, работавшим среди пролетариата, забывая указать, что Ушаков был лишь одним из членов кружка, занимавшегося революционной пропагандой в воскресных школах и состоявшего, главным образом, из студентов, при чем некоторые из них принимали гораздо более деятельное участие в пропаганде, чем Ушаков. Возникший в 1884 г. в Петербурге благоевский кружок ныне, по опубликовании его программы, называть без оговорок марксистским, как это делает В. М. Фриче, не приходится; его члены находились столько же под влиянием Лаврова, сколько Маркса. Указать точную дату первого съезда социал-демократической партии автор затрудняется, ссылаясь на разногласия по этому поводу между Мартовым, Батуриным и Спиридовичем; между тем известно, что съезд происходил с 1 по 3 марта 1898 г.

В предисловии читатели находят список литературы по истории рабочего движения, страдающий случайностью и неполнотой.

Издана книжка ужасно; печать настолько бледна, что некоторые страницы почти невозможно прочесть.

Б. Павлов.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ. Под редак. В. П. Илларионова. Т. I. Изд. Нижегород. отделения Госуд. Издат. Нижний-Новгород. 1920 г. стр. 171.

Как это не странно, в нашей литературе до сих пор не имеется ни одного труда, который мог бы быть назван историей рабочего движения в России. Если не считать нескольких более или менее беглых и поверхностных обзоров этого движения, далеких от каких бы то ни было претензий на научность, то единственная попытка заполнить отмеченный пробел сделана Ельницким, выпустившим двухтомную работу под громким названием «История рабочего движения в России». Однако, попытку Ельницкого надо признать совершенно не удавшейся. Не имея никакого научного значения, его книга не может быть признана даже удовлетворительной компиляцией.

Такое жалкое положение истории руского рабочего движения отнюдь не является случайностью, а обусловлено рядом причин, основная из которых заключается в том, что материал без детального использования, которого изучение прошлого рабочего движения немыслимо, до самого последнего времени был скрыт от исследователей в тайниках полиции. Некоторые чрезвычайно важные моменты этого движения до сих пор остаются для нас не вполне ясными только лишь потому, что мы были лишены возможности познакомиться с соответствующими материалами.

При таких условиях становится вполне ясным, что очередной задачей в области истории рабочего движения является со-

бирание и изучение первоисточников, т.-е., с одной стороны, архивных материалов, достввшихся нам от прошлого, а с другой — воспоминаний участников экономической и политической борьбы русского пролетариата. Лишь только тогда, когда этот материал будет собран и систематизирован, мы сможем подумать о создании научной истории рабочего движения в России.

Изданный Нижегородским отделением Государственного Издательства сборник преследует только что отмеченную задачу. Он заключает в себе материал, относящийся к истории рабочего движения в одном из центров русской фабрично-заводской промышленности, в Нижнем-Новгороде. В сборнике мы находим, во-первых, ряд воспоминаний активных участников движения и, во-вторых, статью, составленную редактором сборника и заключающую в себе «революционную хронику сормовских рабочих».

В этой статье широко использованы материалы нижегородского охранного отделения и жандармского управления. Насколько можно судить, не имея возможности ознакомиться непосредственно с этими материалами, автор взял из них все «более или менее существенное и важное. Если, несмотря на это, в составленной им революционной хронике некоторые моменты не получили достаточно яркого освещения, то этого нельзя поставить в вину автору. Имеющиеся в его статье пробелы обусловлены, с одной стороны, специфическим характером использованного в ней материала, а с другой—тем, что, по словам автора, до нас дошли лишь жалкие остатки богатств, хранившихся когда-то в названных выше нижегородских учреждениях. Конечно, автор мог бы дополнить бывший у него материал данными, проникавшими в свое время в печать, воспоминаниями современников и т. д. Весьма возможно, что если бы он это сделал, составленная им хроника выиграла бы в своей полноте и законченности, и ему удалось бы заполнить некоторые пробелы, имеющиеся в его изложении. Однако, и в том виде, в каком его статья увидела свет, она представляет несомненную ценность и большой интерес. Автор сознательно ограничивал свою задачу составлением сводки еще незатерявшихся сведений о революционном движении на Сормовском заводе, и эта задача им выполнена вполне удовлетворительно. Мы не имеем возможности отметить все ценное, что содержится в его статье, однако, нельзя не указать на чрезвычайно любопытные данные об основанной в 1881 г. гимназистом Карелиным «рабочей ассоциации», имевшей целью внушить гражданам мысль подать петицию государю императору о даровании конституции, о первых марксистских кружках в Нижнем, о массовом рабочем движении, начавшемся в первые годы текущего столетия, о черносотенной пропаганде, которую вела с 1903 г. среди сормовских рабочих тайная организация «Слово и Дело», о революции 1905 г. и т. д. Большой интерес статье придают некоторые перепечатанные полностью местные прокламации.

Помимо статьи редактора сборника, в нем собраны воспоминания 17 активных работников нижегородского рабочего движения. Эти воспоминания отнюдь не являются одинаково ценными. Некоторые из них настолько кратки, что напоминают собою газетные статьи, и настолько поверхностны, что без вреда для ценности сборника могли бы остаться ненапечатанными. Однако, на-ряду с ненужным балластом, среди воспоминаний попадаются и весьма ценные материалы. Очень интересны воспоминания А. Н. Сысина о подпольной работе в Нижнем-Новгороде в первые годы текущего столетия. Богата фактическим материалом статья П. М. Лебедева (Керженцева): «Красные дни в Нижнем-Новгороде», хотя надо отметить, что эта статья не представляет собой новости: она была еще в 1907 г. напечатана в журнале «Былое». Некоторые интересные данные о революции 1905 г., дополняющие статью Керженцева, можно найти в воспоминаниях Н. А. Семашко, П. Окулича, П. М. Олимпиева и С. Левита. Годы, следовавшие за революцией, получили гораздо более слабое освещение. Относящиеся к этому времени воспоминания П. Г. Макарова, С. М. Кузнецова, Е. Козина и М. А. Воробьева отнюдь не дают сколько-нибудь полной картины

рабочего движения в годы, предшествовавшие переживаемой нами революции. Несомненно, что можно было бы собрать гораздо более интересный материал, относящийся к событиям этого времени.

Внешность книги соответствует современным типографским условиям: много опечаток, одна и та же статья набрана разными шрифтами, бумага плохого качества. Интригует читателей помещенная на обороте титульной страницы надпись: «дозволено цензурой». Если эти два слова то же самое, что буквы «Р. В. Ц.», имеющиеся на изданиях, выходящих в центре, то они должны лишний раз напомнить о необходимости ограничить работу «В. Ц.» вопросами чисто военного характера.

В. Павлов.

СОЦИОЛОГИЯ.

ПРОФ. П. А. СОРОКИН. Система социологии. Т. I. Социальная аналитика, I—XIV, I—360. Т. II. Социальная аналитика, 1—463. Изд. «Колос». Петербург. 1920.

Проф. Сорокин (Питирим Сорокин) приступил к выполнению весьма замечательного предприятия. Он выпустил уже два довольно обширных тома и предполагает в ближайшем будущем напечатать еще шесть—надеемся не меньших по объему—томов. Для молодого ученого—трудоспособность выдающаяся. Но это предприятие получает еще большее значение, так как проф. Сорокин начинает с того, чем обыкновенно лишь кончают другие менее удачливые обществоведы: он дает сразу «Систему» данной науки. Написать в настоящее время, да еще в короткий срок, «Систему» такой молодой науки, как социология, — предприятие воистину грандиозное.

Но проф. Сорокин выступает не только в качестве творца «Системы». Он вместе с тем бесспорный реформатор. По крайней мере, он объявляет себя таковым. Он берет на себя миссию заполнить «пустое место», которое оставило современное развитие социологии, слишком увлеченное изучением эволюции и пренебрегшее «социальной статикой». В «социальной механике» он намерен хоть немного отдернуть то таинственное покрывало Изиды, которое до сих пор скрывает от нас тайны социальных процессов. Он окончательно ниспровергает «монизм» и сдает в архив «отрыжку» старой философии истории с ее «мнимыми единообразными законами». Он прекращает «алхимическое состояние социальных наук в вопросах структуального анализа», устраняет «непоследовательность», «самопротиворечие», «загрязнение», «поверхностность», «недальнозоркость», «святую простоту», «однобокость» и «научную анархию», свившие себе—до появления в свет «Системы» проф. Сорокина—теплое гнездо в социологии (т. I, стр. XII, 40, 269, 286; т. II, 288—290).

Кроме такого общего переворота в социологии, проф. Сорокин представляет в своем труде ряд других черт, которые должны поставить его произведение на еще небывалую научную высоту. Так, прежде всего он изгоняет «всякий нормативизм» из социологии, разлучает «Истину» с «Добром, Справедливостью» и т. п. «принципами». Из чистой теории этим самым устраняются всякие «нормативные суждения и оценки», которые «по своей логической природе не могут быть научными суждениями». Отрадный пример в общественных науках, столь близко стоящих к нашим потребностям, страстям и интересам. Но наш автор идет далее. Он становится на страже объективной истины и готов даже пострадать за нее. В наше время, когда «страсти накалены до максимума» и «чувствительность доведена до высшего напряжения» да еще в стране, где «научная критика» заменяется оценкой на «благонадежность», а научные аргументы «тюрьмой, ссылкой и каторгой» говорить истину, «не считаясь с тем, понравится ли эта истина кому-нибудь или не понравится»,—целый подвиг, и Питирим Сорокин не боится его. Напротив, он, как можно видеть из этих слов, вполне

готов пострадать за «бескорыстный поиск истины» и не намерен «кривить душой». Так, проф. Сорокин выступает перед нами не только в виде реформатора, но и высокого подвижника науки, готового ради истины на крест (т. I, стр. X; т. II, стр. 8—9).

Объективизм проф. Сорокина позволяет ему, впрочем, решиться еще на один шаг, перед которым со времен Огюста Конта останавливалось так много ученых. Он окончательно упраздняет то различие между естественными и общественными науками, которое при современном положении социальных наук, казалось, было единственным выходом из положения. Социология должна «строиться по типу естественных наук», «ни о каком противоположении наук о природе и наук о духе не может быть и речи». Социология должна «исходить из фактов, итти к фактам и давать обобщения, основанные на тщательном анализе фактов», она изучает лишь явления, имеющие «внешнее бытие», допускающие «ощупывание» и «измерение». Проф. Сорокин поэтому имеет дело не с «мнимыми» единствами, но лишь с «реальными» и устанавливает в мире общественных явлений систематику по методу «естественному» (т. I, стр. IX, XI; т. II, стр. 16, 17, 331). Лишнее прибавлять, что столь положительный ученый является, с одной стороны, непримиримым врагом всякого «философствования», а с другой—и всякой «поэзии» в социологии (т. I. 339).

Так характеризует и себя и свой труд проф. Сорокин (он же Питирим Сорокин). И если бы нам не было свойственно некоторое критическое сомнение, то, пожалуй, мы на основании вышеприведенных строк наградили бы автора высоким признанием не только в качестве необычайно трудоспособного ученого, обладающего громадными познаниями и способностью обобщения («Система»), но и смелого реформатора, который, рискуя личной судьбою (неблагонадежность—тюрьма), тем не менее решил спасти науку, поставить ее на правильный путь и при помощи строго объективного метода дать ей завершение и точность естествознания. Сколь прекрасный образ и великая заслуга, ценные в особенности в наше время социальных переворотов, великих страстей и не менее великих упований. Но... мы извиняемся перед автором: мы должны сделать маленькую проверку его труда и заслуг. Впрочем, он сам великодушно дает нам к этому полную возможность. Он сам «не хочет сказать, что взгляды, развитые в его книге, «имеют гарантию истинности», он достаточно скромен для этого (т. II, стр. 8), а мы приступаем к проверке.

Начнем с пустяков, тем более обидных, что мы по-прежнему верим автору и в нашей проверке исходим из предположения высокой научной ценности его труда. И это как раз упрек в ненаучности терминологии, излишнего и слишком частого обращения к «поэзии» и ее приемам. Если бы автор не предъявлял к другим таких строгих требований на этот счет, пожалуй, и мы бы легче помирились с внесением поэтического элемента в его столь строго научное и позитивное изложение. Но проф. Сорокина мы в праве спросить, на каком основании он пользуется, например, словом «абонент» для обозначения члена или участника того или иного коллективного единства и пользуется не раз и не два в целях пояснения, а с большим постоянством на протяжении двух томов своей аналитики? И если с некоторой натяжкой допустим такой поэтический образ, как «абонент» ученого общества, то мы иначе себе не можем представить абонента пола, семьи, расы или государства. Нельзя ли немного поосторожнее с поэзией (ср., напр., т. II, стр. 32)?

Однако, наш позитивист и натуралист этим не ограничивается. Слишком часто вместо точных определений и теоретических положений он, увлекаемый Пегасом, рисует нам всевозможные картины. То перед нами поэтическое изображение города и городской жизни, причем «социальным эффектом» плотной населенности города оказывается «размножение», ибо без этого не могло бы быть и «тяги к городам» (т. I. 253). То общественная жизнь предстает перед нами в виде довольно банального образа «волнующегося океана» (т. I. 343). То выдвигается, правда, заключенная в

кавычки, «рельефная карта социального мира (т. II, 26), то линии «социальных возвышенностей» сменяются линиями «социальных рек и ущелий», а к «сходствам-вехам» притягиваются «человеческие опилки», как к магнитным центрам (т. II, стр. 78) и т. п. Такое пристрастие к поэтическим аналогиям и сравнениям может завести слишком далеко, тем более, что автор, пользуясь образами для сравнения из области естествознания, далеко не обнаруживает при этом ни достаточного поэтического дарования, ни эстетического вкуса. Поэзия может слишком далеко завести молодого ученого.

Гораздо важнее для нас, впрочем, проверка в другом отношении. И это— действительного отказа Питирима Сорокина от пользования нормативными построениями и суждениями в его книге. Спрашивается, сумел ли он на самом деле остаться в строгой области того, что есть, и отказаться от применения всяких моральных, идеальных и им подобных категорий должного? Увы, и на этот вопрос приходится ответить резко отрицательно. Напротив того, автор в самом живописном беспорядке перемешал суждения и оценки теоретические и нормативные—сущее и должное.

И в самом деле. К величайшему нашему изумлению мы встречаем и оценочные и нормативные суждения там, где менее всего мы ожидали их встретить. В отделе классификации сложных общественных групп, тех, которые проф. Сорокин именует «кумулятивными», а говоря по-русски сборными, мы вдруг находим подразделение на «нормальные» и «ненормальные». Можно было бы подумать, что мы здесь снова встречаемся с той «поэзией», которой так злоупотребляет наш ученый социолог. Но нет, и хотя в заглавии отдела эти слова употребляются в кавычках, но в тексте стоят без всяких опорачивающих их знаков. И действительно, далее поясняется и значение этого термина: дескать, одна группировка являлась наиболее часто, другая встречается сравнительно редко. Но разве Питириму Сорокину неизвестно, что взятые им термины обозначают нечто совсем другое, и называть «нормальным» то, что чаще встречается, значит наиболее часто встречаемый факт возводить в ранг «нормы», чего-то должного, обязательного и похвального? Разве не знает он, с другой стороны, что основная ошибка учителей XVIII века состояла как раз в таком возведении в ранг должного—факта природы, которая, как известно, не делает никакого различия в применении «естественных» законов как к «нормальному» и с этой точки зрения «естественному», так и наоборот (т. II, стр. 218 и след.).

При полном отрицании нормативных суждений со стороны проф. Сорокина не менее недоумений вызывает и употребление им термина «типичный» и «тип». Ибо это как раз тот пункт, на котором наш социолог расходится со слишком многими обществоведами. Ведь понятие «типа» есть опять-таки суждение оценочное и нормативное. Есть типы идеальные, есть типы средние. В основу и того и другого понятия положены определенные критерии и приемы нахождения. Ученый, который пользуется исключительно методом естествознания, должен хорошо знать, какую ответственность возлагает на него пользование столь неопределенным и субъективно установленным понятием. А здесь тем более дело идет о «типичном» для данного общества, причем общество понимается, как нечто единое для определенных стран и народов, т.-е. как то самое «единое» общество, которое и вызывает со стороны нашего автора резкое отрицание и охватывает собой громадные комплексы социологических явлений. И здесь наш реформатор, позволим себе употребить один из его поэтических терминов, сползает на рельсы столь поруганной им школы Риккерта и его многочисленных последователей (т. II, стр. 264 и след.).

Такое контрабандное обращение к оценочным суждениям, конечно, дело совершенно неизбежное. И в этом отношении куда выше проф. Сорокина стоят представители русской психологической школы, Лавров и Михайловский, которые задолго до Виндельбанта-Риккерта, Зиммеля и Джемса отметили, во-первых, все своеобразие социальнаго «факта» в отличие от естественного явления, а, во-вторых, насущную необходимость пользования оценочными критериями, раз мы

имеем дело не только с психологией, но и различнейшими «фактами» этической, религиозной, правовой жизни людей и т. п. Можно быть разного мнения о роли «субъективнаго метода в истории», но полное игнорирование оценочных суждений при построении «факта» социальной жизни, при классификации подобных фактов и нахождении «закона» развития в среде общественных отношений есть или безмерное легкомыслие, или намеренное оригинальничанье, которое заставляет дорого за себя платиться. К сожалению, нельзя не видеть здесь печального влияния на молодого ученого его учителя, проф. Петражицкого, который умел возместить редкой талантливостью свою полную наивность в вопросах методологии, но передал своим ученикам незыблемую веру в построение пресловутых «классовых» суждений.

И проф. Сорокин с редким блеском обнаружил полную непригодность воспринятых им методов к социальному исследованию. Стоит только заглянуть в смехотворные и фантастические «классификации», которые он предлагает в своей системе, чтобы окончательно убедиться в этом. Вот перед нами следующее сочетание: температура, свет, вода, рельеф и очертание земной поверхности, климат, плодородие почвы, ее богатство золотом и другими «ценными» продуктами, наличность рыбы в реке и зверя в лесу. Спрашивается, что это такое? Почему здесь в одной куче и золото, и чернозем, и свет, и рыба? Оказывается, это все «космические условия», которые «механически» притягивают людей в определенные места, сталкивают их друг с другом, заставляют их помимо воли и цели последних, взаимодействовать и образовывать то временные, то длительные коллективные единства (т. I, стр. 250—258). Прибавлять что-нибудь к «космической» рыбе, которая «помимо воли и цели человека» «механически» притягивает его к себе, конечно, нечего. Поменьше бы такой «философии».

Среди факторов «биологических» отметим специально «потребность питания», которая приводит воистину к блистательным результатам. Но послушаем самого автора, как он со свойственной ему «поэтической» живкой живописует действие указанного фактора, который опять-таки «механически», без всякой цели и намерения сталкивает людей друг с другом». Рестораны, столовые, кафе, трактиры, чайные, продовольственные лавки, рынки и т. д. служат местами, куда каждый день стекаются человеческие единицы, входят друг с другом в общение, знакомятся, встречаются и часто образуют длительные союзы дружбы, товарищества, любви и т. д. Сколько «коллективных единств» зародилось на почве случайной встречи за завтраком или обедом. Как много людей, входящих в ресторан незнакомыми, выходило оттуда друзьями, товарищами, супругами, любовниками или обратно—смертельными врагами... Сколько общественных дел зародилось на почве случайного общения за столиком кафе или ресторана. Сколько знакомств возникало и возникает ежедневно на рынке, в столовой, в продовольственном хвосте и т. п.» (т. I, стр. 260). Прелестная лирика! Но, спрашивается, каким путем «рыба», которая выступала в реке в качестве фактора «космического», теперь появилась в ресторане в виде фактора «биологического». Откуда подобное превращение? Не проще ли было сказать, что влекомый голодом человек и притом с твердым намерением поесть, направляется и к реке половить рыбку и в ресторан закусить оной? Но тогда к ужасу проф. Сорокина появится вредный монизм в объяснении общественной жизни, и ничего не останется от пресловутого плюрализма. Для того, чтобы избежать этого, рыба делится на две независимые части, и одна объявляется фактором «космическим», а другая—«биологическим».

При таком стремлении к плюрализму во что бы то ни стало не удивит нас выкраивание и из одного процесса размножения целых трех факторов,—полового, супружескаго и родительского,—которые торжественно и зачисляются в разряд «биологических» с полным пренебрежением к зловредной экономической стороне дела, которая и здесь может опять подвести под «монизм». Но зато мы знаем, что когда статистика показывает нам громадное количество браков в зрелом возрасте, заключаемых в рамках определенной имущественной

группы и сопровождаемых одно или двухдетной системой, то здесь действуют «чисто биологические условия—опять-таки без всякого целеполагания и воли», которые совершенно независимо от людей вженивают «приличного молодого человека» с известным капитальцем в колбасное заведение и награждают затем счастливое супружество не больше и не меньше, как двумя наследниками, способными с успехом продолжить отцовское дело. Превосходная биология бухгалтерской книги и брачной конторы (т. I, стр. 265)!

К сожалению, по недостатку места мы не можем привести здесь же другие поэтические опыты нашего социолога. И поэтому желающих насладиться картинами действия «социально-психического» фактора, мы непосредственно отсылаем к странице хотя бы 272 первого тома, где опять-таки с необычайным пафосом изображено, как в добром капиталистическом обществе «потребность повеселиться гонит одних в притон, других—к «теплой компании» собутыльников и сокартежников, третьих—на жур-фиксы и вечера, четвертых—в интимный кружок друзей». Нас здесь интересует только одно: та космически-биологическая рыба, с которою мы познакомились уже выше. Нельзя ли встретиться с ней в области социально-психической, где, наконец, Питирим Сорокин допускает возможность сознательного взаимодействия? И что же? Наши ожидания сбываются. Оказывается, что именно в порядке социально-психологическом мы отправляемся в лавку, ибо именно «потребность в ряде вещей гонит нас в магазин», и покупаем необходимую для нас рыбу. Впрочем, быть может, мы ошибаемся, и мы покупаем панталоны под влиянием «социально-психического фактора» (портной специально оговорен автором), а рыба, хоть и сознательно, хоть и в магазине но все же приобретается под влиянием фактора «космо-биологического». Не разъяснит ли нам это ученый профессор?

Но пойдем далее. После того, как индивиды механически стянуты разными факторами в известные «коллективные единства» или «реальные совокупности»; над ними Питирим Сорокин проделывает новую операцию. Теперь он устанавливает важнейшие социальные группировки по принципу их «социального могущества». Последнее же определяется количеством «членов» группы, степенью распространенности, степенью солидарности, степенью организованности и совершенства технического аппарата (т. II, стр. 47). С другой же стороны, такие группы могут быть или связанными одним каким-либо сходством группы—элементарные, или несколькими—кумулятивные, или, наконец, многими — сложные (т. II, стр. 58—61). В результате мы получаем «важнейшие» и вместе «элементарные», «кумулятивные» и «сложные» группы, которые затем и дают нашему автору его учение о социальной химии в отличие от существовавшей до него алхимии.

Однако, уже ознакомление «с элементарными» группами дает нам понять, что наш социолог не только не исправил своей поэтической манеры действий, но еще более усугубил ее. Само сопоставление групп—мы не решаемся употребить слова «классификация»—доставит много наслаждения любителю необузданной фантастики и загадочных курьезов. Впрочем, и сам автор здесь довольно откровенно освобождает свое могучее воображение от стеснительных пут формальной логики и не без цинизма издевается над «логическими» классификациями элементарных групп, которые, исходя ли «из принципа потребностей», или из какого-нибудь другого «принципа», могут выглядеть очень «причесанными» и «приглаженными», но с точки зрения соответствия фактам будут «неизбежно» (вот удивительно!) негодными (т. II, стр. 78). Итак, долой логику и да здравствуют факты...

Уже установление «расы», как начала, стягивающего людей в «реальное целое», да еще среди современного культурного человечества, дает проф. Сорокину возможность блеснуть целой коллекцией скверных анекдотов. Тут и неизменяемость еврейского расового типа, а, по утверждению проф. Сорокина, «психика связана с физикой», и «раз люди различны физически», то «они будут различно чувствовать, оценивать, мыслить, действовать», тут и линчевание негров в

Соединенных Штатах Америки, ибо вообще «ассимилирующая сила С.-А. С. Штатов... оказывается бессильной по отношению к черным, желтым и краснокожим обитателям заатлантической республики». Не забывает помянуть талантливый рассказчик и «желтую опасность» в духе славного Вильгельма, и трагедию черной австралийки, родившей белого ребенка и т. п. А поскольку нехватает современности, то без малейшего стеснения почерпает Питирим Сорокин свои «факты» из древней Индии или весьма мало культурной Полинезии. Конечно, наш автор допускает мысль, что в основе расового антагонизма лежат и экономические причины. «Очень может быть», говорит он, но менее всего пробует исследовать их с этой стороны. Это для него не важно (т. II, стр. 88—104).

За расами следует столь же распространенная, солидарная, организованная и обладающая еще лучшим техническим аппаратом группа «половая», при чем разные союзы феминистского движения выступают не более и не менее, как в виде «одной из основных группировок населения» (?); за половой следует под флагом многочисленности, солидарности и организации группа возрастная, где в качестве коллективного единства, обладающего социальным могуществом, является и коллектив «детей школьного возраста» и «пьяная компания собутыльников» и даже «заседание парламента» (?). За ними выступает семья и государство, при чем оба союза одинаково зачисляются в разряд «элементарных». Затем в живописном беспорядке движутся группы: «языковая», «профессиональная», «имущественная», «объемно-правовая», «территориальная» и т. д. в той же системе, или, вернее, без всякой системы. И по поводу каждой такой группы, которая неведомо почему выскакивает рядом с другой, проф. Сорокин не исследует и не доказывает, а прямо говорит, что ему придет в голову, так что иногда задаешь себе вопрос: «Да, полно, уж не страдает ли молодой ученый нервным расстройством, и можно ли делать его ответственным за ту нелепость, которую он изложил в пресловутой системе» (т. II, стр. 104—236)?

Но нет, Питирим Сорокин здоров. Больна только его метода. Из панического страха перед экономизмом, историческим материализмом, а еще пуще марксистским монизмом, готов он вывести любых героев на сцену общественности—«Рыцаря-Государство» и «Рыцаря-Партию» (т. II, стр. 212), готов перепутать что угодно и как угодно, лишь бы не получилось последовательной зависимости и связи между отдельными сферами жизни, лишь бы спасти «индивида» в качестве единой основной клетки, которая затем и перекатывается от пола к религии, от языка к возрасту, от территории к идеологии и т. п. в произвольнейшей комбинации. И над всеми этими коллективными «целыми», «единствами» и т. п. в виде метафизической силы парит какое-то непостижимое и необъяснимое «химическое избирательное сродство», которое, то следуя какой-то предустановленной норме, дает «нормальное» сочетание в «касту», национальность, «общественный класс», то кумулирует эти группы в «ненормальные» кумуляции и т. д. Вместо выявления общественной жизни—полное ее затемнение, вместо «естествознания»—самая подлинная метафизика (т. II, стр. 237 и след.).

И вполне в уровень этой метафизике чудесная философия насчет судьбы рода человеческого и его горькой участи. Как оказывается, в результате всяческого плюрализма, где социальное сродство тщательно вытравило экономику, мир осужден на печальнейшие перспективы. «Вся история человечества есть сплошное дрессирование людей и приучение их к упорядоченной совместной жизни» (т. I, стр. 341). Но совершается это «дрессирование» весьма жестокими средствами. Таким общественным воспитанием на основе социального сродства занимаются «управляющие и эксплоатирующие», которые управляемых, из века в век, «водят за нос», все они эксплоатируют управляемых, все они их объегоривают, но одни больше, другие меньше. Одни управляют преимущественно путем насилия, другие—путем хитрости и обманов. Методы одни и те же, но пропорции их разные» (т. II, стр. 181).

Революции в этом «химическом» процессе не меняют ничего. «Трагедия человеческой истории в том и состоит, что длительно-сосуществующие люди организуются, организуясь, они выделяют слой правящих; это выделение их означает появление расслоения на правящих и подвластных; его следствием служит захват ряда привилегий первыми и их сторонниками и обделение, эксплоатация вторых». Этот захват выносит «господ по природе» наверх, которые и садятся на шею и начинают «водить за нос» «рабов по природе», т.-е. люди, способные к власти и командованию, захватывают власть над людьми, с особыми только к подчинению. Так устанавливается социальное «равновесие». Но отвердение власти и порядка нарушает это равновесие; так, повторение создает привычку, а последняя приводит к отверждению юридического института. Подобным путем создаются препятствия к дальнейшему сползанию вниз неспособных, а способные к власти остаются внизу. В результате—взрыв, и способные опять лезут наверх, а неспособных сбрасывают вниз, пока не начинается опять все снова. История поэтому есть не что иное, как вечная сказка «про белаго бычка» или «попа и его собаку» (т. I, стр. 3.0; т. II, стр. 1 1, 1 3, 2", 2', 439).

Вот так результат применения строгого метода естественных наук! Вот так отказ нашего социолога от оценочных и нормативных суждений! Вывод получился не только самого великолепного оценочного фасона, но притом и во вкусе старой реакционной идеологии, которая нам хорошо известна еще с платоновских времен. Теория круговращения, плачевный вывод отжившей метафизики—таков конец, к которому пришел наш Питирим Сорокин во всеоружии своей профессорской системы. И в виде жестокого наказания самому себе заменил он весь свой плюрализм таким «монизмом», который воистину хуже всякого другого: нормативный монизм царящей над миром плети и железной пяты. Понятно после этого и отношение нашего в высшей степени «объективного» автора к Советской власти, которую он чуть ли не на каждой странице старается исчерпать своей немудреной формулой и изобразить в качестве нового подтверждения своей теории насилия и обмана (т. I, стр. IX, XIV, 97, 1б6, 191 1 2 304; т. II, стр. 8, 132, 137, 1 2, 59, 168, 192, 200, 210, 389, 405, 417, 418, 434, 435).

Однако, не так страшен и проч... И проф. Сорокин все же, несмотря на свое чрезвычайно мрачное мировоззрение, открывает нам уголочек если и не рая, то во всяком случае милого и уютного приюта. Это—Соединенные Штаты Америки, где царит добрая буржуазная демократия, и, по наивной вере нашего социолога, «перемена позиций индивида в социальном пространстве имеет более интенсивный характер, люди более разносторонни, корпоративная психика менее развита, взаимной терпимости и понимания больше» (т. II, стр. 454—455). Пожелаем же нашему позитивисту более позитивно взглянуть и на прекрасную страну «Железной пяты», как ее называет Дж. Лондон.

М. Рейснер.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

В. А. НЕВСКИЙ. Культура повседневной жизни. Изд. костромского отделения Госиздат. Кострома 1921 г. 100 стр. Ц. 200 руб.

Бывает, что в нашей литературе разом появляются плодовитые литературные силы. Чаще всего это случается в провинции. И выходит иногда так, что центральное ведомство Госиздата открывает эти силы лишь после того, как они выпустят с полдюжины, если не с десяток брошюр, книжек и книг. Места не спешат делиться с центром своими приобретениями и достижениями. И, как уверяют некоторые, то хорошо, что они так действуют: центр способен только все мертвить и убивать.

Наибольшее внимание новые силы посвящают новым потребностям нашей по-

вой школы. Здесь беспредельная нужда в творчестве. В области коммунистической литературы простор суживается благодаря тому, что коммунистическая литература и марксистская литература — понятия тожественные. Приступая к исследованию совершенно новой области, автор все же должен «только» применять метод Маркса к новым группам явлений.

Напротив, педагогии для творчества — почти безграничный простор. Недаром тов. Невский во главе новых секций, которые он предлагает организовать при всех отделах народного образования, хотел бы поставить людей, которых он характеризует, как *«больших фантазеров* и больших практиков в одно и то же время» (стр. 95 разбираемой книжки). И недаром один из его основных рецептов таков: *«бить на впечатление»* (курсив автора книги) внезапными и экстравагантными мероприятиями» (97). К несчастью, наша злополучная школа все еще не выбилась из такой полосы, когда и пустые фантазии, и действительные, и мнимые экстравагантности, и даже скучное пережевывание старой жвачки, — все это может сойти за истинную педагогию.

И вот, нет-нет, да и появится на литературном горизонте сила, которая вдруг начинает сыпать учебниками и учебными руководствами, печатными курсами лекций об экскурсиях, детском и внешкольном воспитании, социальной гигиене и о многом другом, без чего, говорят, никак невозможно построить новую школу. Случаем прочитаешь этакий учебник или педагогическое руководство, и тоскливо сделается на душе, и жуть охватит за юное поколение.

Тов. В. А. Невский — один из новейших авторов по педагогическим вопросам. Прежде всего я попросил бы читателей не смешивать его с тов. В. И. Невским, работником Свердловского университета, членом агитпропотдела Госиздата, бывшим наркомом путей сообщения и т. д.

Тов. В. А. Невский — работник Наркомпроса, для своей издательской деятельности он почему-то облюбовал Кострому, которая за несколько месяцев выпустила целую пачку его педагогических трудов и, кажется, грозит продолжить канонаду до бесконечности.

Познакомившись с «культурой» тов. Невского, я убедился, что в свете нет ничего легче литературной работы. Тут у нас Ц. К. Р. К. П. заказывает руководства отдельным авторам, а они вместо того, чтобы намахать их в пару недель, что-то читают без конца, обдумывают, колеблются прежде, чем сесть за работу, десять раз принимаются за нее, отбрасывают, опять начинают обдумывать... Чего бы проще? Заказать все учебники тов. Невскому, и через полгода задача была бы разрешена.

В «Культуре повседневной жизни» все есть: и о наших жилищах, и о домашнем воспитании детей, и о наших болезнях, и о наших городах, и о гигиене труда, и о многом, многом другом.

Некритически понадергав несколько цитат из историков русского искусства, тов. Невский приходит к тому выводу, что было бы правильнее говорить не о «демократизации искусства», а *«только о возврате народу украденных у него благ»* (курсив автора книги), только «о реставрации художественных вкусов широких народных масс докапиталистической эпохи» (16—17, то же на стр. 22—23).

Спохватившись, что идиллическое изображение быта «древне-русского народа» даст его писателям какой-то уж очень не марксистский привкус, автор спешит оправдаться от упреков в «славянофильстве». Можем успокоить его: бестолковщина — не славянофильство.

Все главы построены по одному методу: несколько цифр из энциклопедий и справочных пособий, некоторые данные о болезнях, алкоголизме, жилищной нужде, росте городов на Западе и у нас, сведения о мерах борьбы на Западе и у нас, некритически преувеличенная оценка того, что сделано и достигнуто на Западе, некритическое отношение к нашему теперешнему положению, и в конце концов чрезвычайно свежий вывод: надо просвещать насчет важности хороших жилищ, предохранительных мер от болезней, необходимы просторные и светлые помещения для типографий, надо бороться с пылью в текстильном производстве и т. д. «Лошади кушают сено. Волга течет в Каспийское море». И все это украшается списками книг, использованных и не использованных

автором, или не укладывающихся в его благонамеренные и либеральные построения. Например, ссылка на «Жилищный вопрос» Энгельса — прямое недоразумение в соответствующей главе тов. Невского.

Большинство глав, в особенности о домашнем воспитании детей и о гигиене труда, составлено по известному способу рассказчиков: «А вот еще был со мной такой случай». «А вот еще» вредно пеленать детей. «А вот еще» вредно их укачивать. «А вот еще» рис следует в известных случаях предпочесть манной крупе. «А вот еще» у женщин распространены бели, которые могут вызвать гнойное воспаление глаз у новорожденных (34—36).

Для кого и для чего нужны эти обрывки и клочки, понадерганные отовсюду? Должно быть, в новой школе все пригодится. То же и для «внешкольников».

По временам автор положительно великолепен,—подымается на самые вершины курьезного. Я полагаю, что читатель не посетует на меня за несколько длинных цитат:

«Вообще невежество, нечистоплотность и некоторые предрассудки являются моментами, крайне благоприятствующими развитию венерических болезней. Например, такая простая мера, как удаление крайней плоти посредством обрезания, практикуемое евреями и многими вне-еврейскими народами, по обследованию д-ра Брейтенштейна, устраняя радикальным образом нечистоплотность мужского члена, в пять раз понижает возможность заражения сифилисом, по сравнению с необрезанными».

И вот тут-то, среди нашего поголовного невежества и безграмотства, перед тов. Невским опять открывается громадное поле для просветительной деятельности внешкольников. «А попытайтесь-ка, — с сокрушением вздыхает автор,—провести такую меру среди наших городских обывателей и невежественного крестьянства? Какую колоссальную просветительную работу нужно проделать тут, чтобы добиться удовлетворительных результатов» (51—2).

А строкой ниже тов. Невский обращает внимание на то важное значение в борьбе с венерическими болезнями, какое имеет «употребление предохранительных мер против заражения при внебрачных половых сношениях (напр., того же кондома)». Но здесь он наталкивается на «лживую мещанскую мораль», на «подлую христианско-обывательскую этику».

Тов. Невский не хочет никакого разделения труда. Его внешкольник должен быть и художником, и акушером, и гигиенистом, и т. д., без конца. И, пожалуй, не повредило бы ему, если бы он был хорошим кулачным бойцом. По крайней мере тов. Невский пишет: «Любовь древне-русского народа к играм отмечают все наши летописи и все путешественники, посетившие древнюю Русь. Физические состязания (напр., кулачные бои) пользовались также большим вниманием народа в прежнее время. В XIX веке народные игры все более и более исчезают из обихода. И «Всевобучу» долго не заменить их огромного санитарно-гигиенического значения своим курсом допризывной военной подготовки, не говоря уже о том, что из народной жизни бесследно исчез тот элемент красоты, которым столь богаты народные игры. Совершенно так же, как мы говорим о возрождении народного искусства, быта, нужно энергично звать к возрождению старых народных игр, как лучшего средства физического воспитания широких слоев населения» (60—1).

Везде и повсюду: назад, к до-петровскому быту. И при всем том тов. Невский считает себя марксистом. Злополучная же наша школа! И печальны же судьбы нашего внешкольного образования, если такие книжки не только пишутся для собственного употребления, но и печатаются в назидание внешкольным работникам!

Так как тов. Невский полагает, что внешкольному работнику следует быть «большим фантазером», то, думается мне, если не попридержать его рук, он может сделаться общественно-опасным человеком, способным среди ночи ударить в набат,—с прямой целью так ошеломить обывателей, чтобы они долго от этого не опамятовались. Судите сами: «Помимо «дней» и «недель», конкурсов и торжественных открытий показательных учре-

ждений, к которым готовится весь город или все селение, рекомендуется *бить на впечатление* внезапными и экстраординарными мероприятиями: подготовить в тиши уличную демонстрацию в старинных костюмах различных национальностей России, разбудить ночью колокольным звоном на митинг, освещенный разноцветными факелами и фонарями; поразить воображение фантастическими символистическими фигурами; организовать уличный бой с чучелами, изображающими различные болезни; произвести принудительную очистку десяти частных домов, организовать похороны со всеми причитателями и обрядами старой русской деревни; поставить кордон санитарного просвещения поперек одной из улиц, который проэкзаменует всех прохожих в знании ими элементарных правил гигиены и т. д. (стр. 97).

Щедринским администраторам не оставалось бы ничего иного, как пойти в науку к тов. Невскому: и Кузьма Прутков не написал бы ни одной строки после книжки тов. Невского.

Нет, провинциальным отделениям не следует печатать такую литературу.

И. Степанов.

Ганзберг. «Творческая работа в школе». Перев. с нем. М. Левитиной. 2-е, значит. дополненное изд. Вступит. статья С. Левитина. Гос. Изд-во. 1920 г.

Вступительная к книге заметка «Пионеры свободного воспитания» датируется 1910 г., т.-е., очевидно, перепечатывается с 1-го издания. Если же принять во внимание,—на что неоднократно указывалось,—что за последние годы мы живем так интенсивно, двигаемся вперед так быстро, что проживаем в год минимум десять лет, то выпущенная Гос. Издат. книга являет собою пример издания, выходящего с предисловием, написанным сто лет назад, без пары строчек, поясняющих, чем вызывается ее переиздание в наше время.

Я не хочу сказать, чтобы книга Ганзберга была совсем не стоющей. Перевод книги вполне литературный и хороший. Познакомить с революционным движением в немецкой педагогике, во многом совпадающем с нашим, с борьбой против невероятной рутины немецкой официальной школы, следует. Но не надо забывать, что мы сами сделали с октябрьской революцией большой шаг вперед по пути к свободной школе и творческой работе в ней, и исканья немцев являются в значительной степени для нас открытием Америки.

В книге Ганзберга веет живой дух, это несомненно. Автор горячо любит свое дело и искренне ищет. Это огромное достоинство. Но нельзя из-за одного этого перепечатывать все искания немецкого учителя,—«плод десятилетий работы для реформы школы», как указывается [в предисловии автора. Год немецкого издания не указан, но во всяком случае, принимая во внимание вышеуказанное соображение, первая из статей (книга является сборником газетных статей) отстоит от нас на двенадцать лет. Много мыслей правильных, которые не мешает повторить, например, что «школа должна быть маленьким обществом». Над некоторыми методами и подходами,—например, о ведении детских сочинений—стоит призадуматься. Некоторые статьи, например, «Дыхание вечности» являются интересной поэтической попыткой дать ребенку понятие о вечности, заставить его вдумчивее отнестись к окружающему. Но нельзя из-за этого издавать книгу в 10 листов. Вообще нам пора перестать рабски переводить все, выходящее в Европе. В качестве материала в виде пары, другой статей для педагогического журнала,—вот как следовало бы использовать эту книгу. Статью вроде «Дыхание вечности» опытный редактор мог бы поместить почти целиком, чтобы оживить слишком сухой материал номера, — вот и все. В наше время скудости бумаги и буквального голода на самые необходимые книги недопустимо издание длинных переводных сборников, даже и вполне современных. А Гос. Изд. еще утешает нас, что 2-е после 1910 года издание является «значительно дополненным». Чем оно дополнено — не указывается, так что остается лишь надеяться, что не статьями о преподавании закона божьего и религии, которые занимают больше листа (с 72 по 90 стр.).

Зачем в сов. России, отменившей преподавание закона божьего и религии, на эти вопросы истрачен печатный лист бумаги и труда, — пусть нам объяснит это Гос. Издат.

А. Елизарова.

Г. Н. СОРОХТИН. Спутник руководителя по зоологическим водным экскурсиям, под редакц. старшего зоолога российской академии наук Г. Г. Якобсона. Гос. Издат. Петербург 1920 г. 128 стр.

Книжка Сорохтина, выпущенная Государственным Издательством среди других, предлагаемых порою книг по пресноводным экскурсиям, выделяется не особенно выгодно. Неясно, для кого предназначается этот «Спутник руководителя», для учителя школы 1 или 2 ступени, но он, по нашему мнению, мало удовлетворит и того и другого.

Для учителя школы 1-й ступени книга слишком схематична, слишком рассчитана на знание терминов и, пожалуй, требует естественно-научной подготовки. Напр., говоря о личинках мшанок, автор сравнивает их с трохофорой, не поясняя, что это такое.

Не больше книга удовлетворит естественника-учителя 2-й ступени, но уже с другой стороны. Для него она слишком мало дает нового; мало материала из жизни природы. Сухое изложение фактов, которые можно найти в любом учебнике. Книга состоит собственно из двух частей: методической и специальной. Вводная методическая статья грешит недоговоренностью. С одной стороны, автор как будто считает исследовательские экскурсии наиболее приемлемыми, с другой стороны, не разъясняет, что он под этими экскурсиями понимает, и это очень чувствуется при дальнейшем чтении.

Главы «До пруда» и «У воды» подтверждают это неясное понимание автором сути исследовательских экскурсий.

То колоссальное количество материала, какое дается в примерной экскурсии, показывает, что автор боится, чтобы ни один час не прошел в бесследном шагании к «заветному пруду». Он стремится показать, по возможности, больше.

Является вопрос, мыслимо ли при таком темпе экскурсии и таком количестве материала проведение последовательного метода?

Эта же перегруженность материала чувствуется и в главе «Лаборатория»: Все надо успеть и препарировать, и наблюдать, и еще остается масса материала для музея.

Далее, общим недостатком является игнорирование автором сезонного элемента в природе, так как пресноводные экскурсии в разное время года могут быть весьма разнообразны.

Специальная часть (биология воды) занимает бо́льшую часть книги и представляет краткое описание животных пресных вод в систематическом порядке. Это справочная часть книги. Но пользоваться этим справочником учителю будет крайне трудно.

Отсутствуют совершенно определительные таблички, хотя бы такие маленькие, как приведены в книжке Ульмера — «Пресноводные знакомые».

Многочисленные и, кстати сказать, хорошо исполненные рисунки могли бы оказать большую помощь книге, но, к сожалению, они не всегда удачно подобраны. Напр., не дано рисунка бадяги, гидры, колонии мшанок. С другой стороны, есть рисунки, мало дающие руководителю экскурсий. Таковы рисунки статобластов, трохофор,—рисунки, пожалуй, лишние.

Рядом с рис. прудовика нет рисунков катушки и лужайки, что очень помогло бы руководителю разобраться в пресноводных улитках и т. д., и т. д.

Необходимо отметить также некоторые промахи частного характера, к сожалению, просмотренные редактором (Г. Г. Якобсоном):

1) Поскольку известно, беззубка обычно выпускает глохидий не весной, а осенью (см. стр. 58).

2) Личинки стрекоз лишь некоторые живут так долго, как указывает автор (3—4 года), большинство же проходит жизненный цикл в один год.

3) Фраза на стр. 74 — вышедшая стрекозка несколько часов сидит под теплыми лучами солнца» — может только сыграть отрицательную роль, оттолкнув учителя от наблюдений над превраще-

нием стрекозы на экскурсии. Этот процесс обычно проходит в хороший день от 1 до 2-х часов и представляется нам одним из наиболее ценных наблюдений на экскурсии.

4) Главы о земноводных слишком кратки и далеко не исчерпывают богатой темы.

В общем книгой на худой конец, принимая во внимание отсутствие книг и в общем все-та и серьезный, деловой тон автора, сможет пользоваться руководитель, несколько разбирающийся в зоологии и имеющий уже некоторый экскурсионный опыт.

Издана книга достаточно тщательно и хорошо, на хорошей бумаге и с удачно сделанными рисунками, отчего она очень выигрывает во внешности.

Влад. Натали.

МУЗЫКА В ШКОЛЕ. Материалы по общему музыкальному образованию в школе. Госиздат. М. 1921 г. 53 стр.

Работа по художественному воспитанию в дошкольном возрасте и единой трудовой школе имеет в общей системе социального воспитания столь существенное значение, что выход в свет книги, касающейся музыкального воспитания, написанной просто и рассчитанной на читателя из широких педагогических кругов, следует всячески приветствовать. Тем более, что теоретические положения книги, сочетающиеся с практическим материалом, стоят на уровне передовой иностранной и русской педагогики.

Появление таких книг имеет тем большее значение, что от правильной постановки художественного воспитания зависит успех и профессионального художественного образования. Твердо установленное отличие задач, преследуемых художественным воспитанием—с одной стороны, и профессиональным художественным образованием—с другой, положило бы предел тому глубочайшему смешению методов, которое наблюдается и губительно сказывается на развитии указанных видов народного просвещения республики. Важно и то, что вне особенностей, зависящих от психологии и физиологии возраста, методы художественного воспитания, о которых говорится в книге, распространяются и на внешкольную работу, захватывая широкие трудовые массы молодежи и взрослых, вовлеченные революцией в созидание новой художественной культуры.

В книге помещены статьи Н. Брюсовой, А. Шеншина, М. Койранской. Статья Брюсовой «Музыка в школе», написанная сочным языком и с подъемом, касается роли музыки в раскрепощенной школе и детской жизни вообще.

«Принципам и методам общемузыкального образования» посвящены статьи А. Шеншина. Методы музыкальной педагогики,—указывает Шеншин,—остались прежние: «На первом, если не единственном плане—техническая выучка». В сущности, нужно сделать, наконец, преподавание музыки педагогическим. Совершенно прав автор статьи, указывая, что принципы наглядности, самодеятельности и жизненности—основы всякой педагогики. Отсюда ряд методических положений—живое воздействие художественно ценных произведений искусства, а не специально-учебных; отрицание догматического обучения и т. п. Справедливо требование т. Шеншина, чтобы и музыкально-эстетические переживания не оставались изолированными, а связывались со всей духовной и физической жизнью человека, для этого необходимо вводить в обучение музыки движение и другие виды искусства, музыку же вводить и в трудовые процессы, в игры, в научные занятия. Мне кажется, что этот правильный принцип не проведен, однако, в программах, которые приводятся в книге. По преимуществу программы эти базируются на психологии ребенка, как бы «самого по себе»; не принимается в достаточной степени во внимание ребенок, как личность социальная, как подрастающий член трудового коллектива, стремящегося воспитать своих молодых сочленов в духе и принципах *трудовой* школы. Методика правильна, но материал для применения ее на практике пока не проверен и, видимо, не найдены еще твердые связи музыкального воспитания с социальным воспитанием в целом.

В высшей степени целесообразно формальное расчленение творческого вос-

приятия и самого творчества (не профессионального, еще не создающего произведения искусства), и то, что в первом случае необходимо знание основных формальных элементов данного вида искусства, а во втором—ознакомление с ними с более позднего возраста, дабы никакой канон не убил самодеятельной творческой стихии, какая заложена в ребенке.

Если отбросить неудачную терминологию (вместо термина «общее музыкальное образование» следует ввести—«музыкальное воспитание»), положения статьи правильны и изложены просто. Между тем термины имеют бо́льшую власть над самой жизненностью наших мнений, чем это может показаться на первый взгляд. Это обнаруживается и у Шеншина, он протестует, напр., против того, что «техника отожествляется с искусством». Между тем «техника» (греч. Τεχνη) это «умение, мастерство, ремесло», а термин «искусство» (по-гречески Τεχνη) во всех почти языках, по самому смыслу своего происхождения, также обозначают—«умение, мастерство, ремесло» (ars, arte, Kunst и т. п.).

Интересна статья «Из опыта школьных занятий по слушанию музыки» М. Койранской. В ней намечен правильный путь последовательного овладения музыкой—от более конкретных видов ее к отвлеченным — «чистой» музыке, от вокальной, связанной со словом, через оперную музыку (слова с действием) к инструментальной. Соответственно этому, в зависимости от существенности «литературного» элемента в музыке, от руководителя требуется, следовательно, культурно-историческое освещение музыкальных произведений, что связывает слушание музыки с общей научной работой школы.

Анализ музыкальных произведений и ознакомление с формальными их признаками, чему посвящена значительная часть статьи А. Койранской, интересует нас с точки зрения методической. Сам же выбор пьес—дело педагогического такта и уменья руководителей.

Весьма важным материалом являются «Программы и планы», находящиеся в связи с теоретическими положениями, развитыми в статьях. Позволительно одно общее замечание. Слушание музыки справедливо считается одним из основных элементов музыкального воспитания. В связи с этим понятно, что для более раннего возраста преимущество дается песням о природе, но существенным упущением является то, что в программу слушания музыки для подростков (2-я ступень) не включены песни трудовые, рабочие (как «Дубинушка») и революционные (как «Марсельеза», «Карманьола»), что в некоторых из приведенных музыкальных пьес, как «Сказка о золотом петушке» не обращено внимания на сатирический и социальный элемент. В этом отношении материал подобран односторонне. Нет «Бориса Годунова», «Хованщины», «Князя Игоря».

М. Эйхенгольц.

Родной язык в школе І-й ступени. Государственное Издательство. Москва 1921 г. 48 стр.

Небольшая брошюра в сжатой форме, но очень полно ставит вопрос о роли и задачах преподавания родного языка в школе. Ряд статей теоретического и практического характера устанавливают, что задачи преподавания родного языка не заключаются только в том, чтобы обучить читать и писать. Задача гораздо шире и глубже: необходимо научить владеть самым языком, через язык воспринимать возможно полнее все впечатления внешнего мира.

Такой подход требует от преподавателя не только знакомства с тем или иным методом обучения грамоте, чтению и письму, но чрезвычайно глубокой и разнообразной подготовки. Положения, выставленные в брошюре, не новы: в работе видных русских педагогов—Алферова, Шереметьевского, Флерова и других—давно поставлены вопросы об исключительной психологической и педагогической роли родного языка в деле воспитания ребенка. Но в настоящей брошюре все связанные с этим вопросы объединены, ясно формулированы. Поэтому брошюра очень ценна. Ее ценность повышается приложением списка пособий как для учителя, так и для детей по всем рассматриваемым вопросам.

Единственный недостаток, который довольно резко бросается в глаза,—большая сухость изложения, сжатость, которая делает брошюру трудной для тех из педагогов, для которых изложенные в ней мысли являются новостью. А таких—увы!—пока у нас много.

Вад. Смушков.

Современный детский сад. Составили Я. Морозова, Е. Тихеева и доктор Л. Чулицкая-Тихеева. Государственное Издательство. Петербург. 1920 г. 208 стр.

Литература по дошкольному воспитанию у нас крайне бедна: кроме переводных работ можно назвать две—три содержательных книги, не больше. А между тем задачи социального воспитания у нас сейчас поставлены так широко, как нигде и никогда они не ставились. Детские сады, это были учреждения для детей городской средней буржуазии, где они получали воспитание, соответствующее идеалам своей среды. Детские сады в советской России—питомники, в которых воспитывается новое поколение. Больше чем когда бы то ни было, современная семья обывателя и малосознательного рабочего растлевает ребенка, внушает ему неприязнь не только ко всему, что строится вокруг, но и к самому саду, в который ребенок ходит. И работа руководителей сада становится необычайно сложной и многогранной.

Рассматриваемая книга составлена группой лиц, известных своим опытом в деле воспитания детей. Она разбивается на три больших отдела: 1) статьи, 2) официальный и справочный материал и 3) указатель литературы. Статьи написаны сжато, конспективно, но уделяют внимание всем вопросам, по которым у руководителей должно быть твердое и определенное мнение, каждое положение ярко выражено и исчерпывающе точно.

Но, странное явление! Мы прочитываем весь отдел, и к концу невольно возникает вопрос: про какие сады здесь написано про старые или про новые? Ясно, что про старые: ни в одной статье ни звука нет о задачах социального воспитания в пролетарском государстве, нет ни звука о роли сада в революционном строительстве России, нет, наконец, ни звука о современных сложных условиях жизни, о влиянии семьи на психику современного ребенка и т. д.

Вторая часть дает интересный справочный материал, сроки изоляции, таблицу прибыли в весе детей и т. д. Но на-ряду с этим дается «нормальная» смета на оборудование сада, нормальная, вероятно, для «старого доброго» времени, но чрезвычайно сложная и неосуществимая в наше время. А лучше было бы, если б вместо перечня столов, шкафов и проч. были бы даны указания, как из ничего можно сделать детям игрушки, как использовать стружки, кору, обрезки бумаги.

Наконец, третья часть представляет указатель литературы по дошкольному воспитанию. Указатель большой, но сборный: многое устарело, многое принципиально неприемлемо. В списке книг для чтения детям не указана ни одна новая книга.

Вообще говоря, книга, как теоретическое пособие, принесет пользу работникам сада. Но если у них нет ясного представления о задачах детского сада в нашей республике, — она им ничего не даст. И вина дошкольного подотдела петербургского отдела нар. обр. в том, что он не привлек к редактированию книги дошкольника-коммуниста и практика текущего дня, чтобы они превратили книгу в орудие, способное помочь дошкольнице-работнице. А приложение инструкций дошкольного подотдела о том, как нужно отчитываться в кредитах, революции не делает.

Вад. Смушков.

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ.

ЦИКУЛЕНКО, А. Азбука библиотековедения. Москва, 1921. Государственное Издательство. 8°. 37 стр.

«Азбука библиотековедения», как видно из предисловия, не должна рассматриваться, как первоначальное руководство для приступающих к изучению библиотечного дела. Она предназначена для самих библиотекарей, работающих по всей России. Автор «Азбуки» взял на себя высокую миссию «научно поставить работу» во всех библиотеках «городских и сельских», отсюда универсальная задача автора—дать руководство для библиотекарей, стоящих на всех ступенях библиотечного образования, начиная с ученых библиотекономов и кончая библиотекарями самой ничтожной квалификации. Именно соображениями такой универсальности, по словам автора, и объясняется «краткость изложения» руководства. Полагая, что для серьезных библиотекарей, привыкших понимать с полуслова, достаточно и сказанного (sapienti sat!), автор обратил свое главное внимание на то, чтобы его руководство, как он говорит, «не обременительно было прочесть даже библиотекарю с небольшой подготовкой».

Намерение автора симпатично. Тем с бо́льшим огорчением приходится начинать свой отзыв с утверждения о том, что выполнить свои намерения автору ни в какой степени не удалось: его «Азбука» оказалась одинаково «обременительной» как для опытных библиотекарей, так и для начинающих.

Очевидно, в интересах последних автор ломится в открытую дверь, наполняя свою и без того тощую брошюру голыми и скучными сентенциями о пользе библиотеки; что же касается тех страниц, в которых автор делает попытки дать нечто более конкретное,—действительное руководство, то попытки эти настолько безнадежны, что едва ли смогут удовлетворить хотя бы одного из библиотекарей, независимо от его подготовки. Для исчерпывающей аргументации пришлось бы перепечатать всю «Азбуку»,—так она красноречива в этом отношении. Поневоле остается ограничиться лишь некоторыми (первыми попавшимися) примерами.

Так, в I главе (об обязанностях библиотекаря) автор, отмечая пользу плакатов, рекомендует употреблять для их иллюстрации вырезки из старых журналов. Может быть, из «Современника» или «Отечественных Записок»?.. Но какие бы журналы ни имел в виду автор, совет его с точки зрения истинного друга книги — вандализм, от которого следовало бы всячески предостерегать библиотекарей, особенно «с небольшой подготовкой». Было бы излишним, но по крайней мере разумным напомнить библиотекарям о том, что книги следует всячески охранять от порчи, тем более не уничтожать их самому, хотя бы и на плакаты.

Далее идет мудрый совет, убеждающий библиотекарей «не вывешивать» «длинных списков» рекомендуемых книг. Таких книг, по словам автора, должно быть не больше 8—10. Итак, будем ли мы «вывешивать» списки больших книг или маленьких брошюр, мы не в праве показать ни 7—9, ни 9—11 названий? Едва ли найдется такой библиотекарь, который согласился бы с этим.

Заканчивается первая поучительная глава примерной анкетой, в которой, среди других, имеется вопрос о том, «доволен ли читатель своей работой (очевидно, службой), и если нет, то какую бы он хотел выполнять». Этому вопросу автор «Азбуки», повидимому, придает особенно серьезное значение, включив его в число первых 18 (какая точность!) «наиболее важных».

II глава — о выборе книг для библиотеки продолжает идеологическую часть «Азбуки»-руководства. Здесь автор не столь категоричен. Правда, он поучает библиотекаря в том, что в библиотеке «должны быть» книги «по всем отраслям знания»: физике, химии, обработке табака, очистке посуды и т. д. Однако, сейчас же смягчает свое требование, заявляя, что книги по иску-

ству должны быть, «если возможно». К сожалению, говоря о составе библиотеки, автор ограничивается лишь упоминанием некоторых из «всех отраслей знания», оставляя без всяких пояснений даже такие кажущиеся нам, простым смертным, абсурды, как пред от чтение книг о посуде книгам об искусстве. (Не писаревское ли здесь сравнение пары сапог с Пушкиным?)

От идеологии «Азбука» переходит к библиотечной технике (гл. III и сл.).

Здесь прежде всего бросается в глаза крайняя непропорциональность частей: тогда как классификация занимает целых 7 страниц, каждому из всех других вопросов (инвентарь, каталог, абонемент и отчетность) уделяется от $^1/_4$ и maximum до 3 страниц (не считая образцов бланков). И это напрасно, ибо, как ни важно для библиотекаря знакомство с классификацией, он должен быть не менее осведомлен и о других сторонах библиотечной техники.

В самом деле, что, напр., получит библиотекарь, прочитав $^1/_4$ страницы, посвященную «инвентарю»? Несколько голых и весьма сомнительных сведений об описании книг вроде того, что каждая запись должна занимать одну строку, или что в рубрике «примечания» можно отметить, по каким причинам выбыла книга.

Каждый библиотекарь (да и сам автор «Азбуки») мог бы привести не одну сотню заглавий, для которых нужно и по 2 и по 5 строк. Точно также приводить, хотя бы и для примера, лишь один случай, когда может быть использована графа примечаний,—все равно, что и ничего не сказать, так как библиотекарю нужно внушить самый принцип, усвоив который он мог бы широко и свободно пользоваться графой примечаний. Тогда он сам назовет десятки случаев, когда следует прибегать к примечаниям (редкость издания, дефектированность, способ приобретения, разногласия между обложкой или выходным листом и т. д.).

Можно было бы полагать, что почти полное отсутствие каталографических правил в главе об инвентаре окупится мало-мальски сносным изложением их в главе о «каталоге». Но мы не видим их и здесь. На самом деле, вместо них, здесь 5 наивных и—что еще хуже—полуграмотных фраз. И это вместо правил, составляющих наиболее сложную и трудную часть библиотечной науки,—правил, являющихся камнем преткновения даже для весьма опытных библиотекарей.

Чтобы не быть голословным, приведем эти правила in-extenso. «На первой строке пишут автора, далее заглавие и краткое содержание. Кроме книгоиздательства, места и года издания и числа страниц, иногда пишут цену книги, но последнее не рекомендуется. Если книга составлена двумя авторами, то карточки пишут на каждого автора отдельно (приводится основная запись на Маркса и Энгельса и ссылочная карточка на тех же авторов в обратном порядке: Энгельса и Маркса)... В литературных сборниках, носящих какое-нибудь общее название («Земля», «Щит», «Шиповник» и т. д.), это название выписывается вместо автора... Если нет автора, пишут каталожную карточку на редактора».

Вот и все. Едва ли найдется такой библиотекарь «даже с небольшой подготовкой», который не согласится с тем, что здесь и по форме и по содержанию—одно лишь недоразумение. «Пишут автора», говорится в «Азбуке». Но как? Как размещают его имя, отчество и фамилию? Как поступают с псевдонимами? абревиатурами? Как отмечают приставки при фамилиях? звания? и пр. и пр.,—библиотекарь обо всем этом должен догадываться или справляться в других руководствах?

«Далее,—говорит автор «Азбуки»,—пишут заглавие и краткое содержание книги». Опять-таки вопрос за вопросом. Как располагают заглавие? Как и где пишут и пишут ли подзаголовки? надзаголовки? Как указывают повторность издания? перевод? редакцию? и пр.

При этом интересно было бы поучиться у составителя «Азбуки», как следует излагать «краткое содержание», которое он, кстати сказать, расходясь с практикой библиотекарей и библиографов всего цивилизованного мира (впрочем, как поступают в Африке—не знаем), рекомендует соединять с заглавием.

В отношении других элементов описания наш автор берет еще более ориги-

нальную формулу: Кроме книгоиздательства, места и года издания и числа страниц, иногда пишут» то-то. Где же тут хоть намек на разнообразные случаи обозначений издательств? Как быть с изданиями официальными? С произведениями без указания издательств? и т. д. Как отмечать и отмечать ли места издания? года? Как показывать ненумерованные страницы? Показывать ли, кроме страниц, прочие элементы коллации (количество томов, иллюстраций, формат)? Кстати, почему «не рекомендуется» указывать цену книги?

Если бы каталографические правила исчерпывались приведенными здесь нами то, пожалуй, можно было бы вообразить, что имеем дело с автором, который почему-то не захотел поделиться с читателем своими знаниями. Однако, несколько заключительных строк (о коллективных и анонимных произведениях) с полной очевидностью указывают на то, что дело здесь не в скупости слов, а просто-напросто в том, что автор «Азбуки»—да простит он меня—сам-то еще мало знаком с «азами» библиотечной науки. В самом деле, разве при двух авторах ссылочная карточка пишется с поименованием обоих авторов, но лишь в обратном порядке? Точно так же, можно ли описание анонимных произведений сводить лишь к одному случаю, когда вместо автора имеется редактор? А если не будет редактора? Да и при наличии редактора он займет место автора не в основной, а в ссылочной записи. Все это, как и вообще все библиотечное дело, надо изучить самому, прежде чем поучать других, как «научно ставить работу» в библиотеках.

Не более талантливо и грамотно изложены и следующие главы об абонементе и отчетности. Запутанно объяснена абонементная система конвертов, высказано голое утверждение о вреде «прилавков» в библиотеке и полезности расстановки книжных шкафов «по стенам» (!), в качестве иллюстрации приложены две таблички библиотечной отчетности.

Перейдем, наконец, и к той главе, которой автор уделил наибольшее внимание—классификации книг.

Автор рекомендует библиотекарям так называемую «десятичную» классификацию, и, как полагается, начинает с изложения десятичного принципа. Может быть, читатели будут счастливее меня, так как я,—признаюсь откровенно,—в этом теоретическом изложении не мог усмотреть ничего большего, чем какой-то набор слов, часто лишенный всякого смысла. Не лучше раскрыта и практическая сторона десятичной классификации. Достаточно привести классический совет о том, что «для библиотек до 30.000 томов достаточно взять только *некоторые* подотделы и группы». Какие же именно,—об этом автор не говорит ни полслова. А между тем было бы крайне важно поучиться у автора «Азбуки» искусству устанавливать точную связь между «некоторыми» индексами и количеством библиотечных томов, так как до сих пор мы наивно воображали, что подобная связь вытекает из конкретных условий каждой библиотеки, вследствие чего,—полагали мы,—во многих библиотеках с количеством томов и значительно меньшим 30.000, могут быть применяемы индексы более дробные (и значит в большем числе), при чем в библиотеках с количеством томов, значительно большем 30.000. При иной постановке дела, казалось нам, теряет смысл десятичная классификация. Повидимому, автор «Азбуки» имеет иное представление о десятичной классификации, которое, к сожалению, держит про себя.

Остается обратиться к той части десятичной классификации, которую автор счел возможным без утайки раскрыть перед читателями,—к самим таблицам.

Нам известна десятичная классификация в 2 видах: американская (Дьюи), являющаяся классификационным эмбрионом, и бельгийская, ставшая универсальной и международной. Автор «Азбуки», повидимому, слышал о той и другой системе, но не уяснил себе сущности ни той, ни другой, и для руководства русских библиотекарей дал какой-то винегрет из систем как международной, так и Дьюи, с примесью от собственного разума. От международной взят принцип допустимости одновременного употребления индексов различной величины, от Дьюи заимствованы нули в конце двухзначных индексов, а от собственного разума в трехзначных индексах между

вторым и третьим знаком поставлены разделительные знаки (точки); от собственного же разума кроме того внесены различные изменения в тексте таблиц. Не изучивший десятичной классификации по подлинникам или хотя бы по точным переводам, не может знать, с какой системой он имеет дело. Употребляя, напр., такие индексы, как 80.1 или 94.2 и т. д., он допускает транскрипцию, которая чужда как международной классификации, так и дьюевской. Далее, не упоминая вовсе об определителях, автор лишает возможности пользоваться ими тех библиотекарей, которые пожелали бы держаться системы международной, в которой определители играют весьма и весьма существенную роль. Наконец, что касается самого текста таблиц, то достаточно поверхностного ознакомления с ними, чтобы увидеть, что автор шел с закрытыми глазами: он не соображал ни того, что он пишет, ни того, для кого он пишет. Так, в некоторых случаях автор, как будто опасаясь, что будет не понят, переводит на русский язык установленные испокон веков названия наук, напр., ботанику называет «наукой о растениях», зоологию—«наукой о животных» и т. п. Но тут же оставляет без перевода такие названия, как «геология», «палеонтология», «фотоцинкография» и т. п. Для каких же таких библиотекарей, позволительно спросить, составлена «Азбука», которые не понимают термина «ботаника» и в то же время понимают термин «палеонтология»? Но для кого бы ни предназначались таблицы, они должны быть правильными по внутреннему содержанию, т.-е. должны совпадать с текстом. К сожалению, и в этом отношении ошибки нагромождены одна на другую. Так, напр., исторический материализм, относимый десятичной классификацией к философии истории (901), показан в отделе социологии (301); программы коммунистических партий в десятичной классификации группируются под индексом 329, который имеет специальное назначение быть коллектором всех партийных программ, а не под индексом 335.4 (коммунизм); вопрос распределения автор «Азбуки» относит к индексу кооперации (334), тогда как в отделе политической экономии имеется специальный индекс 339 (распределение богатств); «субботники» помещены в отдел промышленности (338), тогда как им место в отделе труда (331); организация сельского хозяйства показана под индексом, символизирующим собственность (333), между тем как сельско-хозяйственная промышленность, как и всякая другая, имеет свой индекс 338 (точнее, при употреблении определителей 338 : 63); земельные коммуны, по примеру сельско-хозяйственной промышленности, неправильно отнесены к индексу 333 и т. д., и т. д., и т. д.

Так изложены десятичные таблицы, вся суть которых в том-то и заключается, чтобы установить единообразное их применение во всех библиотеках цивилизованного мира.

После всего сказанного, кажется, является излишним далее останавливаться на последних дополнительных главах о передвижных библиотеках и о библиотечном помещении. Они также хороши. (Отметим разве любопытный совет автора, даваемый им в главе о помещении,—иметь в библиотеках специальные ящики для окурков, откуда видно, что автор допускает в библиотеке курение.)

Закончим нашу заметку не раз задававшимся нами вопросом: кому, собственно, нужна «Азбука библиотековедения»? Без колебания ответим: никому, так как знакомому с библиотечным делом она ничего не даст, и на прочтение ее он лишь потратит дорогое время; для мало знакомого с библиотечным делом она будет скорее вредной, так как может лишь сбить его с толку; наконец, для незнакомого с библиотечным делом она безусловно вредна, так как способна сразу привить ему извращенные понятия.

Хочется прибавить, что даже в том случае, если бы «Азбука» была и свободна от указанных вопиющих дефектов, то и тогда она была бы бесполезна при наличии еще так недавно вышедшего руководства Хавкиной, с положениями которой я не всегда согласен (особенно по вопросам классификации), но которой всегда отдаю дань, как автору лучших библиотечных руководств на русском языке.

Проф. Б. Боднарский.

НАРОДЫ И СТРАНЫ.

MACHATSHEK. Landeskunde von Russisch Turkestan. Stuttgart. Bibliothek länderkundlicher Handbücher, herausgeg. von Penck.

(Махачек. — Землеведение Туркестана.) 1921 г. Стр. XIII+348, с 21 табл. и 33 черт. в тексте.

Перед войной и в самом начале войны в Петербурге вышло три крупных сочинения, весьма важных для географии Туркестана. Именно: 1) «Азиатская Россия», сборник, написанный рядом специалистов и посвященный Туркестану и Сибири. Это обширное издание, снабженное атласом и подробной библиографией, было выпущено в свет переселенческим управлением; 2) «Туркестанский край» В. И. Масальского. Это объемистое произведение, написанное знатоком края, составляет один из томов девриеновской «России». Оно дает подробное и всестороннее описание Туркестана; 3) «Туркестан» И. В. Мушкетова, т. I, ч. I, издание второе. выпущенное Географическим обществом. Здесь дан подробный исторический обзор путешествий в Туркестан, доведенный во втором издании до 1914 года. Основной текст Мушкетова снабжен многочисленными дополнениями, написанными рядом специалистов. Так как результаты путешествий довольно подробно реферированы, то 2 издание «Туркестана» Мушкетова является незаменимым пособием для знакомства с географией этой страны.

Хотя таким образом обработка географии Туркестана за последнее время сильно подвинулась вперед, книга проф. Махачека представляет интерес даже для русского читателя.

Махачек, ученик проф. Пенка, по специальности геоморфолог, дважды посетил Туркестан, в 1911 и 1914 годах. В 1913 г. он опубликовал подробный отчет о своем исследовании западных цепей Тянь-Шаня. Путешествие 1914 года было прервано войной, но впечатлениями его автор отчасти воспользовался для разбираемой книги. По возвращении на родину, 6 ноября 1914 г., автор получил кафедру географии в немецком университете в Праге.

Автор знаком с русским языком и широко пользовался русской литературой. В конце книги приложен список литературы из 500 номеров; часть из этой, указанной автором, литературы известна ему, повидимому, только из вторых рук. Некоторых важных работ, вышедших во время войны, Махачек не мог использовать, напр., 2 издания «Туркестана» И. В. Мушкетова, что мы, конечно не можем ставить в упрек автору.

Содержание Землеведения Туркестана» таково: книга состоит из двух частей, общей и специальной. В общей части (стр. 3—171) очерчиваются границы Туркестана, дается разделение его на области, излагаются геология и история рельефа, описываются климат, водный режим, работа выветривания, воды, ветра, далее растительный и животный мир, население и его хозяйственная деятельность. Здесь мы находим обстоятельное изложение географии Туркестана, но чего-либо нового русский читатель не встретит. Интерес представляет «морфологическая и тектоническая карта Туркестана» в масштабе 1 : 6.500.000, на которой изображено направление главнейших цепей в Туркестане и отмечено распространение денудационных поверхностей (сыртов»): в области Хантенгри и верховьев Нарына, в бассейне Сон-куля, в верховьях Ангрена, на Памире (весьма значительная площадь), в Джунгарском Алатау. Автор справедливо отмечает, что присутствие этих денудационных поверхностей и наличие многочисленных сбросов сильно меняют старое представление о Тянь-Шане, как о молодом складчатом хребте; третичная складчатость имеет гораздо меньшее распространение, чем полагали раньше.

Специальная часть книги (стр. 175—316) посвящена описанию отдельных районов, коих автор принимает 8; бассейн Балхаша и его окраинные горы, центральный Тянь-Шань, Западный Тянь-Шань, система Алая, Заалайский хребет и Памир, западные предгорья (т.-е. лессовая область по Сырь-Дарье, Фергана,

Голодная степь, нижнее течение Зеравшана), Междуречье (т.-е. область между Аму и Сыром и Аральское море). Закаспийская область. Подобного порайонного описания Туркестана мы не имеем в русской литературе. К сожалению, главное внимание в специальной части обращено на рельеф, живой же природе посвящено очень мало места. Общим недостатком как первой, так и второй (специальной) части книги является полное отсутствие сведений о почвах, если не считать пяти строчек, сказанных попутно по поводу леса. А между тем за последние перед войной годы вышло много прекрасных русских работ по почвам и растительности Туркестана. Отметим некоторые промахи, которые надлежало бы исправить. Указание (рис. 216) на нахождение в озере Чатырь-Куль Zostera marina неверно. При описании Балханов (рис. 308) следовало бы руководиться новыми работами Андрусова. В отделе об обвалах (рис. 77) мы не находим упоминания о грандиозном Сарезском обвале. Наконец, хотелось бы, чтобы теоретические взгляды и выводы русских авторов получали соответственное признание и оценку.

Книга заканчивается списком литературы, указателем туземных географических терминов (здесь ряд досадных промахов: барсук—это животное Meles taxus, а не Taxus baum, тисовое дерево там не дерево, а ива, тугай—не лес вообще, а поемный лес и т. д.) и указателем географических названий.

Вышеприведенными замечаниями мы не хотели умалить достоинств книги проф. Махачека, которая представляет ценный вклад в литературу по географии Туркестана и, без сомнения, будет способствовать распространению на Западе правильных сведений об этой стране. В части, касающейся рельефа, она будет вполне полезна и русским географам.

Проф. Л. Берг.

П. К. КОЗЛОВ. Тибет и далай-лама. Петр. 1920 г., с 8-ю фототипиями и 74 рис. в тексте, стр. 100.

П. К. Козлов принадлежит к числу известнейших наших путешественников в Центральную Азию и лучших знатоков Тибета. Начав свои странствования в качестве помощника Н. М. Пржевальского, П. К. продолжал затем свои исследования в экспедициях с другими лицами и в самостоятельных путешествиях, имевших целью, главным образом, ознакомление с Тибетом и с соседнею с ним китайской провинцией Сы-чуань. Лет семь тому назад П. К. задумал пройти в недоступную столицу Тибета Лхассу, но, пишет он,—«судьба устроила иначе... разгорелась Европейская война, и меня не пустили. До сего времени я не могу понять, каким доводом мотивировало мою задержку бывшее старое правительство». «Я очень истомился,—продолжает П. К.,—проживая вне активной деятельности в родной для меня тибетской атмосфере, и благосклонный читатель поймет мое желание взяться за перо и чуть-чуть забыться в беседе с ним о Тибете, Лхассе и о том тибетском первосвященнике, которого я много-много раз видел и слышал. Вместе с тем в этот труд вложена и основная мысль: «Как установить сношения России с Тибетом?».

Книга издана роскошно, особенно принимая во внимание современные условия печатания. Хорошая бумага, крупный, четкий шрифт, масса рисунков, большей частью удачно выполненных, привлекают к ней с первого взгляда. Что касается содержания, то тот, кто знаком с предшествовавшими описаниями автора и вообще с литературой о Тибете, найдет в нем мало нового. Это популярный рассказ о природе, административном делении населения Тибета, об его столице Лхассе и ближайших к ней монастырях (по сведениям, собранным бурятским посланником Цыбиковым) и о тибетском далай-ламе и двукратном свидании с ним. В общем дается, однако, настолько наглядное представление о стране, ее ландшафтах, ее растительных и животных формах, типах и быте населения, его религии (ламаизме), монастырях, *гыгенах* (святых перерожденцах) и т. д., что книга читается с интересом от начала до конца. В конце прибавлена еще глава «Монголия и Тибет провозгласили независимость». Здесь говорится о событиях 1912 года, о варварствах китайских войск в Тибете, о китайской революции и об изгнании из Тибета китайцев. На этом

к сожалению, рассказ обрывается, и остается неизвестным, что же представляет из себя Тибет (да и Монголия) в настоящее время. Повидимому, за последние годы сношения России с Тибетом прекратились, и надежды далай-ламы найти известную поддержку в России против Китая остались тщетными. Было бы уместным, может быть, организовать в настоящее время, при изменившихся политических условиях, экспедицию в Тибет, чему едва ли могли бы быть поставлены серьезные препятствия со стороны Китая. По всей вероятности, П. К. Козлов не прочь был бы стать во главе такой экспедиции, и если она не организуется, то надо думать—имеются к тому существенные затруднения. А между тем дело исследования Центральной Азии есть дело по преимуществу русское; целый ряд известных наших путешественников работал в этом направлении, и было бы желательно, чтобы и в будущем со стороны России не оскудевал контингент исследователей, готовых отдаться с таким же увлечением путешествиям в глубину Азии, какое проявляли Пржевальский и его последователи и продолжатели, до П. К. Козлова включительно.

Д. А.

Das Litauen Buch. Eine Auslese aus der Zeitung der 10 Armee. 1918, стр. 195+1—47.

Литовская книга. Выдержка из газеты 10 армии. 1918, стр. 195+1—47.

Настоящий сборник составлен из статей, напечатанных в «Газете 10 армии», действовавшей в Литве. Задача сборника вполне определенная: познакомить немецкого солдата с тем краем в его прошлом и современном состоянии, который оказался во власти немецкого оружия. Разумеется, в сборнике чувствуются империалистические тенденции, находящие, по мнению авторов статей, свое историко-культурное оправдание, хотя такого рода сентенции могут вызвать немало возражений, подкрепленных вполне объективными историко-культурными данными. Но в общем статьи составлены умело и толково, с полным знанием дела; благодаря этому этот сборник и в настоящее время может быть хорошим справочным пособием для всех интересующихся прошлым и настоящим Литвы. Содержание сборника разбивается на четыре больших отдела: 1) страна и ее население, 2) литовская национальность, 3) исторические достопримечательности, 4) литовская поэзия. К книге приложены иллюстрации, занимающие 47 страниц.

В. Пичета.

WALTER JÄGER. Weissruthenien. Land, Bewohner, Geschichte, Volkswirtschaft, Kultur, Dichtung, mit 93 Abbildungen und einer Karte. Berlin 1919, стр. 140.

Вальтер Егер. Белоруссия. Страна. Жители. История. Народное хоз-во. Культура. Поэзия. С 95 снимками и 1 картой. Берлин 1919, стр. 140.

Оккупация 10 немецкой армией известной части территории Белоруссии способствовала появлению значительной литературы на немецком языке о Белоруссии. К разряду такой литературы надо отнести и настоящую книгу, составленную умело. Впрочем, исторический очерк отличается большою схематичностью и ограничивается только одной внешней канвой событий. Касаясь белорусского вопроса в плоскости международных отношений, составитель книги доказывает необходимость независимости Белоруссии от России. Рисунки весьма умело подобраны и являются довольно удачной иллюстрацией соответствующих глав книги.

В. Пичета.

UKRAINA, mit 64 Abbildungen. Herausgegeben von Heinrich Lanz. Berlin 1918, стр. 94.

УКРАЙНА—с 64 иллюстрациями. Издание Ланца. Берлин 1918, стр. 94.

В вышеназванном сборнике, снабженном прекрасными иллюстрациями, помещено четыре статьи не равного качества и достоинства. Первая статья знакомит читателя с естественно-историческими условиями Украйны и вместе с тем бытом украинского народа. Составитель статьи, признавая, что границы Украйны в настоящее время не могут быть в точности определены, в то же время считает, что вся территория Украйны приблизительно в $1^1/_2$ раза больше

Германской империи, но только без колоний. Естественно-исторический и этнографический очерк, принадлежащий немецкому автору, составлен толково. Следующие две статьи посвящены истории Украйны (25—42) и ее духовной культуре (45—59). Обе статьи анонимного происхождения, но написаны украинцем. Исторический очерк отличается большею схематичностью и, разумеется, имеет в виду тогдашние политические условия, приведшие к оккупации Украйны немцами. Неудивительно, что в историческом очерке встречается ряд ошибок не случайного характера, и в основе лежит идея независимости Украйны от соседней Московии. Автор исторического очерка перечисляет только одни внешние факты, не пытаясь их социологически объяснять, вследствие чего в историческом очерке нет эволюции жизни украинского народа, но имеется на-лицо только московская политика, столь убийственно отразившаяся, по мнению автора, на Украйне. Автор в своем националистическом увлечении дошел даже до того, что высказал утверждение, будто украинский народ всю эпоху со времени полтавской битвы вплоть до 1783 года называет «руиной», тогда как последний термин обычно относится не к этой эпохе, а ко времени гражданских войн на Украйне после Хмельницкого. Несомненно, лучше составлен следующий очерк, дающий отчетливое представление об основных моментах в развитии украинской духовной культуры. Последняя статья принадлежит автору первой статьи и дает описание состояния народного хозяйства на Украйне, с выяснением значения последнего как для Западной Европы, так в особенности для России. Внимание автора сосредоточено преимущественно на сельском хозяйстве. Статистический материал взят автором из русских официальных изданий.

В. Пичета.

ИЗВЕСТИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА. Вып. 1. 1919 (стр. 80) и вып. 2 (стр. 195). Петроград.

Потребность в специальном географическом образовании стала сознаваться в Петрограде уже давно, но первое осуществление этой потребности последовало только в 1910 г. в лице географического бюро и затем в 1912 г. в лице географических курсов, начавшихся при весьма скромных средствах в биологической лаборатории Лесгафта. Последовавшая затем революция дала возможность значительно расширить начатое дело преобразованием курсов в географический институт, которому было предоставлено достаточное помещение и содержание которого было принято на средства советского правительства. В настоящее время институт заключает в своем составе, кроме обще-географического факультета, еще этнографический факультет, и, имея правление, хозяйственный комитет, ученую коллегию, просветительную коллегию, редакционный совет, библиотечную и строительную комиссии, представляет собой обширное образовательное учреждение с большим (около 175) числом служащих. Институтом организуются ученые экспедиции, производятся научные исследования, издаются ученые труды. Между прочим им издаются «Известия», в которых, кроме информационного отдела, относящегося к жизни института, и хроники, имеется отдел научный со статьями по разным вопросам землеведения. Пока вышли 2 выпуска «Известий», из коих в 1-м имеются две статьи *И. Лукашевича* 1) «Развитие наших знаний о мире и положение географии в общей системе знаний» и 2) «Очерк возникновения Географического института». 2-й выпуск представляет более разнообразное содержание. Заслуживает особенного внимания статья Л. С. Берга — Наука, ее содержание, смысл и классификация», заключающая в себе много оригинальных и интересных мыслей о науке и истине, о классификации наук, о границах науки с метафизикой и религией. Другие статьи—более специального характера. Две статьи посвящены покойному академику, известному минералогу Е. С. Федорову, и одна—памяти А. А. Кауфмана; А. А. Григорьев и П. И. Броунов поместили отчеты о деятельности института и его ученой коллегии в 1919—1920 г.г.

Можно пожелать, чтобы «Известия» продолжали появляться, сосредоточивая

свое внимание более на научных вопросах землеведения и на географическом изучении России.

Д. Анучин.

КУРС БЕЛОРУССОВЕДЕНИЯ. Лекции, читанные в белорусском народном университете в Москве летом 1918 года. С библиографическим указателем по каждому вопросу и с приложением этнографической карты белорусского племени академика Карского. 1918—1920. Москва. Стр. IV+304.

Курс белоруссоведения имеет целью, с одной стороны, «осветить белорусский вопрос, поднятый мировой войной и углубленный русской революцией», а с другой стороны, «дать учителю школы Белоруссии сборник таких сведений, которые необходимы ему в деле коренного переустройства школы на новых, трезвых, подлинно народных началах». «Освещение» белорусского вопроса сводится издателями «Курса» к тому, чтобы «дать в научно-популярной форме сумму таких знаний о природе, жизни и культуре Белоруссии, которые помогли бы ему ориентироваться в современном национально-социально-революционном движении белорусов».

В книге помещены следующие статьи: В. М. Пичета, «История белорусского народа» (большая статья, 85 стр.); Д. Н. Анучин, «К вопросу о белорусской территории» (15 стр.); Н. Н. Силинич, «Географический очерк Белоруссии» (25 стр.); А. Ф. Фортунатов «Из сел.-хоз. статистики пяти белорусских губерний» (19 стр.); Е. М. Чепурновский, «Антропология белорусов» (7 стр.); Н. Я. Янчук, «Этнографический очерк Белоруссии» (32 стр.); Т. А. Расторгуев «Белорусская речь» (71 стр.); Д. Ф. Жьелунович, «Белорусская литература» (30 стр.) и М. М. Селищенский, «К вопросу о методике родиноведения» (9 стр.).

В общем «Курс» дает довольное полное понятие о Белоруссии в ее историческом развитии и о белорусском народе—в его типе, быте и языке.

Д. Анучин.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

P. LÄMMEL. Die Grundlage der Relativitätstheorie Populärwissenschaftlich dargestellt.

Р. ЛЕММЕЛЬ. Популярное изложение принципа относительности. Издание Springer'a. Berlin 1921 г.

Книга Леммеля написана вполне доступным и ясным языком, но, с другой стороны, будучи рассчитана на заведомо неподготовленного и незнакомого с фактической стороной науки читателя, она может привести к целому ряду крайне нежелательных недоразумений и заблуждений. Желая показать, что принцип относительности является *единственно* возможным объяснением наблюдаемых фактов, автор умышленно ни единым словом не упоминает о других объяснениях, как, например, теория Лорентца (о ней вскользь говорится только в конце книги на стр. 96) и тем как бы вынуждает читателя, не подозревающего о существовании этой теории, согласиться с автором. Эта «обработка» читателя производится в главе IV, стр. 50—65.

Кроме того книга изобилует так называемыми философскими выводами, иллюстрирующими происходящий будто бы поголовный перелом в умах представителей естествознания в сторону идеализма. Так, на стр. 47 читаем мы следующие слова: «Материя, например, кусок железа, который я вижу перед собой, представляет скорее результат действия скрытых причин, чем непосредственное *нечто*. Чем ближе мы подходим к существу этой материи (если позволительно так выражаться), тем менее *реальной* она нам представляется» (курсив наш). Далее, на стр. 129 выражена та же мысль: «Куча неподвижных электронов есть ничто; только вращательное движение создает атом. Все, что мы обыкновенно считаем веществом, не есть нечто действительно осязаемое, но есть явление

и притом скорее действие кинетической энергии. Отсюда следует возможность представления о том, что действительно существующим на свете является энергия; вещество же есть одна из форм, которую может принимать действие центров энергии на наши чувства».

Это стремление идет настолько далеко, что автор вступает в полемику с самим Эйнштейном, когда ему кажется, что Эйнштейн впадает в материализм: именно, когда Эйнштейн указывает, что при изменившемся «темпе» времени все биологические процессы должны в согласии с принципом относительности изменить свой ход во времени (скорость кровообращения, биение сердца и т. д.). Автор книги замечает: «В действительности мы не можем знать, является ли жизнь только движением» (стр. 86). Таким образом он готов отрешиться от приложимости принципа относительности к живым организмам, лишь бы только не стерлась как-нибудь резкая грань, отделяющая живое от неживого.

Всеобщий принцип относительности, занимающий лишь незначительную часть книги, изложен чрезвычайно сжато и неполно. Здесь точно также, за исключением вопроса о движении перигелия Меркурия, не указывается даже намека на возможность объяснения фактов другим путем.

Вообще книга может ввести в заблуждение доверчивого читателя и еще более увеличить число ходячих, ни на чем не основанных предрассудков, вроде того, что электронная теория не опровергла атомную и углубила ту пропасть, которая существует между читателями легковесных популярных книг и текущим движением строго научной мысли.

А. Тимирязев.

F. AUERBACH. Moderne Magnetik. 1921 г. 304 стр.

Ф. АУЕРБАХ. «Магнетика».

Учение о магнетизме или, как теперь принято называть, «магнетика» — одна из старейших отраслей физики: *первые научные* работы о магнитах появились в 1600 году. Несмотря на это, законченной теории магнитных и особенно ферромагнитных явлений мы до сих пор не имеем; причин этого—две. Во-первых, выяснилось, что магнитные свойства атомов стоят в непосредственной зависимости от их строения, в котором еще много неизведанного; во-вторых, изучение магнитного взаимодействия атомов должно производиться над кристаллами, а экспериментирование с ними вследствие трудности получения более или менее значительных по размерам кристаллов весьма затруднительно; кроме того и магнитная теория кристаллических сред наталкивается на очень большие затруднения, как только дело идет о необратимых процессах,—о гистерезисе и т. д.

Такое положение дела и обусловило, вероятно, отсутствие законченных изложений магнетики, и надо приветствовать попытку Ауербаха такое изложение дать. Однако, в общем ясная и толковая книга Ауербаха вызывает целый ряд упреков и возражений. Чувствуется, что автор, сам не работавший в магнетике, хотя и собрал добросовестно все материалы, но при оценке их не соблюл должной перспективы: кое-что важное отодвинул на задний план, кое-что опустил вовсе; наконец, не ограничил должным образом своей темы, вводя в книгу то, что могло бы в нее не входить. Тем не менее, однако, книга многими будет прочтена с пользою, ибо в ней есть немало и достоинств: элементарность и ясность изложения, много не входящего в курсы физики, некоторые последние новости.

Первые три главы книги посвящены изложению основных магнитных явлений. Здесь можно указать на педагогически удачное изложение свойств магнитной цепочки и выводы магнитного потенциала тела; хороша и глава о магнитной индукции; вопрос о влиянии формы тела на его магнитные свойства изложен с неподобающей ему краткостью; очевидно, автор не знаком вообще с русскими работами по магнетизму, в частности, с важною в этом вопросе работою Аркадьева. Глава о «панмагнетизме», охватывающая парадиз и метамагнетизм, могла бы быть и обширнее: особенно странно, что кристаллам отведено всего три страницы: интереснейший для понимания явлений гистерезиса пирротин (Ауербах называет

его пирротитом) только упомянут, а о работе Бека с кристаллом железа нет ни одного словечка. Таким образом кристаллы, являющиеся основным камнем в постройке ферромагнитных тел, отошли от Ауербаха совсем на задний план.

Глава о влиянии температуры и деформаций на магнитные свойства тел удачна. Можно было бы значительно сократить и даже выбросить параграфы о явлениях Зеемана и Керра, Полла и многое из электромагнетизма; все это весьма косвенно связано с собственно магнитными свойствами. Главы о магнитной цепи и способах измерения должны были бы быть пополнены. Особенно чувствуется полное отсутствие указаний, как производится измерение магнитных свойств кристаллов. Слабейшее место книги—глава о магнитных теориях. Здесь совершенно отсутствует теория пирротина, рассуждения Вейса о молекулярном поле; нет ни одного слова о колебаниях элементарных магнитов (опять незнакомство с работами Аркадьева), не упомянуто о последней работе Бека, опытные данные которой разительно противоречат теории амперовых токов Эйнштейна, и т. п. Кончается книга изложением земного магнетизма, читающимся легко и с интересом.

Изложение технической стороны магнетизма, очевидно, стояло вне намерений автора. В популярной книге было бы, однако, очень уместно соприкосновение с техникой; в наше время техника так связана с наукой, что разделение их в популярной литературе нежелательно.

Нам кажется, что указанные нами недостатки книги все же не лишают ее полезности.

Во-первых, изложение отлично, вовторых, есть в книге и много свежего материала, в-третьих, это—единственная популярная книга о магнетизме. Хотелось бы видеть эту книгу в русском переводе, конечно, с дополнениями русских ученых. Студенчеству и учительству нашему книга оказалась бы тогда весьма полезной.

Н. Андреев.

Д-р ОСКАР НАГЕЛЬ. «Die Romantik der Chemie» (Романтика химии). Stuttgart 1921 г. 80 стр.

Книжка д-ра Оскара Нагеля «Die Romantik der Chemie» является талантливо и привлекательно написанным очерком, имеющим целью заинтересовать читателя, еще вовсе не знакомого с химией, с тем, что дало человечеству это, по выражению автора, столь поздно рожденное культурное его дитя. Автор стремится показать читателю, как эта отрасль науки постепенно превращает человека из подвластного природе раба в неограниченного властелина над нею, как она, подобно ребенку, который тысячу лет учился бы говорить, а, заговорив, в изящной и глубокомысленной и талантливой форме стал бы сообщать обо всех своих за это тысячелетие накопленных впечатлениях. Химия, по словам автора, подобно сказочному Мидасу, превращавшему в золото все то, чего он касался,—превращает грязную руду и песок в золото и железо, заставляет незатейливые земли испускать яркий свет, подобно солнечному, мягкие вещества превращает в твердые, как алмаз, или превращает их в вещества, взрывающиеся с ужасной силой; из черного угля она получает чудные, веселые, пестрые краски и в изобилии создает то, что скупо сотворено природой.

Свое изложение автор начинает с того, как химия научила человека добывать золото, и рассказывает, какие новые пути она дала человеку в его погоне за золотом, заканчивающиеся новейшим методом, уже технически в 1911 г. осуществленным в Америке. Это метод добывания золота из морской воды, которая содержит лишь следы его: при пропускании морской воды через некоторые вещества эти следы золота задерживаются ими, и таким образом получается как бы искусственная руда. Это последнее дает автору повод указать, как химия научила человека использовать и менее редкие руды, например, железо, содержащее относительно малый % металла, что дало возможность значительно удешевить производство железа. Автор сжато и талантливо излагает в связи с этим все новейшие способы получения железа и

стали, останавливается на новейших способах использования отбросов производства, каковы, напр., шлаки, идущие для цементового производства, для получения так называемой «шерсти из шлака», идущей для фильтрования, или газы, освобождающиеся при обжиге руд, которые используют ныне для получения энергии.

Коснувшись газов, автор переходит к производству газов вообще, в частности, газа светильного. От светильного газа автор переходит к другим осветительным материалам, каковы нефтяные продукты, а от них к электрическому освещению и новым методам усиления света. Далее автор переходит к производству всех видов стекла, кончая кварцевым стеклом, и все это связывает с необходимым для осуществления всех этих веществ методов и проч. получением энергии, и притом способами наилучшего ее использования, в частности, использования энергии угля, водопадов и т. д., но, что всего важнее, энергии, исходящей непосредственно от солнца. Автор останавливается на новейших способах использования энергии, получаемой солнцем в виде света, как превращением ее в энергию тепловую для паровой машины, как это осуществлено в Калифорнии, так и превращением ее в энергию электрическую, что тоже уже осуществлено, хотя пока лишь в малом масштабе. Автор указывает и на представившуюся перед химиками задачу непосредственного превращения в электрическую энергию той энергии, что скоплена в угле без предварительного перевода ее в тепловую, а эту последнюю—в механическую.

Но подобными победами и успехами в деле «облагораживания» и использования сырых материалов и сил, в изобилии или в малых количествах имеющихся в природе, химия не удовлетворяется, и автор переходит к выяснению того, как она приводит к искусственному получению более редких тел, чтобы сделать их более доступными для широких масс, таковы, напр., шелк, прежде доступный только избранным, так как лишь короли и князья приобретали его на вес золота, а теперь любая крестьянка может приобресть хотя бы шелковый платок, чтоб покрыться. Автор останавливается на истории получения в 1884 г. искусственного шелка из дерева по способу графа Шардонне. В этом случае мы имеем пример «облагораживания» естественного исходного продукта. Автор приводит и другие примеры такого облагораживания исходного вещества, как при получении бумаги из дерева, целлулоида, похожего на слоновую кость, и т. д., и заканчивает указанием новейших попыток получения искусственного каучука.

Но химия интересуется получением и более грубых материалов, так как она не делает различия между высокими по своему положению предметами, как шелк и слоновая кость, замененные искусственным шелком и целлулоидом, но ей одинаково милы и такие продукты, как обыкновенный кирпич или древесно-строительный материал, и автор рассказывает в связи с этим о кирпиче из известняка и о ксилолите соответственно заменившими обыкновенный кирпич и дерево. Таким образом химия заботится о предметах, полезных человеку, и заботится об его удобствах, но она не забывает и области предметов, ему просто приятных и радующих его дух: человек с тех пор, как стал человеком, любил сочную зелень и пестрые цветы лугов, синеву неба, пурпурно-красный закат солнца, словом, он любит краски, и автор излагает краткую историю получения искусственных анилиновых и других красок, рассказывает, как убито было производство Краппа после открытия Грэбе и Либерманом ализарина, и как почти уничтожен импорт индейского индиго. Автор знакомит читателя с крупнейшей немецкой фабрикой красок Rodische Anilin und Sodafabrikation.

От красок автор переходит к рассказу о взрывчатых веществах, как динамит, открытый А. Нобелем, останавливается на производстве спичек, искусственных зажигалок, фейерверка и т. д. и переходит к получившему в настоящее время столь грандиозное развитие производству лекарственных средств. Он указывает при этом, каким образом в расцвете химии произошел перелет в царство науки того, что раньше было уделом удивления или суеверия, как вместо того, чтоб, страдая от ревматизма или другой болез-

ни, носить при себе пару каштанов, теперь человек ищет выяснения причин и сущности болезни и борется с нею разумно при свете знания и науки. Автор останавливается несколько на объяснении сущности серотерапии и ее успехов и далее переходит к новой области химической романтики, к искусственному производству пахучих веществ, раньше получавшихся только извлечением из цветов растений. Коснувшись же растений, автор, естественно, переходит к росту растений и сжато, но толково знакомит читателя с агрономической химией, ее задачами и значением ее для увеличения урожаев, при чем не упускает случая познакомить читателя с современными взглядами на катализ и каталитические явления.

Этим автор заканчивает ту часть своего очерка, которая должна была ознакомить читателя со всеми теми областями, где химия сотворила великое дело помощи человеку, и затем незаметно и индуктивным путем приводит читателя к восприятию понимания сущности и основ химии вообще. Путем аналогии он выясняет значение анализа и синтеза в химии, выясняет понятия о химических элементах и химических соединениях, при чем знакомит читателя с периодической системой Менделеева и с ее значением. Система эта дает автору повод перейти к рассказу о составе горных пород, метеоритов, воздуха, и он не упускает случая познакомить читателя с современными теориями о происхождении земной коры и земной атмосферы и вообще с тайнами происхождения мертвой природы. Отсюда автор делает переход к выяснению различия между природой мертвой и живой, к установлению взгляда на сущность смерти и жизни и, выяснив, что все, что живет, представляет собой как бы машину, расширяет этот взгляд даже в том смысле, что и неорганические вещества представляют собой машины, но более простые, способные превращать одну в другую лишь ограниченное число форм энергии. Это приводит автора к установлению разницы между физическими и химическими явлениями: в физических явлениях с помощью материи имеет место превращение какого-либо вида энергии в другой: в таких процессах мы имеем дело с вступающей в работу или просто с работой машины, в химических же процессах мы имеем дело с устройством или конструкцией новой машины. Тут имеем дело с фабрикой машин, в физических процессах с работой готовых машин. В вечной борьбе двух начал, двух борцов и заключается сущность всей вселенной: материя является громадным преобразованием энергии, энергия—преобразованием материи. При своем сопротивлении передвижению электричества через материю электрическая энергия переходит в тепловую (превращением энергии), под действием энергии электрического тока и воду она разлагается на водород и кислород (превращение материи).

Этим примером автор заканчивает, как он выражается, свое романтическое странствование в области химии.

Существенных упущений в изложении главной темы нет, но книжку следовало бы дополнить рассказом о новых достижениях в деле получения таких продуктов, как спирт, глицерин, жирные кислоты для мыла и т. п., имевшие место за время мировой войны.

Книжка предназначена для читателя, прошедшего или заканчивающего курс школы 2-й ступени. Она представляет интерес для детей старшего возраста, т.-е. 14, 15, 16 лет.

Книжка написана очень хорошо и безусловно заслуживает перевода и издания.

Книжка нуждается в указанном выше дополнении; кроме того необходимо установить отдельные главы, оглавления и т. д.

Исправления во всяком случае, если нужны, то самые незначительные.

Проф. А. Беркенгейм.

С. Т. КОНОБЕЕВСКИЙ. «Как плавают в воде и в воздухе и как летают». Гос. Изд. Петербург 1921 г. 18 страниц.

Научно-популярная листовка должна удовлетворять следующим требованиям.

1) Она должна излагать один не особенно широкий вопрос.

2) В таком изложении соблюсти правильную перспективу изложения: глав-

ное должно быть подчеркнуто и изложено подробнее, второстепенное—кратче и на втором плане.

3) Язык должен быть совершенно чистый, ясный и *научный*; достигнуть последнего можно и без употребления иностранных слов и научной терминологии; ясность должна достигаться чистотою языка, а не многословностью.

4) Совершенно необходимо большое количество рисунков с объясняющими надписями.

Конечно, в книге не должно быть неверностей ни в смысле истории науки, ни в смысле искажения научных фактов.

Если рассматривать книжку С. Т. Конобеевского с этих только точек зрения, то придем к следующему выводу:

Тема ограничена правильно и в общем перспектива соблюдена, в деталях же можно указать на следующие промахи: закон Архимеда, основной закон всей брошюры, изложен неподобающе кратко: 5 строк. При описании воздушного шара говорится о шарльере, а о монгольфьере, который всякий себе может устроить, нет ни слова. Действие винта описано слишком кратко. Правда, верная перспектива не дает возможности отвести ему много места, но тогда, может быть, лучше было бы только упомянуть о нем. Сравнение аэроплана с птицей—опасно: ведет к неправильному представлению. Его следовало бы выкинуть. Впрочем, это, вероятно, описка: в дальнейшем автор правильно и удачно пользуется сравнением со змеем.

Язык книжки следует похвалить: он очень ясен и научен и этим выгодно отличается от языка многих «популяризаторов» вроде Рубакина, употребляющих «ради понятности» грубые обороты речи, нередко совершенно ненаучные. Есть немного неудачных фраз: стр. 5, строки 10—15 сверху; «заключенные» в воздухе тела (стр. 8; первая снизу строка); цеппелин лучше сравнивать для русского читателя с веретеном, а не с сигарой. Таких промахов очень мало.

Отсутствие рисунков (по причинам, надо думать, от автора независящим) совершенно недопустимо для подобного рода брошюр: ну, что, напр., может понять широкий читатель, когда ему описывают барометр, или парашют и т. п. без рисунка? Как технически разрешить вопрос о рисунках,—здесь не место обсуждать, но Гос. Изд-во разрешит этот вопрос должно во что бы то ни стало.

Есть в книжках небольшие неточности и неверности. Стр. 1.—И тут сразу же оказалось, что для того, чтобы понять, как летают . . . . . . надо понять, как плавают». . . . Исторически это неверно. Неверно (стр. 8) утверждение, что «если воздух сильно нагрет и в нем много паров, давление воздуха понижается и барометр падает».

При описании свойств водорода ни слова не сказано о его взрывчатости; что, если живой читатель повторит опыт, описанный в книжке без такого предупреждения?

Общее впечатление от книжки, однако, весьма благоприятное. Автор он нашел верный тон; как истинный поклонник науки, он дал читателю настоящую науку, а не болтовню; и если бы не отсутствие рисунков, книжку следовало бы без всяких сомнений приветствовать; мелкие же промахи и неизбежные и у более опытного автора исправляются только обращением к чужой критике, и, может быть, даже многих лиц. Здесь коллективность необходима.

Проф. Н. А. Андреев.

МИХАЙЛОВ, А. А. О солнечных затмениях и о затмении 8-го апреля 1921 г. 17 стр. с 7-ю рисунками. Москва 1921. Государственное Издательство.

Изданная Государственным Издательством, при ближайшем участии московского общества любителей астрономии, брошюра А. А. Михайлова содержит изложение в самой простой форме основных вопросов, относящихся к солнечным затмениям. Будучи предназначена для малоподготовленных читателей, брошюра рассматривает вопрос с постепенным подходом к нему, начиная с земных облаков, которые бросают тень на землю от солнце, переходя к луне, которая закрывает солнце. Очень просто рассматривается движение луны вокруг земли, фазы луны и выясняется, при помощи целесообразных чертежей, отчего

и как происходят солнечные затмения. Во второй главе возможно просто описывается, что бывает видно во время частых, полных и кольцеобразных затмений солнца. В третьей главе говорится о предсказании затмения и о затмении 8-го апреля 1921 года.

Брошюра написана простым языком и вполне отвечает намеченной цели, заслуживает широкого распространения.

С. Блажко.

П. Ю. ШМИДТ. «Основы жизни». Популярное введение в биологию. С 63 рисунками в тексте. Гос. Издат. Птр. 1920. Стр. 120.

Вышедшая вторым изданием книга Шмидта имеет целью «ввести начинающего в основные вопросы биологии и познакомить его с основными явлениями жизни». В книге говорится только о тех явлениях, которые характеризуют жизнь особи; она не касается вопросов, связанных с понятием о виде, с вопросами об эволюции, наследственности и т. п. Популярное изложение этих вопросов автор предполагает дать в другой книге, которая, однако, неизвестно когда будет выпущена.

Покуда же автор ограничивается вторым изданием своих «основ», почти без всяких изменений первоначального текста.

Книга состоит из введения и 9 глав. Введение под заглавием «Живое и мертвое» трактует о распространении жизни в природе, об ее изучении и о признаках живых существ — об их движении, чувствительности, обмене веществ, росте, размножении, смерти, об особенностях их строения и состава. I глава, озаглавленная «Границы жизни», говорит об условиях, необходимых для возможности жизни, о присутствии воды, газов, минеральных веществ (солей), об определенных условиях температуры (для разных организмов разные степени переносимого ими тепла и холода, от +130° до —200°) и атмосферного давления. 2-я глава посвящена вопросу о происхождении жизни, которая могла появиться на земле только после достаточного охлаждения последней и путем самозарождения. Целым рядом исследователей, особенно Л. Пастера, опыты которого подробно описываются, была, однако, доказана невозможность самозарождения в настоящем, что это не отрицает, однако, необходимости допустить самозарождение в прошедшем, ибо иначе невозможно понять, каким образом могли произойти и простейшие организмы. Правда, была предложена теория космоизма (перенесения простейших организмов на землю с других небесных тел метеоритами), но она все-таки не объясняет происхождения жизни, хотя бы и на другом небесном теле.

В 3-й главе говорится о «живом веществе», о белковых веществах, их строении, об искусственном произведении органических соединений, о «жидких кристаллах», о формах живого вещества. Одна из наиболее характерных черт живого вещества — его сложность как с точки зрения химического строения и внутренней организации, так и внешних форм.

В главе 4-й («Единицы жизни») автор переходит к протоплазме и клетке. Количество клеток трудно определить, но оно громадно. В одном кубическом миллиметре крови содержится около 5 миллионов красных кровяных телец, а во всем человеческом теле надо предполагать их около 25 биллионов, всех же клеток, вероятно, несколько триллионов. А сколько их должно быть у слона, кита или в 50-тисаженных деревьях, как веллингтония, и т. п.!? Описывая строение протоплазмы, автор говорит и об искусственной протоплазме Бюхли, не имеющей ничего общего с белковыми веществами, но выказывающей тем не менее разительное сходство с естественной ячеисто-пенистой протоплазмой не только по строению, но и по движениям, вызываемым физическими причинами. Далее описываются клеточное ядро и центросома, оболочка клетки, не всегда, впрочем, присутствующая, движения, сократимость, питание и размножение клеток,—размножение как простое, так и сложное (кариокинез). Возможно, что клетка состоит из более сложных элементов (единиц) — «биоген», «биофор» и т. д., но автор замечает, что в этом отношении наука не вышла еще из области

туманных гипотез, и пока единицей жизни приходится признавать клетку.

В главе 5-й рассматривается движение, характерное особенно для животных, но заметное и у растений (листья тянутся к свету, цветы открываются днем и закрываются вечером, в клетках растений происходит движение протоплазмы и т. п., а у некоторых насекомоядных растений движения проявляются еще нагляднее). С другой стороны, и среди животных имеются сидячие, как полипы, трубчатые черви, моллюски, усоногие, раки, асцидии, морские лилии. Передвижение животных совершается разными способами, путем ползания при помощи ресничек, особых пластинок, плавников, по принципу отдачи (медузы, головоногие), по принципу аэростата (радиолярии, сифонофоры), хождения, бегания, прыганья по суше и т. д. Чтобы удовлетворить своему назначению, движение должно быть целесообразным, должно соответствовать потребностям организма и тем изменениям, которые происходят в окружающей среде. Это соответствие может достигаться, благодаря присутствию чувствительности, которой в книге посвящена отдельная 6-я глава. У простейших, тело которых состоит из одной клетки, чувствительность распространена по всему телу, но уже у некоторых инфузорий имеются особые реснички, пигментные пятнышки, чечевицеобразные зернышки, являющиеся примитивными органами обоняния и зрения. Все живые существа выказывают чувствительность к свету (гелиотропизм), сосредоточивающуюся у большинства животных в особых органах, глазах, строение которых выказывает у разных групп животных значительные различия (напр., у насекомых сравнительно с позвоночными). Восприятие ощущений, «раздражение органов» передается у животных при помощи нервной системы с чувствительных клеток на двигательные, при чем у высших животных развивается центральный передаточный аппарат, спинной и головной мозг. Чувствительность и нервная деятельность являются источниками деятельности духовной. Поддержание жизнедеятельности организмов требует введения в их тело различных веществ, которые подвергаются тем превращениям, служат отчасти для постройки тканей тела, являются источниками проявлений энергии — движения, теплоты, света (у светляка), электричества (у электрических рыб) или, наконец, выводятся из тела, как негодные. Этот «обмен веществ» служит предметом рассмотрения 7-й главы, в которой говорится о потреблении газов (дыхание) и жидких и твердых веществ (питание, последнее только у животных), о различных способах дыхания, добывания пищи, переваривания ее, выделения (мочи, кала). Общая цель всех этих функций — поддержание жизни организма, сохранение ее возможно более долгое время и сохранение жизни вида. Последнее достигается размножением, которому посвящена 8-я глава. В ней рассматривается сначала размножение простейших, деление и почкование, — способы, свойственные и многим высшим многоклеточным животным, у которых они стоят в связи с способностью восстановить утраченные части организма (регенерацией). Затем следует рассмотрение полового размножения как у низших, инфузорий, так и у высших животных, мужских и женских половых клеток, процессов оплодотворения у животных и растений, девственного размножения или партеногенеза, приспособлений для полового размножения. Все процессы, связанные с размножением, ведут к продолжению рода, стремятся создать ему бессмертие или возможно более продолжительное существование.

Последняя глава посвящена «старости и смерти». Автор говорит сначала о причинах смерти и останавливается на теории Вейсмана—бессмертия простейших, которые при благоприятных условиях не умирают, а размножаются делением до бесконечности, и даже, в сущности говоря, не стареются. Это применимо и к низшим многоклеточным животным, например, полипам, и к высшим многоклеточным растениям, которые могут развиваться остатками и, следовательно, принципиально могут считаться бессмертными. Высшие животные и человек умирают, но у них имеются половые клетки, слияние которых при оплодотворении обусловливает потенциальное

бессмертие организмов. Конечно, это бессмертие половых элементов условно, половые клетки могут погибать, не дав потомства, но все же при благоприятных условиях их существование может длиться вечно. Особи, однако, умирают, при чем конец жизни у разных форм животных наступает далеко не одинаково—от нескольких дней до 300 лет., а некоторые виды деревьев способны жить даже тысячи лет. Смерти нормально предшествует старость, причины которой были предметом исследования многих ученых. Мечников находит источник старости у человека в отравлении ядами, попадающими в кровь из кишечника, главным образом, из толстой кишки. С другой стороны, Минот и Гертвиг видели причину старости в дифференцировании (специализации) клеток, ведущем к утрате способности размножаться, к изнашиванию и гибели клеток. Это дифференцирование ведет к совершенствованию организма, но оно же ведет и к его смерти, которая, однако, уничтожая единичную особь, служит на благо вида и является фактором прогресса всего живого.

Автор упоминает и о попытках удлинить жизнь, но полагает, что уничтожение следствий, происходящих от дифференцировки клеток при развитии, есть область, являющаяся выше человеческого достигания. Однако, он мог бы сообщить об опытах Броун-Секара, о терапевтическом действии спермина и о значении для высших животных органов внутренней секреции. Эти органы стали в последнее время предметом многих изучений, указавших на тесную связь внутренних секреций с важнейшими функциями организма. Умолчание об этих исследованиях составляет один из недостатков книжки Шмидта, в новом ее издании следует упомянуть и об еще более важных исследованиях Штейнаха, придавшего вопросу о причинах старости и о продлении жизни новое освещение и открывшего новые практические перспективы в целях удлинения жизни. Другой недостаток книжки—отсутствие данных о связи телесной организации с духовной и о проявлениях и формах духовной жизни на различных стадиях животной организации. Ведь жизнь проявляется не только в движении, чувствительности, обмене веществ и размножении, но и в явлениях психической жизни, начиная от простейших рефлексов и примитивных инстинктов и кончая проявлениями разума.

Д. Анучин.

Р. П. АРЖАНОВ. Среди вод и болот. Гос. Издат. 1920. 240 стр. Ц. 85 р.

В педагогических кругах одной из главных (если не самой главной) задач преподавания биологии в средней школе считают обыкновенно выяснение учащимся особенностей растения и животного, как *живого существа*, как *организма*, находящегося в теснейшем взаимоотношении с условиями местообитания, накладывающими резкий отпечаток на всю его организацию. С этой точки зрения изучение водных растений является особенно благодарным. Как правильно замечает в предисловии автор разбираемой книжки, исключительность среды обитания водяных болотных растений вызывает исключительно глубокие и яркие биологические особенности их, и основное свойство живого существа—приспособляемость — выясняется как нельзя более рельефно при знакомстве с биологией этих растений.

Книга Аржанова имеет целью служить пособием для такого изучения природы. Разбирая один за другим ряд обыкновеннейших наших водных и болотных растений, она дает в общем недурно подобранный и достаточно обильный материал, который может послужить и для целей самообразования, и как пособие для начинающего преподавателя при проведении школьных экскурсий, и т. п. Как приятную особенность среди аналогичных компилятивных популяризаций следует отметить, что автор не ограничился, как это часто делается, «Жизнью растений» Кернера, а заглянул в некоторые более специальные и надежные руководства в данной области. Впрочем, здесь использовано далеко не все. Правда, от такой первоначальной популярной книжки нельзя и требовать, чтобы она отражала всю литературу, но все-таки некоторые более новые ра-

боты использовать не мешало бы. Укажем хотя бы на обширный труд Глюка о болотных и водных растениях (1911 г.) и на соответственные главы биологии растений Негера (1913 г.). В них можно было бы почерпнуть не только новые факты, но и некоторые новые точки зрения на трактуемый предмет.

Книжка имеет 240 страниц и разбита на 20 глав. В первой даются необходимые предварительные сведения о физических свойствах водной среды, главным образом, о ее прозрачности. Приводимые цифровые данные относятся к идеально чистой воде моря или горных озер, для наших же пресных водоемов, где вода всегда мутна и часто окрашена в бурый цвет гуминовыми и т. п. веществами, прозрачность несравненно ниже,—это следовало бы специально оговорить и дать для сравнения ряд других цифр, иначе у читателя может создаться впечатление, что и в наших водах можно встретить растительность на 50—60 метров глубины, тогда как на самом деле она редко доходит у нас и до глубины в 10 метров. Так же напрасно, по нашему мнению, не включены в эту главу данные о химизме водной среды и растворенных в ней газах. Между тем требования газового обмена у водных растений являются одним из самых решающих факторов их организации. Правда, об этом отчасти говорится в конце книжки (гл. 19), но при таких условиях многое покажется для читателя в начале недостаточно понятным.

Главная часть книги, гл. 2—17, посвящены специальному описанию водных и прибрежных растений. Здесь собран довольно обильный материал, который, несомненно, будет с пользой усвоен читателем. Как на одну из особенностей изложения можно указать на то, что для описания того или иного растения приводится диагноз его из определителя. Такой прием нельзя назвать удачным. Диагноз очень многое дает специалисту-ботанику, далее, он совершенно необходим в определителе, чтобы сверить по нему определяемый экземпляр, но начинающий, прочтя его, вряд ли получит реальное представление о растении.

Далее можно отметить ряд фактических неточностей. Напр., выделению слизи на подводных органах приписывается значение в смысле уменьшения трения (своего рода смазка). Это уже a priori мало вероятно в чисто механическом отношении, а наблюдения говорят, что в слизи здесь мы имеем вторичное образование, между прочим, от вышелачиванья органа окружающей водой (см., напр., Негер). Имеется далее некоторая невыдержанность терминологии. Напр., callitriche называется «однополым, однодомным растением». Формально это безусловное contradiction in adjecto. Автор путает здесь понятия: однополые цветы и однодомные растения.

В качестве дополнения к основной фактической части гл. 18 посвящена микроскопическому населению вод. Здесь автор остановился на свободно плавающих (планктонных) микроорганизмах, использовав для своего изложения книжку Воронкова «Планктон пресных вод». К сожалению, здесь совершенно не затронуты многочисленные прикрепленные водоросли, весьма разнообразные и интересные. Между тем они неминуемо должны привлечь внимание всякого начинающего наблюдателя водной растительности, так как часто покрывают поверхность тех высших водных растений, которые он вынимает из воды.

Гл. 19 и 20 носят характер заключения. В частности, часть материала из гл. 19, как сказано, было бы лучше поместить в начале книжки.

Наконец, в приложении сообщаются указания к разведению водных растений в комнате. Автор воспользовался здесь книгой Золотницкого. Сообщаемые сведения, несомненно, могут пригодиться при устройстве школьных аквариумов и т. п., хотя в этом случае лучше будет обратиться к первоначальному источнику—к Золотницкому («Аквариум любителя»).

Книга богато иллюстрирована (свыше 100 рис., из них много с оригинальных фотографий автора). К сожалению, многие рисунки очень плохо переданы в оттисках, а на некоторых и совсем ничего нельзя разобрать.

Л. Курсанов.

Francé. Die Pflanze als Erfinder (Растение, как изобретатель). 1920. 76 стран.

Около 10 л. тому назад в Германии появилось издание под названием, насколько помнится, «Die Kunstformen der Natur». Собранные в нем многочисленные изображения из мира микроскопических живых существ должны были, по мысли известного зоолога проф. Э. Геккеля, дать новые мотивы для изобразительных искусств.

Действительно, представленные там формы поражают своим изяществом и так и просятся на орнамент и т. п.

Непосвященного здесь прежде всего поражают в высшей степени изящные явления симметрии. Однако, для науки красота природы основывается прежде всего на *целесообразности*, — на соответствии строения частей с их основными отправлениями. при этом еще наблюдается основной *закон экономии*, т. е. необходимость такого устройства, какое с наименьшей затратой материала кратчайшим путем доводит тот или иной процесс до конца.

С этой точки зрения то, что наблюдается в природе, в значительной степени совпадает с основными задачами всей нашей техники, так как и там требования целесообразности и экономии играют решающую роль.

В разбираемой книжке как раз и проводятся такие параллели между техникой и соответствующими явлениями в мире живых существ («биотехникой», как она здесь называется).

Автор Франсе, ботаник по специальности, известный более, как популяризатор, плодовитый и оригинальный натурфилософ, является пионером в данной области. В 1919 г. им была опубликована более подробная, повидимому, книга на эту тему (на нее имеются ссылки, но оригинала у нас не было), в разбираемой же книжечке всего 76 стр. текста. Очень интересные сопоставления затрогиваются только слегка, в популярной форме. Цель книжки состоит в том только, чтобы обратить внимание лиц, не занимающихся специально биологией, особенно работающих в области техники, на те в высшей степени целесообразные структуры, какие можно наблюдать, напр., при микроскопическом изучении растительного мира. Эта целесообразность нередко превосходит все то, что мы имеем пока в области человеческих достижений.

С указанной стороны разбираются явления движения у жгутиковых, движение и строения диатомовых водорослей и некоторые черты строений клетки сложного многоклеточного растения (явления Гургора, проведения воды и т. д.).

Кое с каким из толкований автора можно, пожалуй, и не согласиться. Вообще здесь замечается, по нашему мнению, некоторая переоценка наблюдаемых в данной области достижений, будто бы, как правило, неизмеримо превосходящих достижения техники, но все-таки, несомненно, многое заслуживает здесь самого большого внимания.

Весьма вероятно, что эта техника природы, или биотехника, в дальнейшем даст новые мотивы для все дальше развивающейся человеческой техники.

Книжка написана живо и, как сказано уже, очень популярно. У немецкой читающей публики она пользуется, повидимому, большим успехом, так как в 1920 г. вышло 10 издание.

Л. Курсанов.

Handbuch der naturwissenschaftlichen und mathematischen Unterrichts. D-r. Norrenberg. VI Band. Prof. WAGNER, Methodike der erdkundischen Unterrichts. Leipzig 1919. 2 Theile, стр. 292+401.

Руководство к естественно-историч.' и математическому обучению. Д-р Норренберг, кн. VI. Проф. Вагнер. Методика географии. Лейпциг 1919 г.

Несмотря на то, что нигде преподавание в средней школе не поставлено так высоко, как в Германии, а, может быть, именно поэтому, нигде не появляется так много и так часто методических руководств по разным отраслям преподавания, как в этой стране. За последние годы, несмотря на войну и на последующие трудности жизни, работа в этом направлении проявляется непрерывно и выражается в целом ряде руководств и методик, составленных выдающимися специалистами - методиками. Особенно следует отметить, издаваемый под общей редакцией д-ра Норренберга, обширный коллективный труд—«Руководство к естественно-историческому и математиче-

скому обучению». В него вошли следующие методические сочинения: проф. Шенихен «Методика и техника естественно-исторического обучения»; проф. Литцман «Методика обучения математике» (два тома, почти 700 стр.); проф. Шейд «Методика преподавания химии»; проф. Пальм «История математического и естественно-исторического преподавания»; проф. Иоганесзон «Обучение физике»; проф. П. Вагнер «Методики географии», 2 тома. На этом последнем сочинении мы и думаем остановиться.

Оно разделяется на две части (тома): общую часть и специальную часть. В общей части разбираются различные взгляды на сущность научного землеведения, при чем автор останавливается в особенности на взглядах Рихтгофена, Геттнера и Филиппсона. Затем рассматриваются отношения географии к соседним наукам, ее подразделения и значение географического образования. После этого следует отдел—«Преподаватель географии», в котором говорится о подготовке преподавателей, требованиях, которые должны им предъявляться, главных и дополнительных знаниях, для них обязательных, пособиях для дальнейшего усовершенствования и т. д. Далее идет обширный отдел «Преподавание землеведения вообще» (в средних школах 2-й ступени). Здесь рассматривается прежде всего «цель географического преподавания» и «средства для достижения этой цели». В качестве средств указываются наблюдения в природе, пользование изображениями, стенными картинами, диапозитивами, фотографиями, кинематограммами, рельефами, моделями, глобусом, школьным атласом, стенными картами, учебниками и т. д., при чем подробно разбираются методы и формы обучения, составление диаграмм и картограмм, черчение карт, изображение рельефа, пользование инструментами, составление коллекций, наконец, устройство классной комнаты и географкабинета. Последняя глава трактует о положении географического обучения в общем учебном плане.

Вторая, специальная часть анализирует учебный материал по географии для различных классов средней школы, при чем останавливается подробно на родиноведении, ознакомлении с Германией и ее ландшафтами, с Европой и внеевропейскими странами. Особо рассматривается преподавание астрономической географии, картографии и физической географии (и ее отделов—климатологии, мореведения, геоморфологии, вулканизме). В заключение около 80 страниц посвящены «земле и человеку», природоведению и расовой антропологии, и около 75 стр.—страноведению в старшем классе. Последнее понимается в смысле избранных глав и должно преследовать, главным образом, антропо- и политико-географические цели. В качестве примеров указаны: Россия, Япония, Турция, немецкий народ в его отношениях к соседям, в его экономике, мировых сношениях, колониях. Следует заметить, что рассматриваемое руководство было составлено и отпечатано еще во время войны, и только конец печатания застала революция. В конце введения вставлено поэтому «добавление» (Nachschrift), от которого, однако, сохранились только 4 строки (на VIII стр.), а остальные, очевидно, отсечены или не пропущены цензурой. Остались только строки: «Теперь немецкий народ разбит не только на войне, расстроен не только политически и экономически, но и духовно и нравственно ... Духовно и нравственно германская нация, однако, стойко борется за свою культуру, как то указывают успехи ее науки и техники, ее промышленности, литературы, народного образования. В ней замечается более энергичная деятельность, чем, например, у ее победительницы Франции, которая в научном и образовательном отношениях, видимо, отстает от своей побежденной соседки».

Д. Анучин.

Проф. А. П. ПАВЛОВ. ОЧЕРК ИСТОРИИ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ. (Ест.-научн. библиотека.) Издание выпущено к 35-летию профессуры автора. Госуд. Издат. М. 1921. Стр. 84.

Очерк проф. А. П. Павлова в первоначальном своем виде был помещен, если не ошибаемся, несколько лет тому назад в одном из толстых журналов, кажется, в «Мире Божьем». Но последнее

издание его подверглось пересмотру, несколько изменено, дополнено и вообще является переработанным. Книга разделена на 14 глав, в которых излагается развитие геологии, начиная с древнейших времен и кончая ее современным состоянием и ее задачами. После «вступления», в котором намечается содержание геологии, изучающей испытанные землей изменения, дается понятие о характере этих изменений и о «документах», по которым можно восстановлять историю земли, автор переходит к космогониям древних народов (вавилонян, евреев), к вавилонско-еврейскому преданию о потопе и к истолкованию последнего Зюссом, как громадного наводнения, шедшего в Месопотамскую равнину с Персидского залива и вызванного сильным землетрясением, которое совпало с надвинувшимся с юга циклоном. Упомянув о взглядах философов классической древности о представлениях, господствовавших в средние и следовавшие за ними века, автор указывает на «первые начала научной геологии», следовавшие за знаменитым трактатом Коперника, в котором были положены прочные основы современной астрономии поставлением солнца, а не земли, в центре нашей солнечной системы (гелиоцентрическая теория в отличие от господствовавшей до того — геоцентрической Птоломея). Эти «первые начала» выразились в воззрениях на ископаемые Леонардо-да-Винчи и Стенона, которые более соответствовали действительности, чем последовавшие умозрительные построения Декарта, Лейбница и Бюффона. Интересно, что современник Бюффона, наш соотечественник Ломоносов, в своем сочинении «О слоях земных» (1757) значительно опередил своих западных коллег глубиной и обоснованностью защищавшихся им положений.

В XVIII веке замечается рост фактических знаний о строении земли в трудах Мичеля, Лемана, Фюкселя, Геттара и Демаре. Тем не менее геология еще не скоро вступила на путь правильного развития и сделалась точной наблюдательной наукой. Еще долго в ней преобладали умозрительные построения, выразившиеся в конце XVIII века и в начале XIX в. в противоположных учениях Вернера — с одной стороны, и Геттона и Плейфера, с другой. Вернер приписывал главную роль в образовании земных слоев морским отложениям. Геттон придавал большое значение подземному жару, поднятию слоев вулканическими силами, извержению лав. Оба ученых были создателями различных научных школ — нептунистов (последователей Вернера) и вулканистов (последователей Геттона), бесплодные споры между которыми мало подвинули вперед науку. Более плодотворное направление было внесено англичанином В. Смитом, установившим способ определения хронологии геологических событий посредством сравнения заключенных в залегающих один на другом пластах органических остатков. Современник Смита был французский естествоиспытатель Ламарк, выступивший впервые в своей «Зоологической философии» с теорией естественного происхождения животных видов. Дальнейший шаг вперед был сделан Ж. Кювье, разработавшим методы изучения ископаемых остатков и положившим основание новой науке «палеонтологии». Вулканическая теория Геттона нашла себе авторитетных защитников в Леопольде фон-Фуке, Ал. ф.-Гумбольдте и Эли-де-Бомоне, явившихся в первой половине XIX века наиболее крупными представителями школы «катастрофистов». Эта школа нашла себе решительного противника в Ч. Ляйеле, который в результате своих наблюдений (1823—1875) пришел к выводу о необоснованности учения о внезапных катастрофах, об отсутствии резких границ между геологическими образованиями и о медленно совершавшемся процессе развития земли и земной поверхности при помощи тех же сил, которые действуют и в настоящее время. Это в общем весьма плодотворное учение об однообразии геологической деятельности во все времена истории земли создало школу геологов, которые были названы униформистами или актуалистами. Школа эта господствовала до последней четверти XIX века, когда стало намечаться другое направление научной мысли, хотя и признающее основные положения ляйелевской школы, но в менее категорической форме допускающее временами наступление таких

геологических явлений, которые не имеют места, по крайней мере в тех же размерах, в другие периоды жизни земли. Одним из таких явлений был ледниковый период, предшествовавший современному и который Ляйель напрасно пытался объяснить ныне действующими факторами.

В XIX веке были заложены твердые основы для хронологической классификации напластований. Еще Вернер и Смит, а затем Бекланд, Кювье, Мурчисон, Серджвик, Филиппс установили ряд последовательных геологических формаций (позже их назвали системами), распределенных на группы: архейская, палеозойская (древняя), мезозойская (средняя) и кенозойская (новая). Каждая группа подразделена на системы или периоды, а периоды на отделы; последняя система называется четвертичной и делится на ледниковый отдел (дилювий) и современный отдел (аллювий). Смена органических остатков в различных пластах земной коры получила новое освещение в теории происхождения видов Ч. Дарвина. Те же ископаемые остатки стали звеньями никогда не порывавшейся цепи жизни, которая и доныне продолжает развиваться и изменяться, как она развивалась и изменялась в продолжение бесчисленного ряда предшествовавших веков. С другой стороны, как теория Дарвина, так и теория Ляйеля, должны были содействовать развитию убеждения в громадной древности земли, в огромной продолжительности геологических времен.

В последних главах своего очерка проф. Павлов говорит о различных современных направлениях геологической науки, о работах по вопросу о происхождении горных цепей, и останавливается в особенности на знаменитом сочинении Э. Зюсса «Лик земли» (1883—1909), в котором объединены в общее стройное целое почти все геологические знания настоящего времени и начертана картина образования всех существующих черт земной поверхности, ее гор, материков, морей, океанов. Заканчивается очерк небольшим заключением, в котором подчеркивается медленность развития геологической науки, встречавшегося с разными препятствиями и бывшего вынужденным вести вековую борьбу. Но в конце концов искание истины принесло свои плоды, которые существенно расширили горизонт наших знаний.

Д. Анучин

СЕРИЯ УКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ ЛЕКТОРОВ. № 1. Арманд. Происхождение мира. № 2. Гиршфельд. История земли. № 3. Гиршфельд. Происхождение органического мира. 1920. Издание политотдела 10 армии Стр. 8+12+12.

Имея в виду необходимость организации курсов и лекций для красноармейцев и принимая во внимание отсутствие опытных руководителей, инструкторов и лекторов, а также недостаток руководств всякого рода пособий, политотдел реввоенсовета юго-западного фронта решил приступить к изданию указателей, в форме тезисов, лекций по различным научным вопросам. В конце каждого указателя приводится список книг, содержащий материал, относящийся к лекции. Книги подобраны простые, доступные и неподготовленному читателю. По мнению издателей, такие указатели могут оказать услугу как лектору, так и всякому товарищу, желающему ознакомиться с теми или иными вопросами. Прочтя означенные в книгах места, товарищ найдет все необходимое для прочтения небольшой лекции или беседы.

Тема «Происхождение мира» изложена в 25 тезисах, при чем по каждому тезису указаны места в семи сочинениях (Гюнтер Аррениуса, Неймайера, Мейера). Тема «История земли» сведена к 17 тезисам с ссылками на 5 сочинений. Не знаем, насколько этих указателей достаточно, чтобы, следуя им и прочтя означенные места в указанных книгах, неполучивший достаточного образования и неподготовленный читатель мог ясно усвоить себе предлагаемые сведения и изложить их так же ясно еще менее подготовленным слушателям. Возьмем, например, 14 тезис № 1; в нем говорится: «Вследствие вращения своего центрального ядра, туманность также получает вращательное движение в том же направлении. Охлаждаясь, благодаря излучению теплоты, она оставляет кольца,

частицы которых, обладая большой скоростью, не падают на центральное ядро. Ввиду неоднородности строения кольца и проникновения в него посторонних тел, увлекаемых его движением, в отдельных его местах происходят сгущения, которые позже образуют шарообразные массы сгущенных газов—зачатки будущих планет» и т. д. Едва ли этот тезис будет ясно понят простым читателем. В двух других указателях встречаются не совсем ясные и точные тезисы. Так, напр., в № 2 говорится, что вулканы выбрасывают раскаленные жидкие массы лавы и пара; но вулканы выбрасывают, кроме паров, газы, пепел, вулканический песок, мелкие камни, каменные глыбы, а лава не выбрасывается, а выливается из трещин. Далее, относительно каменноугольного периода указано, что в течение его появились первые гады (амфибии), но амфибии не гады, а гадами называются рептилии (пресмыкающиеся). Кенозойскую эру, по словам указателя, разбивают на два периода: третичный и четвертичный; но третичной называют целую эру, которая разделяется на четыре отдельных периода. «Дожди разрушают скалы, ветер вздымает тучи песка—от всего этого вид земли постепенно меняется». Но от одного дождя и от вздымания ветром песка земля немного изменится. Море, реки, горные ледники представляют из себя более важных агентов, а ветер действует не тем, что он вздымает тучи песка и пыли, а тем, что он переносит их и откладывает в других местах, и тем, что в сухих областях, ударяя носимыми им песчинками в горные породы, постепенно истачивает и разрушает их.

В общем же тезисы указателей намечают довольно подходящие планы соответственных чтений.

Д. Анучин.

М. НОВОРУССКИЙ. ЗЕМЛЯ И ЕЕ ЖИЗНЬ. Всем доступное изложение науки о земле. С иллюстрациями. Гос. Издат. Петербург 1920 г. Стр. 163.

Книга эта появляется уже 3-м изданием. В предисловии к нему автор заявляет, что общий план книги оставлен без перемены, но в содержание ее внесено много дополнений и изменений, сделанных, главным образом, для того, чтобы еще больше упростить изложение, и разъяснить как можно понятнее некоторые данные. Цель автора—изложить начальные знания о земле так понятно, чтобы их легко мог усвоить каждый без посторонней помощи. Быть может, замечает автор, и для учителей начальной школы эта книжка послужит нелишним пособием, даст им легкий обзор наших знаний о веществе и о том, как земля наша строилась из различных веществ. Краткий обзор указанных знаний не обнимает, однако, всей науки о земле,—не охватывает геологии и общего землеведения,—поэтому правильнее было бы дать книге название «Введение в науку о земле» или «Первое понятие о строении и жизни земли». В книге, например, нет сведений по исторической геологии, палеонтологии, метеорологии и климатологии и т. д., а есть некоторые элементарные понятия из области физики и химии.

Книга разделена на две части; из них в первой говорится о веществе, о том, что такое тело и какие бывают тела, как они растворяются, оседают, кристаллизуются, как тела соединяются одно с другим и разлагаются на составные части, о силе сродства, об окислах или кислотах, их действии и т. п. Вторая часть (почти втрое бо́льшая) посвящена земле; в первой главе дается понятие о горных породах, о жизни земли, об ее громадном возрасте; во второй—об окаменелостях и что они нам говорят; в третьей—о силах, создающих горные породы; в четвертой—о расположении земных пластов; в пятой—об общем виде земли, а в шестой—приведен «краткий перечень самых обыкновенных горных пород и минералов». В третьей главе в ряду сил, создающих горные породы, указываются:

1. Жар или огонь—вулканы и лавы. 2. Вода (как она проникает в землю, разрушает одни горные породы и образует другие, переносит с места на место целые пласты, а в твердом состоянии (в виде льда, глетчеров) и громадные каменные глыбы). 3. Ветер (как он разрушает горы и наносит почву). 4. Растения (как они образуют почву, как возникает торф и каменный уголь.)

5. Животные (как образовался мел и известняк). 6. Давление или сила тяжести (как от нее уплотняются горные породы). В этой главе нам бросились в глаза некоторые противоречия: на стр. 74—75 говорится, например, что внутренность земли находится в расплавленном состоянии, и когда тонкая оболочка земли сжимается, она сдавливает внутреннюю массу, которая, обладая огромным напором, разрывает оболочку в местах наименьшего сопротивления и «выбрасывается наружу фонтаном, точь в точь, как выбрасывается вода из резинового шара при его сжатии в руке». На стр. же 76 автор замечает, что «из чего состоит внутренность земли,—неизвестно, но можно считать доказанным, что она состоит из веществ, более тяжелых, чем наружная оболочка». Какое же это может быть вещество? Повидимому, железо, как наиболее тяжелый металл, но автор об этом не говорит и не поясняет, как примирить существование такого тяжелого вещества с жидким состоянием внутренности земли. С другой стороны, сравнение извержения с выбрасыванием воды из резинового шара едва ли правильно. Ведь выбрасывается при извержении не жидкость, а пары, пепел, камни, а жидкость же (лава) вытекает из трещин. В четвертой главе, трактующей о расположении земных пластов, говорится об их складках, изгибах, сдвигах, сбросах и т. п., но не поясняется, действием каких сил они могли быть произведены. Точно так же, хотя автор упоминает о землетрясениях, но не говорит, как и где они происходят.

В общем же книжка Новорусского выполняет удовлетворительно свое назначение: дать вполне доступное, краткое изложение элементарных сведений о земле.

Д. Анучин.

L. GRAETZ. Kurzer Abriss der Electricität. Stuttgart 214 стр. 1921 г.

Краткий очерк учения об электричестве. Штуттгарт 1921.

Книга эта представляет сокращенное издание книги того же автора: Die Electricität u. ihre Anvendungen.

Десять глав ее охватывают не только элементы учения об электричестве, но и кое-какие более серьезные вопросы, на которых в элементарных книгах мало останавливаются: радиоактивность, электрические колебания и т. п. Красной чертою проходят через всю книгу технические применения электричества, вплоть до самых новых вроде электронных ламп. Несмотря на обилие материала, сосредоточенного всего на двух сотнях страниц, книга читается и усваивается легко, чему причиной, с одной стороны, краткий и ясный язык автора с другой же—умение педагогически расположить материал.

Иметь перевод такой книги для русского читателя было бы весьма желательно, особенно ввиду умения автора связать науку с техникой. Следует только настоятельно пожелать, чтобы выполнение рисунков было достаточно совершенно». Широкая читательская масса перелистывает ознакомление с книгой разглядыванием картинок, и надо сказать, что рисунки этой книги невольно порождают желание познакомиться и с текстом. Жаль будет, если это немаловажное достоинство популярной книжки будет уничтожено в русском издании.

Недостатки книги указать затруднительно: если они и есть, то они спорны. Так, автору этой рецензии хотелось бы видеть в книге описание способов утилизации азота воздуха, побольше электрохимических применений, телефонирование без проводов и т. п. Однако, нельзя не предоставить автору книги известной свободы в выборе материала, хотя бы этот выбор и оказался немного не по вкусу рецензенту.

Н. Андреев.

Dr. H. SCHMIDT. Probleme der modernen Chemie in allgemeinverständlicher Darstellung. Hamburg 1921 г.

Др. Г. Шмидт. Проблемы современной химии в общедоступном изложении. Гамбург 1921.

Книга H. Schmidt'а, названная автором «Проблемы современной химии», дает обзор не столько успехов химии, сколько тех достижений в области эксперимента и теории, которыми обогатилась ее соседка—физика за последние 25 лет со времени открытия радия. Однако, на такое заглавие у автора есть законное

право. Правда, что касается «современной» химии, то она пока еще пользуется своими, чисто химическими методами, но химия будущего, и, быть может, очень недалекого, должна будет, повидимому, коренным образом перестроиться. Ее эмпирические законы получат смысл и значение строгих математических выводов из небольшого числа основных физических предпосылок. По мере того, как растет наше познание структуры и свойств атома, контуры этой будущей математической химии рисуются все яснее и определеннее.

Открытия, сделанные атомистической физикой, поистине изумительны, и вполне понятен интерес, привлекающий к ней сейчас самые широкие круги естествоиспытателей.

Именно, имея в виду такого читателя, следует признать законным и желательным появление книг, которые, оставляя в стороне математическую разработку вопросов, давали бы в то же время ясный отчет об удивительных экспериментальных исследованиях современной физики.

В начале своей книги автор вспоминает средневековых алхимиков с их упорным, но безуспешным стремлением решить проблему превращения элементов. Задача эта так неожиданно стала опять на очередь в наши дни. Далее рассказывается об открытии и свойствах радия и его лучах. Глава третья посвящена теории распада атомов,— подробно описаны радиоактивные превращения и приводятся родословные радиоактивных элементов. Эта глава обширнее других по количеству собранного в ней материала и написана интересно. Следующая озаглавлена «Химический атом, как солнечная система», но содержание ее мало оправдывает такое название этой главы, заключающей в себе по преимуществу описание опытов, устанавливающих атомное строение материи и электричества. Глава пятая «О природе валентных сил» говорит о периодическом законе, упоминает о теории Бора и опытах Мозелея, при чем о последних весьма кратко, о чем нельзя не пожалеть, ввиду их фундаментального значения для всей физики атома.

Наоборот, более значительное место уделено теории валентных сил Штарка, имеющей теперь лишь историческое значение. Наконец, приводится теория Косселя. Вся эта глава по обилию и малой разработке материала носит несколько конспективный характер. Более обстоятельными являются две следующие: «Что такое химический элемент?» и «Теория радиоактивных превращений и изотопы»; следует отметить работы Астона, доказавшего, что дробные атомные веса некоторых легких элементов (хлор, неон, ртуть и др.) есть следствие одновременного присутствия нескольких изотопов с целыми атомными весами и «Из химии биллионной части миллиграмма», где рассказывается об интересных опытах Панета над получением водородного висмута.

Наконец, последней является глава под заглавием: «Мечты алхимиков осуществились»; это — краткий отчет о поразительном открытии Резерфорда (Rutherford, июнь 1919 год), сумевшего при помощи бомбардировки азота частицами радия разложить этот газ на гелий и водород.

Затрагивая ряд самых живых и интереснейших вопросов физики и химии, книга Шмидта имеет известную ценность, но нельзя не пожалеть, что в изложении материала у автора заметно отсутствие строго систематического плана, и часто нет надлежащей пропорциональности между объемом и содержанием отдельных частей. Иллюстрирована книга бедно.

С. Конобеевский.

МЕДИЦИНА И НАРОДНОЕ ЗДРАВИЕ.

Проф. М. Н. НИКИФОРОВ. Микроскопическая техника. Пособие при практическом изучении патологической гистологии. 8-е издание. Редакция и дополнение проф. А. И. Абрикосова. 1919. Издание Народн. Комисс. Здравоохранения. 192 стр. Ц. 54 стр.

Имя русского ученого, одинаково уважаемого в России и за границей, само по себе является достаточным ручательством научных достоинств книги. Издательский отдел Наркомздрава не мог сделать лучшего выбора, остановившись на этом классическом, настольном учебнике наших лабораторий. Автор скромно преследовал чисто практические цели, но, благодаря своей эрудиции, вышел за пределы поставленной себе задачи. Не только патолого-анатомы, но и другие лаборанты,—бактериологи или клиницисты,—могут найти много полезных сведений в небольшой, но очень содержательной книге. Особенно хороши главы о свойствах красок; удачно изложены способы главнейших бактериологических исследований. Самым характерным свойством справочника является масса мелких, простых, но необходимых при лабораторной работе технических подробностей. Обычно они отсутствуют. В данном случае они предусмотрены опытным педагогом. Смотри, напр., указания о получении абсолютного спирта и таблицу для получения его разведений, или хотя бы способ приготовления гумми-арабика, или изложение приготовления висячей капли. Подробные, казалось бы педантичные, но ценные для начинающего лаборанта замечания вкраплены во все главы и отделы книги.

Дополнения, сделанные проф. Абрикосовым, повышают достоинства книги, не изменяют ее общего характера и первоначального плана, оставляя на нем печать индивидуального хода мысли покойного автора. Среди немногих аналогичных руководств на русском языке почетное место принадлежит, бесспорно, пособию М. Н. Никифорова, да и в ряду употребительнейших справочников иностранных авторов оно не могло бы затеряться.

Д-р Н. Д. Амелиус

Д-р Е. А. АРКИН. Физиология человека. Москва 1919. Издание Народн. Комм. Здравоохранения, 230 стр. Издание 4-е

Опрятно изданная, очень хорошая книга, предназначенная, очевидно, для читателя с небольшой общеобразовательной подготовкой. Самым ценным ее свойством является продуманность и выдержанность общего плана. Автор поставил себе целью передать общедоступным языком важнейшие и неоспоримые факты из области научной физиологии, по возможности, отбросив ненужный балласт в виде недоказанных или оспариваемых гипотез. Задача эта в общем выполнена блестяще, тем более, что самый способ изложения по живости и благородной простоте языка не оставляет желать лучшего. В этом книга ярко отличается от многих популярных учебников и брошюр.

В последующие издания полезно было бы внести некоторые дополнения, которые, думается, послужили бы к дальнейшему улучшению книги. Прежде всего несколько слов по поводу рисунков. Их слишком мало, и, главное, они носят случайный характер и страдают отсутствием продуманности, свойственной тексту. Снабжая книгу рисунками, следует помещать их в достаточном количестве и именно в тех отделах, где они являются необходимым дополнением текста, т.-е. в описаниях, не поддающихся изложению без наглядного образа. Между тем, хотя бы такой сложный и трудный для неспециалиста отдел, как анатомия и физиология головного мозга, очень беден рисунками. Их приведено четыре, из которых только два относятся к описательной анатомии мозга. Таким образом отсутствует изображение многих частей мозга, напр., мозжечка, о котором упоминается в тексте. По качеству иллюстрации подобраны неоднородно и

потому мало удовлетворяет. Для примера возьмем хотя бы рисунки 24 и 27: красные и белые кровяные шарики. Первый не только схематичен, но даже способен дать неправильное представление о действительной картине. Второй, микрофотограмма Мечникова, очень хорош. Сопоставить оба эти рисунка невозможно, тем более, что ни для одного, ни для другого не указана степень увеличения; неподготовленный читатель не может составить себе никакого представления об их взаимоотношении. Подобного рода досадные недостатки присущи большинству помещенных рисунков.

Остальные пробелы легче устранимы. Так, следовало бы отвести отдельное место физиологии половой системы. О ней имеются лишь разрозненные, неполные сведения то в главе о спинном мозге (стр. 63), то в главе о внутренней секреции (стр. 186). Далее, при перечислении *главнейших* тканей человеческого тела, на-ряду с жировой и соединительной тканью не упоминается кровь, которая, однако, рассматривается новейшей наукой именно; как ткань с жидким промежуточным веществом. На стр. 20 пропущено пояснение слова «протоплазма». Впрочем, это мелочи, на которых не стоит останавливаться, тем более, что они не изменяют общего благоприятного впечатления от разбираемой книги.

Д-р Н. Д. Амглиус.

Проф. К. Ф. ФЛЕРОВ. Об уходе за больными остро-заразными болезнями. Краткое руководство для ухаживающего персонала. Москва 1920. Изд. Нар. Комиссар. Здравоохранения.

Умелому уходу всегда придавалось большое значение при лечении больных. Особенно в случаях остро-заразных заболеваний, протекающих обычно тяжело, правильный уход является нередко решающим для жизни больного. Нужда в обученном персонале вызвала появление ряда небольших руководств по уходу за больными (Флерова, Гоффа в переводе Фрида, Палаузова и др.).

Проф. Флеров в своей книжке подробно разбирает довольно сложные обязанность ухаживающего персонала и систематически излагает методы ухода. После кратких сведений о заразных болезнях и способах заражения, автор останавливается сначала на общих основах ухода за больными (покой, чистота, смена белья, состояние кожи, уход за находящимися в бессознательном состоянии, за выздоравливающими и др.). Затем уже описываются особенности ухода, предупредительные меры по отношению к другим и те или иные технические приемы, вызываемые различными остро-заразными болезнями, при чем последние подразделяются на группы по характеру передач заражения. Не забыты способы взятия материала для исследования, а также правила дезинфекции. Надо сказать, что дезинфекции, одной из наиболее серьезных мер предупреждения заражений, уделено сравнительно мало места. К сожалению, автор в своем руководстве имел в виду главным образом, больничную обстановку, между тем как вся масса сельского населения и значительная часть городского принуждены лечиться дома. Приложенные инструкции для различных категорий больничного персонала, правила для посетителей общих и заразных корпусов, хотя и устарели, но не лишены интереса, как справочный материал.

В. Сукенников.

В. С. ГРУЗДЕВ. Курс акушерства и женских болезней. Часть I. Анатомия и физиология женского полового аппарата. Москва 1920. Изд. Народного Комиссариата Здравоохранения. Стр. 98.

Уже первая часть труда проф. Груздева свидетельствует о том, что мы имеем дело с хорошим учебником, одинаково пригодным как для учащихся студентов, так и для врачей-практиков, нуждающихся в справках или в систематизации знаний. Построение книги, полнота материала, отделение прочно установленного от менее существенного, литературный указатель после каждой главы и прежде всего ясность изложения—являются достоинствами книги. Но отсутствие рисунков, столь необходимых при описании анатомических данных, до некоторой

степени их уменьшают. Рисунки, очевидно, предполагались, ибо в тексте есть ссылки на них. В учебнике приведена литература исключительно русских авторов. Конечно, большая заслуга в том, чтобы собрать обычно мало известную, но нередко ценную русскую литературу и дать возможность справок для незнающих иностранных языков, но нельзя согласиться с утверждением автора, будто национальный отпечаток в руководствах по практической медицине, в частности — ограничение литературных указаний национальным признаком — необходим для прогресса науки в стране.

В. С.

Первый всероссийский съезд по медицинскому образованию. Часть I. Тезисы докладов и резолюций под редакцией д-ра Л. Ф. Раухваргера. Издание Народного Комиссариата Здравоохранения.

Съезд по вопросам медицинского образования происходил в Москве с 20 по 23 августа 1920 года. На съезде заслушано было более 20 докладов как по реформе высшего медицинского образования, так и по организации школ для вспомогательного и ухаживающего персонала (фельдшерские школы, акушерские, школы сестер милосердия, их помощники, школы для подготовки персонала для противотуберкулезных учреждений, школы массажа и т. д.) и один доклад (Исаева) о курсе санитарного просвещения в медицинских школах. Перед нами пока только первый выпуск трудов съезда, а именно: тезисы докладов и резолюций. В резолюциях находим в части, касающейся высшей школы, принятые съездом постановления об условиях приема на медфакультеты, о реорганизации высшего медицинского образования и об учреждении новых высших медицинских школ, об общем учебном плане, методах преподавания и новых предметах, о трудовой повинности учащихся и их обеспечении, о научно-исследовательских институтах, об усовершенствовании врачей и об ассоциациях врачей-специалистов и др. По докладам о подготовке ухаживающего персонала приведены постановления о принципах и программах для разнообразных вспомогательных медицинских школ. Наконец, по докладу о санитарном просвещении мы видим постановление о введении курса санитарного просвещения в качестве обязательного предмета в программы всех без исключения школ и курсов.

Собранные в первом выпуске постановления будут иметь на местах большое значение, как инструктирующий и справочный материал. Будем надеяться, что второй выпуск выйдет без задержек, и заинтересованные найдут в докладах и дискуссиях обоснование принятых съездом постановлений.

В. Сукенников.

1. КЛИНИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА (сборник, посвященный вопросам научной и практической медицины). Издание Народного Комиссариата Здравоохранения. Под редакцией проф. Д. Д. Плетнева, В. В. Иванова, А. В. Мартынова и В. К. Хорошко. Выпуски I и II. 1920 г.

2. РЕФЕРАТИВНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ под общей редакцией М. П. Кончаловского, И. Л. Брауде, А. И. Абрикосова и В. В. Иванова. № 3. Февраль 1921 г.

3. МОСКОВСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ № 1. Май 1921 г.

4. ИЗВЕСТИЯ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ. № 1.

С чувством глубокого облегчения можно сказать: научная и практическая медицина завоевала себе новую трибуну для обсуждения самых животрепещущих вопросов, которые социальная жизнь и социальная патология ставят перед врачами. В одной Москве уже появилось 3 медицинских журнала. Отдельные попытки издания журналов делаются и на местах: на-ряду с столичными мы имеем и провинциальные журналы. Как только жизнь стала входить в полосу мирного строительства и открылись малейшие возможности, вспыхнула потребность в печатных органах, посвященных медицине и санитарии, где могли бы быть собраны рассыпанные материалы о нашем недавнем прошлом и нашем настоящем, подведены итоги научной работе последних лет, освещены новые вопросы, ко-

торые ставит непрекращающаяся работа научной мысли. Медицина подверглась в последние годы большой дифференциации. Выделились, как обособленные до некоторой степени, области: лечебная медицина, санитария и общественная медицина и т. д.

Понятно поэтому, что один медицинский журнал не мог насытить потребности в научных врачебных журналах.

На небольшом протяжении появились в Москве три журнала, не повторяющие друг друга, а дополняющие и до некоторой степени согласованные между собой. «Клиническая Медицина», которая была задумана раньше всех журналов, но вышла с большим запозданием, ставит себе, повидимому, целью быть органом русской научной медицинской мысли. В обоих выпусках напечатаны работы исключительно русских авторов по вопросам терапии, венерологии, хирургии и т. д. Нашему старому «недругу» — сыпному тифу с различных точек зрения посвящены значительная часть 2-го выпуска, а именно: статьи К. Ф. Флерова, И. Г. Кричевского, В. Н. Автономова, Е. Кононова, М. Дыхно, А. Н. Паншина и П. Т. Сидорова. Другие статьи посвящены отдельным разрозненным вопросам терапии, венерологии и хирургии. Эта рассыпчатость материала и некоторая случайность особенно бросаются в глаза после такого долгого периода «молчания», с одной стороны, и тех тяжелых потрясений, какие население России пережило как в области питания, так и в области всего своего санитарного благополучия. Огромная лаборатория русской жизни (по меткому выражению Д. Д. Плетнева) работала во-всю, ставила и разрешала по-своему самые серьезные вопросы питания, эпидемиологии, создавала новые типы болезни и извращала до неузнаваемости старые, а «Клиническая Медицина» точно проспала все 4 года и продолжает работу «Врачебной Газеты», «Русского Врача» и т. д., но, конечно, с более слабыми силами.

Не может быть, чтобы этот лабораторный опыт никем из работников научной и практической медицины не собирался, не переваривался. Между тем в «Клинической Медицине» мы этой огромной области научного опыта почти не имеем. Чуть ли не все статьи могли бы с успехом быть помещенными в «Врачебной Газете» 1918 г. и явится продолжением той повседневной научной работы, которая велась в обстановке мирного времени.

Конечно, и эта работа нужна, и ей должно быть отведено почетное место, но хотелось бы, чтобы в «Клинической Медицине» в дальнейшем нашел отражение и подвергся живому обсуждению тот печальный опыт, который дали нам 7 лет войны и революции в области био-патологии.

Указанный пробел не уменьшает все же ценности журнала, как первого серьезного врачебного органа, одного из собирателей рассыпанной медицинской храмины. Заслуга Наркомздрава, издающего журнал, и редакторов журнала этим не умаляется, ибо понятно, что только разобщенность медицинских сил помешала собрать, несомненно, богатый материал в области патологии военного и революционного времени. Очень интересен, несмотря на краткость, отдел хроники. Желательно его расширить. К числу пожеланий, о которых нельзя умолчать, относится и пожелание привлечь, несмотря на объективные трудности, к участию в журнале научно-медицинских работников других центров, кроме Москвы.

«Клиническая Медицина» должна стать органом, объединяющим работу не московских только клиник, но работу всех очагов научной врачебной мысли и практики в стране.

И, наконец, последнее пожелание: сделать выход более частым и регулярным. О «Реферативном Медицинском Журнале» мы уже писали в первом номере настоящего журнала. Остается только подчеркнуть снова казуистический балласт некоторых отделов (венерологического), нуждающегося в обобщении и фильтрации. В остальном журнал стоит на верном пути и имеет все шансы стать мостом между научной медицинской работой в Европе и работниками нашей отечественной медицины.

В 3-м номере, к удовольствию нашему не заставившем себя долго ждать, мы встречаем снова много интересных рефератов по различным отделам медицины,

встречаем и рефераты работ русских врачей, и хорошее впечатление от первых номеров крепнет. Один только пробел начинает сильно чувствоваться, это отсутствие отдела общественной гигиены. При том внимании к вопросам социальной профилактики, который имеет место у нас, следовало бы возможно скорее ввести и этот новый отдел, отсутствие которого как будто даже не по духу времени.

Третий журнал, лежащий перед нами: «Московский Медицинский Журнал» восполняет вышеупомянутый пробел. Он большей своей частью посвящен вопросам общественной медицины, санитарии и гигиене. В этом его главное достоинство и интерес. Здесь мы встречаем интересные статьи Сысина, Гуревича, Прокофьева, Каца и т. д., дающие богатый и свежий материал, касающийся нашего санитарного состояния за время войны и революции. Здесь мы чувствуем биение живой нашей действительности.

Особенно интересный материал собран в статье А. Н. Сысина—«Москва и Петербург за время войны и революции» (санитарно-статистические параллели) и в статье С. А. Гуревича, посвященной жилищной проблеме. Кроме статистического материала, касающегося исключительно Москвы, очень интересны выводы, которые С. А. Гуревич делает из своей более чем $1^1/_2$-годовой работы в жилищной области. Они могут с несомненностью быть распространены на всю Россию. Кроме статей, посвященных социальной медицине, имеются работы, посвященные по преимуществу практической клинической медицине.

Отдел библиографии довольно богат, а по вопросу о сыпном тифе приведена исчерпывающая библиография.

Очень интересен, несмотря на краткость, обзор периодической медицинской печати в России за время 1918 и 1920 г.г.

Несмотря на скромное название, «Московский Медицинский Журнал» уже с первого номера перерастает местные границы, становится органом всероссийского масштаба, кровно связанным с живой действительностью. В этом его огромное достоинство.

Четвертый журнал, издающийся в Москве, «Известия Народного Комиссариата Здравоохранения», был долгое время единственным большим медицинским журналом. Кроме официального материала, в нем имеются и интересные работы, посвященные организационным вопросам и строительству советской медицины, начиная с первых его шагов. Имеются в нем и интересные научные статьи, посвященные сыпному тифу, испанке и т. д.

Краткий обзор совершенно не касался периодических медицинских журналов, в значительном числе появившихся в других городах республики («Известия Комиссариата Здравоохранения Петроградской Трудовой Коммуны» и «Научная Медицина» в Петербурге, Саратове, Туле, Екатеринодаре, Вятке, Курске, Харькове, Киеве и т. д.) вследствие их редкости и почти полной недоступности. Но и того, что мы имеем в Москве, достаточно, чтобы убедить всех брюзжащих пессимистов, что их предсказания о гибели медицинской науки и врачебного творчества не оправдались.

Наука и труд были и остались непобедимыми.

И. Гельман

А. Н. КРЮКОВ. Морфология крови. Москва 1920. Изд. Народного Комиссариата Здравоохранения. Выпуск I, II, III (152, 92, 51 стр.).

Трудно дать краткий и в то же время исчерпывающий отзыв, особенно в общей, не специально-медицинской печати, о такого рода работе, как рассматриваемая книга. Нет никакого сомнения, что автор затратил бездну добросовестнейшего и кропотливого труда. Она заключает в себе целый ряд сведений, собранных путем долгих наблюдений и изучений. И все же, несмотря на всяческое почтение к автору, приходится признать его книгу не вполне удовлетворительной, по крайней мере в том виде, в котором она теперь предлагается читателю. Начну с того, что научное изложение, возникшее на основании мельчайших зрительных изысканий и красочных реакций, не может совершенно обойтись без зрительных же пояснений текста. Подробное методическое перечисление ряда признаков, хотя бы самое талантливое и живое, не

лишенное иллюстраций, заранее обречено на неудачу. Мысль и воображение читателя устают, представление о предмете образуется расплывчатое и субъективное. Вот почему рисунки совершенно необходимы для подобного рода описаний, и их отсутствие нужно считать крупным недостатком. Однако, недостаток этот внешнего порядка, так как со временем, едва изменятся к лучшему технические условия книгопечатания, он может быть легко устранен. Глубже коренятся и более досадными являются те свойства книги, которые относятся к ее внутреннему построению. Думается, что она подлежит некоторой переработке. Пользуясь рассматриваемой книгой, очень трудно составить себе общее представление или первичную схему основной морфологии крови, а тем более вместить в эту схему все остальные элементы, так детально описанные автором. Даже старинные учебники,—взять хотя бы Grawitz'a, в этом отношении стройнее и, несмотря на устаревшую номенклатуру, полезнее. Опять-таки все зависит от системы, отсутствие которой дает себя чувствовать на каждом шагу. Здесь не место останавливаться на примерах по существу, но хотя бы один из них привести необходимо. Возьмем такой важный и подходящий объект, как указатель литературы, и попробуем в нем разобраться. Это оказывается не совсем просто. Литература приведена только относительно лейкоцитов, эритроцитов и кровяных пластинок, затем по технике исследования. Неизвестно, где ее искать по поводу других затронутых вопросов, как эмбриональное развитие крови, теория кроветворения и др. Дальше: внутри каждого из вышеназванных списков—своя путаница. Нельзя отдать себе отчета ни в хронологическом появлении трудов по гематологии, ни найти те из статей, которые почему-либо заинтересовали читателя. Самый примитивный и обычный способ приведения литературы, именно перечень авторов по алфавиту, к сожалению, отсутствует. Затем можно было бы разместить литературу в цифровом порядке, параллельно с ссылкой на нее в тексте. Повидимому, автор придерживается приблизительно этого способа, но и он не выдержан вследствие отсутствия цифр. В конце концов приведенная литература почти совсем бесполезна, точно ее и нет. Такое же впечатление, к сожалению, нередко получается и от самого текста книги, в котором постоянно приходится или искать, или неожиданно для себя находить не там, где ожидаешь. Между тем книга заключает в себе так много знаний, такое обилие и разнообразие подробнейших указаний по морфологии крови, что труд этот заслуживал бы лучшей участи. Будем же надеяться, что в следующем издании материал будет стройнее расположен и для книги, и для читателей.

Н. Д. Амелиус.

А. М. СИГАЛ. К вопросу о патологии кровообращения при сыпном тифе, фармакотерапии его, в частности, о применении наперстянки. Одесса 1921 г. Всеукраинское Государственное Издательство. Стр. 56.

Речь идет о патологических изменениях строения и деятельности сердца и кровеносных сосудов при сыпном тифе и о влиянии различных сердечных лекарственных средств, среди которых особенное внимание обращено на наперстянку (дигиталис), польза которой многими врачами оспаривается. Принимая во внимание основные труды по сыпному тифу и литературу последнего времени, автор объективно ставит свои наблюдения и приходит к выводу, что для своевременного применения препаратов дигиталиса при самой строгой индивидуализации случаев сыпного тифа имеется большое поле показаний. Нужно отметить, что автору удалось использовать большой материал одного из одесских инфекционных госпиталей, через который прошло несколько тысяч сыпно-тифозных больных. Работа А. Н. Сигала выпущена одесским губернским отделом здравоохранения, который, к сожалению, несмотря на свою широкую издательскую деятельность, редко уделяет место научным непопулярным трудам.

Б. Сукенников.

Public Health and Hygiene, edited by William Hallock Park. **Общественное здравие и гигиена, составил Вильям Парк.** Изд. Lea and Febriger. Филадельфия и Нью-Йорк. 1920 г. 884 стран. 123 рис.

Hygiene and Public Health by Lones C. Parkes and Henry R. Kenwood. **Гигиена и общественное здравие. Л. Паркес и Г. Кенвуд.** Шестое издание. Лондон. H. K. Lewis and C°. 1920 г. 787 стр.

До войны вопросы социальной гигиены находили себе весьма малое место в программе наших университетов, а сама гигиена относилась к официозно-обязательным, но мало интересным предметам медицинского курса. Поэтому и гигиеническая литература была весьма бедна на русском языке. Гигиена Эрисмана до самой войны была единственной серьезной книгой университетского типа на русском языке. На этой книге воспитались многие поколения русских общественных врачей. Во время войны появился перевод гигиены Гартнера и, кажется, еще гигиена Рубнера. Но последние переводные книги по социальному размаху своему не далеко ушли вперед от классического руководства Эрисмана, и вследствие пронизывавшего их немецкого практицизма и социальной робости не могли стать родными русским общественным врачам и вытеснить старого Эрисмана.

Между тем социальная гигиена последние годы сделала огромные завоевания. Все стороны социальной жизни человека были научно освещены ею, и сейчас ее область воздействия почти безгранична. Благодаря росту рабочего движения, с одной стороны, и потрясениям, связанным с мировой войной,—с другой, ее активная роль и влияние значительно возросли, что придало ей социально-практический характер. Если таково значение общественной гигиены на Западе, где весь буржуазный уклад жизни является огромным, непреодолимым препятствием на пути к осуществлению требований гигиены, то в раскрепощенной России, устранившей с своего пути все враждебные трудящимся классам силы, социальная гигиена стала действенным фактором, разрубающим все гордиевы узлы нашего санитарного неблагополучия: нашей чудовищной детской смертности, нашей общей и профессиональной заболеваемости и т. д.

Но, как бы ни были велики последние, все же многое в области социальной гигиены делается и многое уже удалось преодолеть. Охрана труда, охрана детства и материнства, широкая санитарная профилактика и т. д.,—все это области, в которых нищая Россия обогнала некоторые западно-европейские государства.

И вот теперь, когда каждый деятель на ниве здравоохранения и охраны труда, каждый участвовавший в строительстве новой жизни не может не столкнуться с вопросами социальной гигиены, обе новейшие книги по общественной гигиене, английская Parkes'a и американская Park'a явятся ценными пособиями как для практической работы, так и для широкого теоретического обхвата санитарно-гигиенических явлений. Обе книги стоят на высоте научных достижений и полно освещают все вопросы общественной профилактики, эпидемиологии, охраны воздуха, воды и почвы, ассенизации и водоснабжения, жилищной проблемы, охраны материнства и детства, промышленной гигиены, общественного воспитания, социальной статистики, законодательства и т. п.

В каждой главе имеются не только теоретические материалы по затрагиваемому вопросу, но и описание тех практических мероприятий и учреждений, какие уже осуществлены или осуществляются в Англии и Америке в соответствующих областях.

Английская книга Parkes'a содержит весьма полную главу, посвященную чрезвычайно своеобразным санитарным организациям и законодательству Англии. Эта глава доводит, правда, изложение только до 1910 года, но зато с исчерпывающей полнотой, какой мы, конечно, еще в России не имеем.

Вообще английская книга страдает некоторой хронологической отсталостью. Она представляет весьма мало дополненную перепечатку с издания 1917 года. Поэтому и статистические данные касаются исключительно довоенного времени. Это есть минус издания, но он

вполне компенсируется зато хорошим изложением и свежестью научного материала, ибо последние 3—4 года вряд ли дали что-нибудь новое в области научной гигиены. Об этом мы можем судить по доходящей до нас периодической печати 1920 и 1921 г.г. Последние годы являются в области социальной гигиены годами практической работы, а не научных изысканий.

Американская гигиена доводит свой научный материал и отчасти законодательный до 1920 года. В ней хорошо разработаны главы о пищевой гигиене, о профессиональной гигиене, водоснабжении, удалении нечистот, военной санитарии и т. д. Она является более универсальною по объему. Но вместе с тем, благодаря коллективному участию в ней 21 авторов, в ней меньше стройности и единства. Не все ее части равноценны.

Например, глава, посвященная жилищному вопросу, представляет собою популярную статью, в то время как большинство других глав содержат в себе крайне ценный научный материал по соответствующим вопросам.

Некоторые главы проникнуты мелкобуржуазной робостью, которая не может не претить русскому читателю.

Но все эти недостатки нам не страшны. Мы сумеем взять из книги только одни ее достоинства, а последние достаточны, чтобы рекомендовать обе книги вниманию всех ответственных работников во всех областях социальной гигиены. Было бы полезно некоторые главы перевести и, что возможно, издать. Для цельного перевода больше подошла бы американская гигиена Park'a.

Обе книги находятся в центральной медицинской библиотеке Наркомздрава (Петровка, 11).

И. Гельман.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

М. ГЕРШЕНЗОН. Видение поэта. Гос. Изд. М. 1919. Стр. 80. Ц. 13 р.

Чуть не половину книжки М. Гершензона (30 стран. из 80) занимает перевод статьи Г. Лансона «Метод в истории литературы». Другая половина содержит три статьи самого Гершензона: одна собственно о «видении поэта», две других, связанных между собой, о том, что такое, в сущности, история литературы, и об ее преподавании в школах. Последние две статьи, в которых автор отправляется от идей Г. Лансона, заключают ряд интересных и, на наш взгляд, верных мыслей, приводящих, однако, М. Гершензона к довольно произвольным выводам. Автор ополчается против существующей ныне истории литературы, желая разуметь под «литературой» исключительно художественную литературу, поэзию. С своей точки зрения автор прав, но он как бы забывает, что история литературы не ограничивает так своих задач; она хочет изучить эволюцию и влияние на жизнь всех вообще произведений словесности, по существу не исключая и чисто научных. Той «истории литературы», о которой мечтает М. Гершензон, т.-е. истории поэзии, истории литературы, как искусства, конечно, еще не существует, и, конечно, весьма желательно, чтобы она была создана. Соображения М. Гершензона — в каком направлении, как, какими методами такая наука может быть создана — во многом правильны и ценны. Однако, в этом отношении пока предстоит еще только собирать материал, вырабатывать приемы исследования, делать первые попытки обобщений, не более, так как и у нас, и на Западе вся эта работа находится еще в зачаточном состоянии (что признает и М. Гершензон). Поэтому неожиданным является предложение автора совершенно упразднить в школах преподавание обычной истории литературы и заменить его чтением поэтических произведений, сделав посещение этих уроков не обязательными для учеников. Развивать в школьниках понимание художественной литературы, любовь

в ней, знание ее — дело, разумеется, прекрасное, и чем шире оно будет поставлено в школе, тем лучше. Но вряд ли это является достаточной причиной вовсе отказаться от преподавания в школах «истории литературы» вообще, дисциплины уже разработанной, дающей ученикам в высшей степени важные сведения об эволюции человеческого познания и идей.

Что касается первой статьи, то содержание ее слишком спорно, чтобы ее возможно было разбирать краткой рецензией. Статья открывается утверждением, что в то время, как наука познает «лишь отдельные ряды явлений», у человека есть «другое знание, целостное, высшее», присущее каждому, но отчетливо выраженное лишь в художественном творчестве. Художник, «избранник», по терминологии М. Гершензона, отличается тем, что «отчетливее других людей видит в своем духе и увереннее их утверждает всю картину *совершенного* мира»; «в художнике с большей яркостью освещен образ совершенства». Мистику таких утверждений М. Гершензон может опереть, конечно, с подобающими оговорками, лишь на учение Платона о преджизненном познании душой сущностей. В развитии же своих мыслей автору постоянно приходится прибегать к образным и условным положениям, доказывать которые невозможно, но и оспаривать которые поэтому трудно, вроде того, например, что художник отличается «особой восприимчивостью к тончайшим колебаниям мировой атмосферы». Впрочем, когда автор покидает области «созерцаний мистических» и касается реальных фактов литературы, он попутно приводит любопытные и дельные наблюдения над Тургеневым и рядом других писателей. Неприятно поразила нас в статье струя какого-то славянофильского шовинизма. По мнению М. Гершензона, русская поэзия преобладает всеми свойствами, какие он считает самой сущностью художественного творчества вообще. Автор говорит о «максимализме русской мечты» и уверяет, что «тоска поэтов и смутное, но непобедимое стремление души по преимуществу характеризует русскую поэзию». Думаем, что, при желании, то же самое мог бы утверждать немец о немецкой поэзии, англичанин—об английской и т. д.

Валерий Брюсов.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

БЕН-ДЖОНСОН. Эписин или Молчаливая женщина. Перевод Е. и Р. Блох. Редакция С. П. Боянус и Я. Н. Блоха. Рисунки и чертежи художника А. В. Рыкова. (Первый выпуск «Памятников мирового репертуара», под редакцией Д. К. Петрова и Я. Н. Блоха. изд. «Петрополис».) Петербург 1921 г. Стр. 155.

У нас выходит так мало нужных широким массам книг, что появление не всякой интересной книги приходится приветствовать. Для историка литературы и театра, для историка быта и нравов, комедия Бен-Джонсона «Эписин» ценна, конечно, ценная. На-ряду с «Вольпоне», «Варфоломеевской ярмаркой» и «Алхимиком» одна из лучших пьес соперника «Шекспира», она развертывает довольно сочную, хотя и шаржированную картину придворно-аристократического общества эпохи Елизаветы и Якова I и вся насыщена богатым бытовым материалом, хорошо освещенным в приложенных к пьесе примечаниях (137—149). Но помимо исторического интереса представляет ли комедия Бен-Джонсона для нас и для нашего времени ценность? Пьесу, конечно, можно поставить, как образец старой драматургии, как страницу из истории театра, как она была представлена в 1895 г. в гарвардском университете слушателями американской академии сценического искусства (как недавно в январе 1921 г. в Лондоне была поставлена обществом «Феникс» с большим успехом другая комедия Бен-Джонсона «Вольпоне»). Именно эту цель

имело в виду издательство «Петрополис», издав в виде первого выпуска «Памятников мирового репертуара» «Молчаливую женщину», к которой приложены «режиссерские указания», «планировка» и «куплеты». Предполагается значит поставить «Эписин», чтобы ознакомить публику с театром эпохи Шекспира и Бен-Джонсона,—задача опять-таки археологического направления и едва ли насущная в наши дни, когда нам необходимо создавать театр современности. Правда, в комедии Бен-Джонсона не мало смешных персонажей и смешных положений, и если играть ее, как рекомендуют «режиссерские указания», в быстром темпе тоном веселой комедии-фарса», то она, конечно, возбудит смех (а смех вообще, и в наше время в особенности, весьма полезный, весьма гигиеничный душевный моцион), однако, все же смех довольно примитивный, мало одухотворенный. Что же касается самой пьесы с ее развязкой в духе Аретино, с ее характерами, носящими специфический отпечаток давно ушедшей эпохи, то она едва ли найдет в душе современного зрителя созвучное эхо. Пьесе предпослано предисловие (Я. Блоха) с биографией автора пьесы и характеристикой его творчества, совершенно игнорирующее, однако, социальную сторону комедии.

В. Фриче.

НИКОЛАЙ АСЕЕВ. Бомба. 4-я книга стихов. К-во «Дальневосточная Трибуна». Владивосток 1921. (Ц. 50 к. зол.) Стр. 64.

Современная лирика имеет в Асееве одного из самых блестящих представителей. Начав (в 1914 г.) книжкой «Ночная флейта», где причудливо запомнившийся символизм погибал под новыми мотивами, внесенными в русскую поэзию Северяниным и петербургской группой «эгофутуристов», и выяснялась редкая выучка и блестящая артистичность стиха Асеева. Автор далее сумел тонко и цепко ассимилировать работы «гилейцев» (Хлебникова и др.) в книгах «Зор», «Леторей» и некоторых других небольших брошюрках. Тут им была проделана глубокая и существенная работа, им был выработан свободный и легкий стих современности, сумевший точно и красиво соединить в себе элементы тяжелой, глоссолалической мученической речи Хлебникова, прельстительную—в удачных поэмах—кокетливую красивость Северянина, пристальную и болезненную крикливость Маяковского с теми работами, которыми современность обязана символистам. Уже «Оксана» Асеева (1916, к-во «Центрифуга») показывала почти законченного поэта. Блестящие примеры этой сияющей музыкальности Асеева, его магическое и непонятное дарование в искусстве слова радовали читателя «Оксаны». Напомним хотя бы «Венгерскую песнь»:

Простоволосые ивы
Бросили руки в ручьи.
Чайки кричали: «Чьи вы?»—
Мы отвечали—«Ничьи...»

Эта вольная воля степной песни—Асеев много занимался старинной лирикой, летописями и т. д. — Стихи о казаке, о смерти Андрия из «Тараса Бульбы», вместе с «сияющими веерами неба», с трудными думами о смерти, о времени, с исключительными стихотворческими способностями создали эту несколько угрюмую фигуру гуманитарного патетика... Его тяжелые стихи о войне незабвенны:

Пускай тоски и слез и сна
Не отряхнешь в крови и чаде;
Мне в ноги брякнулась весна
И молит песен о пощаде.

Это было писано тогда, когда многие, теперь весьма агит-пунктирующие рифмачи, стихорезали немцев. Им за это платили деньги и они сидели в тылу,— Асеев таскался с обозом.

Новая книга делится на два отдела: лирика и гражданские стихи. Последних мы до сих пор не видали. Пролеткультовские экзерциссы до сих пор никого пленить не могли, ревстихи Маяковского, к сожалению, носят на себе отблеск простейшего и наивного пафоса и не дарят новыми лаврами ни автора, ни тот род поэзии, которому он думал послужить. Асеев во Владивостоке, вглядываясь в японскую винтовку, увидал настоящую душу категорического восстания. И —

Мы правим правды праздник
Над праздностью богатых.
Не загремит ура у них,
Когда идет свобода. —
Он вырвал, черный браунинг
Из рук врагов народа.

Или.

Малыш мир все крепче
Зажать в ручонки землю тужится
А —
Старый мир
Сквозь мертвый жемчуг
Угасших звезд, что странно кружатся,
На малыша глядит и шепчет
Слова проклятия и ужаса.

Второй отдел. Особенно хороши стихи о море. Они еще в «Океане» прельщали чистым морским духом и волей. И вот,—

И с берега—запах левкоя,
И к берегу льнет тишина:
Видали мы море такое,
Прозрачным, как чаша вина?

и это море, где «волны—сплошная роса», где «нежен туман, словно жемчуг, и видимо мление влаг».— они живут здесь, когда вы их увидите во Владивостоке, вы им обрадуетесь, как старым знакомым. А дальше об океане:

Он приставил жемчужный брегет
К моему зашумевшему уху,
И прилива ночного шаги
Зазвучали упорно и глухо...

Разнообразно, но почти всюду одинаково прекрасно сложена эта небольшая, но богатая истинной благоуханной поэзией книга.

Сергей Бобров.

ВЯЧ. ШИШКОВ. Подножие башни. Очерки и рассказы. Госуд. Изд. Петербург 1921 г. Стр. 80.

Книга В. Шишкова состоит из коротеньких рассказов, написанных с несомненным талантом. Первый и последний рассказ посвящены первомайскому празднику. В первом—первое мая семнадцатого года. Писать рассказы на такую тему очень трудно, ибо писатель все время должен быть начеку, дабы трафарет не оплавил его и не сделал из рассказа общее место. В. Шишков подкупает искренностью тона и правдивостью всей, хотя и бегло нарисованной, картины. И только в конце срывается с тона и начинает витать: «человек бы достиг недостижимого», «пылающий факел идеала»... Но вообще очерк—один из лучших на эту тему.

Все остальные рассказы можно объединить одной общей темой: как преломилась революция в сознании и быте темного крестьянского захолустья.

Здесь автор обнаруживает прекрасное знание народного языка, местами чувствуется неподдельный юмор, и только элемент некоторой дидактичности портит иногда ярко набросанную картину. Так, напр., в рассказе «Провокатор», в котором юмор перемешан с глубоко-скрытой грустью, автор вставляет совершенно излишние слова: «да оно и верно: для них прошлое было лучше настоящего, о том же, что сулит им в будущем свобода, они путем не знали». В рассказе «Коммуния» этот элемент назидательности влагается в уста Мишки Сбитеня. То, что говорит Мишка Сбитень, конечно, верно, но за ним как-то уже явно чувствуется автор. То же самое нужно изобразить как-то иначе. В статье об искусстве Л. Толстой, припоминая Брюллова, говорит, как иногда важно «чуть-чуть». Вот этого «чуть-чуть» иногда нехватает, несомненно, талантливому В. Шишкову.

Многие рассказы В. Шишкова по сюжетам—анекдотичны. Это роднит его немного с А. Н. Толстым,... но только в этом смысле. Анекдотичность сюжета бесспорна в рассказах «Провокатор», «Маевка», «Коммуния», отчасти в рассказе «На травку». Но в общем это не мешает им быть яркими и живыми.

Рассказов истинно - художественных, посвященных революционному периоду нашей жизни, у нас чрезвычайно мало.

Небольшая книжка рассказов В. Шишкова является поэтому очень кстати.

Ив. Кубиков.

Сто пятьдесят миллионов. Поэма. М. 1921 г. Госиздат.

Автор не обозначен, но поэма печаталась довольно долго и ее нетерпеливый создатель читал ее так часто и в столь многих местах, что инкогнито можно считать официально раскрытым. Неофициально оно тоже могло сохраниться только в уме нечитавших ни одной вещи ее автора, поэтическая личность которого достаточно ярка для того, чтобы ее можно было смешать с кем-либо из современных писателей или вообще предположить, опираясь на заявление первой страницы эпопеи, что перед нами продукт коллективного творчества.

Задача поэта была не из легких как по теме, так и по свойству предшествовавшей деятельности: довоенная лирика проходила под знаком сугубого индивидуализма, а воспевать и прославлять приходилось теперь соборное в высшей степени действие, именуемое мировой революцией. Надо отдать справедливость автору: он со своей задачей справился, коллективизм выдержан в его поэме от первого до последнего стиха и натянутым не является. Причину этого надо искать в том, что так неприятно удручало для поэтов последнего до революции поколения: в содержании его индивидуальной лирики. Этот писатель с очень раннего времени обнаруживал склонность к широкому обобщению своих личных чувств, проводимому сначала в чисто литературной форме гиперболичности образов и уподоблений, а затем и в проповеди широкого гуманизма. От понятия человека, перерастающего обычные формы, в которые мы по привычке замыкаем людскую особь, до понятия человечества, образно и повествовательно олицетворяемого в двух фигурах антагонистов,— переход довольно естественный в условиях нашего времени. Вероятно, большая работа над мелкими агитационными и сатирическими эпиграммами принесла большую помощь автору поэмы. Таким образом наиболее трудное дело в осуществлении замысла было проведено естественно и безболезненно—надрыва в поэме нет, построена она свободно и поэтому читается легко.

Вторая трудность была в экспозиции. Опасность заключалась в соблазне взять обоих соперников, как нечто данное, такое решение легко напрашивалось в дни, когда от частого повторения их имен, Клемансо, Ллойд-Джордж и Вильсон давно стали именами нарицательными и аллегориями капитализма. Лубочность такого приема счастливо избегнута тем, что главное действие поэмы именно и состоит в описании генезиса коллективного Ивана и его противника — не менее коллективного Вильсона. Если Иван рождается из всероссийского и совершенно фантастического митинга, то Вильсон происходит столь же фантастическим способом из всечикагского [illegible]. Однообразия в изложении при тождественности изобразительной фабулы не получилось благодаря тому, что история Ивана ведется в пределах высоко приподнятого пафоса, повесть о Вильсоне — средствами сказочной сатиры. Последнее обстоятельство, заменяя обличенье вышучиваньем и сарказмом, устраняет возможность утомительной однородности лирического движения, так как лирическое обличенье всегда и неизбежно патетично.

В описании борьбы противников следует отметить, что автор поэмы умело использовал общую мысль одной из эпических попыток своего учителя В. Хлебникова, известной под именем «Восстание вещей», вводя таким образом свою новую работу в тематическую связь с деятельностью той литературной школы, к которой он, повидимому, не перестает принадлежать. Надо сказать, что в истории борьбы Иван-Вильсон помянутый эпизод является лучшим, продолжение ее, где начинается довольно протокольное перечисление предприятий различных Наркоматов, детонирует с общей утопичностью фабулы. Впрочем, это общий грех всех почти утопистов: на свои острова они неизбежно привозят семена растений оставленной действительности и дают этим начало произрастанию трав, являющимся сорной примесью к их фантастической жатве.

Мне остается пожалеть еще о том, что у метранпажей Госиздата нехватило гражданского мужества уничтожить то варварское раздрание стиха, которо-

практиковалось автором в былые дни будетлянской драки и, к сожалению, продолжает практиковаться и теперь. Деление метрического целого не по рифмам, аккуратно расставленным поэтом, а по междусловесным перерывам только затрудняет чтение. Все равно: не сразу, так со второго или третьего чтения читатель восстановит настоящую форму стиха и увидит метрическую правильность большинства строчек, разорванных теперешней версткой для образования узора, сходного с так называемым свободным стихом. Но может случиться худшее: этот самый пронытный читатель просто отодвинет от себя книжку.

И. Аксенов.

ДРАКОН, альманах стихов. Петербург 1921. I вып. Стр. 80. Ц. 300 р. Издание Цеха поэтов. — ЛИРЕНЬ (Асеев, Гуро, Маяковский, Пастернак, Хлебников.) (1920.) (Место печати и цена не озн.) Стр. 40.

Два сборничка стихов, один — очень петербургский, с акмеистическим умонаклонением, у него есть и цена и издатель, другой вышел, по непроверенным слухам, в Москве, но ни город этот, ни издатель не открыли своих имен.

В Питере все по-старому. Все с тем же не раз разогревавшимся пафосом пересказываются обыденные, по существу малоинтересные вещи, сообразуясь с той незабвенной пока в Питере истиной, что есть-де «речь рабская» и «живой язык богов»,—к последнему и полагается всемерно близиться. «Речь рабская» (некрасовский стиль в конце концов) отвергнута, «язык богов» изготовляется по рецептуре Вяч. Иванова; так изготовленный он является перед нами с несомненной пифичностью (зачем им говорят — непонятно), рецепт не сменялся уже лет с десяток, все его очарование выдохлось: получился новый канцелярский стиль; он суконный, как и полагается. Кое-кто выползает из этой канцелярии с великими трудами: таков Мандельштам, — все-таки это стихи: с трудом вылез человек в самую непростую и надуманную из всех мыслимых простот, но дарование вывозит, по-свойски расправляясь с «заданиями». Но тут два стишка Мандельштама, их можно читать, почти не кривясь... а будь их сотня, зазевал бы и каменный Аполлон. Пойдем по очереди: неплохо пародирует Адамович бедного Пушкина: «Нет, ты не говори, поэзия — мечта», но ведь секрет очарованья уж очень прост, и кому не вспомнится: «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем»? Блок старообразен, отдывает чем-то еще до «Прекрасной Дамы». Зенкевич дал маленькие два стихотворения, кажется, мог бы и лучше писать. Г. Иванов — все на месте, слава небесам — «сады неведомого халифата» и проч. Совсем неинтересны Кузмин и Лозинский, пустяковый Сологуб. Молодые плохо утешают Оцуп петербургская аккуратность чуточку посоленная с великой робостью какими-то остаточками футуризма, невкусно, кисло, скучно. Рождественский — неведомо к чему и зачем скверные анекдотики, изложенные серыми-пресерым стихом, и не без претензии на дендизм. Лучше других Одоевцева: по крайней мере, весело, жизнерадостно, сказка занятная, но стих — самый наивный и неумелый. Нельдихен — ужасен: скверный, нехороший, невоспитанный мальчик честно эти свои достоинства излагает читателю, а зачем нам это знать—неведомо. Поэма Гулева производит впечатление самой глупой вещи, напечатанной за последнее время. А в общем — скучно-прескучно. Несерьезно, неприятно, нежизненно. Проза альманаха — ужасная безграмотщина Гумилева и Мандельштама с задранным в небеса носом, да крошек исследований Белого, о коих трудно говорить по такому кусочку.

Другого типа скромненький и бедненький московский сборничек. Тут отличный Асеев с «Войной» — горячей, быстрой, фантасмагорической и настоящей:

> Когда, как камень, летит Россия,
> Не помнить чести, не мерять мести
> Да что ж сильнее и что красивей,
> Когда, как камень, летит Россия?

Хорошее солнце у Маяковского:

> В упор я крикнул солнцу: «Слазь!
> Довольно шляться в пекло!»
> Я крикнул солнцу: «Дармоед!
> Занежен в облака ты

А тут — не знай ни зим, ни лет
Сиди, рисуй плакаты!
Я крикнул солнцу: «Погоди!
Послушай, златолобо.
Чем так без дела заходить,
Ко мне на чай зашло бы».

И дальше хорошо напущен какой-то быт, пейзаж: приятное стихотворение. Два его других маленьких менее привлекательны. Отличный ударный на сверхпремию Пастернак, цитировать не стоит, все очень хорошо. Занятная статья Хлебникова, хотя какое имеет это отношение к поэзии, мало понятно.

Сергей Бобров.

НАТАН ВЕНГРОВ. «Зверушки». Стихи маленьким. 35 стр. Москва. Госиздат. 1921 год.

Книжка большого формата, на толстой бумаге, написана пестрым по размеру двухцветным шрифтом. Тон детского настроения выдержан: проказливо-забавный, эмоциональный. Стерты грани между человеком и миром. Все живет в трепетной радости жизни: и «лучики зимнего солнца», и «озерная лужица», и «световые зайчики», прыгающие в пасти волка, и «проказливые башмачки», и глава этого царства «зверушек» — ребенок. Струя жизни пробегает по всей книге, то закручиваясь в веселой пляске тараканов, то рассыпаясь в шалостях мышат, петуха и др. и затаиваясь в мимолетной горести поскользнувшихся башмачков. Язык звучный, красочный, за некоторыми исключениями, простой и понятный. И тем не менее книга не найдет отклика в детской душе.

Она загублена, и загубили ее художники, загнав всю милую компанию зверушек в уродливые, натянуто-искусственные очертания своих рисунков.

Гиперболичность, упрощенность техники выявляет их претензию на детский рисунок, но получается лишь жалкая пародия.

Искусственностью гастронома пропитаны рисунки авторов «Зверушек». Пресыщенная жизнью, изуродованная душа зашедшего в тупик интеллигента ломается и дебоширит. И неловко перед детьми за это озорство взрослых.

Не учтена и органическая потребность ребенка в целостном образе, и жалким обрубком трижды выдвигается на страницы книги ветка украшенной елки. Рисунок расходится с текстом («Тараканий пляс»). Звери изображены искусственно-натянутыми, разодетыми. «Аленка», к которой мысленно обращается автор в эпиграфе, — балованное господское дитя с няньками, арсеналом игрушек, живущее на паркетах и коврах с трафаретной няней. В полосу бумажного кризиса и голода на детскую книгу издание хорошего текста с негодными иллюстрациями — непростительная небрежность.

Е. Фрумкина.

Г. ПЕТНИКОВ. Книга Марии. Зажги снега. К-во «Лирень». Петербург 1920. Стр. 48. Ц. 125 р.

Так полагается, к сожалению. С этим уж ничего не поделаешь. Десять человек делают школу, проходят все мытарства непризнания, от газетных помой до жуткого голода, а когда все кончено, приходят спокойные вполне устроившиеся молодые люди, в общем премилые, рассудительные такие, и — продолжают культурную работу. Рядятся умненько в чужие тряпочки, и так это все по-хорошему, не спеша, солидно и умно.

На что годится лежащая перед нами светотаяна? Ни на что, читать ее нельзя: скучно и с души воротит. Весь изломанный язык футуристической патетики оказался просто невнятным бормотаньем, лишившись своего внутреннего содержания. «Оксана» Асеева и «Лира Лир» Боброва были книги, наполненные некоторой жизнью, а у Петникова, пришедшего обобрать эти книги, в руках остались пыль и сор. Можно это читать:

Радонеж! о, гореть невозбранно
Красколистьями этого дня.
И понять леногу за порогу.
Радонегой былинной огня.

Похоже, что и невозможно — скучно и бестолково. А такими упражнениями набита вся книга. А ведь какие-то надежды подавал и Петников в первых стихах. Оказывается, обманул, и никому это доморощенное малларме не требуется. Спи с миром.

А. Юрлов.

Д. АЙЗМАН. ТЕРНОВЫЙ КУСТ, пьеса в 4-х действиях. Госуд. Издат. Петербург. 1920 г.

Пьеса Д. Айзмана вышла в Париже в 1906 г. и до 1917 г. была нелегальной. Согласно указаниям автора, действие происходит летом 1905 г. в одном из южных городов. Это были месяцы, предшествовавшие великой октябрьской стачке первой русской революции. Одесса, Екатеринослав и другие южные города переживали в то лето период героической борьбы, доходившей до баррикад. Образ революционера-террориста Мануса в пьесе Д. Айзмана, несомненно, напоминает подлинного героя юного революционера Гершковича, так беззаветно в 1905 г. летом отдавшего жизнь свою за дело народного освобождения.

Нищета, скорбь, страдания еврейской бедноты проходят перед нами в пьесе Айзмана «Парии среди пролетариев»; так назвал когда-то еврейский рабочий класс в России старорежимного периода один из европейских теоретиков марксизма. Пройдя через горнило страданий, еврейский пролетариат выдвинул поколение юных борцов. Уже в одном из своих первых рассказов («Ледоход») Д. Айзман противопоставляет это юное поколение их старым отцам, подавленным работой и безысходной нищетой. В пьесе «Терновый куст» лудильщик Самсон и его ноющая жена Лея имеют троих детей: Мануса, Дору и 14-летнего мальчика Леньчика. И кровь всех троих детей—их героическая смерть—является великой жертвой на алтарь русского революционного движения. Но эта жертва делает лудильщика Самсона сумасшедшим, а мать их, Лею, вечно стонущую, превращает в женщину, проникнутую отчаянием и жаждущую отмщения. «Терновый куст», это—куст несгорающий, ибо по библейской легенде в этом кусте—сам бог. И лудильщик Самсон дает новое толкование этой легенде: куст не сгорает, потому что в средине куста возмущенный дух угнетенного народа. А его жена Лея в четвертом акте драмы произносит пророческие слова: «Океаны мук создает терновый куст, и в них утопит мучителей народа».

«Терновый куст» Д. Айзмана необходимо отнести к произведениям революционной романтики.

Характеры местами только намечены (Александр Коган); фабула пьесы, весь ход событий—все из материала почти исторического, но обрисовка неглубокая, действующие лица говорят языком автора, или, вернее, языком библейского пафоса (Самсон, Лея). Понятен переход Леи, потерявшей любимого сына, от чувства скорбной покорности (в первом и втором акте) к чувству неистового гнева и жажды мщения, но процесс этого превращения скрыт от читателя. [Впрочем, некоторые второстепенные персонажи (работник Берл) обрисованы прекрасно.

Ценность пьесы—в пафосе революционной романтики, в правде святого чувства возмущения против угнетателей. Как пьеса литературная и сценическая, она, несомненно, заслуживает внимания при общей бедности нашей драматической послереволюционной литературы.

Ив. Кубиков.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Н. В. ТУЛУПОВ. 1) Избранные стихотворения Некрасова. 2) Три медведя. 3) Собака на службе человеку. 4) Сказки и стихи 5) Орел и сокол. 6) П. ТЕЛЛИЕ. Из жизни уличного мальчика, пер. с франц. Гос. Изд-во.

1.

Давать избранные произведения наших писателей детям в дешевых изданиях, конечно, следует, и данный сборник для детей старшего возраста составлен в общем хорошо. Но не следовало помещать частицу («Счастливые») из «Кому на Руси жить хорошо», так как поэма эта должна быть издана целиком,—можно особым изданием,—а вместо нее и предисловия к «Мороз Красный Нос», не связанного с общей идеей поэмы неразрывно и не вполне ясного детям, незнакомым еще с поэзией Некрасова, поместить «Железную дорогу», «Внимая ужасам войны» и другое подобное.

2.

При господстве буржуазии был обычай издавать сборнички для детского чтения. Статейки и стихи брались из журналов, из других изданий, из хрестоматий,—откуда ни придется. Задавались целью выпускать сборнички одной величины. Скажем, в месяц или два, и потому в виду имелся, главным образом, размер произведения: осталось место, ну, так ткнем сюда «Ах, попалась, птичка, стой», мало для этого, ну, так «Вот лягушка по дорожке», — ведь это все детские вещи. И не обращалось внимания ни на однородность содержания сборника, ни на одинаковую приспособленность произведений для того или иного возраста. В первом сборнике к сказке «Три медведя», увлекающей наших малышей 4—5 лет, присоединяется рассказ о медведе, взятый из журнала «Детское чтение», интересный для детей 12—13 лет и не вполне доступный для ребят до 10-летнего возраста. И получается, что за тем редким исключением, когда сборник попадет в семью, состоящую из соответствующих возрастов детей, он может быть утилизирован лишь частично, или, если ребенку читается все подряд, то он получает материал, хотя и доброкачественный сам по себе, как второй рассказ в сборнике «Три медведя», но такой, который не может быть им усвоен. А как выписывать такие сборники для того или иного детского учреждения? Как пользоваться ими в библиотеках?

Мотивы такого механического составления, понятные для буржуазного строя, у нас отсутствуют. Издание сборника в таком виде может быть объяснено только недосмотром Гос. Издательства. Если на обложке обещаны «Три медведя», то пусть эта сказка и будет дана, и говорит сама за себя, при чем сказки для малышей дошкольников должны иллюстрироваться соответственно требованиям возраста. Рассказ о медведе для старших детей должен быть издан особо или войти в составленный для этого возраста целиком сборник или хрестоматию. При этом он, как и другие рассказы, должен быть внимательно проредактирован. В нем встречается, например, слово «человек» в смысле слуги-лакея.

Для нас ясно, что рассказ относится ко времени крепостного права. Но надо или вставить его в рамку того времени, либо выбросить бессмысленные по настоящему времени слова.

Будет уже пичкать наших детей разной мешаниной! Надо давать им и из прежних произведений нечто обдуманное и цельное.

В конце сборничка «Три медведя» помещено нечто о петушке и опять для дошкольного возраста. Страничка свободной осталась, а о медведях по этому размеру ничего не подвернулось!

3.

Сборник «Собаки на службе человеку» состоит из двух рассказов: Мамина-Сибиряка и Чехова. Они подходят для одного возраста, — школьников первой ступени, а имена авторов говорят сами за себя. Рассказы с пользой и интересом могут быть прочитаны детьми, и принимая во внимание полное отсутствие детских книг, сборник может быть переиздан Гос. Издат., если переиздавать его проще, чем составить новый сборник или хрестоматию, ибо для «сборника» мало двух рассказов. Но следовало бы издать либо каждый рассказ отдельно, с фамилиями авторов на обложке, чтобы дети привыкали знать и ценить наших писателей, либо давать уже более полный сборник или хрестоматию. Не зачем прятать двух наших выдающихся писателей под выдуманным Тулуповым названием. И совсем не нужны вопросы, поставленные в конце каждого рассказа как в этом, так и в других сборниках Тулупова. Если дети читают рассказы одни, они не обратят внимание на вопросы и не станут излагать по ним прочитанное, если читают с учителем, то предполагается, что каждый учитель или воспитатель сможет сам поставить вопросы детям для письменного или устного изложения прочитанного.

4.

Сборник «Сказки и стихи» составлен совсем плохо. Первая сказка: «Марко богатый» груба и не заслуживает помещения в детский сборник: с одной стороны, страшная жадность и звериная жестокость Марко, с другой—тот бездельный

Иванушка, которому везет без всякой с его стороны заслуги, без того, чтобы он палец о палец ударил. Ни одной мысли, ни одного проблеска какого-нибудь гуманного чувства эта сказка не пробудит в детях. Отрицательные же ее стороны подействуют на их психологию. Вторая сказка — о рубахе счастливца — общеизвестна. Два стихотворения,—второе из них Плещеева, прекрасны своей задушевностью,—поставлены, очевидно, лишь для того, чтобы использовать все страницы сборника и ни в какой связи со сказками не стоят.

Сборник этот представляет собой ничем не оправдываемую мешанину.

5.

Сборник этот составлен более стильно и однородно для детей от 10—13 лет и в общем дает представление о хищных птицах. В рассказе Чеглока говорится: «эти полезные птицы», а чем именно полезны орлы, не указывается. А в рассказе Богданова, целью которого является дать детям понятие обо всей орлиной мощи, рассказе фантастическом, но картинном, то место, где говорится, что орел не только заклевал и убил врага своего хозяина, только что лишившего жизни этого последнего, но разорвал клювом его грудь, вынул сердце и съел,—представляется неестественным и мало вероятным. В нем чувствуется шарж, который ослабляет впечатление рассказа.

Эти недостатки желательно бы исправить в сборничке, могущем иметь место в библиотеке школы первой ступени.

6.

Живой французский рассказ Тел[illegible] написан собственно не для детей, а для взрослых. Но ввиду его правдивости жизненности и талантливости, оставляющих определенное и довольно сильное впечатление, он может быть прочитан с пользой и детьми старшего возраста с 12 лет. Можно дать его детям и помоложе, если заменить некоторые неясные слова и выражения более простыми.

Перевод в общем недурен, но попадаются мало понятные слова: «толпа — его стихия». И также нет стиля: то несколько витиеватые, чисто французские, искусно закрученные фразы, то чисто русские «уволок», «горчичник». Последнее слово даже местное, волжское название хулигана, и непонятное в других частях России. Зачем-то французские имена заменены русскими: «Костя» и «Степка», а общий дух французский.

Эту живую страничку из жизни французского мальчика следовало оставить, как она есть—чисто французской. А если она—mutatis mutandis—приложима к жизни ребят других стран, то дети это и сами поймут. Пора понять, что русские заплаты на французской одежде не сделают ее ни русской, ни интернациональной, а только лишат ее стиля и, следовательно, до большей степени и достоинств. Все эти поправки нарушают настроение, ослабляют общее впечатление рассказа. А это жаль, ибо рассказ очень талантливый. Не нарушая стильности, следует сократить некоторую витиеватость, удалить мало понятные выражения.

А. Елизарова.

ИСКУССТВА.

Карузин, П. И., проф. «Руководство по пластической анатомии». Выпуск 1. О размерах, росте и пропорциях человеческого тела. Гос. Издат. 1921. 8°. Стр. 86+2 нен.+X табл. 10.000 экз.

Руководство проф. П. И. Карузина можно было бы обсуждать с двух разных сторон: посмотреть на него с точки зрения нужности подобной книги в данный момент, задать вопрос о назначении ее, как были бы ею удовлетворены те молодые художники, для которых она, очевидно, написана; или же поставить вопрос по существу, как книга относится к соседкам своим, посвященным той же теме? Этот второй вопрос может быть решен быстро в самом положительном для автора смысле. Книга дает весьма умелый обзор того, что

было сделано по пластической анатомии до наших дней; как развивалось знание наше об общем строении человеческого тела; какими ломаными порою путями искали ученые и художники формул и схем для установления мнившихся обязательными правил человеческой красоты. Книга написана популярно, снабжена порою чрезвычайно азбучными справками (напр., что такое метр—как мера длины); остановившись на теме, которой обычные западные руководства пластической анатомии не отводят достаточного места, автор своею книгой более чем заполняет бывший весьма заметный в нашей научно-художественной литературе пробел. Может быть, именно поэтому интереснее остановиться на первом нашем вопросе. В одном месте автор довольно желчно вспоминает, как на одном собрании видный московский художник заявил, что «нам не нужно анатома Дюваля». «Поставьте вместо Дюваля науку,—говорит автор, — и смысл таких заявлений, к сожалению, ясен; перед нами во весь рост встает проблема отношения современного искусства к старому знанию. «Знание не связывает, а дает свободу», отвечает сам автор. Мы внесем, однако, известную поправку в это убеждение, которое, всеконечно, нами разделяется. Знание бывает столь же предопределено вся ческими условиями, как и искусство: протест современного художественного творчества, которое хочет по существу иного, чем того хотело *все* предыдущее искусство, вполне правомерен, когда ему преподают, как общеобязательную истину, нечто, ведущее к коренному отрицанию его исканий. У автора как раз нет чувства спайки с современными художественными исканиями, поскольку он устанавливает свое программное требование: «... понимание требует предварительного знакомства с влияниями культуры», а «поскольку дело идет о передаче в искусстве человеческого тела, приходится считаться также с мнениями врача» (стр. 15); он упускает из виду, что в глазах современного художественного деятеля искусство само в себе может таить требования, которые порою абсолютно разойдутся с взглядами анатома и не смогут быть объяснены историческими условиями: для достижения декоративности впечатления, напр., сплошь и рядом приходится насиловать действительность, для большей выразительности — нарушать все анатомические законы. А что автор оставляет это без внимания не случайно, доказывается его очерком общей истории искусств, который абсолютно неприемлем при современных взглядах теории искусства и вообще является очень устарелым (отрицательный, конечно, отзыв о великом искусстве средних веков, о каком-то «египетском» влиянии, от которого греческое искусство освобождается только во времена Перикла, и т. п.), богат прямо ошибками в датах (напр., жизнь Дюрера), именах (Вазари), фактических сведениях (Гирландайо, Дюрер) справочный отдел.

При всем этом мы боимся, что книга не будет иметь того влияния на современную художественную молодежь, как бы того хотелось. Очень искренно считаем, что ученый должен учиться языку художника, откликаться на его сомнения, колебания и волнения, а не наоборот.

Издана книга чрезвычайно небрежно. Рисунки на таблицах не оправданы (им надо быть в тексте). Самый выбор их—на совести автора, но Издательству надо поставить в вину очень неудачное выполнение. Одна таблица—вверх ногами.

А. А. Сидоров.

Художника Казимира Малевича. От Сезанна до супрематизма. Критический очерк. Издание Отдела изобразительных искусств Наркомпроса. Стр. 16. 8°. Год и место издания не обозначены.

В эпиграфе автор обещает рассмотреть современное искусство и творчество с точки зрения «экономии».

Может быть, это им и выполнено, но в блестящих периодах, построенных, очевидно, по вновь изобретенным самим автором правилам синтаксиса, уловить вообще почти ничего не удается.

В качестве образчиков «экономического» творчества художника Малевича можно было бы выписать все 16 страниц книжки. Ограничимся двумя лишь выписками.

1) «Сезанн положил значительные выпуклые основы кубистического направления, расцветшего в лице Брака, Пикассо, Леже, Метценже и Глеза во Франции и было (sic) выдвинуто в России с новым уклоном аллогизма».

2) «Сезанн... формою дал ощущение движения форм к контрасту, что можно наблюдать в произведениях Сезанна, где все прямые горизонтальные идут почти к центру вертикальной линии или живописной плоскости, что (sic) все мятые кривые группируются в контрасте с плоскостью или объемом, и что сам объем контрастен плоскости».

Таков весь текст.

Но, может быть, за этим «оригинальным» стилем скрывается глубокое содержание? Увы! Все, обнаруживаемое с большим трудом из-под мусора пустозвонных фраз, содержание сводится к следующим утверждениям:

1) «Главной осью кубистического построения были прямая и кривая».

2) Начиная с кубизма, живопись постепенно отходит от реального мира и научной перспективы и становится интуитивной.

3) От Сезанна, через «выражение предметов со всех сторон» и интуитивную конструкцию—кубизмом пройден путь к «чистой», «фактурной» живописи.

4) Ван-Гог—отец динамического начала. Футуризм, отбросив «живописное», дает машинную динамику. Супрематизм дает «чисто энергийную силу движения».

Кому нужны эти «истины»? Художнику, специалисту искусствоведу они давно уже успели приесться, стать «общим местом». Тому, кто, по словам Казимира Малевича, должен «приспособить свою голову к пониманию», они, конечно, не станут более понятными в изложении автора, да и вряд ли кто-нибудь сумеет одолеть больше первых 10—15 строк.

Обидно, что Отдел изобразительных искусств тратит бумагу и краску на подобный набор бессмысленных фраз, в то время как на-лицо определенная необходимость в толковой брошюре, могущей облегчить широким массам понимание нового искусства.

По внешности брошюрка издана вполне прилично.

И. Корницкий.

Государственный Эрмитаж. Сборник Выпуск I. Петербург. Государственное Издательство. 1921 года. 76 стр. XXII таблицы. 4°.

Первый сборник Эрмитажа посвящен памяти академика Я. И. Смирнова, работавшего многие годы в Эрмитаже.

Огромные богатства этой сокровищницы дают обильный материал для интереснейших экскурсов в области искусства. Только что вышедший сборник состоит из ряда статей, написанных специалистами, обследовавшими, главным образом, подлинники Эрмитажа.

Первой работой является «Головы пергамского стиля в Эрмитаже» О. Ф. Вальдгауера. Знаток античного мира, он дает чрезвычайно ценный этюд, посвященный подробному описанию подлинных голов позднегреческой эпохи, при чем, выясняя несостоятельность их прежних толкований, доказывает, что одна из них есть повторение головы Патрокла из известной флорентийской группы типа так называемой Пасквино, принадлежащей к серии пергамских скульптур второй половины III в. до Р. Х. Аналогии с несколькими памятниками делают убедительными соображения, высказываемые автором. Рядом разбираемых им голов, находящихся в заграничных музеях и в Эрмитаже, подтверждают близкое соприкосновение группы Пасквино с произведениями скульпторов, работавших при дворе пергамских царей.

Интересная статья Я. С. Тройницкого посвящена Георгу-Генриху Кенигу, эмальеру, граверу, лепщику, камнерезцу и химику XVIII века. Рассматривая хранящиеся в Эрмитаже произведения этого мастера, автор попутно приводит некоторые документы с упоминанием об этих работах.

Липгарт дает две заметки,—одна (на французском языке) посвящена картине «Бегство в Египет» из гатчинского дворца. Сделав подробное описание этой картины, приведя выдержки из ряда старых итальянских авторов, автор приписывает это произведение кисти такого великого мастера, как Тициан.

Следующая заметка озаглавлена—„Antonio Allegri Detto il Correggio et Leonardo

da Vinci"; в ней Липгартом дается чрезвычайно существенное реальное доказательство влияния Леонардо да-Винчи на Корреджио в картине «Мистическое обручение св. Екатерины» в Вене.

А. Н. Бенуа разбирает творчество художника XVIII века Джозафа Райта, посвятившего свою кисть, главным образом, изображению жизни среднего сословия и рабочего класса. Остановившись на известном своеобразии творчества этого художника, Бенуа описывает ряд произведений, заканчивая картиной, находящейся в Эрмитаже.

В работе М. И. Максимовой «Императрица Екатерина Вторая и собрание резных камней в Эрмитаже» очень интересен документальный материал, обильно приведенный автором. Тут дается история собрания резных камней Эрмитажа. Инициатором этого дела являлась сама Екатерина II, помощниками же ее были Гримм, главный закупщик памятников искусства за границей, и Ланской, ее фаворит. Их переписка чрезвычайно любопытна и сразу вводит в курс дела. За 20—25 лет этого деятельного коллекционерства было собрано до 10.000 гемм, за последующие 125 лет общая цифра увеличилась только в полтора раза, т.-е. достигла 16.000.

Последняя статья сборника А. Кубе посвящена мраморному бюсту Петра Великого, работы Карло Альбатти, итальянского скульптора, работавшего в России в XVIII столетии. Этот памятник представляет из себя мраморную копию воскового бюста, посланного Петром в Рим в подарок кардиналу Оттобуони.

Все вышеразобранные статьи дополнены обширными примечаниями, помещенными в конце каждой работы, и прекрасно исполненными таблицами в конце книжки. Характер сборника и его внешний вид напоминает журнал «Старые Годы», который дал так много интересного русскому читателю.

Т. Козьмина.

СЕРГЕЙ ГЛАГОЛЬ. С. Т. Коненков. Русское современное искусство в биографиях и характеристиках художников. Изд. «Светозар». Пет. 1920. 40 стр. Ц. 25.000 руб.

Скорее не критиковать только что появившуюся новую книгу о Коненкове, как характеристику его творчества, собираемся мы, а вспомнить об авторе ее. Голоушеве, пользуясь возможностью отметить годовщину смерти этого выдающегося и симпатичного писателя и деятеля. Каждая книга, выпускаемая теперь, обязательно сопровождается указаниями на непреодолимые препятствия, стоявшие на пути ее создания и печатания. Тем более приятно, что судьба позволила среди полного почти отсутствия книг по искусству видеть новое издание 1920 г., только что вышедшее, именно—последний труд Сергея Глаголя. Он много жил, много и неустанно работал, обладал громадной жизненной силой, и последний его труд был одним из звеньев его постоянной и непрерывающейся работы: думается, что именно жизненная сила автора, его некрикливая настойчивость и вера в преодоление всех затруднений привели к тому, что посмертная книга его о Коненкове все же вышла.

Сергей Глаголь любил книгу и знал печатное дело. У нас мало специалистов вообще и среди них не много людей, всесторонне образованных,— и к таким принадлежал С. Глаголь. Он в Строгоновском училище вел курсы анатомии и лекции его были беседами по вопросам пластики, искусства, вызванными «последними событиями» в художественном мире. Он был первым руководителем и организатором в Строгоновском училище мастерской печатного дела, он положил начало *производственному*, практическому изучению его за много лет до наших реформ. Вот почему особое отношение к последней книге, написанной Сергеем Глаголем, может быть выражено в пожелании, чтобы она была и по внешности выдающейся среди современных нам изданий, чтобы она была целостной, вполне скомпанованной.

Этого нет, конечно, к сожалению. Хорошая бумага, хороший размер и шрифт, хорошие воспроизведения на меловой бумаге, специальные украшения работы

С. Чехонина,—но все это не доделано. Воспроизведения «случайно» вставлены и по размеру не подходят к тексту, словно они предназначались для другой книги. Некоторые концовки малы и не завершают страниц. Эти недостатки могли бы и в настоящих условиях отсутствовать.

Воспроизведения подобраны почти исчерпывающе и количество их (50) дает возможность познакомиться с творчеством Коненкова довольно полно. В одном случае встретилась опечатка: «Паганини» мрамор-бюст, создан в 1906 г., но не в 1916. Некоторые работы Коненкова воспроизводятся впервые.

Текст написан, как и все написанное С. Глаголем, очень просто и популярно. Конечно, не было у автора задачи написать исчерпывающей монографии; это именно «характеристика» художника, связанная с некоторыми данными его биографии, которые автор непосредственно узнал у художника. В сравнении с очерком А. Ростиславова, напечатанном в «Аполлоне» за 1912 г., характеристика С. Глаголя и полнее и значительнее. В текст свой С. Глаголь внес эпизод с проектом памятника Александру II, который не был принят и впоследствии погиб. С проектами памятников Коненкову вообще не везло. Известна и другая неудача художника, более ранняя, относящаяся к 1901—1902 г. г., когда художник выступал с проектом памятника Гоголю. Собственно проектов было несколько, кажется, два из них автор представил на конкурс, остальные были известны небольшому кругу знакомых художника и хранились у д-ра С. Я. Уманского, у которого я их видел. Очень жаль, что Коненков не вспомнил или не желал указать на эти свои работы: они для характеристики его творчества и личности имеют значение. На странице 25-й автор, говоря о жизни художника в Москве после неудачи с «Самсоном» в академии, указывает на работу художника в Тургеневской читальне, как в «университете», и подчеркивает, что в это время Коненков не только познакомился, прочел Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Гоголя, но и действительно изучил их. Как раз к своим проектам памятника Гоголю художник делал выдержки из произведений его, которые и помещались художником в его эскизах. Выдержки были, как я помню, значительны и указывали на самобытное и глубокое понимание творчества Гоголя. Своеобразны были и эскизы, они отличались особой остротой и напряженностью, в них было много психологического движения, того же стремления «разорвать узы», о каком говорит С. Глаголь в своей книге, характеризуя статую «Самсона», узы другие, связывавшие Гоголя...

Так через год после смерти автора мы вспоминаем о нем, читая его книгу, как бы беседуя с ним, вслушиваясь в его простые речи, полные любви к теме, ко всем деталям ее. Пусть эта хорошая книга будет знакома многим, пусть не составит она вскоре «библиографической редкости». Помешает тому и несуразно высокая и для сегодняшнего «вольного» рынка цена.

Н. Моргунов.

СТЕЙНЛЕН. Художник парижского пролетариата. Очерк проф. А. А. Сидороза. Стр. 26+2 ненум.+XVI таблиц+4 ненум. Государственное Издательство. Москва. 1919. 14°. Цена 40 рублей.

Нисколько не удивительно, что серия книжек о художниках, созвучных переживаемому времени, открыта Стейнленом. В тесном кругу художников-революционеров, художников, отдавших свой талант людям труда, Стейнлен—один из самых замечательных. Его рисунки, литографии и офорты легко запечатлеваются в памяти. Они настолько красноречивы, что говорят сами за себя.

Быть одновременно популярным и научным—задача не легкая. Это—первая трудность на пути встречи специалиста с массой. Для многих, притом самых видных людей искусства, искренно желающих свести пролетариат с искусством, неумение быть популярным, неумение подойти к психологии нового зрителя и нового читателя—являются основными камнями преткновения.

Но автор очерка о Стейнлене смог это сделать. В этом—главная заслуга книжки. Ее с охотой прочтет не только любитель искусства, тесно с ним связанных, но и каждый развитой пролетарий.

В смысле расположения материала автор поступил мудро. Он ввел читателя в круг парижской жизни, когда классовая рознь особенно обострена, в кабачки Монмартра, чтобы затем перейти к пришедшему сюда в 1883 г. Теофилю Стейнлену. Затем следует глава, разъясняющая его «как» художника, его технические приемы, а затем его «что», описывающая приложенные таблицы.

Прежде всего нужно отметить, что очерк нисколько не претендует на монографию историко-художественного порядка. Для автора неважен был исторический подход к стейнленовскому искусству, не входило в его задачу и подробное рассмотрение отдельных фаз искусства художника. Книжка о Стейнлене—не монография, это, в конечном счете, ряд листов, текст к которым должен облегчить и обострить дело их восприятия читателем.

Отсюда вытекает краткость очерка, которая в другом случае встретила бы возражения. Но одно мы считаем необходимым сделать: отсутствие рассказа о жизни Стейнлена. А нужно ли указывать, как много уясняет для нового читателя в общем облике художника его жизненный путь: Сезанна, Ван-Гога, например? Но, по существу, автор дает вполне правильную оценку искусства Стейнлена, его основная мысль та, что в рабочем искал художник не профессионала, а человека, и полюбил Стейнлен вечной любовью, раз-на-всегда, всех бездомных, всех голодных, всех жертв улицы «столицы мира». В этом смысле Стейнлен хранит лучшие традиции французских художников и писателей богемы.

В замечательных листах закрепляет он пролетария и прачку, вора и апаша, всех лишенных вечного крова в «прекрасной Франции». Простота приемов и подчас монументальность у Стейнлена поистине удивительные.

В. Блох.

ДОМЬЕ. Осада. Текст Н. С. Сергеева. Государственное Издательство. 40 стр. М. 1920. 4 рис. в тексте и 8 таблиц.

Наш рынок так беден книгами по искусству, что приходится приветствовать каждую новинку этого рода. Иногда, правда, приходится жалеть о не совсем удачных результатах благих замыслов. С подобным сожалением приходится отозваться об издании рисунков Домье, относящихся к осаде Парижа в 1871 году, с текстом Н. С. Сергеева.

Крупный мастер, тонкий сатирик, искусный рисовальщик, Домье не издавался в России. Рисунки, вошедшие в сборник «Осада», являются плодом его уже уставшего таланта, и, зная его более сильные произведения, остается удивляться, почему изданы именно эти или только эти рисунки, и не присоединены к ним какие-нибудь более ранние и потому более острые и законченные.

Книга состоит из 14 страниц текста, 4 рисунков и 8 таблиц. Воспроизведения рисунков в тексте можно считать просто неудачными и даже небрежными. Более тщательно исполнены таблицы.

Автор очерка, Н. С. Сергеев, старался охарактеризовать тот момент, которым были вызваны рисунки, анализирует их и характеризует творчество Домье. Ввиду того, что обследуется только изданный материал,—а он очень не велик,—то характеристика творчества Домье получается нам кажется, не совсем полная. Автору больше удался довольно беглый анализ композиций некоторых рисунков, но сделан он вскользь, поскольку автору хотелось вскрыть идейное содержание изображенного.

А. С. Стрелков.

«Изобразительное Искусство», № 1, журнал Отдела изобразительных искусств Нар. Комиссарната Просвещения. Петербург 1919. 4°.

Великолепно изданный, на прекрасной бумаге и с хорошими художественными репродукциями, журнал «Изобразительное Искусство» открывается портретом Маркса; в целом ряде статей имя Маркса употребляется множество раз—решительное впечатление марксистского издания, посвященного проблемам искусства. Тем более, что редакция в кратком программном введении ставит своей задачей разработку вопросов искусства, поскольку последнее связано с современным социальным переустройством жизни. Но уже и в этом введении

читатель натыкается на следующие любопытные строчки: «Наши художники и наши произведения («наши», т.-е. защищаемые редакцией. *Б. А.*), — те, которые родились из нового мировоззрения и которые тем самым полярны всему старому и с ним несовместимы. Рабочий класс не пришел сменить кого-либо на троне, его цель—создание внеклассового общества... Пролетарское искусство—внеклассовое искусство».

Разумеется, *цель* пролетариата—внеклассовое общество и внеклассовое искусство, но так же, как для этого пролетариат организует свою *классовую* диктатуру, так и в области художественной он создает свое, *классовое* искусство, и именно,—пролетарское искусство. Говорить о внеклассовой природе пролетарского творчества, подставляя вместо цели путь к этой цели,—не значит ли открыть себе возможность назвать самих себя пролетарскими художниками? Редакция не говорит этого прямо, однако весь журнал стремится доказать, что те художники, которые близки ему, и являются пролетарскими творцами.

Журнал издан так называемой левой группой; мы отнюдь не оспариваем ее огромного значения в современном искусстве (чего, к сожалению, до сих пор не могут понять многие товарищи марксисты), но она остается группой интеллигентской, индивидуалистической и, следовательно, не имеющей никакого права честно назвать себя группой пролетарских художников. Надо осознать, товарищи «левые», свое подлинное место в истории, а не совершать подлогов: вы и без того сильны.

Непременным желанием навязывать пролетариату свои пути и методы объясняется целый ряд грубейших промахов и дилетантских натяжек, встречающихся даже в таких любопытных статьях, как статьи т.т. Пунина («Искусство и пролетариат») и Брика («Художник и коммуна»). Пунин, напр., пишет: «Трудовая демократия не знает и не хочет знать ленивых и сонных наслаждений, откуда бы они ни исходили. Вот почему эстетическое чувство ей чуждо, как чужды все классовые привычки и предрассудки враждебных ей социальных групп». Научный подход к делу требует прежде всего анализа эстетического чувства, которого Пунин не дает, а тогда бы оказалось, что эстетическое чувство не есть нечто абсолютное и неизменное (непременно «ленивое и сонное»), но может изменяться и быть активным; ограничивать пролетарское искусство чисто познавательной функцией, как хочет Пунин, значит призывать к той же буржуазной пассивности, но только в иной форме. Эмоциональная и волевая сторона художественного творчества не будут отброшены пролетариатом, наоборот, он обогатит их, превратив их из субъективно-созерцательной в социально-действенную силу пересоздания форм самой жизни.

Художник, пропагандируя идеи, ничего не доказывает: он только убеждает,—утверждает т. Брик,— значит его труд или бесполезен (если истинность идеи может быть доказана), или вреден (если идея ложна). Ни то, ни другое в коммуне нетерпимо». Если бы все человечество могло стать на почву последних достижений науки, тогда, конечно, убеждать было бы незачем. Но этого нет, и так же, как рабочая партия необходимо должна не только доказывать, но и агитировать, так же пролетарский художник, для которого искусство и жизнь будут неразделимы, придет своей партии на помощь, в образах пропагандируя великие идеи своего класса. Будет ли всегда в этом потребность—другой вопрос, но сейчас она на-лицо, и только предвзятое беспредметничество может (грубо нарушая марксистский метод) навязывать самого себя там, где оно вредно и бесцельно.

Тенденциозность псевдо-марксистского журнала окончательно обнаруживается в статьях Малевича («О поэзии») и Кандинского («О сценической композиции»). Цитирую наудачу: «Самое высшее считаю моменты служения духа и поэта, говор без слов, когда через рот бегут безумные слова, безумные, ни умом, ни разумом не постигаемые» (Малевич). Эта безграмотная болтовня тоже пытается стать пролетарской идеологией. Надо, наконец, всем подлинно-марксистским элементам, стоящим на левом фланге искусства, раз и навсегда отгородиться от тех лже-пролетариев, которые, оста

ваясь ценными художниками в своей области, дискредитируют идею революции в искусстве никчемными притязаниями на пролетарское делание.

Пора указать буржуазным новаторам, что их новаторство буржуазно и ничего общего с коммунизмом не имеет. «Каждое искусство есть нечто в самом себе замкнутое. Каждое искусство есть самостоятельная жизнь. Оно есть особый мир, самодовлеющий», пишет Кандинский, типичнейший метафизик и индивидуалист в искусстве. Что же и в чем редакция увидела «нашего художника»?

Констатируем: журнал «Изобразительное Искусство» представляет собой организованную попытку подменить пролетарскую культуру культурой революционно-художественной интеллигенции, и постольку этот журнал глубоко вреден и опасен для малосознательных слоев рабочего класса. Надо быть честнее: либо встать прямо на позицию настоящего искусства пролетариев, либо, не прикрашиваясь ничем, делать свое, сейчас нужное, важное, исторически-целесообразное, но отнюдь не пролетарское дело. Лишь тогда можно будет выяснить, насколько левые течения в современном буржуазном искусстве могут быть использованы пролетариатом для его творчества. В противном случае левые художники только лишний раз подвергнут себя (и справедливо) обстрелу со стороны реакционных теоретиков, не видящих в левом течении ничего, кроме вырожденчества.

Журнал содержит еще обстоятельную и интересную статью-отчет т. Штеренберга о деятельности ИЗО. Наркомпроса и ряд деклараций и тезисов по вопросам изобразительного искусства, музейного дела и т. д. Помимо этого журнал богато иллюстрирован репродукциями с работ молодых русских художников, наконец-то получивших возможность открыто появиться в хорошем издании. Любопытно сделана т. Штеренбергом полубеспредметная обложка.

Б. Арватов.

ПУНИН, Н. Памятник III Интернационала. Проект худ. В. Е. Татлина. Петербург. Издание Отдела изобразительных искусств Н. К. П. 1920 г. 4 стр. 8°. Ц. 70 руб.

Брошюра берет на себя роль рекламы выполненному В. Е. Татлиным, главой российского художественного футуризма, проекту здания-памятника, где первый этаж был бы посвящен законодательным собраниям Совета рабочих депутатов земного шара и вращался бы вокруг своей оси со скоростью одного оборота в год; второй этаж — треугольный, вращающийся вокруг себя раз в месяц, был бы посвящен собраниям исполнительным; третий, вращающийся раз в день, — центрам осведомительного характера. Все это, построенное из железа и стекла, укладывалось бы в спираль, наклоненную над землею под углом в 45°.

Проект был выставлен в Москве (выставка VIII съезда) и, несмотря на самые подробные объяснительные записки, висевшие рядом, все-таки продолжал оставаться тем же: может быть, чрезвычайно интересным и талантливым, но не более, как кубо-футуристическим натюрмортом, неоправданным и, ужасно сказать, ненужным.

Н. Н. Пунин характеризует Татлина, как лучшего художника рабоче-крестьянской России, и его проект, как международное событие в мире искусства. Считая себя одинаково «компетентными в вопросах искусства», как и т. Пунин, мы хотели бы отметить, что *новое* в искусстве не всегда означает *ценное*; что автор безнадежно односторонен, отвергая все фигурное искусство, отбрасывая его к «феодально-буржуазным традициям Ренессанса», забывая чрезвычайно правомерную потребность современности самой революционной видеть организованным тот мир органической человеческой жизни, который вековечен перед нашими глазами.

Мы не скажем, чтобы памятник Татлина был удачно истолкован. Мы абсолютно не согласны с тем, что в его основе лежит «*органический* синтез принципов архитектурных, скульптурных и живописных». Никакой *гармонически* связанной формы мы не видим в проекте Татлина. А что касается объединения

творческой и утилитарной формы в искусстве этом, *изобретением*, желающим заменить художественное творчество, то позволительно было бы заметить, что *эстетизация* машины не сделает ее лучшей, что красота техники станка, колеса, фабрики, любой машины—уже *есть* и не нуждается в художнике-исправителе.

Проект Татлина грешен именно этой ненужной эстетизацией машинной формы, и что бы ни говорил очень вдохновенно т. Пунин о спирали, выявляющей современность и ее динамику, мы все же не считаем, что обсуждаемый проект удачно передает искомую идею. Все сооружение наклонно и вместо стремления ввысь дает впечатление *падения*. Зачем понадобилось вращать здание? Боимся, что выводом будет некоторое пожелание, чтобы проект Татлина *не был* осуществлен.

Брошюра написана языком неразумительным и недостойным т. Пунина. Попробуйте понять, как это «художественное дело выходит за XX век, намечая секторы развития всех сторон творчества»?

А. А. Сидоров.

ИСКУССТВО В ПРОИЗВОДСТВЕ. Сборник художественно - производственного совета Отдела изобразительных искусств Наркомпроса. I. Москва 1921. Стр. 42.

Единственно ценной частью сборника следует признать его хронику, в которой даются сведения о существующих уже мастерских художествено - производственного подотдела, разбросанных по многим губерниям, о состоявшихся съездах и проч.

Задачи художественно-производственного совета—чисто-практические: учесть настоящий момент, его возможности, войти в контакт с соответствующими производственными органами, организовать художников, создать тесную связь между ними и соответствующими отраслями производства, подготовить новые кадры сознательных работников.

Не для возрождения кустарной промышленности создан художественно-производственный совет (на это указывается в одной из статей сборника), а для создания производственного искусства на фабриках и заводах.

Поэтому раньше всего следует помнить о самой сущности фабрично-заводского производства: о распыленности труда, о штампе, общем для десятков тысяч отдельных деталей, о тяжелых условиях работы, частой неудовлетворенности ею, отсутствия у каждого отдельного работника сознания того «целого», над частью которого он работает, и о сотне других причин, препятствующих, особенно при современной производственной разрухе, сознательному конструктивному творчеству.

Об устранении этих препятствий и следовало бы подумать художественно-производственному совету, разрешению этих вопросов и надлежало бы посвятить этот сборник. Отвлеченные, кабинетные замыслы о том, каково было искусство до сих пор, как его разделяет на частное и прикладное буржуазный мир, каково оно теперь и каковы его судьбы—следовало предоставить специалистам-искусствоведам и не тратить бумаги на никому не нужные школьные упражнения в красноречии.

Тогда мы были бы, вероятно, избавлены от высоко-авторитетных утверждений, подобных утверждению Василия Воронова в статье «Чистое и прикладное искусство». Уже XVI век в лице Леонардо и Рафаэля (sic!) торжествует победу психологического идеализма в живописи над декоративными и монументальными основами».

Идеология производственного искусства может выработаться лишь рядом тяжелых ошибок, разочарований и достижений.

Лишь в процессе совместной работы, приспособляя друг к другу и примеряя друг с другом требования практического назначения, техники и искусства, инженер, художник и рабочий создадут новые орудия и способы производства, новые машины, а за ними и новые «вещи» вообще, которые будут художественными не только по внешности, но и по форме.

И. Корницкий.

Государственный музейный фонд. Каталог художественных произведений бывшей Юсуповской галлереи. Стр. 24+XII ненум. таблиц. Отдел музеев и охраны памятников искусства и старины. Город и цена не обозначены.

Юсуповская галлерея на Мойке, в ряду частных собраний Петербурга—на первом месте.

Собрание, приведенное в «музейный» порядок летом 1919 г., открыло свои долго остававшиеся запертыми двери — уже лишенное лучших украшений: два полотна Рембрандта безвозвратно покинули пределы России. Но и в таком виде Юсуповское собрание, выдающегося историко-художественного значения, заключающее около тысячи картин, среди которых мы найдем ряд шедевров, давно ждало опубликования и научного исследования.

Французская школа, своим замечательным подбором мастеров от великого Лоррена и Пуссена через превосходно представленных мастеров галантного века, в особенности Буше и Греза, до малых мастеров, своего рода «маленьких голландцев» во французском обличьи—Буальи, Маргерит Жерар и др., пользовалась мировой известностью, будучи однажды опубликована в «Художественных сокровищах России». К сожалению, как и всего, что делалось за последние годы издания в этом журнале, опубликование художественных сокровищ Юсуповского собрания было обставлено далеко не хорошо. И если все же ко всему богатому иллюстрационному материалу «Художеств. сокров. России» дают достаточно полное представление о произведениях французской школы, то о картинах других школ можно получить лишь случайное представление; воспроизводились наиболее «знаменитые». Между тем итальянская и нидерландская школы живописи, уступая подбором и полностью французской, — представляют первостепенный интерес. Достаточно назвать, чтобы ограничиться наиболее выдающимися произведениями, женский портрет Лотто, два больших полотна, спорящих с эрмитажными, Дж. Бот. Тьеполо и два совсем особенных по колориту Гварди— в пределах итальянской школы и даже имена Сол. Брайя, Арта де-Гельдера, Гриммера, Броувера, Терборха, де-Хогога—в пределах нидерландской, чтобы понять, какие сокровища заключают названные две школы живописи и насколько важно было издать полный каталог этого собрания.

В настоящее время, очевидно, нельзя было мечтать о «толковом» каталоге. Следовало ограничиться какой-то книгой-справочником, в котором на достаточную высоту, без сомнения, и могла быть поставлена исследовательская часть. Что же сделали авторы петербургского издания? Прежде всего захотели «щегольнуть». Последнему принесли в жертву все: цель и смысл предпринятого издания.

Но так как, в современных условиях книгопечатания, «щеголять» очень трудно, то решились сделать это «за чужой счет». Воспользовались наследием «Художественных сокровищ России»: они приложили к книге двенадцать таблиц с наиболее известных картин, в свое время опубликованных в этом издании. Изменение коснулось лишь папиросной бумаги, которую пришлось отобрать (что в нашем экземпляре произведено достаточно небрежно), а нужные надписи по новой орфографии отпечатали на полях гелиогравюры, по обеим сторонам Юсуповского герба. Прежде всего следует удивиться, что заимствование не оговорено. «Худож. сокровища России» 7-го года издания не всем, конечно, известны...

А затем хочется спросить, велика ли была необходимость прилагать эти таблицы, в особенности с картин Рембрандта, коих местонахождения неизвестны. В результате вместо каталога-книги получился альбом. Воспроизвести же картины ряда малых мастеров, открывшихся нам в собрании с совершенно новых сторон, что было особенно важно, все равно не удалось.

Это—одна сторона дела. Еще менее утешительна другая. Издание, по своему альбомному формату, нисколько не расчитано на пользование в галлерее. Между тем каталог, очевидно, с целью возможно большего упрощения пользования, сделан по номерам развески. Последнее не может не вызвать решительных возражений. Даже откинув соображения о том, что альбом, отпечатанный в коли-

честве 1000 экземпляров, не есть книга, которую берут в галлерею: нельзя не подивиться тому, что каталог составлен не так, как это делалось всеми до сих пор: по школам и художникам. В результате возможность пользования изданием Отдела музеев чрезвычайно затруднена и приходится рыскать по разным страницам, чтобы отыскать произведения, принадлежащие кисти одного мастера.

Этих указаний недостаточно. Мы недоумеваем, почему отсутствуют вводные очерки историко-художественного порядка, выясняющие общую ценность заключенных в той или иной школе картин, их отношения, связь и аналогии с эрмитажными, обращающие внимание на наиболее интересных мастеров, дополняющие или изменяющие с какой-нибудь стороны сложившееся о них представление и т. д., и т. д. Разве такой *живой комментарий* не нужнее тех мертвых сведений об эпохе и стиле архитектуры и убранства комнаты, которые сухо запротоколированы в нескольких строчках, предваряющих перечень картин каждой залы? Вместе с тем, насколько интересно было бы получить, в форме ли приложения, подстрочных примечаний, или какой-нибудь иной, краткую летопись опровергнутых старых приписаний и сделанных во время работы новых. Вот мы узнали, что картина, упорно приписывавшаяся А. Праховым на страницах «Худ. сокров. России» Рембрандту — «Савояр», отдана Арту де-Гельдеру. Злые языки уверяли, что А. Прахов для большей вескости своей аттрибуции подделал подпись Рембрандта. Но, как бы то ни было, легенда рушилась и авторство Арта де-Гельдера, ближе всех других учеников Рембрандта подошедшего к его искусству, не только внешне, но и внутренне близкого и окрыленного творчеством великого голландца, кажется наиболее вероятным.

Каждая картина, как и книга, имеет свою судьбу. И сколько их, поколебленных аттрибуций, ложных приписаний! Между тем авторы петербургского издания словно дали обет молчания... Вместо того, чтобы поведать нам о тех удивительных сокровищах человеческого духа, которые заключены были во дворце на Мойке и ныне открылись глазам народа, вместо того, чтобы рассказать, на какую высоту, в ряды великих колористов вознесся в картинах юсуповского собрания такой, в конце концов маленький мастер, как Тенирс, какие догадки позволяют делать картины Дебюкура, — мы читаем: «Отделка комнаты — второй половины XIX в. Мебель того же времени. Люстра тридцатых годов XIX в...» и т. д.

В Петербурге — ряд замечательных собраний, в которых произведена была развеска согласно требованиям современной музейной техники. И будет очень печально, если издания, посвященные этим собраниям, повторят ошибки и недостатки каталога, изданного Отделом музеев и охраны памятников искусства и старины.

В. Блох.

П. С. КОГАН. В преддверии грядущего театра. Изд. Первина. Москва. 1921. 44 стр.

Небольшая книга П. Когана является сборником статей, помещенных им за последние 2 года в периодической печати. Все они являются откликом на вопросы, волновавшие тех, кто к театру причастен. Но, в силу значительности тем, приобретающих особую остроту в связи с нашей революционной эпохой, они большей частью выходят за пределы интересов дня, и в некоторых случаях служат как бы только толчком к более широкой постановке их, чем та, которая была возможна в силу небольшого размера указанных очерков.

В статье «Театр-трибуна» автор указывает на действенный характер театра, как выразитель мнений и чаяний различных социальных групп и классов. Приводя ряд исторических примеров, он разрушает легенду об аполитичности театра и подчеркивает, что идеология театра современного с необходимостью должна выявить классовый характер протекающей революционной борьбы. Отмечая особые свойства театра, его иносказательность, его действие на массы зрителей в силу психологических особенностей зрительного зала, наиболее эмоционально воспринимающего зримое,— автор справедливо указывает, что театр является одним из крупных факторов со-

циальной борьбы. Читатель невольно имеет возможность расширить приведенное положение применительно к художественному творчеству, произведениям искусства в целом.

В статье «Театр на заказ» автор борется с предрассудком вольного вдохновения художников, не вызванного ни жизнью, ни реальными требованиями ее, а как бы определяющимися самодовлеющими побуждениями творящей личности. Примеры «Первого винокура» Толстого и «Юбви-целительницы» Мольера говорят о том, что не существует тем утилитарных и неутилитарных, художественных и нехудожественных, что художественность произведении искусства определяется степенью талантливости автора.

В «Итогах» автор книги справедливо указывает на основной предрассудок нашего времени, будто произведения искусства являются в результате уже достигнутых материальных успехов. На деле он—один из важнейших факторов в процессе борьбы за эти успехи и участвует в процессе строительства новой культуры».

Художественное творчество должно стать элементом трудового процесса и художественно изменить трудовой пафос возрождающейся республики, масс, кующих в грозе и буре сознательной борьбы новые формы жизни.

Другие статьи носят характер ретроспективного анализа театральной деятельности. Книга написана образно и вполне доступна массовому читателю.

М. Эйхенгольц.

Henri Clouzot. Les métiers d'Art (Paris 1920).

Walter Kart Behrend. Der Kampf um den Stil im Kunstgewerbe und in der Architektur (Berlin 1920).

Искусство капиталистического общества, характеризуемое отрывом от жизни и резким индивидуализмом по самым своим формам, доведено было до тупика современным городом и превратилось в произвольную игру субъективного опустошенного сознания. Научная мысль, консервативная и захваченная в рабство своим собственным объектом (буржуазными формами творчества), не пыталась даже найти выхода из безнадежного положения, в котором оказалось искусство. Понадобилась мировая война, разрушившая представления о неизменности и естественности всех навыков, привычек и социальных форм старого строя, для того, чтобы научная мысль сдвинулась с мертвой точки. Путь перед ней лежал один: искусство, чтобы не погибнуть, должно слиться с жизнью, войти в нее и, следовательно, принять всю новейшую технику. Мировая война сломила ремесленное упрямство искусствоведов, и они решили покориться машине: «вторжение машины в жизнь не имеет границ, не будем останавливать ее», пишет Клузо (стр. 8).

В 1920 году, одновременно в Париже и Берлине, вышли две вышеназванные книги, посвященные проблеме художественного производства. В глазах обоих авторов старые формы с их подражательностью, стилизацией и деструктивностью окончательно и бесповоротно осуждены на смерть. И Клузо, и Беренд резко и определенно обрушиваются на внежизненность и ремесленность искусства, призывая к творчеству целесообразному, практически полезному и, следовательно, глубоко органическому. Оба они констатируют бесплодность и утопичность всех прежних попыток возродить художественное делание на почве ремесла и стилизации; оба требуют внесения искусства в крупную индустрию. В этом огромное симптоматическое значение их работ: логика фактов требует таких выводов от мышления, осознавшего гнилостность буржуазного искусства, а осознание это было продиктовано всеобщей переоценкой всех ценностей, связанной с крахом старого общества, материально и морально дискредитированного войной.

Где же видят авторы решение поставленной ими проблемы? В этом решении оба они расходятся. Француз Клузо, родина которого потрясена, но не побеждена, остается в рамках капиталистического общества. «Художественные ремесла, — пишет он, — могут подняться путем энергичного усилия и объединения промышленников, рабочих и декораторов. Государство же должно помочь им» (стр. 77). Ограниченность буржуа мешает

Клузо понять, что частный капиталист неспособен на производство потребительной (и, в ее пределах, художественной) ценности, как таковой, интересуясь лишь стоимостью меновой, прибылью, барышами. Любопытно читать, как Клузо взывает к благородству фабрикантов, требуя 8-часового рабочего дня для того, чтобы рабочие в благодарность соединились со своими эксплоататорами для совместного художественного творчества. Утопичная реакционность всего этого ясна сама собой, интереснее другое. Дело в том, что Клузо все-таки сознает невозможность художественного, т.-е. организованного социально, производства в условиях анархического хозяйства и потому категорически настаивает на государственном регулировании промышленности, профессиональных школ, техникумов и т. д., являясь таким образом смутно еще осознавшим себя идеологом государственного капитализма. Поскольку его выводы приемлемы для буржуазного практического творчества, конкретны — кто знает? — быть может, они до известной степени осуществимы (исключая, конечно, наивную мысль о сотрудничестве заводчиков с рабочими) в условиях буржуазного строя.

Иное положение создалось в Германии. Разбитое и пережившее революцию общество, в его лучших представителях, разуверилось в капитализме и, в поисках выхода, примкнуло к идеям социализма. На их почве и стоит Беренд. Но оставаясь чисто буржуазным идеологом, он оказывается неспособным найти конкретные пути для осуществления своего идеала (мысль о пролетарской культуре, конечно, чужда ему), и социализм претворяется в его голове в какую-то новую религию. Если Клузо реакционен по своим практическим выводам, то Беренд вообще не указывает никакой реальной дороги, будучи реакционером по-своему; он пишет: «Лишь когда с изменившимся положением религии в общей духовной жизни будет создано новое психическое умонастроение, сам собой появится вместе с архитектонической структурой искусства и новый стиль, за который мы так долго и напрасно боремся» (стр. 267).

Как к нему притти? Через новую религию, отвечает Беренд. Как видим, оба они, француз и немец, точные в отрицательной критической части своих работ, споткнулись на положительной. Отсюда вывод: буржуазное общество не в состоянии решать практически проблемы искусства и жизни; оно вынуждено или ограничиться оппортунизмом Клузо, или бесплодной метафизикой Беренда. Для пролетарского движения книги обоих авторов представляют поучительную картину практического банкротства буржуазии, даже тогда, когда она в своих идеалах примыкает к воззрениям пролетариата («связь искусства с жизнью»), вынужденная пойти на это под натиском исторических бурь.

Б. Арватов.

ДУЛЬСКИЙ, П. «Книга и ее художественная внешность» (в связи с казанским книгопечатанием). Казань, изд. Библиогр. кружка «Друзей книги». 1921 г. (оттиск из журнала «Казанский библиофил» № 1. 1921 г.). 1000 экз. Стр. 58.

Небольшая книжка П. М. Дульского искренно порадует и библиофила, и историка искусств, и изучателя культуры. При очень бедном нашем багаже литературы по книговедению, она чудесно восполняет пробел, всегда бывший особо чувствительным: она посвящена в первую очередь культуре книги в русской провинции, которую мы всегда в центре знали чрезвычайно плохо.

Излагая в сжатом, но в очень интересном очерке историю казанского книгопечатания, П. М. Дульский предпосылает ему несколько страниц, посвященных истории книжного искусства вообще. Здесь, конечно, не приходится быть особенно требовательным. Скорее можно удивиться, как много содержания удалось вложить автору в этот более чем беглый абрис истории книги. Она прослежена с эпохи средних веков до нашего времени, и если хочется сделать какие-либо замечания по поводу этой исторической части, то они свелись бы к указанию на отсутствие вопроса о роли *гравюры* в книге: в конце концов именно с этим ведь наиболее оказывались связанными перевороты в книжном деле: медная гравюра в книге и офорт, сменившие в XVII—XVIII веке ксилографию, и

деревянная гравюра, сменившая в XIX веке медную.—все это события такого большого значения, которые нельзя обойти молчанием даже в таком коротком очерке. Тридцатые и сороковые годы XIX века, конечно, не упадок, а очень примечательный расцвет книжного искусства. Но, понимая трудность положения автора, оставшегося в стеснении журнальной статьи, мы не сумеем быть к нему строгими. Тем более, что за его очерк казанской книги ему обязаны очень большою благодарностью все друзья книг в России.

Очерк издан в виде отдельного оттиска книги весьма изящно, и если грехи провинциализма остались на-лицо, то в двух—трех случаях совсем необъяснимого печатания слов в сокращенном виде: «В тексте нередко целые листы посвящались сложн. композициям» (стр. 6 внизу). Примеры казанских книжных украшений, обложки и титулы подобраны очень удачно. Хотелось бы, чтобы вслед за Казанью и другие провинциальные центры книжного дела нашли себе столь же искусных описателей.

А. А. Сидоров.

Революционная Москва. Третьему конгрессу Коммунистического Интернационала. Издание московского Совета. 100 художественных+10 стр. Москва 1921 г

Когда рассматриваешь издание, подобное настоящему, тогда становится ясным, что разговоры о нашей технической отсталости в области книгопечатания в значительной мере преувеличены. Дело не в отсталости, а скорее в усталости или, быть может, просто в нежелании делать хорошо. Стоило вот нескольким товарищам задумать богатый альбом в подарок делегатам конгресса, с любовью и энергией приняться за дело,—и им удалось сделать то, что, вообще говоря, казалось маловозможным, если принимать всерьез разговоры о нашей технической неспособности производить что-нибудь по качеству выше среднего уровня. Перед нами богатейший, крупного формата альбом «революционной Москвы», исполненный способами офорта, литографии, ксилографии, гравюры на линолеуме, дающий иностранцу не только представление о красной столице, но также представление о том, что разговоры о нашей культурной отсталости—злостные и пустые разговоры. Не все, конечно, гравюры одинаково хороши, не все отделы (их шесть: «старая Москва», «годы революционной борьбы», «советская Москва», «на заводах», «завоевания рабочих» и «деревня») одинаково удачны, слабее других «на заводах» и «деревня», но это объясняется, вероятно, спешностью работы. Из очень удачных отметим офорт «Кремль» и «Никитские ворота» (старая Москва), но зато очень слабы «Большой театр» и «собор Василия Блаженного». В отделе «годы революционной борьбы»—хороши «осада гимназии Фидлера» и «баррикада на Пресне», но зато плохо сделана «Страстная площадь в октябрьские дни». Очень интересен отдел «завоевания рабочих» с удачно выполненным «детским домом» и другими рисунками. Мы не станем, конечно, подробно перечислять удачи и неудачи составителей альбома. Достоинств значительно больше, чем недостатков, и общее впечатление от альбома остается чрезвычайно приятное. Технически он сделан хорошо, за самыми малыми исключениями. Внешность также не может вызвать упрека. Она проста, но вместе с тем изысканно-культурна. Все композиции и рисунки исполнены профессорами и учениками графическо-печатного факультета московских высших государственных мастерских, не обозначивших почему-то своих имен.

Гравюрам предпослано сжатое, но ярко и красочно написанное предисловие Н. Овсянникова. К сожалению, в альбоме, предназначенном для иностранцев, оно оказалось напечатанным только на русском языке, хотя index и надписи на гравюрах—на русском и французском. Но это, вероятно, недосмотр, весьма досадный, так как статья хороша.

Вяч. П.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ.

Дом Искусств. Журнал под редакцией М. Горького, М. Добужинского, Евг. Замятина, Н. Радлова и К. Чуковского. № 1. Петербург 1921, стр. 84.

В Петербурге существует Дом Искусств, вокруг которого объединились все существующие там литературные силы. Может быть, я преувеличиваю, когда говорю все, ибо в журнале «Дом Искусств» нет совсем участия пролетарских писателей и тех, которые непосредственно к пролетариату примыкают. Скажем поэтому так: все представители старой дореволюционной литературы.

Дореволюционная литература, по правде сказать, немножко начинает напоминать допотопную литературу. Прошел какой-то катаклизм, и эта старая флора и фауна, оказывающаяся сгрудившейся на каком-то острове, оставшемся от доброго старого времени, враждебно смотрит на окружающее, сильнейшим образом страдает в неродной атмосфере, стремится, конечно, отстоять свое право на существование и, разумеется, питает твердую веру в то, что в общем и целом старое время, когда она роскошно распускáлась, несомненно, лучше нового, в котором она хиреет. Нельзя по этому поводу сердиться, да не стоит и грустить. Известное количество этой флоры и фауны постепенно приспособится к новой атмосфере и от этого, разумеется, выиграет, как выиграет в конце концов и все живущее, ибо пока что мир идет вперед. Он еще очень и очень юн, но кое-кто и зачахнет.

Само собой разумеется, что представители старой флоры и фауры смешивают свою допотопность с вневременностью, и для них захирение их формы является вообще страшным ударом по литературе и искусству. Впрочем, я этим вовсе не хочу сказать, что там, где потоп прошел и где видны хаос и разрушение, уже цветут какие-то сказочные сады, но все же там пробивается много очень свежей зелени и распустилось большое количество чудесных красных цветов, однако для понимания этой весны не дано [illegible] нынешнего зрения и обоняния. Да, «Дом Искусств» есть келья искусства, там живут уцелевшие отшельники, сохранившие старую культуру, и было бы не только свирепым вандализмом, но просто нерасчетливо мешать этому пристанищу сохранить некоторые достижения прошлого для дальнейшего их использования новым миром. И как относительно академичнейших из академических театров я отнюдь не теряю надежды, что и они, вдыхая озонированный революцией воздух, который сейчас причиняет боль их неприспособленной груди, начнут перерождаться, так нет ничего невозможного, что сейчас наиболее чуткие, наиболее молодые в петербургском литературном монастыре вдруг почувствуют тяготение к миру.

Пока в журнале такого тяготения не чувствуется,— потому-то он и производит впечатление глубокой ненужности. Совершенно безразлично, вышел ли этот журнал или не вышел, написаны эти стихи, повести, или не написаны, разве только с той стороны и небезразлично, что все-таки можно сказать: живы еще, живы и пописывают, пописывают по-старому, не совсем, впрочем, по-старому, все-таки жизнь натирает, так сказать, мозоль на нежную писательскую кожу.

Например, Ремизов, прикрашивая узорно, парадоксальной формой чрезвычайно примитивную мысль, старается втолковать кому-то, что литература—вообще вещь важная, что искусство служит для человека связью со звездами, а человек, не связанный со звездами идеалами, есть свинья и т. д. Конечно, свиней всегда было много среди людей и сейчас остаются кое-какие, но главных свиней,— тех, которых никак не прошибешь за толстой броней жира,—мы все-таки выгнали вон. И Горький был гораздо более прав, когда называл горькую голь городов и деревень не «свиньями», а слепыми кротами, которые, однако, жаждут прозреть. Слепых кротов еще много, а для того, чтобы они прозрели, им надобно тоже и искусство; и я не

скажу—искусство популярное, а какое-то родное, искусство же не родное искусство «детей солнца» (да при том еще «искусственного» солнца) слабо действует на нераскрывшиеся еще очи. Не написал ли бы т. Ремизов что-нибудь на эту тему? Другой писатель, тоже представляющий собою мозольную формацию, по крайней мере в своей работе, напечатанной в журнале, кончает свои печальные размышления относительно русской литературы такими словами: «Я боюсь» (так и вся статья называется «Я боюсь»), что настоящей литературы у нас не будет, пока не перестанут смотреть на демос российский, как на ребенка, невинность которого надо оберегать. Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова. А если неизлечима эта болезнь, — я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое».

Я сам писал о том, что у некоторых коммунистов есть тенденция к крайней обидчивости, к заподозрению контр-революции под всяким листком, и к проявлению власти в то время, как коммунисты должны были бы власть проявлять с известным отвращением. Ведь мы ненавидим власть и чужую и свою (см. Ленина «Государство и революция») и только применяем ее там, где это абсолютно необходимо, совершенно так же, как и оружие. Такая болезнь в кругах, близких к революции и творящих ее, имеется, но преувеличивать ее никак не приходится. Никакого нового католицизма нет, а вот бумаги нет—это гораздо хуже. Советская власть, при наличии достаточного количества средств воспроизведения, весьма свободно печатала бы всяческую нейтральную литературу. А надо ли литературе быть непременно контр-революционной? Не правда ли, товарищи из «Дома Искусств»? Да и те стеснения, которые мы вынуждены сейчас налагать на литературу, поскольку идет борьба, а искусство есть оружие, отпадут, и нужно быть невероятно пугливым, чем-то вроде пуганной вороны, чтобы сказать, что будущее русской литературы все в прошлом. Каким «прошлым человеком» надо быть, чтобы сказать это?

О достоинстве беллетристики, заключающейся в «Доме Искусств», не буду ничего говорить. Это «так себе», не хорошо и не плохо. Ремесло свое люди знают, можно писать и так. Ни одной звезды от этого писания не прибавилось, и если ни одна «свинья» на это не почешется, то и человечеству, по правде сказать, это безразлично. Маленькие статьи об искусстве Радлова, Блока, Левинсона, Глебова—приятные заметки.

Лучше всего статья Чуковского «Ахматова и Маяковский». Так как журнал не очень распространен, то я привожу здесь длинную выписку, резюмирующую мысль Чуковского об обоих писателях.

«Ахматова и Маяковский столь же враждебны друг другу, сколь враждебны эпохи, породившие их. Ахматова есть бережливая наследница всех дореволюционных богатств русской словесной культуры. У нее множество предков—и Пушкин, и Боратынский, и Анненский. В ней те душевная изысканность и прелесть, которые даются человеку веками культурных традиций. А Маяковский в каждой своей строке, в каждой букве есть порождение нынешней революционной эпохи, в ней его верования, крики, провалы, экстазы. Предков у него никаких. Он сам предок, и если чем силен, то потомками. За нею—многовековое великоленное прошлое. Перед ним—многовековое, великоленное будущее. У нее издревле сбереженная старо-русская вера в бога. Он, как и подобает революционному барду,—богохул и кощунник. Для нее высшая святыня—Россия, родина, «наша земля». Он, как и подобает революционному барду,—интернационалист, гражданин всей вселенной, равнодушен к «снеговой уродине», родине, а любит всю созданную нами планету, весь мир. Она—уединенная молчальница, вечно в затворе, в тиши:

«Как хорошо в моем затворе тесном.

«Он—площадной, митинговый, весь в толпе, сам—толпа. И если Ахматова знает только местоимение «ты», обращаемое женщиной к возлюбленному, и еще другое «ты», обращенное к богу, то Маяковский непрестанно горланит:

«Эй, вы» «вы, которые» «вы, вы, вы...», всеми глотками обращается к многомордым оравам и оконам.

«Она, как и подобает наследнице высокой и старой культуры, чутка ко всему еле слышному, к еле уловимым ощущениям и мыслям. Он видит только грандиозности и множества, глухой ко всякому шопоту, шороху, слепой ко всему не стоверстному.

«Во всем у нее пушкинская мера. Ее коробит всякая гипербола. Он без гиперболы не может ни минуты. Каждая его буква—гипербола.

«Словом, тут не случайно различие двух—плохих или хороших — поэтов, тут две мировые стихии, два воплощения грандиозных исторических сил; пусть каждый по-своему решает, к которому из этих полюсов примкнуть, какой отвергнуть и какой любить.

«Я не могу сказать о себе, что, проверив себя до конца, отдав себе ясный отчет во всех своих литературных и не литературных симпатиях, я, к своему удивлению, одинаково люблю их обоих: и Ахматову, и Маяковского, для меня они оба свои. Для меня не существует вопроса: Ахматова или Маяковский? Мне мила и та культурная, милая тихая старая Русь, которую воплощает Ахматова, и та плебейская, буйная, площадная, барабанно-бравурная, которую воплощает Маяковский... Для меня эти две стихии не исключают, а дополняют одна другую, они обе необходимо равны.

«Мне кажется, настало время синтеза этих обеих стихий. Если из русского прошлого могла возникнуть поэзия Ахматовой, значит оно живо и сейчас, значит лучшее, духовнейшее в нем сохранилось для искусства незыблемо. Не все же в маяковщине хаос и тьма. Там есть свои боли, молитвы и правды. Этот синтез давно предуказан историей, и чем скорее он осуществится, тем лучше... Вся Россия стосковалась по нем. Порознь этим стихиям уж не быть, они неудержимо стремятся к слиянию. Далее они могут существовать, только слившись, иначе каждая из них неизбежно погибнет».

Это блестяще написано и во многом очень метко, во многом, но—не в самом главном. Пожалуй, затворницу Ахматову можно считать типичнейшей представительницей старого мира. Да и охватил ее, при малом объеме ее мирка, Чуковский всю. Маяковский же совершенно не покрывает собою новой России, об этом просто смешно говорить. Маяковский признается (и хорошо, что признается) некоторой частью нашей молодежи и нашего пролетариата. Он, конечно, явление очень крупное, но вовсе не знаменосец. Вся группа пролетарских поэтов, на которую Маяковский поглядывает свысока, без всякого на то объективного права, его не признает, и лишь немногие среди них позаимствовали у него некоторые формальные новшества. Партия, как таковая, коммунистическая партия, которая есть главный кузнец новой жизни, относится холодно и даже враждебно не только к прежним произведениям Маяковского, но и к тем, в которых он выступает трубачом коммунизма. Не говоря уже о том, что окрещивать словами «маяковщина» всю новую Россию, это значит до крайности суживать всю ее значительность. Чуковский, стараясь быть якобы объективным к Маяковскому, вместе с тем и его-то самого обуживает до чрезвычайности. Посмотрите, как он его характеризует:

«Порою кажется, что стихи Маяковского, несмотря на буйную пестроту его образов, отражают в себе бедный и однообразный узорчик бедного и однообразного мышления, вечно один и тот же повторяющийся, словно завиток на обоях. Убожество литературных приемов не свидетельствует ли о психологическом убожестве автора?—за элементарностью стиля не скрывается ли элементарность души?

«Если прибавить к этому, что почти каждое четверостишие Маяковского построено с тем расчетом, чтобы главный эффект сосредоточивался в двух последних строках, так что две первые строки всегда приносятся в жертву этим двум последним,—бедность и однообразие его литературных приемов станут еще очевиднее. Для того, чтобы усилить вторые пары строк, он систематически обескровливает первые.

«Вообще быть Маяковским очень трудно. Ежедневно создавать диковинное, поразительное, эксцентрическое, сенса-

ционное — не хватит никаких человеческих сил».

Верно ли это или не верно? В этом есть кое-что верного. Маяковский не орет, как мыслитель, а эффекты любит, как Игорь Северянин, хотя и в другой форме. Но разве можно сказать, что Маяковскому трудно быть Маяковским? Разве для всякого объективного наблюдателя не ясно, что у Маяковского огромные ресурсы и образов и слов? Напротив, из Маяковского ключом, гейзером, водопадом бьет творчество. Ему собою быть в высшей степени легко. Он — стихия. Если Чуковский не почувствовал этого, то он ничего в Маяковском не почувствовал. И если интеллектуальной стороной Маяковский не всегда особенно силен, то тем не менее его пророческая поэма «Война и мир» для своего времени и в интеллектуальном порядке — настоящий подвиг Самсона. Я протестую против того, чтобы старой России, с ее символической представительницей, тихой и изящной Ахматовой, противопоставили новую Россию под именем маяковщины. Но нельзя вместе с тем (для того, может быть, чтобы, снизив знаменосца, уронить знамя), трактовать Маяковского просто, как не очень даровитого грубияна с сильной глоткой. А после всяких фиоритур и с известной осторожностью Чуковский стремится все-таки свести дело к этому. И когда, говоря о синтезе этой полудохлой старой России и новой России т. Чуковский, становясь в позу объективного примирителя, заявляет: «Не все же в маяковщине хаос и тьма, там есть свои боги, молитвы и правда» и т. д., то становится не обидно, конечно, а смешно.

А. Луначарский.

«ТВОРЧЕСТВО». № 1—3. 1921 год, журнал издаваемый Отделом печати московского Совета (176 стр.).

Прекрасно изданный, очень интересно составленный тройной номер журнала начинается статьей Л. Троцкого о Парижской Коммуне, устанавливающей связь между Коммуной Парижа и историческими днями октября 1917 г.

Далее идут стихи В. Гюго, посвященные событиям Коммуны, в новом переводе С. Френкеля; ему же принадлежит и помещенный в этом номере новый перевод Интернационала.

Очень кстати хорошая статья справочного характера В. Фриче «Писатели и художники Коммуны». Миниатюра пролетарского писателя М. Волкова «Господь спит» обнаруживает в авторе несомненный талант юмориста. Из стихотворений лучшие: Орешина «Труд радости» и Н. Полетаева «Песня о соловьях», хотя первая часть «песни» напоминает по своему настроению и мотиву стихи Н. Клюева «Певучей думой обуян».

Из остального материала следует отметить интересную статью В. Полянского «Письма о литературной критике».

Более половины всего журнала занимает роман А. Бибика «На черной полосе».

Роман этот является продолжением романа «К широкой дороге», вышедшего в 1912 г. Если в первом романе перед нами предреволюционная эпоха 1905 г. и самый революционный год, то во втором романе — полоса черной политической реакции. Эта реакция отразилась не только на психологии многих больших и малых вождей, но также и на настроении рабочих масс.

В момент подъема движения имеют успех в рабочей массе люди, поднимающие эту массу на более высокую ступень сознания; в момент упадка передовые элементы испытывают иногда чувство душевного одиночества, а массы прозябают в тине жалкого будничного существования, не озаренного светом будущего рабочего братства. Такова картина жизни, представленная нам в романе «На черной полосе». Настроение рабочей массы в романе отражает рабочий Корнев, раздражительный и больной литейщик. «Какая уж тут политика, прости ты меня, господи, грешного!», восклицает он. Перед нами проходит жажда мелкого приобретательства, выпивка, отсутствие духовных интересов. В этом отношении любопытна одна яркая сцена романа: дело происходит во время работы около кочегарки, куда сходятся выпить и поболтать, или, как выражаются рабочие, «поплавать на пароходе».

Несмотря на все свое искреннее стремление, Игнат не может слиться со своей рабочей братьей: ему душно и тяжело на этом «поплавке» тусклых рабочих будней.

На собрание кружка не являются даже, казалось, спропагандированные рабочие, ибо заняты игрой в карты. Герой романа при виде всего этого окончательно выходит из равнодушного равновесия. «Пролетариат, знаменосец свободы и новой высокой морали, ах, как же он неприятен в его буднях!—восклицает Игнат:—как он темен, дик и корыстен».

Нельзя сказать, что картина рабочих будней нарисована А. Бибиком неверно, но нам кажется, что автор слишком односторонне осветил жизнь рабочих масс этой черной полосы рабочего движения. Его слегка размагниченный герой мог думать, что нельзя строить потребилки, которые «разворовываются самими же рабочими», или, что «нельзя строить союзы, в кассу которых пролетарии не делают взносов». Но автор романа должен стоять не на уровне своего героя, а выше его, дабы понять, что далеко не все было так мрачно в самой рабочей среде в эту переходную эпоху движения. Игнат говорит, что на «работу крота» он не способен, но ведь комбинация этой работы с работой подполья помогла сплотить наиболее духовно-одаренные элементы рабочего класса. На всех переживаниях Игната лежит отпечаток резко выраженного эгоцентризма, несмотря на то, что он проникнут любовью к машине и к завоеваниям техники. «Он не может, физически не может кропотливо и медленно, день за днем, строить кооперативные лавочки, союзы или заниматься с кружком рабочих». Но он хотел бы «погибнуть гордо, у всех на виду».

Такие же элементы упадочного настроения проникали и в среду рабочей интеллигенции,—в этом отношении А. Бибик не погрешил против правды. Что касается отношения автора к своему герою, то, конечно, оно для читателя не обязательно...

Вся, напр., личная драма жизни Игната (его расхождение с Ниной) не может явиться типичной. Это событие носит в значительной степени мелкий характер. Конфликт в личной жизни между интеллигенткой и рабочим А. Бибик сначала представил в драматической форме («В темную ночь»). В романе мы имеем вариант того же самого мотива: неумение и неспособность интеллигентки в браке с рабочим приспособиться ко всем тяготам и особенностям рабочего бытия. Отсутствие душевной уравновешенности чувствуется у героя романа уже в самом начале: он жертвует собой, идя депутатом в контору при ликвидации стачки, но А. Бибик показывает нам, с каким надрывом он это делает.

Ярки страницы, посвященные любовной обрисовке процесса труда. Так их написать мог только художник-пролетарий. Очень хорошо удалось А. Бибику отметить резко выраженную в его герое Игнате способность к отстаиванию своей чести и своего человеческого достоинства. Это не герой-раб, а человек, сознающий свое место и назначение на земле. Хороши также по изобразительности некоторые второстепенные персонажи романа. В особенности недурен хозяин квартиры, где живут Нина и Игнат, Трифон Пахомыч, старый мещански-настроенный рабочий. Он и его жена Петровна зарисованы юмористически и талантливо.

В общем роман, живописующий уже истекший период рабочего движения, представляет несомненную ценность и будет прочитан читателем с большим интересом.

Ив. Кубиков.

КРАСНАЯ НОВЬ, литературно-художественный и научно-публицистический журнал, №№ 1 и 2, 1921. Государственное Издательство. Москва. Стр. 318+358.

С большой радостью приветствуем мы появление «Красной Нови». Это очень крупная победа на нашем литературном фронте. Потребность в толстом журнале ощущалась чрезвычайно остро, но, вследствие целого ряда причин, технических и прочих, издание его было просто невыполнимо. Теперь мы такой журнал имеем. Благодаря огромной энергии и несомненному редакторскому таланту тов. А. Воронского, технические и иные препятствия преодолены. Остается по-

желать, чтобы и впредь удача сопутствовала его работе.

Журнал составлен богато и интересно. Правда, не все отделы равноценны. Очень невелик и небогат отдел художественной литературы. Здесь необходимо отметить рассказ Всеволода Иванова «Партизаны». Имя это—новое в нашей литературе. Тем приятнее подчеркнуть большое дарование молодого беллетриста. Он знает быт, который изображает, и, что важнее всего, не говорит об этом быте, а *показывает* его уверенными и резкими штрихами. Диалог его персонажей живой и яркий, обнаруживает в авторе хорошее знание языка. «Партизаны»—незаурядная вещь, которая заставляет нас с интересом ждать новых произведений тов. Иванова.

Кроме этого рассказа нет почти ничего, что можно было бы выделить из среднего уровня. «Голодающие» С. Подъячева—хорошая публицистика. Посредственны стихи Пожаровой, высокопарно-посредственны стихи Колоколова. Любопытны некоторые из «Современных частушек», собранных Д. Семеновским. Нам только представляется, что не все они являются продуктом «народного» творчества, как хочет уверить нас их собиратель. Обороты, подобные следующим:

> Как *среди столетий* светит
> Нам семнадцатый годок.

Или:

> *За идею монархизма*
> Сложил голову свою...

—не кажутся народными. От них веет интеллигентщиной. Это, конечно, подделка под частушку.

Несравненно богаче остальные отделы журнала. Здесь известная статья Н. Ленина о продналоге, К. Радека «Третий год борьбы советской республики против мирового капитала», А. Хрящева «К характеристике крестьянских хозяйств периода войны и революции», Н. Крупской—«О системе Тэйлора и работе советских учреждений», А. Луначарского «Главполитпросвет и искусство», статьи Е. Преображенского, Ш. Двойлайцкого, И. Вардина, обозрение М. Смита и Мих. Павловича и др.

Особенный и живой интерес представляет отдел «В порядке дискуссии». Посвящен он книге Н. Бухарина «Экономика переходного периода» и включает статью М. Ольминского, ответ Ольминскому «Не-ревизиониста» и полемический ответ ему же, Сарабьянову и Чаянову, написанный Н. Бухариным и Г. Пятаковым.

Интересно составлено «Зарубежное обозрение». В общем—«Красная Новь» является крупным литературным явлением.

Рецензия наша о первой книге «Красной Нови» была уже набрана, когда из печати вышла вторая книга журнала. По богатству материала она превосходит первую. Мы не намерены в краткой заметке дать о ней читателю хотя бы беглое представление. Отсылаем его непосредственно к журналу. Отметим лишь самое значительное.

На первом месте следует поставить превосходную статью М. Н. Покровского — «Противоречия г. Милюкова». Посвящена она разбору вышедшего первого выпуска «Истории второй русской революции» названного автора. Но статья, благодаря тонкому и остроумному анализу некоторых документов далеко выходит за пределы критической работы и приобретает значение исторического отрывка, драгоценного для всякого, кто интересуется историей нынешней нашей революции. Это значение увеличивается благодаря тому, что статья содержит некоторые воспоминания тов. М. Н. Покровского об условиях, в которых происходило возвращение эмигрантов-интернационалистов в революционную Россию.

Русский читатель должен быть также благодарен журналу за опубликование статьи Розы Люксембург о Вл. Короленко. Статья эта, предпосланная немецкому изданию «Истории моего современника», также значительно шире своего заглавия. Автор говорит здесь не только о Короленко, но о развитии русской литературы вообще, об отдельных ее периодах и отдельных представителях. Не со всеми оценками можно согласиться, но изящество стиля, тонкое понимание духа русской литературы,

отдельные острые оценки и глубокие мысли с новой стороны рисуют нам облик Красной Розы. Она была не только непреклонным революционером, но еще и тонким ценителем искусства. И тот пиэтет, с которым она пишет о литературе, огромное значение в истории русского освобождения, которое она ей приписывает—заставляют нас настойчиво рекомендовать статью Р. Люксембург тем из товарищей, которые, увлеченные практической злобой дня, не хотят понять, какое сильное оружие затуплено нами в лице нашей художественной литературы, влачащей ныне поистине жалкое существование.

Чрезвычайный интерес представляет также статья тов. Е. Варги, в которой он делится практическим опытом в деле хозяйственного строительства советской Венгрии. Хорошо представлен научно-популярный отдел (статьи Кржижановского, Прянишникова, Тимирязева); «Внутри советской России», «Вопросы международного рабочего движения (статьи К. Радека и Мих. Павловича). Продолжает остроумную и по-прежнему «веселую» полемику т. Бухарин, на этот раз с одним т. Сарабьяновым, поместившим в рецензируемой книге журнала свой ответ Бухарину. Богат сравнительно отдел критики и библиографии.

Особое внимание приходится остановить на отделе художественной литературы. Редактирует его т. М. Горький. Тем страннее отметить слабость этого отдела. «Алтайские сказки» Всеволода Иванова написаны прекрасным языком, сжато и красочно. Хорош также рассказ П. Низового «Крыло птицы». Но не они делают «лицо» художественному отделу «Красной Нови». Центральное место занимают «Чемодан» Ольги Форш (А. Терек) и «Страда» А. Аросева.

Мы помним Ольгу Форш по рассказам ее в «Русской Мысли» и «Заветах». Беллетристка бесспорно талантливая и умелая. Этих качеств от рассказа ее отнять нельзя. Но нельзя также не заметить, что «Чемодан» сделан «тушью», одной лишь черной краской, и эффект от него получается такой, какого, вероятно, не добивается «Красная Новь». Когда-то т. Горький очень убедительно доказывал, что с точки зрения социальной педагогики не все художественные произведения следует популяризовать. Иные из них, каковы бы ни были их художественные достоинства, могут быть общественно вредны. Почему бы не вспомнить этих аргументов теперь, когда более чем когда нибудь в другое время русскому читателю необходима бодрость и широкий взгляд вперед, а не фиксация его на лужах крови, которых так много оставила гражданская война.

«Страда» — записки; ведутся от имени Т. А. Забытого. Из записок мы узнаем, что автор — рабочий (слесарь), коммунист. Но чем больше мы в эти записки углубляемся, тем яснее становится, что тов. Аросев введен в заблуждение. Этот «рабочий» — *ряженый*. Он только прикинулся, загримировался рабочим, а на самом деле это размагниченный неврастеник - интеллигент, и ничего нет в нем пролетарского, ясного, здорового и революционно - мудрого. Картина, которую рисует он в своих записках, не могла быть нарисована рабочим: слишком много в ней всякого нытья, «мерехлюндии», «переживаний», которые отдают какими-то далекими воспоминаниями о «бледном коне» Ропшина, как это ни покажется странным. И хотя записки кончаются «бодрым» аккордом—с солнцем и прочими прелестями,—этот аккорд никого не обманет. Мгновенно, сразу расслабленные нытики не перерождаются в бодрых деятелей революции.

Мы знаем, что на руках у многих беллетристов имеются рукописи, которых накопилось за три года изрядное количество. Не только рассказы и стихи, но повести и романы. Почему бы «Красной Нови» не заняться исследованием этих залежей, среди которых найдется не мало драгоценностей?

Вяч. П.

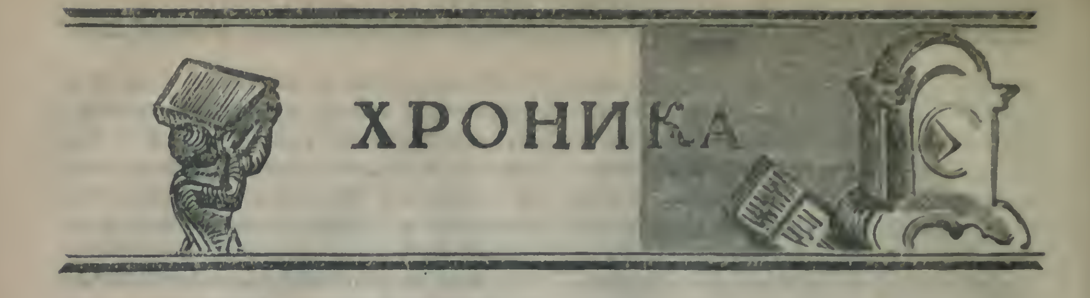
«ТВОРЧЕСТВО», журнал культуры, искусства и социального строительства.— Владивосток, октябрь 1920. № 5. Изд. Обл. Ком. коммун Приморской области. Редактор Н. Чужак. Стр. 80. Ц. 1 р.

Вот провинциальный русский журнал, весь от начала до конца наполненный Россией, Россией и Россией. Статьи: 1) «Гримасы глухонемых» на тему: зачем

большевики ругают футуристов, полемика со статьей из «Вестника Жизни», 2) «Ухом к земле» с подзаголовком «Москва теперь», 3) «Опасность аракчеевщины»—посвящена Ленину и говорит о том же, что и первая, 4) «Пролетарские поэты» иллюстрирует предыдущее, 5) О Мережковском, 6) на 15 страницах перепечатывает всякую, касающуюся хоть сколько-нибудь искусства и культурной жизни хронику из «Известий Вцика»: тут и конкурсы Пура, и Всерабис, и Двис, и Всеобуч, и фабрики, и декреты С.Н.К., и просто программы театров. Потом перепечатана статья Сосновского и пр. Уже затем идут статьи о крае, его жизни и его интересах. Во главе журнала старые знакомые: поэт-футурист Николай Асеев и художник Д. Бурлюк. Асеев—наш, москвич, в Москве дебютировал, в Москве печатался и жил, главным образом, но ведь не этим объясняется общее направление журнала. Владивосток истосковался по России. Как не радоваться этому: Россия есть Россия, а не кухаркино одеяло из губерний, не «географическое единство», как ее аттестовал Белый в «Петербурге».

С. Б.

НА ЗАПАДЕ.

РУССКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

В Берлине возникло русское художественное издательство *«Русское Искусство»*. Руководителями его состоят А. Э. Коган (участник изданий «Копейка», «Солнце России», «Светозар» и др.), Б. Г. Скамони (б. заведующий типографией Голике и Вильборг) и Г. К. Лукомский (автор многих трудов по искусству). Часть редакционных и художественных работ издательства ведется в Париже. К участию привлечены художники и писатели как русские, так и французские и немецкие.

Предположено к изданию: журналы *«Русское Искусство»* (типа «Аполлона») под ред. Лукомского с участием Л. Бакста, И. Билибина, Григорьева, Ремизова, Судейкина, Стеллецкого, Дягилева, А. Левинсона, Сер. Маковского и др. и *«Жар-Птица»* (типа «Солнце России») под ред. Саши Черного (выходит с августа) и ряд монографий по искусству: *Л. С. Бакст* (с 190 репродукциями),—Сер. Маковского, *Русская графика*.—Лукомского. *«Старый Киев»*, *«Старый Петербург»* и *«Старая Москва»*, *К. С. Сомов В. А. Серов, И. Левитан, Народный песенник*, в художественн. издании и др.

Финансовое участие в издательстве принимают видные немецкие книгопродавцы.

Там же начали свою издательскую деятельность и выехавшие из России С. А. Ефрон и А. Ф. Девриен и организовалось *«Русское универсальное издательство»*.

В издании Ефрона вышли: Бальмонта *«Сонеты солнца, меды и луны»*,— Беер *«Теория относительности Эйнштейна»*,— Гуль, *«Ледяной поход»*,—Дроздова *«Подарок Богу»*; печатаются: Ахматовой *«Четки»*, Моравской *«Апельсинные корки»*, Даманской *«Стеклянная стена»*, Зомбарта *«О большевизме»* и др.

Девриен перепечатывает свои детские книги. «Руск. Унив. изд-во» выпускает *«Всеобщую библиотеку»*, куда входят книги из области «Новое в науке, искусстве и социальной жизни» и *«Всемирный пантеон»*—лучшие памятники мировой литературы в переводе русских писателей.

В Праге организуется русское кооперативное издательство. Редакторами состоят А. Н. Анцыферов и В. Ф. Тотомианц. Задача издательства—выпускать для России книги по кооперации.

В Швейцарии образовалось международное издательство популярных книг *«Эдип»*. Директором издательства является С. Г. Мексин. редактором—Н. А. Рубакин.

В первую очередь предполагается печатать все научно-популярные книги Рубакина.

Издана брошюра Рубакина *«Вперед и вверх»*, объясняющая задачи предприятия.

В Риге начало функционировать *«Латвийское книгоиздательство русских писателей»*, которое вошло в сношение с группой московских писателей и приобрело для печати ряд рукописей.

«Московские раздумья» литературный сборник и М. Осоргина *«Из маленького домика»* уже появились в свет.

Итак, русское книгоиздательство заграницей растет, как говорится, не по дням, а по часам. По самым скромным подсчетам, в странах Западной Европы и в Америке уже функционирует до полусотни русских издательств и книжных магазинов и число их все увеличивается.

В сущности говоря, *русскими* эти книгоиздательства можно считать только *по языку*, экономическая природа их взята от той страны, где осело книгоиздательство.

По сообщению «Русской книги» №№ 5 и 6—«все наши крупные издательства

возникли при участии, *в большинстве случаев даже доминирующем*, заграничных капиталистов.

Стокгольмское книгоиздательство «Северные огни» (с Е. А. Ляцким во главе) создано союзом шведских типографий; Берлинское «Слово» (с И. В. Гессеном и Б. Н. Элькиным во главе)—крупной германской фирмой Ульштейна; «Знание» (руководимое С. Я. Шкляверем и В. Б. Станкевичем)—фирмой Рудольфа Моссе; художественное издательство А. Э. Когана—при участии немецких капиталистов; «Мысль» (с С. Л. Кучеровым)—германским типографом и издателем Гольдбергом; «Литература» — обществом немецких бумаготорговцев; все три пражских издательства «Кремль», «Наша Речь» и «Славянское издательство»—при участии чешских капиталов; «Русско-болгарское книгоиздательство» в Софии—при участии Софийского банка; издательство христианского союза молодых людей в Соединенных Штатах существует исключительно на американские средства. К издательству Девриена привлечен германский промышленный деятель Стиннес.

Если к этому еще добавить такие откровенно иностранные предприятия, как «Лангенштейдтское книгоиздательство» (Берлин—Шенеберг), Стефанович и Друг (Белград), Эрвин Бергер (Берлин), Гарнье (Париж) и др., то картина будет ясная: «русская книга» вошла в сферу влияния иностранного капитала.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И НАУКА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

1. Литература.

Поэт Балтрушайтис (Латвия) написал новую книгу стихов *«Серп и лилия»*. А. Соколовский (Константинополь) работает над большой поэмой *«Поэма о России»* и закончил *«Счастье земное»*.

В. Н. Унковский (бывш. сотрудник «Совр. Мира», живет в Константинополе) имеет готовым к печати роман *«Андрей Клинский»* (время действия—с весны 1916 года до революции, место—фронт и Петербург) и ряд рассказов.

Поэт и беллетрист А. Федоров (София) написал статью о В. Г. Короленко и пьесу *«Звезда падучая»*.

Е. В. Шкляр (Ковно) готовит два сборника стихов *«Революция на кресте»* и *«Мадонна в фарфоре»*.

Высланный из Франции поэт Эренбург печатает стихи *«Раздумье»*, имеет в рукописях *«Портреты русских поэтов»*, мистерию *«Золотое сердце»* и трагедию *«Ветер»* и работает над книгой *«Жизнь и учение Хулио Хуренито»*.

А. Н. Толстой (Париж) публикует в «Современных записках» роман *«Хождение по мукам»*. Написал повесть *«Посрамленный Калиостро»* и роман *«Необыкновенные приключения Никиты Рощина»* (на тему о переживании современности маленьким мальчиком).

Магистр зоологии Птб. унив. Б. Ф. Соколов (живущий ныне за границей) закончил работы *«Диктатура пролетариата»* (теория и практика рабочего движения в советской России), *«Три года борьбы за Учредительное Собрание»* (воспоминания и впечатления одного из участников) и *«Кризис современной биологии»*.

Печатаются: Лукомского мемуары *«L'art russe»*, *«Russie Revolutionnaire»* (Париж, издание Паволоцкого),—Милюкова *«История второй русской революции»* в 4-х томах, — П. Струве *«Статьи о Л. Толстом»*,—Евг. Трубецкого *«Воспоминания»*,—митрополита Антония Храповицкого *«Словарь к творениям Достоевского»* (София, «Росс.-Болг. Изд-во»),—Плеханова, Г. *«Год на родине»*, сборник статей, написанных за последний период жизни (Париж),—Набокова *«Испытания дипломата»* (Стокгольм, «Сев. Огни»),—В. Маклакова *«Толстой и большевизм»* (Париж, «Русская Земля»),—Дюшена *«Республики Прибалтики»*, — Богуславской-Пуни *«Левые течения в русском искусстве»*,—Соколова *«Наука в советской России»*,—проф. Петражицкого *«Рабочий вопрос в советской России»*,—Б. Яковенко *«Очерки американской философии»* (Берлин, Русское унив. изд-во),—Левинсона *«Поездка из Петербурга в Сибирь в январе 1920 г.»* (Берлин, «Арх. Рев.» № 3) и Налпвина Ив. *«Записки о революции»* (Вена, «Русь»).

Недавно вышли из печати: *«У ворот Петрограда»* Г. Кирдецова (очерки по истории политической и вооруженной борьбы на берегах Финского залива в связи с походом Юденича (Берлин) *«Правда о*

Кронштадт» (очерк кронштадского восстания с приложением «Известий врем. револ. ком-та матросов») (184 стр. Прага, изд. «Воли России»), *«Царство антихриста»* Мережковского, Гиппиус и Философова (Мюнхен), *«Менестрель»* Игоря Северянина, сборник новых стихов (Берлин, изд. «Москва»).

Печатается в издании Наволоцкого, К. Бальмонта (Париж) новый сборник стихов *«Светлый час»* и Г. Гребенщикова *«Очерки»*.

II. Наука и политика.

Написаны: проф-м Базановым (София) доклад—*«Народ в государственном строительстве России»*,—А. Н. Вольским (Берлин) *«Этимология русского языка применительно к новой орфографии»*,—Г. В. Бостунич (Белград) книга *«Культура сердца»*, Г. Д. Гурвич (Берлин) исследование *«Философия права Фихте»* и В. Забрежневым двухтомное сочинение на французском языке *«Курс психологического воздействия»*.

А. Н. Колпинской-Мстиславской (Италия) *«Очерк развития итальянской общественной мысли»* (с конца III века до освобождения).

А. Р. Кочаровский (Италия) написал два очерка *«Смысл войны и основа мира»* (120 стр.) и *«Система крестьянского коллективизма»* (100 стр.) и книгу *«Русский социализм и большевизм»* (250 стр.).

Общество спасения русской книги в Париже. В Париже организовалось «Общество спасения русской книги». Создателями общества являются: Е. К. Брешко-Брешковская, Н. В. Чайковский, Р. М. Плеханова, Н. В. Кончевская, С. Г. Сватиков, Б. В. Сукачев, С. Н. Метальников, Ю. В. Ключников и Н. М. Могилянский.

Первой и главной задачей своей деятельности общество ставит себе: 1) спасение от гибели и сохранение русских книжных собраний и отдельных книг, разбросанных, затерянных, а иногда и являющихся обузой для их владельцев; 2) собирание средств для устройства книгохранилища, в котором собранные книги и целые библиотеки могли бы быть не только сохраняемы, но и предоставляемы в пользование желающим.

Исторический маскарад. В Мюнхене издана пьеса Фр. Фрекса *«Час Цезаря»*, пользующаяся, как канвой, фабулой заговора Катилины, не лишенная юмора драматические травести (*Friedrich Freksa Cäsars Stund*").

В пьесе Катилина является вождем спартаковцев. Аттик—глава газетного концерна, М. Лициний Красс—банкир, Децим Брут—владелец художественно-торгового дела, Критон—коммунист и профессор политической экономии, Лабиен—начальник тайной милиции. Майор Юлий Цезарь (его костюм: черный пиджак, обтрепанные брюки, лаковые ботинки и галстук цвета мальвы) спасает государство в острый момент, когда ему грозит гибель или от «правизны» правительства, во главе которого стоит педантичный советник юстиции М. Туллий Цицерон, или от «дикого фанатизма» Катилины.

Еще книга о Гете. В Штутгарте вышла из печати новая трехтомная биография Гете, написанная Эмилем Людвигом *Goethe, Geschichte eines Menschen*".

Книга Э. Людвига—не обычного типа биография. В непринужденной форме, умело расчленяя гигантский материал, внешне «бессистемно», мало заботясь о хронологических датах, автор воссоздает облик *человека*—Гете.

Записки о России. Жюль Легра (*J. Legras*), командированный французским правительством в Россию в феврале 1916 г., пробыл здесь до конца 1918 г. то в качестве французского лектора на фронте, то в качестве офицера, причисленного к русской армии... Им выпущены в настоящее время *«Воспоминания о России»* (*«Memoires de Russie»*).

Книга Легра содержит много фактического материала в 5 частях, посвященных революции, конечно, освещенных миросозерцанием автора.

«Русская Мысль». В феврале т. г. в Софии возобновилось издание «Русской Мысли», под редакцией Петра Струве. Вышло из печати три книги, размером каждая около 15 листов. В первой помещены: *«Размышления о русской революции»* П. Струве; *«Воспоминания»* Е. Н. Трубецкого, ч. 1, гл. 1—5; *«Дневник»* З. Н. Гиппиус; *«Исход»* рассказ И. Бунина: исторические материалы и документы:

«Идеология махновщины». Кроме этого статья А. Г. Левенсона. Юр. Никольского и др. В 3-й книги напечатаны: *«1920 год»* Шульгина, *«Дневник»* Гиппиус, *«Горький о Ленине»* Н. Львова. *«Собственность и крестьянское движение»* проф. Билимовича и др.

Б. Яковенко (живущий в Риме) предполагает издавать русский философский журнал *«Логос»*.

В Берлине будет издаваться двухнедельный театральный журнал под ред. В. В. Клопотовского (Лери) *«Рампа и Жизнь»*.

В первых номерах будут помещены статьи С. Маковского, бар. Дризена, Ашкинази, Кожевникова и др.

Германский государственный архив разрабатывает *«Документальное германское описание мировой войны 1914—1918 годов»*. Описание составит 10 томов, из которых первый появится осенью 1922 года.

В Вене печатается *«Сибирский Альманах»*, в котором принимают участие литераторы, жившие в Сибири в качестве военнопленных.

В Нью-Иорке недавно найдена рукопись неизданного романа Оск. Уайльда. Роман этот был закончен писателем незадолго до его ареста и был передан им своему другу с просьбой обработать для печати.

Друг этот, смущенный разыгравшимся вокруг имени Уайльда скандалом, вместо того, чтобы исполнить просьбу автора, спрятал рукопись в шкаф, где она и пролежала 26 лет.

На русский язык переводится последняя книга К. Каутского *«Как возникла мировая война»*, составленая на основании актов германского министерства иностранных дел (182 стр.).

Георг Брандес выпустил новую книгу *«Микель Анджело»*.

В Берлине вышел впервые на украинском языке *«Капитал»* К. Маркса. Перевод сделан С. Викулом и Левицким и снабжен предисловиями Г. Раковского и Н. Ленина.

ПО РОССИИ.

СТОЛИЦЫ.

О ЧАСТНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВАХ.

Постановление Наркомпроса.

Коллегией Наркомпроса 18-го августа 1921 года принято следующее положение о частных издательствах:

1. Издательский план каждого издательства утверждается Госиздатом, причем Госиздату предоставляется право требовать представления самих рукописей для просмотра на срок, устанавливаемый Госиздатом особой инструкцией.

2. Как общее правило, бумага для издания частным издательствам из государственного фонда не выдается. В исключительных случаях Госиздатом могут быть допущены изъятия.

3. Госиздату предоставляется преимущественное право приобретать весь завод отдельных изданий, с определением цены приобретаемого издания, с учетом нормальной прибыли на капитал».

Постановление Московского Совета.

К этому же времени относится следующее постановление президиума моск. Сов. раб., кр. и кр. деп.:

«А. Постановления Президиума М. С. Р., К. и К. Д. от 25 октября 1918 г. и 18 ноября 1919 г. о контроле над частными, кооперативными и другими издательствами—о т м е н и т ь.

Б. Разрешить издательствам свободно продавать по рыночным ценам те книги, которые они издают, без субсидий от государства.

В. Утвердить при Губиздате редакционную коллегию в составе: т.т. Ангарского, Лебедева-Полянского и Фриче.

При разрешении вопросов печатания редакционная коллегия согласует свою деятельность с Государственным Издательством применительно к § 3 положения о Госиздате».

ЧАСТНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ЗА ТРИ ГОДА.

По сведениям Отдела печати моск. Сов., деятельность частных издательств за 1918—1921 годы представляется в таком виде:

В момент национализации в 1918 году было зарегистрировано 111 частных издательств, намеренных продолжать печатание книг.

За ноябрь и декабрь 1918 года ими выпущено 68 книг, за 1919 год—289, в 1920 г.— 122 и за январь—август 1921 г.— 23 книги. Всего почти за три года частная издательская деятельность дала 502 названия.

ОПЛАТА ЛИТЕРАТУРНОГО ТРУДА.

Постановление В. Ц. С. П. С. от 17 июля гласит, что «увеличение ставок по тарифному поясу (для Москвы на 300%), согласно постановления 29/V, на литературные работы не распространяется».

Госиздат в письме, опубликованном в Правде (2/IX с. г.), говорит, что это постановление «поставило его в исключительно тяжелое положение», граничащее с полной остановкой издания книг, так как ставки, установленные тарифом 5/V, настолько низки, что при них существовать одним литературным трудом невозможно».

При средней производительности писателя 3—4 листа в месяц по высшей научно-литературной категории он получит 180—240 тысяч рублей. Между тем, по самым скромным расчетам, месячный паек неквалифицированного рабочего стоит 350 тысяч рублей.

«Не видя тех оснований, по которым литературные, часто высококвалифицированные научные, крайне необходимые работники, не получающие никаких пайков, ставятся в худшие условия, чем другие работники, и не видя, с другой стороны, возможности сколько-нибудь усиленно вести дело издания книг при таких условиях, Государственное Издательство настоятельно просит В. Ц. С. П. С., пересмотрев вопрос о распространении положения о тарифных поясах на литературные работы, отменить пункт 3 постановления 17-го июля, касающийся выплаты гонорара за литературные работы».

Отделом нормирования труда В. Ц. С. П. С. в заседании 15 сентября постановление 17-го июля отменено и *с 1-го сентября на литературных работников распространено повышение по тарифным поясам.*

О ДЕСЯТИЧНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ.

Госиздатом по всем провинциальным отделениям разослан циркуляр, запрещающий издавать таблицы десятичной классификации, так как «Сокращенные таблицы международной классификации книг», составленные особой комиссией Главполитпросвета, для *обязательного* употребления в библиотеках Р. С. Ф. С. Р., издаются главным управлением Госиздата в достаточном количестве.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ И Р. К. П.

Комиссия по истории октябрьской революции и Р. К. П., считая, что материал, добываемый из архивов самодержавия, является лишь скелетом жизни партии, который необходимо облечь телом монографических исследований и одухотворить воспоминаниями участников борьбы, обратила внимание на создание мемуарной литературы и составление монографии. Для опубликования мелких работ решено издавать специальный журнал «*Пролетарская Революция*» (первый номер вышел из печати).

Из работ Истпарта опубликованы: Бубнова «*Основные моменты в развитии коммунистической партии в России*» (переиздан в Могилеве), сборник *Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911—1914)*» и «*Резолюции и постановления всех партийных съездов Р. К. П. (1898—1921 г.)*».

Подготовлены к печати: сборник «*От группы Благоева к союзу борьбы*», воспоминания Лепешинского (1890—1905 г.г.) и Скворцова (1905 г.), собрание агитационной литературы с 1870 по 1917 г.г. (прокламации) и 1-й том «*Хроники Революции*» (с февр. 1917 г. по март 1918 г.).

В РУССКОМ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

В последние месяцы Русское библиографическое общество при москов. уни-

верситете устроило два общих собрания, посвященных научным вопросам библиографии.

Первое собрание состоялось 12 июля. На нем приехавшим из-за границы известным толстовцем П. И. Бирюковым был прочитан (в извлечениях) доклад Н. А. Рубакина «*Библиологическая психология*».

Содержание доклада расширяет и углубляет мысли, изложенные Рубакиным еще в его прежних печатных работах («Среди книг», «Практика самообразования», «Этюды по психологии читательства» и др.), но теперь они приобретают особенное значение не только своей разработанностью, признанной авторитетностью на Западе, но и тем, что идут в авангарде новых педагогических исканий, коими выдвигается на первый план *активное* образование человека и великая роль книги в нем.

Доклад вызвал оживленные прения, в коих приняли участие С. К. Дерунов, Г. Н. Поршнев, Б. С. Боднарский, Белоусов и др.

Второе собрание (30/VIII) было посвящено местной библиографии. С докладом на эту тему выступил Н. Н. Орлов. Г. Н. Поршневым был внесен ряд предложений о регистрации местных произведений печати за годы революции.

После обсуждения их принято постановление — обратиться ко всем библиографам и научным организациям с воззванием собирать, хранить, регистрировать и высылать в центральные научно-библиографические учреждения все местные произведения печати. К центр. росс. книжной палате постановление обратиться с просьбой оказать содействие работам по местной библиографии через своих агентов (отделения Госиздата и Центропечати).

24 сентября состоялся доклад В. В. Виноградова «*О собирании библиографических материалов деятелей русской культуры и опыты в этом отношении русских библиографов*».

ИНСТИТУТ СЛОВА.

В Москве уже третий год существует Государственный институт слова (Б. Никитская, 14). Институт является высшим учебным заведением в составе 3-х отделений: литературного, ораторского искусства, декламационного и художественного рассказывания. Курс обучения трехлетний.

На литературном отделении, кроме обязательных предметов (история материализма, история социализма, государственное право и социальное строительство Р. С. Ф. С. Р., теория развития общественных форм и философия естествознания) в текущем (1921—1922) учебном году будут читаться:

Эстетика (преп. Ильин И. А.),—Теория литерат. форм (общая поэтика, часть специальная) (Столяров М. П.),—Введение в стиховедение (Шервинский С. В.).—Поэтика новеллы и романа (Петровский М. А.),—Анализ стилей произведений худож. литературы (мотивы труда, города, природы) (Эйхенгольц М. Д.),—Техника и музыка речи,—Русская народная словесность (Соколов Ю. М.),—Русская лирика XIX в. (Грифцов Б. А.),—Новейшая поэзия в России (пролетарск. поэзия и футуризм) (Цингоатов А. Я.),—Символизм в русской поэзии (Чулков Г. И.).—История западно-европейской литературы (Коган П. С.),—Литературы Греции и Рима (Грушка А. А.).

Ведутся семинарии: по истории и методология литератури. критики (Айхенвальд Ю. И., Кондратьев А. И.),—Творчество Пушкина (Брюсов В. Я.),—Творчество Достоевского (юбилейный) (Грифцов Б. А.),—Класс поэтической композиции (Брюсов В. Я.),—Художеств. литература и народная аудитория (Петропавский В. И.).

Кроме того будут курсы и занятия по предметам: Литературный русский язык (Ушаков Д. Н.),—Латинский язык (Петровский Ф. А.).—Теория прозы (Пастернак Б. Л.), — Семинарий по стихотворному переводу (Шервинский С. В.).—Семинарий по Некрасову (юбилейный) (Львов-Рогачевский В. Л.), — Художественное чтение (Озаровская О. Э.). — Новые языки (Рогинский Е. А.), — Античный культ слова (Грушка А. А.).

На декламационном отделении намечены: Семинарии по лирике. По Пушкину (Озаровская О. Э.), по символистам (Церетели и Шипов), по революц. поэзии (Пересветов Е. П.).

Семинарии по эпосу: по народн. сказыванию (Озаровская О. Э.), по рассказу (Лебедев В. Ф.), по поэме и роману.

Семинарии по драме: по греческой трагедии (Волконский С. М.), по Шекспиру (Филиппов В. А.), по Мольеру (Рахманова О. В.), по Островскому (Филиппов В. А.).

Академия истории материальной культуры, образовавшаяся из бывшей археологической комиссии, с присоединением отделов этнологии и истории искусства, широко развивает научную деятельность. Вышел 1-й том *«Известий Академии»* с таблицами и рисунками, посвященный общей и русской археологии. Заканчиваются печатанием следующие работы: акад. Тураева *«Папирус»* с фототипическими таблицами; акад. Ростовцева *«Исследования по истории Скифии и Босфорского царства»;* Б. В. Фармаковского. Печатаются и готовятся к печати работы Марра и др.

Московское отделение академии, кроме текущей работы, устраивало публичные заседания с докладами Д. Н. Анучина, Б. В. Фармаковского, Бакланова, Рончевского и др.

Московское археологическое общество также, кроме текущей работы—докладов барона де-Бая о *«России—родине готского стиля»*, А. П. Анисимова о *«Византийской России»* и др., организовало ряд публичных лекций для ознакомления широких слоев общества со стариной. В лекциях принимали участие: Д. Н. Анучин, И. Н. Бороздин, А. М. Васнецов, В. А. Городцев и др.

Из трудов общества находятся в печати: *«Археологическая карта Московской губ.»*, *«Исследования о памятниках Новодевичьего монастыря и фресках церкви Федора Стратилата в Новгороде»*. Готовится к печати *«Словарь русских древностей»* и серия популярных брошюр по русской археологии.

В обществе деятельно работает комиссия по изучению старой Москвы.

ПИСАТЕЛИ-КРЕСТЬЯНЕ.

В первых числах мая в Москве состоялась всероссийская конференция крестьянских писателей, созванная Суриковским литературным кружком. На этой конференции положено начало всероссийскому союзу крестьянских писателей. Избран центральный совет союза, в который вошли т.т. Афонин, Ганьшин, Деев-Хомяковский, П. Логинов и др. Совет приступил уже к работе. Он обращается ко всем активным работникам, крестьянским литераторам и общественно-культурным деятелям деревни с горячим призывом принять все меры к объединению распыленных по провинции самородков-писателей из народа. Пусть создаются губернские и уездные отделения союза, которые будут снабжены всеми материалами и инструкциями, а также ответами на вопросы организационного характера. С осени предполагается издание своего периодического органа. Адрес вр. центрального совета: Москва, Петровка, д. 16, кв. 58.

ИМАЖИНИСТЫ.

В «Известиях В. Ц. И. К.» было помещено следующее письмо в редакцию т. А. Луначарского:

«Довольно давно уже я согласился быть почетным председателем всероссийского союза поэтов, но только совсем недавно смог познакомиться с некоторыми книгами, выпускаемыми членами этого союза. Между прочим, с «Золотым кипятком» Есенина, Мариенгофа и Шершеневича.

«Как эти книги, так и все другие, выпущенные за последнее время так называемыми имажинистами, при несомненной талантливости авторов, представляют собой злостное надругательство и над собственным дарованием, и над человечностью, и над современной Россией.

«Книги эти выходят нелегально, т.-е. бумага и типографии достаются помимо Гос. Издательства незаконным образом.

«Главполитпросвет постановил расследовать и привлечь к ответственности людей, способствовавших появлению в свет и распространению этих позорных книг.

«Так как союз поэтов не протестовал против этого проституирования таланта, вываленного предварительно в зловон-

пой грязи, то я настоящим публично заявляю, что звание председателя всероссийского союза поэтов с себя слагаю».

КНИГА и НОВ. ЭКОНОМ. ПОЛИТИКА.

В связи с разрешением свободной торговли, установлением платности услуг государства отдельным гражданам и назначения новых цен на предметы широкого потребления, Центропечать переходит к системе платности в распределении печатных произведений и начала переоценки находящихся на ее складах книг согласно рыночной и производственной стоимости их.

Президиум московского Совета вынес 18 августа с. г. постановление:

«Разрешить Отделу Печати производить в Москве продажу книг по рыночным ценам исключительно через книжные или другие кооперативы на комиссионных началах или за наличные деньги. В продажу поступают книги, принадлежащие московскому Совету и не состоящие на учете Центропечати. Установление разрядов книг, количество таковых, а также и установление продажных цен поручить тов. Ангарскому и Знаменскому. Списки предназначенных к продаже книг утверждаются коллегией Моно».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ.

Петроградский институт книговедения (б. российская книжная палата) за короткое время существования сумел собрать и подготовить к изданию значительной ценности библиографические работы. Незначительная часть была опубликована в выпусках «Временника Книжной Палаты» (вышло 4 выпуска), а остальное, вследствие отсутствия бумаги и средств и расстройства типографского аппарата, и до сих пор лежит в рукописях.

Среди них имеются совершенно готовые к печати: *«Наука в России»*, справочник под ред. С. Ольденбурга, в. II.—*«Указатель портретов писателей, ученых и политических деятелей в русских журналах 1917—1918 г.г.»*, под ред. М. Флеера. — *«Списки повременных изданий за 1917 г.* (вторая часть), *1918 и 1919 годы»* под ред. проф. Ильинского,—*«Сибирская печать 1918 — 1920 г.г.»*, под ред. Д. А. Торопова,— *«Лекции по книговедению, читанные на курсах, организованных институтом книговедения»* (выпуски *«История книги»* Буша, *«Очерк истории иностранной библиографии»* проф. Малеина и др.),—*«Инструкция для составления библиографических работ»*.—*«Статистика периодической печати за 1917—1918 г. г.»*, под ред. проф. Александрова,—*«Обзор изданий, выходивших на фронте в 1917—1918 г.г.»* Слонимского, *«Turgeniana»* библиографический указатель сочинений и писем Тургенева и литературы о нем, редактир. Венгеровым.—*«Список указателей к русским периодическим изданиям»* А. С. Полякова,—*«Предварительный список русских писателей и ученых»* Венгерова (после 5-го выпуска), *«Источники словаря русских писателей»*, его же (после 4-го тома),—*«Архив С. А. Венгерова»* (ценный историко-лит. материал), — *«Список типографий и книгоиздательств за 1917—1918 г.г.»*, под ред. проф. Александрова,—*«Обзор мусульманской периодической печати за 1917 г.»*, под ред. проф. Самойловича, — *«Указатель к письмам А. П. Чехова»*, под ред. Искар Долинина,— *«Очерк деятельности российской книжной палаты со времени ее основания до преобразования в Институт книговедения»* проф. А. Фомина.

ДОМ ПЕЧАТИ.

После летнего перерыва на открытии Дома Печати 17 августа тов. Луначарским была прочитана новая пьеса *«Освобожденный Дон-Кихот»*.

25 августа состоялась дискуссия о «Дон-Кихоте».

В сентябре два вечера были посвящены чтению В. Я. Брюсовым новой драмы Ромэна Роллана «Лилюли».

Памяти поэта Ал. Блока был посвящен особый вечер при участии Когана П. С., Кириллова, Сабанеева и др.

Были прочитаны доклады Кольцовым *«Новые успехи в области питания человека»*, Литовским *«Зарубежная пресса»*, Язвицким *«Между смертью и жизнью»* и др.

ЗАПОЗДАЛОЕ ОТКРЫТИЕ.

В петербургской газете «Жизнь Искусства» (№ 792—797) с понятным чувством удовольствия сообщается, что в архиве б. управления по делам печати обнаружена случайно интересная драма революционного содержания из эпохи 1905 года под названием «Накануне». Драма, как оказывается, была написана немецким рабочим Георгом Кампф. Пьеса, как видно, не была пропущена и осталась в архиве управления. А ныне она направлена в центральную библиотеку русской драмы».

Это хорошо. В библиотеке русской драмы эта случайно обнаруженная интересная драма, несомненно, будет с радостью принята и направлена по соответствующим библиографическим путям на свою полочку. А там она, к конфузу «Жизни Искусства», встретит своего двойника, на коем красуется *печатная* надпись: «Кампф. Накануне, драма. М. 1907 г. Изд. «Смерч». Ц. 40 к.».

РУКОПИСИ.

Рукописи становятся не только печальной необходимостью, возвратом к до-гутенберговским временам, но и своеобразной модой.

В «Кузнице», литературном кафе пролетарских писателей, рядом с последними номерами «Творчества», «Кузницы» и «Твори», между мелкими брошюрами стихов и прозы выставлены для обозрения, чтения и продажи миниатюрные рукописи.

Поэт В. Александровский в тетрадочках на линованной бумаге четким почерком написал: 1) *«Встречи»*, поэма. М. 1921 г. 12 стр., 2) *«Стихи» 1921* г. М. 1921 г. 14 стр., 3) *«Деревня»*, поэма. М. 1921 г. 22 стр., 4) *«В пути»*, стихи, М. 1921 г. 14 стр. и 5) *«Стихи последних дней»*. М. 1921 г. 10 стр.

Обрадович изготовил *«Прибой»*, стихи. М. 1921. 12 стр. (вошли стихотворения «В июне», «Вечер», «Осенний звон», «На Воробьевых горах», «Огненная гавань» и др.). *«Город»* (на бересте), с рисунк. автора. М. 1921 г. и *«Пахарь»*, стихи. 1914 г. М. 1921 г.—Нечаев—*«Из песен Гуты»* (вошли стихи «Мой храм», «Гудок», «Море», «Песня», «Дед», «Моя песня», «Язычница» и др.).

М. Герасимов выставил авторукописи «*Черная пена*». М. 1921. 16 стр. и «*Чудо*», поэма.

В книжной лавке «Содружество Писателей» продается линялыми чернилами написанная рукопись Льва Зилова «*Блоку*». Москва. Август 1921 г.

Содержание этих авторукописей не всегда новое. Так, по сообщению самих писателей «Кузницы», некоторые стихи из их рукописей уже были в печати.

Цены на эти своеобразные книги высокие. «Инна» и «Пахарь» Родова и «Из песен Гуты» Нечаева стоят по 25.000 руб., Обрадовича «Город» — 50.000 руб., авторукописи Александровского по 10.000 руб. (10—14 стр.), Обрадовича «Прибой» — 5.000 р.

«КУЗНИЦА».

В клубе всероссийской ассоциации пролетарских писателей за август и сентябрь ряд вечеров был посвящен чтению и обсуждению произведений (стихи и проза) Герасимова, Александровского, Санникова, Ляшко, Кириллова, Волкова, Прокофьева и др.

Кроме того были прочитаны доклады: Б. Арватовым *«Проблема языка в пролетарском творчестве»* и *«Проблема сюжета в пролетарском творчестве»*, В. Плетневым *«Проблемы художественной пролетарской критики»* и *«Задачи пролетарской поэзии»*, Гросман-Рощиным *«Наша общественность и культура»*, О. Бриком *«Задачи поэзии переходного времени»*, М. П. Столяровым *«Поэзия будущего»*, Кубикова *«Творчество Бибика»* и В. Л. Львовым-Рогачевским *«Будущее пролетарское творчество»*.

Самостоятельные вечера были посвящены пролетарской лирике, голоду, памяти Блока и диспуту *«Задачи современной литературы»*. Участвовали: П. С. Коган, проф. Сакулин, В. Львов-Рогачевский, В. Плетнев, В. Кириллов, Н. Ляшко, С. Родов и др.

СКИФЫ О БЛОКЕ.

Под таким названием 26/IX устроили в Политехническом музее вечер приехавшие из Петербурга А. Белый, Иванов-Разумник, Штейнберг и др.

А. Белый характеризовал А. Блока, как поэта народного (выразившего д и-жения души народа) и в образной речи набросал его э олю и о от Прекра ной Да ы до «Д енадцати». Мстисла ский на примере Блок выяснял идеологию с ифства. А. Штейнберг рассказал о дне, проведенном в есте с А. Блоком под арестом. И анов Разумник кратко коснулся последних дней поэта и его взгляда на «Двенадцать».

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ.

На еженедельно устраиваемых литературных вечерах всероссийского союза писателей за август и сентябрь были прочитаны: М. А. Цяв вским доклад на тему *«Роман Пушк на с гр. Ф.»*, поэт м Н. Гумилевым *«Стих »*, С. М. Солов ёвым *«Воспомина ия о Блоке»*, П. К. Ивановым *«Отрывки из ро ана»* и Б. М. Соколовым *«Две Мар и»* (о *«Полтаве»* Пушкина).

Вечер 15 августа был посвящен памяти Ал. Блока. Выступали: П. С. Коган, Ю. И. Айхенвальд, Г. И. Чулков и Л. Я. Гуревич.

Кроме того в помещении союза происходили заседания арте и работников культуры, на коих п оисход ли собеседования на темы *«Мист ка Блока»* по докладу Г. И. Чулкова, *«Тасса»*—новый рассказ С. Т. Григорьева и др.

«Литературное Звено» устроило доклад Н. С. Ашукина на тему *«Двенадцать Блока»*.

ЮБИЛЕЙ ДАНТЕ.

В сентябре 1921 г. исполнилось 600 лет со дня смерти Данте А лигьери. В Италии по этому поводу устраивались грандиозные национальные тор ества. В Москве памяти Данте было 1 сентября посвящено торжественное объе иненное заседание института итальянской культуры, всероссийского союза писателей, об-ва любителей р ссийской словесности и вольной духовной академии, на котором выступали с докладами о значении Данте в миров й культуре и поэзии П. П. Муратов, Бор. Зайцев, Б. А. Грифц в, М. А. Петровский, Г. И. Чулков и М. М. Хусид.

27 сентября вечер памяти Данте был устроен всероссийским союзом поэтов при участии Соловьева, С. Боброва, Рачинского и др.

Вольная академия духовной культуры в течение лета устроила доклады: А. К. Виноградова *«О польском м ссианизме»*, Ф. А. Степу а *«Закат Европы»*, П. П. Лазарева *«О законе от ос тельности»* и Н. А. Бердяева *«О христианской свободе»*.

ПОТЕРИ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

7-го августа в Петербурге скончался поэт Алекс. Блок.

Поэт *Н. Гумилев* в конце августа расстреляли по приговору Петербургской Ч. К. за участие в белогвардейском заговоре.

В Швейцарии на 85 году жизни умер писатель *П. Д. Боборыки .*

Умер в Москве в психиатрической лечебнице философ, переводчик многих книг по философии и психологии *Н. В. Самсонов*.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

А. В. Амфитеатров написал пьесы *«Протопоп Аввакум»* и *«Васька Буслаев»*, повесть *«Зачарован ая степь»* и роман *«Сестры»*.

Андрей Белый передал Гржебину для издания новый сборник стихов *«Звезда»*.

Вяч. Иванов заканчивает перевод Данте и книгу *«Человек»*.

А. С. Грин написал повесть *«Алые паруса»*.

Пол есса Рудич имеет для печати *«Обывательские впечатле ия от револ оц и»* *« итератур ые воспом на ия»*, *«Ступени»* и *« сень олотая»*. А. Я. Левинсон— *« по ская грав ор а»*, *«Современные русск е художники-декорато ы»*, *«Ге ии Франции»* (20 литературных характер стик) и *«Истор я танца от древ ости до наших дней»*.

М. Горький пишет продолжение повести *« л дях»* под названием *«Казанская жизнь»* и печатает в «Север м А ьма ахе» ржебина пьесу *«Старик»* (написана в 191 году).

Проф Л. С. Берг закончил большую ра о у по опросам эво юции *«Номоген s»* или *« во юция на осн ве за о омерн о тей»*.

Н. А. Мор зов написал и предложил для издания петерб ргск му о делению Госиздата новую книгу *«Христос»*.

Марина Цветаева приготовила сборник стихов *«Лебединый стан»* и две поэмы *«Цар-девица»* и *«Красный конь»*.

В издании «Петрополиса» вышли: Н. Гумилева *«Огненный столп»*, стихи Георгия Иванова *«Сады»*, стихи; печатается *«Книжные знаки»* под редакцией Верадовского, Соколовского и Митрохина, Адамович *«Чистилище»*, сборник статей, Рождественского *«Золотое веретено»*, серия книг *«Памятники мирового репертуара»*, *«Портреты»* ир. Анненкова, *«Происхождение драмы»* Евреинова.

Петербургское отделение Госиздата в срочном порядке печатает большой литературно-художественный сборник в пользу голодающих под ред. и при участии М. Горького, Н. Попова, Н. А. Морозова, А. Луначарского, С. Ольденбурга, М. Добужинского, А. Бенуа, И. Бродского и С. Чехонина.

Издательство «Огни» печатают: Зелинского Ф. *«Греческая литература эллинской эпохи»*, Тураева *«Египет»* и *«Алфавит декабристов»*.

«Наука и Школа» выпускает: Радлова Э. *«Этика»* и Лосского *«Логика»*.

Издательство «Колос» подготовляет к печати Иванова-Разумника *«Оправдание человека»*, Шпета Г. *«История русской философии»* (в 2-х томах), *«Словарь русских философов»* и каталог книжной выставки, устроенной в Петербурге с весны текущего года с вводными статьями об участвующих на выставке издательствах.

Государственным Издательством приняты к напечатанию книги: В. Полянского (Лебедева) *«Н. А. Некрасов»*, Чугунова *«Рыбные богатства астраханского края»*, *«Картины художников французской школы юсуповского собрания»* (альб. издат. отд. муз. и охраны искусства и старины) и Ляшко Н. *«Рассказ о кандалах»*.

В книгоиздательстве «Цеха поэтов» (Петербург) вышел *«Альманах цеха поэтов»* кн. 2-я, и печатаются: Нельдихена С. *«Органное многословие»*, Одоевцовой Ирины *«Двор чудес»* и Оцуп Н. *«Град»*.

Книгоиздательство М. В. Сабашниковых (в Петербурге) выпустило изящно изданную книжку Ф. Зелинского *«Иресиона»*, I. *«Тайна долгих скал»* (аттические сказки) и печатает еще одиннадцать выпусков «Иресионы» и большое исследование *«Античный мир»*. Первый том будет посвящен «Элладе», а второй — «Риму».

Полиграфический отдел В. С. Н. Х. издает ежемесячный иллюстрированный научно-технический журнал *«Полиграфия»*.

Провинция.

Иркутск.

Иркутск за время революции стал центральным издательским местом Сибири. До прихода Советской власти здесь изданием книг занимались т-во П. Д. Сытина, земско-кооперативное издательство «Сеятель», государственный университет и Макушин и Посохин.

Печатались преимущественно учебники.

После эвакуации колчаковским правительством Омска, Иркутск обогатился несколькими хорошо оборудованными типографиями. Кроме того в нем оказались значительные запасы бумаги.

Все это дало возможность с первых же месяцев восстановления Советской власти развить широкую издательскую деятельность. За полтора года иркутским Госиздатом выпущено огромное количество агитационной литературы, прекрасно исполненные портреты вождей революции (большой размер в двух форматах и открытки) и ряд ценных научных книг. Среди последних отметим: *«Сборник трудов профессоров и преподавателей иркутского университета»*,— Селищева *«Диалектологический очерк Сибири»*,— Константинова *«Пушной промысел в Восточной Сибири»*.— Маслова, П. *«Наука о народном хозяйстве»*, вып. I и др.

Намечены к изданию и частью уже закончены печатанием следующие книги: 1. Миротворцев, *«Учебник статистики»*; 2. Маслов, П. *«Наука о народном хозяйстве»*, ч. II; 3. Пашков, *«Учебник китайского языка»*; 4. Берлищ, *«Учебник английского языка»*; 5. *«Сборник трудов профессоров и преподавателей»* II т., Науки гуманитарные (статьи Миротворцева, Кубалова, Манса, Пашкова, Петри, Колесникова и др.); 6. Майский, В. *«Современная Монголия»* (около 600 стр.); 7. *«Материалы статистического губернского бюро»*, вып. III.; 8. Никитенко, *«Минеральные источники Иркутской губернии»* (оттиск из подготовляющихся к печати *«Известий*

восточно-сибирского отдела Географического об-ва»); 9. Максимов, *«Гистология»* и 11. Миретиков, *«Культура овощей в Восточной Сибири»* (вышла).

Кубано-Черноморская область.

В области издаются две ежедневные газеты на русском языке (одна в Краснодаре, другая в Новороссийске), одна на армянском (3 раза в неделю) и одна на греческом. На греческом языке издается стенная газета. Стенные газеты выпускаются ежедневно в следующих пунктах: в Майкопе, хуторе Тихорецком, Славянске, Ейске, г. Кропоткина, Армавире, Усть-Лабе. Три раза в неделю выходит газета в Геленджике и два раза в неделю—в Темрюке.

Новгородская губерния.

В губернии выходят 4 газеты: губернская газета «Звезда» ежедневно, две уездных (в Старой Руссе и в Боровичах), два раза в неделю и раз в неделю в г. Демянске. В Бологом уисполком еженедельно выпускает Бюллетень. Кроме того в Новгороде выходят еженедельно орган профсоюзов и совнархоза «Новгородский Пролетарий», два раза в месяц «Известия Новг. Губсоюза» и «Известия Губкомола» и ежемесячно «Известия Губ. Ком. Р. К. П.», «Культура и Просвещение» (орган наробраза) и журнал «Красная молодежь».

Кабардинская область

В начале июня с. г. в г. Нальчике (Кабардинская автономная область) организовано отделение Государственного Издательства. Отделение издает две газеты (одну на русском, другую на кабардинском языке). Предполагается издать на кабардинском языке ряд начальных учебников и ряд брошюр по сельскому хозяйству. Типография в гор. Нальчике—единственная, имеющая кабардинский шрифт. Население области около 250 тыс. кабардинцев. Почти такое же количество кабардинского населения живет в Кубанской области и около 400 тыс. в пределах Турции.

Чита.

Недавно вышла в свет отпечатанная в типографии объединенного союза Забайкальских кооперативов новая книга экономиста П. Маслова *«Мировая социальная проблема»*. Книга эта написана автором еще в Иркутске, в ней он подвергает критике идеи о материальном равенстве.

Томск.

14 июня с. г. при томском университете открылось библиографическое бюро в виде автономного университетского учреждения. Главнейшею задачей бюро является составление сибирской библиографии за послемежовский период, т.-е. с 1891 г. по настоящее время, и кроме того обслуживание факультетов университета в библиографическом отношении.

Под сибирской библиографией понимаются описание относящихся по содержанию к Сибири и сопредельным с нею областям произведений печати на русском и иностранных языках и библиография сибирских писателей, ученых и деятелей, а равно и уроженцев Сибири, потрудившихся на пользу государства, науки, литературы, искусства и т. п., или чем-либо иным отмеченных в русской или всеобщей истории.

В целях более удобного выполнения задачи, составление сибирской библиографии разделено на три очереди: а) в первую очередь описываются сибирские журналы, периодические органы сибирских ученых учреждений и организаций и произведения, помещенные во всех русских и некоторых иностранных периодических органах; б) во вторую очередь—сибирские газеты, произведения, помещенные во все сибирских и главнейших русских (столичных) и иностранных газетах; в) в третью очередь—книги, брошюры, сборники и отдельно изданные карты, планы, рисунки и т. п.

В каждую из этих очередей включается лишь материал, изданный за время с 1891 по 1917 г. г., при чем в пределах каждой очереди первоначально описывается материал, изданный за последние 17 лет (с 1901 по 1917 г. г.) и затем уже за первое десятилетия (с 1891 по 1900 г.г.). К сожалению, описание текущей литературы с 1918 г. пока откладывается на неопределенное время ввиду почти полного отсутствия ее в г. Томске.

Бюро предполагает начать обследование текущей литературы при первой возможности и вести его параллельно с обследованием старых изданий.

Работы ведут члены бюро, избранные факультетом, каждый по своей специальности, руководствуясь особыми «Правилами составления сибирской библиографии», выработанными заведующим бюро и утвержденными общим собранием членов бюро.

Материал классифицируется по международной десятичной системе, согласно сокращенным таблицам, составленным членами бюро, применительно к нуждам сибирской библиографии, в строгом соответствии с таблицами, помещенными в «Manuel du Répertoire Bibliografique Universal» Publicatio № 63. 1907 г.

Являясь преемником библиографического бюро института исследования Сибири, закрытого вместе с этим институтом 1 января т. г., университетское библиографическое бюро уже имеет в своем распоряжении до 25.000 библиографических карточек, часть которых готовится к печати в виде двух огромных монографий: 1) «*Сибирь в русских исторических журналах 1901—1917 г.г.*» и 2) «*Сибирь в общей русской журналистике 1901—1917 г.г.*». Кроме того предполагается издать работу М. К. Азадовского «*Сибирь в общей русской журналистике 1891—1900 г.г.*».

Казань.

Казанский Госиздат ярко выделяется из общей массы губиздатов своею работоспособностью и оригинальностью изданий. Он не пошел по пути перепечаток и начал творить свою местную культуру.

Из казанских изданий последнего времени следует отметить первый номер «*Казанского Библиофила*» с рядом интересных статей по книжному делу, «*Рабочее-Крестьянский театр*» Славяновой (большой труд с образцами грима, костюмов, устройства сцены и цветными декорациями), «*Влияния температуры на проницаемость протоплазмы*» Домрачева (из трудов о-ва естествоиспытателей при каз. университете), второй том «*Известий северо-восточных археологического и этнографического института в Казани*», «*Чтения по истории среднего и нижнего Поволжья*» проф. Фирсова, «*Фешин*» П. Дульского и ряд книг на татарском и чувашском языках. Графическим коллективом «Всадник» выпущены хорошо изданные книжки Платунова «*Графика*» (12 литогравюр на линолеуме) и Н. Плещинского «*18 автолитографий*», первая книжка напечатана в кол. 20 номер. экз., 2-я—100 экз.

Самара.

В Самаре организовалось частное книгоиздательство «Волжские утесы». Участниками состоят писатели: Неверов, Гольдебаев, Доброправов, Степной и др. Издательство печатает два сборника. «*Понизовье*» и «*Курган нашим*» и приготовляет третий под названием «*Голод*».

К ЧИТАТЕЛЯМ КНИГИ.

Под таким заглавием в иркутской газете «Власть Труда» помещено любопытное воззвание, направленное к изучению роли книги в творчестве писателей:

«Книги—лучшие, наиболее прекрасные цветы жизни, книги—та идеальная райская жизнь, освобожденная от грубых, низких примесей будней, о которой уже тысячи лет грезят лучшие умы человечества.

«С таким определением значения книги никто не спорит, все признают великую воспитательную и образовательную роль книги, но очень немногие занимаются ею, чтут и уважают книгу.

«Книга у нас до сих пор не стала предметом первой духовной потребности, не служит украшением жилища, никто не заботится о ее внешности, красоте, редко кто посвящает ей несколько строк поэтического вдохновения; даже внимание ученых к книге настолько ничтожно, что до сих пор мы не имеет исчерпывающей истории ее, ни одного труда, посвященного ее значению.

«Библиотечно-библиографический подотдел иргубполитпросвета, желая усилить роль книги в своей просветительной работе и вместе с тем выяснить интерес к книге наших великих и малых писателей (также и западноевропейских),

и место ее в их творчестве, обращается ко всем читателям с предложением в читаемых ими книгах—стихах, романах, драмах, рассказах, научных и иных сочинениях отмечать все, что говорится о значении слова, литературы и книг.

«Говорит ли писатель о влиянии на него прочитанной книги, рассуждает ли он о просветительной роли литературы и книги (или вроде их), пишет ли о мощи или бессилии слова, восхваляет ли (или бичует) какую-нибудь книгу или писателя, отмечает ли факты почета или гонения книги—все это имеет большое значение для изучения книги и ее образовательной миссии, все это желательно отмечать, выписывать (с указанием источника), или просто записывать (название прочитанного сочинения и страниц) и сообщать в библиотечно-библиографический подотдел губполитпросвета. Здесь таким коллективным путем собранный материал будет систематизироваться, подвергаться обработке и пущен, как агитационный материал о книге и ее непреоборимой мощи».

ОТ ИСТПАРТА КО ВСЕМ ТОВАРИЩАМ.

Десятилетия нашей борьбы против самодержавия, а затем годы гражданской войны унесли в могилу многих товарищей. Память о погибших живет в сердцах близких. Но этого мало. Нужно, чтобы она жила и в коллективном сердце всей партии. Достичь этого возможно только одним путем: собирать и публиковать воспоминания о погибших, составлять их биографии, воспроизводить фотографические снимки.

Ведь жизнь каждого из них—частица истории партии, камень в постройке великого коммунистического будущего.

Нельзя жить без прошлого, без знания своей истории. И нельзя знать истории, не зная ее деятелей.

Истпарт постановил приступить к созданию биографической библиотеки. Для начала он публикует первый список, — конечно, очень неполный, — погибших товарищей. Вместе с тем он обращается ко всем т.т., понимающим важность изучения как истории партии, так и жизнь отдельных ее работников, с приглашением присылать в Истпарт:

1) Указание фамилий тех, кто пропущен в списке; особенно фамилий тов., погибших на фронтах гражданской войны.

2) Личные воспоминания (возможно подробные) о каждом внесенном и невнесенном в список.

3) Печатные материалы, фотографии, рисунки, всякого рода письменные документы о них же.

4) Работы, оставшиеся после них (их рукописи и печатные призведения).

5) Библиографические указания (где, когда и что было напечатано о погибших, и где можно найти это напечатанное).

В частности, Истпарт про ит присылать те номера провинциальных газет и журналов (старых и вновь выходящих), в которых напечатаны некрологи или воспоминания, так как в Москве трудно добывать провинциальные издания.

Сверх того Истпарт приглашает товарищей, которые пожелали бы взять на себя работу по составлению чьей-либо биографии, собщать об этом в Истпарт— Адрес: Москва, Воздвиженка, Ваганьковский переулок, 8.

Председатель Истпарта **М. Ольминский.**

Первый список погибших товарищей, о которых Истпарт постановил собирать биографический материал.

1. Алексеев Петр.
2. Арманд (Инесса).
3. Афанасьев Егор Аф. (Климанов, Бубнов).
4. Афанасьев Федор Аф. («Отец»).
5. Бауман Николай Эрнестович.
6. Бауэр Константин Конст.
7. Бабушкин.
8. Батурин Вл. Ник. (раб. в Москве в 1896, умер в 1897).
9. Боград (убит в Сибири в 1918 г. чехо-словаками).
10. Бонч-Бруевич Вера Мих. (Величкина).
11. Богданов А. А. (поэт, беллетрист).
12. Александров Иван Платонович (Макар), костромской рабочий.
13. Ванеев.
14. Ведерников («Сибиряк»).
15. Вейнбаум (убит в Сибири в 1918 году чехо-словаками).
16. Веселовский (убит бело-поляками).
17. Ветрова (ум. в Петр. креп.).

18 и 19. Виноградова, Ольга Ив. Растоцкая, Галя, Нина) и Виноградов (ее брат, нач. ст. Ашитково, расстрелян).

20. Володарский.
21. Восков Семен, петр. раб., приехал из Америки.
22. Генкен Ольга (убита в Ив.-Возн. в 1905 г.).
23. Гопфенгауз, Мария Германовна.
24. Горвиц Саша (расстрелян в Киеве в 1917 г.).
25. Гусаров (сослан на поселение по процессу кронштадтских военных организаций, умер в Сибири в 1920 г.).
26. Гусев, Александр Ив. (член тверского комитета в 1902 г.).
27. Джапаридзе («Алеша»).
28. Дубровинский («Иннокентий»).
29. Дубровинский Яков (убит в Сибири в 1918 году бело-поляками).
30. Дунаев (Иваново-Вознесенский рабочий из стариков).
31. Елизаров Марк Тимоф.
32. Загорский (Львович).
33. Запорожец (по делу «Союза Борьбы»).
34. Засулич Вера Ив.
35. Зевин Ян («Савва»).
36. Зильберберг (погиб на южном фронте, рабочий).
37. Карпов.
38. Кейзер Ив. Ив.
39. Кирпичников (студент, привлекался по делу москорганизации в 1895 г., сошел с ума и умер в тюрьме).
40. Кнуньянц («Радин», «Богдан»).
41. Книповиг, Лидия Мих. («Дяденька»).
42. Крачко (редактор нелег. газеты).
43. Крейсберг Исаак (расстрелян).
44. Курнатовский.
45. Лебедев Ник. Ник. (раб. в «Правде», умер в Киеве).
46. Лейтейзен Гавр. Дав. (Линдов).
47. Лисинова Люся (убита в октябре 1917 г.).
48. Мазин (Лихтенштадт). Погиб в 1919 на петербургском фронте.
49. Мандельштам (Кранихфельд) Лидия Павл.
50. Мельников Ювеналий.
51. Модестов Сергей (раб. в 1917 г. в «Деревенск. Правде»).
52. Ментин (очень видный бакинский рабочий, расстрелян после восстания 1907 г.).
53. Морозов Петр (раб. в начале 90-х в Пет.).
54. Нахимсон (погиб при подавлении ярославского восстания).
55. Носков (Глебов).
56. Обнорский Виктор (сподвижник Ст. Халтурина).
57. Попов, составитель прогр. дом. чтения, умер в Н.-Новгороде в 1903 г.
58. Петерсон (сподвижник Ст. Халтурина).
59. Плеханов Г. В.
60. Подбельский (Нарком почт и телеграфа).
61. Присягин (рабочий - кожевенник, расстрелян в Барнауле, как председатель профсоюза).
62. Радин.
63. Радченко Степ. Ив.
64. Рошаль.
65. Русаков (убит в Кронштадте).
66. Саммер Иван Адамович.
67. Самойлов Арк. Алекс.
68. Самойлова Конк. Ник.
69. Сафонов (бывший каторжанин, погибший в Леонтьевском переулке).
70. Свердлов Яков Михайлович.
71. Сейфер («Старый приказчик»).
72. Скляренко Алексей Павлович.
73. Слуцкая Вера.
74. Слуцкий (погиб в 1918 г. в Крыму).
75. Спендарьян Сурен.
76. Толмачев (убит в 1919 г. в Петербурге на фронте).
77. Трусевич (Залевский Станислав Станиславович).
78. Ульянов А. И.
79. Урицкий М. С.
80. Фаберкевич (Гневич).
81. Федосеев Николай Евграфович.
82. Фиолетов Ваня (рабочий).
83. Халтурин Степан.
84. Циммерман («Гвоздев»).
85. Чачина Ольга Ивановна.
86. Чудновский Григорий.
87. Шанцер.
88. Шаумян Степан.
89. Штернберг П. К.
90. Яковлев Николай Николаевич (расстрелян в Сибири).
91. Якубова (Тахтарева).
92. Янышев (погиб на южном фронте).

Председатель Истпарта **М. Ольминский**.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ УСТАВА ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ,

принятые на конференции 9-го мая 1921 года.

1. В основу организационной работы по объединению всех крестьянских писателей и родственных по своей психологии лиц и различных литературных, музыкальных и драматических кружков и организаций, находящихся в городах и селах, I всероссийская конференция крестьянских писателей кладет следующее:

а) Всероссийский союз крестьянских писателей, стоя на твердом признании диктатуры рабочих трудового крестьянства, а также входя в виде особой ассоциации в один из производственных профессиональных союзов, родственных ему по духу, ставит своей основной задачей всестороннее заявление всей жизни крестьянской массы во всех ее бытовых, социальных и экономических особенностях.

б) Для этой цели всероссийский союз крестьянских писателей, объединяя вокруг себя всех крестьянских писателей, музыкантов и драматических деятелей как живущих в деревнях и селах, так и находящихся, в силу тех сильных объективных условий, в городе создает, могущую и сильную организацию и посредством своих органов влияет на психологические, индивидуальные и типические особенности развития деревни с ее историческими, сложившимися классовыми устоями.

2. Лица, явно не занимающиеся физическими или общественно-полезным трудом, в союз крестьянских писателей приняты быть не могут.

Примечание. Подростки, не достигшие 18-летнего возраста, в качестве действительных членов¹ входить не могут.

3. Для широкого и доступного объединения, указанных в пар. б групп, союз создает на местах свои губернские отделы, а в уездах и селах отделения союза, причем последним предоставляется широкое право присваивать своему отделу и отделению имя того или иного писателя, они имели лозунг и название (напр., моск. губернский отдел всероссийского союза крестьянских писателей им. Сурикова, тверской — и. о. им. Никитина, курской губ. отд. В.С.К.П., «Коммунист», сердобское отделение «Серп и Молот» и т. д.).

Примечание. Каждое такое отделение утверждается центральным советом союза крестьянских писателей, причем существующие кружки и общества переименовывают себя на общих собраниях членов.

4. Каждый член союза крестьянских писателей, музык. и драмат. деятель ставит своей задачей содействовать созданию отделов и отделений по территориальному признаку от губернии, уезду и селу, доводя до сведения вр. центрального союза крестьянских писателей о своей работе.

5. Дальнейшая разработка устава поручается вр. центральному Совету всеросс. союза крестьянских писателей.

Председатель Центрального Совета *Деев-Хомяковский.*

Секретарь О. *Гатьшин.*

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

I.

В № 1 «Печать и Революция» А. В. Луначарский в своей статье назвал имажинистов—«шарлатанами, желающими морочить публику». Ввиду того, что вышеназванный критик и народный комиссар уже неоднократно бросает в нас подобными голословными фразами, центр. ком. имаж. ордена считает нужным предложить:

1) Наркому Луначарскому—или прекратить эту легкомысленную травлю целой группы поэтов-новаторов, или,

если его фраза не только фраза, а прочное убеждение — выслать нас за пределы сов. России, ибо наше присутствие здесь в качестве шарлатанов и оскорбительно для нас, и не нужно, а, может быть, и вредно для государства.

2) Критику же Луначарскому—публичную дискуссию по имажинизму, где в качестве компетентных судей будут приглашены проф. Шпет, проф. Сакулин и др. представители науки и искусства.

Мастера II. К ордена имажинистов

Есенин.
Мариенгоф.
Шершеневич.

II.

Ответ т. А. В. Луначарского.

Критик Луначарский отвечает поэтам имажинистам, что считает себя в праве высказывать какие угодно суждения о каких угодно поэтах, или группах их, предоставляя таким поэтам, или группам, или критикам и ученым, являющимся их сторонниками, защищать их в печати. Ни в какой публичной дискуссии критик Луначарский участвовать не желает, так как знает, что такую публичную дискуссию господа имажинисты обратят еще в одну неприличную рекламу для своей группы.

Нарком же Луначарский, во-первых, не имеет права высылать не нравящихся ему поэтов за пределы России, а, во-вторых, если бы и имел это право, то не пользовался бы им. Публика сама скоро разберется в той огромной примеси клоунского крика и шарлатанства, которая губит имажинизм, по его мнению, и от которой, вероятно, вскоре отделаются действительно талантливые члены «банды».

Нарком по просвещению А. Луначарский.

III.

Уважаемый товарищ редактор.

По поводу рецензии Дволайцкого на мою работу («Фр. Энгельс. К его характеристике»), помещенной в книге I журнала «Печать и Революция», имею заметить следующее: тов. Дволайцкий совершенно неправ, именуя мою брошюру попыткой дать сжатую биографию и характеристику Энгельса. По справедливому замечанию тов. Серебрякова, в его статье—«Фридрих Энгельс в литературе» («Книга и Революция», № 10—11, стр. 9), автор совершенно верно охарактеризовал свою книжку. Это —не исчерпывающая характеристика, а лишь материал для нее, до сих пор почти вовсе не использованный в русской литературе. Поэтому указание на то, что наша брошюра не представляет собой ни биографии, ни характеристики, — бьет мимо цели, ибо на протяжении 32-х страниц мы не предполагали дать ни того, ни другого.

Тов. Дволайцкий недоумевает, почему в нашей брошюре так много цитат, занимающих столько места в ней. Совершенно естественно, что в материалах для характеристики какого-либо писателя, выписки из его произведений занимают почтенное место. Особенно же это понятно, когда идет речь о мыслителях, подобных Марксу и Энгельсу, основные положения которых систематически искажались и извращались учеными и неучеными критиками и оппортунистами всех стран. Напомним тов. Дволайцкому слова тов. Ленина: «Забывают, оттирают, искажают революционную душу учения, революционную сторону учения, выдвигая на первый план, прославляя то, что приемлемо или окажется приемлемым для буржуазии. Все социал-шовинисты, ныне «марксисты», не шутите...

При таком положении дела, при неслыханной распространенности искажения марксизма, наша задача состоит прежде всего в *восстановлении* истинного учения марксизма и Маркса о государстве. Для этого необходимо приведение целого ряда длинных цитат из собственных сочинений Маркса и Энгельса. Конечно, длинные цитаты сделают изложение тяжеловесным и нисколько не посодействуют его популярности, но обойтись без них совершенно невозможно. Все, или по крайней мере все, решающие места из сочинений Маркса и Энгельса по вопросу о государстве должны быть непременно приведены в возможно более полном виде, чтобы читатель мог составить себе самостоятельное представление о совокупности взглядов основоположников научного социализма и о развитии этих взглядов, а также чтобы искаже-

нию их господствующим ныне «каутскианством» было доказано документально и показано «наглядно». (Ленин, Государство и Революция». Петербург, 1918 г. 7—VIII.)

«Не понявши этого, некий рецензент в грюнберговском «Archiv für Geschichte des Sozialismus» — назвал книгу т. Ленина упражнением в Marxphilologie!

Т. Бухарин напротив подчеркивает «необычайно тщательный подбор цитат из Маркса и Энгельса» в книжке т. Ленина, см. его статью—«Теория пролетарской диктатуры»—в сборнике «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». Москва. 1919, 13 прим. I.

Трудно понять тов. Дволайцкого, когда он пишет, что для так наз. подготовленных читателей сделанные нами выписки, за исключением 3—4-х цитат из переписки тов. Энгельса, не новы. Для подготовленных читателей не могут быть новы в таком случае цитаты из переписки Маркса и Энгельса, потому что она должна быть известна и им, и если согласиться с т. Дволайцким. то возбраняется для подготовленных читателей приводить какие бы то ни было цитаты из печатных произведений, а не из неизданных источников ввиду того, что печатные произведения должны быть им известны.

Нужно, однако, сказать спасибо тов. Дволайцкому за его указания на добросовестность нашей работы. Он не мог указать в ней каких-либо фактических промахов в противоположность автору рецензии на книжку об «Энгельсе» т. Дволайцкого за подписью В. Б. «Петроградск. Правда» 1920 г. № 47, от 29-го февраля. Там указано на неправильное изложение отношения Энгельса к бакунистам в Испании и на неиспользование автором переписки Маркса и Энгельса.

С коммунистическим приветом

В. Быстрянский.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ:

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ И ПЕЧАТНОЕ ДЕЛО.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ: . . . .

ОТ РЕДАКЦИИ.

ЛИТЕРАТУРНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, АВТОРАМ И ЧАСТНЫМ ИЗДАТЕЛЬСТВАМ.

Редакция просит все литературные организации и учреждения, а также частные издательства, сообщать сведения о своих работах, планах и т. п. для помещения в „Литературной Хронике". Представляемые сведения должны быть четко написаны на одной стороне листа.

Редакция обращается, кроме того, к авторам и издательствам с просьбой присылать для отзыва свои издания (вышедшие за время с октября 1917 года).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ.

Редакция просит авторов статей и рецензий представлять рукописи в четко переписанном виде на одной стороне листа.

В заголовках рецензий обязательно до жно быть указано: 1) фамилия автора книги, 2) полное заглавие книги, 3) имя переводчика и язык, с которого книга переведена (если книга переводная), 4) название издательства, 5) город, где книга издана, 6) год изд ния, 7) количество страниц, 8) тираж издания.

Редакция обращает внимание авторов на то, что отсутствие указания на количество страниц про ецензированной кни и (п. 7) лишает ее возможности вычислить причитающийся автору рецензии гонорар.

Непринятые рукописи не возвращаются.

ЛИТЕРАТУРНЫМ РАБОТНИКАМ НА МЕСТАХ.

Редакция журнала „ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ" просит товарищей, работающих в провинции, сообщать редакции сведения о состоянии литературно-издательского дела, для помещения в хронике журнала. Желательна также присылка корреспонденций, посвященных общим вопросам литературы на местах.

ПЕЧАТЬ
и
РЕВОЛЮЦИЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Май—июль.

Статьи и обзоры:

А. Луначарский. Свобода книги и революция. — *Н. Мещеряков.* О работе Государственного Издательства. — *Вяч. Полонский.* Очередная задача Государственного Издательства. — *Н. Бельский.* Русская бумажная промышленность. — *М. Шендерович.* Полиграфическая промышленность и перспективы на 1921 год. — *Вад. Смушков.* Распределение призведений печати. — Проф. *А. А. Сидоров.* Искусство книги. Статья первая — *Н. Семашко.* Задачи медицинского издательства. — Проф. *Д. Анучин.* О необходимости восстановления русских научных журналов. — *П. Новицкий.* Из истории крымской печати в 1919—1920 г.г. — *Н. Мещеряков* Русская печать за границей (обзор). — *В. Кипарисов.* Обзор литературы по ликвидации неграмотности.

Отзывы о книгах:

I. **Социализм и коммунизм**—Ш. Двойлацкого, Е. Преображенского, И. Степанова, Вяч. Полонского. II. **Гражданская война** — Д. Петровского, А. Аросева, Б. Шапошникова, Н. Мещерякова, С. Закса (Гладнева), Мих. Павловича, Е. Варги. III. **Империализм и международная политика** — А. Аросева, Вл. Виленского (Сибирякова), В. Н. Сторожева, Г. Бергмана. IV. **Национальный вопрос** — Вл. Виленского Сибирякова). V. **Профессиональное движение** — А. Чекина, Ф. Сенюшкина. IV. **Народное хозяйство**—В. Милютина, С. Членова, Б. Кушнера, А. Бессера. VII. **История**—Д. Анучина, В. Сторожева, В. Полонского, И. Бороздина, Валерия Брюсова, Т. Козьминой, VIII. **История революции** — И. Степанова, В. Фриче, Книголюба, Б. Горева, Б. Козьмина, М. Ольминского, П. Лепешинского, К. Новицкого. IX. **Право** — Зин. Теттенборн. X. **Социология** — С. Членова. XI. **Народное просвещение** — Вад Смушкова, В. Лебедевой, В. Блока, И. Степанова. XII. **Медицина и народное здравие** — И. Гельмана, В. Сукенникова, А. Перуанского, Р. Фронштейна, В. Островского. XIII. **Науки о природе** — В. Костицына. С. Блажко, Д. Анучина, С. Конобеевского, Н. Андреева. XIV. **Художественная литература** — Валерия Брюсова, Г. Устинова, Сергея Боброва, И. Аксенова, В. Кириллова, В. Волькина, П. С. Когана, В. Фриче, Н Крупской, И. Степанова. XV. **Искусства** — А. Гавричевского, А. Стрелкова, В. Блоха, И. Корницкого, Абрама Эфроса, Б. Виппера, А. Сидорова, Н. Моргунова, Д. Анучина. XVI. **Разные** — Е. Херсонской, Г. Устинова, И. Гельмана.

Некролог: П. Кропоткин *Б. Горева* (с портретом).

Хроника:

I. **На Западе.** Кризис культуры (письмо из Берлина) С. Ратомского. Социалистическая и историко-революционная литература. Художественная литература. Русские книгоиздательства за рубежом. Издатель и писатель.

II. **ПО РОССИИ. В Петербурге:** Дом искусств; Дом литераторов; Союз писателей; Союз поэтов. **В Москве:** Комиссия Ц. К. Р. К. П. по улучшению печатного дела. в Р. С. Ф. С. Р. Литературно-издат. отдел пролеткульта. Лито Наркомпроса. Дом Печати. Собрание сочин. В. Ленина Изучение истории Красной армии. Русское общество друзей книги. Выставка плакатов по санит. просвещению, Конкурсы.

III. **На местах.** Письма из Туркестана, Смоленска и Кустаная.

„КРАСНАЯ НОВЬ“

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ПРИМЕЧАНИЕ

к рецензии В. Блоха на стр. 219 к строке 40 (2 столбец).

Картины Рембрандта, о которых идет речь, находятся в Англии и воспроизведены в одном из последних номеров Buerlington Magazin'a.

